

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
ECONOMICS SCIENCE**

УДК 330

**ВНЕДРЕНЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ - ВАЖНАЯ ЧАСТЬ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АПК**

**INNOVATIVE ACTIVITY IS AN IMPORTANT PART OF SCIENTIFIC-TECHNICAL
ACTIVITY IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX**

*Недвижай С.В., ФГБОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», к.э.н.,
доцент кафедры управления проектами и инновациями.*

*Nedvizhai S.V., The North - Caucasian Federal University, Institute of Economics and
management, associate Professor of the Department of project management and innovations*

e-mail: nedvizhaj@yandex.ru

*Аннотация: Инновационная деятельность является одним из необходимых
компонентов поступательного развития общества и выступает как важнейшая сторона
научно – технического прогресса. Общество регулирует ход инновационного процесса в
целом и по отдельным отраслям путем разработки и проведения в жизнь
соответствующей инновационной политики, целью которой является, прежде всего,
доведение научно-технических разработок до практического использования.*

*Annotation: Innovation activity is one of the essential components of a sustainable
development of society and acts as the most important side of the scientific - technical progress. The
company adjusts the course of the innovation process in General and for individual sectors through
the development and implementation of appropriate innovation policy, the purpose of which is, first
of all, increase of the scientific-technical developments to practical use.*

*Ключевые слова: стратегическое управление, стратегия, инновация,
инновационная деятельность, инвестиции, инновационные проекты.*

*Key words: strategic management, strategy, innovation, investment,
innovation projects.*

Стратегическое управление инновациями является составной частью инновационного менеджмента и решает вопросы управления, планирования и реализации инновационных проектов, имеет дело с процессом предвидения изменений в экономической ситуации фирм, поиском и реализацией крупномасштабных решений, обеспечивающих ее выживание и устойчивое развитие за счет выявленных будущих факторов успеха.

Стратегическое управление инновациями – это значительно более широкое понятие, чем перспективное планирование крупномасштабных новшеств. Оно включает: ситуационный анализ и прогноз влияния всего диапазона производственных и

предпринимательских факторов успеха, в том числе внешних (продукты, рынки, поставщики, патенты и лицензии) и внутренних (новые технологии, финансирование, мощности, сотрудники, технический уровень); потенциал сферы исследований и разработок; систему управления; ее организационные формы; этику и культуру предпринимательства (философия и предпринимательская политика).

Любые стратегические меры, предпринимаемые фирмой, носят инновационный характер, поскольку они так или иначе основаны на нововведениях в его экономическом, производственном или сбытовом потенциалах. Стратегия фирмы предусматривает обеспечение использования научно-технических достижений в области организации, техники и технологии, т.е. комплекса инноваций.

Однако для целей организации управления и планирования инновационных процессов целесообразно их обособленное рассмотрение в рамках специально выделяемой стратегии нововведений.

Роль инновационных стратегий в современных условиях резко повысилась, так как нововведения определяют основные направления развития фирмы.

Стратегия нововведений предполагает объединение целей технической политики капиталовложений и направлена на внедрение новых технологий и видов продукции. Она предусматривает выбор определенных объектов исследований, с помощью которых предприятие стремится содействовать в первую очередь систематическим поискам новых технологических возможностей.

В этом смысле стратегическое управление инновациями ориентируется на достижение будущих результатов непосредственно через инновационный процесс (стадия исследований, ввод нововведений в производственное использование, ввод нового продукта в рыночную среду).

Стратегическое управление инновациями затрагивает как концептуально-предпринимательские, так и организационно-процедурные аспекты стратегического развития фирмы и, следовательно, реализует свою функцию через подсистемы общего и функционального менеджмента. Общий менеджмент определяет генеральную линию стратегического развития. Он включает виды менеджмента:

- нормативный – разработку философии, предпринимательской политики, определенные позиции предприятия в конкретной нише рынка, формулирование общих стратегических намерений;
- стратегический – выработку набора стратегий, их реализацию во времени, фиксирование изменений, переформулирование стратегий, стратегический контроль и контроллинг, управление стратегическими решениями в целом;
- оперативный – разработку и реализацию оперативных (тактических) мер, связанных с практическим осуществлением мероприятий по внедрению стратегий в действие.

В стратегическом управлении инновациями на переднем плане стоят реальные факты и потенциальные возможности, которые предприятие должно учитывать, чтобы обеспечить

себе успешное развитие в будущем. Стратегические инновационные цели формируются в виде деклараций о намерениях, на основе которых определяются предпринимательская концепция, базовые и функциональные стратегии, реализующие эту концепцию, а также разрабатывается система оперативных планов, обеспечивающих реализацию стратегий.

Инновационная деятельность является одним из необходимых компонентов поступательного развития общества и выступает как важнейшая сторона научно – технического прогресса.

Общество регулирует ход инновационного процесса в целом и по отдельным отраслям путем разработки и проведения в жизнь соответствующей инновационной политики, целью которой является, прежде всего, доведение научно-технических разработок до практического использования. Применительно к АПК в инновационном процессе участвуют сельскохозяйственные научные и учебные учреждения, органы управления производством, обслуживающие и внедренческие формирования различных типов и непосредственно сами сельскохозяйственные товаропроизводители.

К научным организациям АПК относятся: научно-исследовательские институты и секторы вузов, научно-учебные комплексы, научно-исследовательские станции, опытные станции, конструкторские и проектные, проектно-технологические организации, опытные поля. В современных условиях появились такие организационные формы, как научно-производственные системы, информационно-консультационные и инновационные центры и др.

Осуществление научно – технического прогресса в сельском хозяйстве базируются на присущих ему экономических и биологических законах. Вследствие этого научно – технический прогресс в аграрном производстве имеет свои особенности, которые вытекают из специфики возделывания, уборки, хранения, транспортировки и переработки сельскохозяйственной продукции.

Ускорение научно – технического прогресса в определенной мере зависит от научно-технического потенциала общества. Он характеризуется комплексной оценкой уровня развития науки и техники, возможностей и ресурсов, которыми располагает общество для решения научно-технических проблем. Основными показателями функционирования научно – технического потенциала являются наличие квалифицированных научно-технических кадров, материально-техническое обеспечение научно-технических и опытно-конструкторских работ, развитие системы научно-технической информации, планирование и управление в науке и технике, финансирование научно-технических исследований.

Более активным направлением развития инновационного процесса в современных условиях является организация внедрения научных достижений в производство. Внедренческая деятельность - важная часть научно-технической деятельности в любой отрасли, а в АПК в особенности. Переход к рыночным отношениям настоятельно требует существенного расширения и укрепления внедренческой сферы, которая должна стать связующей нитью между наукой и производством.

Необходимо осознать, что только путем научно-технического прогресса, активного

проведения четкой инновационной политики, возможно, выйти из затянувшегося аграрного кризиса, стабилизировать ситуацию и начать двигаться вперед. Однако одного осознания недостаточно. Оно должно быть подкреплено комплексом организационных, экономических и социальных условий, которые бы способствовали повышению инновационной активности в АПК:

- заинтересованность сельскохозяйственных товаропроизводителей в получении дополнительного эффекта от внедрения научных разработок;
- ускорение разработок нововведений, отвечающих запросам производства;
- информированность товаропроизводителей всех сфер АПК о научных разработках, рекомендуемых к освоению в производстве;
- научная и организационная подготовленность кадров на всех уровнях инновационного процесса;
- выбор приоритетных направлений при освоении научных достижений в производстве;
- экономическое стимулирование работников инновационной сферы по результатам деятельности.

В то же время опыт стран с интенсивным сельскохозяйственным производством свидетельствует о том, что за научно-технический прогресс в этой отрасли несет ответственность все общество, потребляющее ее продукцию. Сельское хозяйство в силу специфических особенностей и ограниченных организационно-экономических и технических возможностей не может обойтись без помощи. Поэтому государство должно не только иметь собственную инновационную политику, но и непосредственно осуществлять регулирование инновационного процесса в сельском хозяйстве.

В связи с этим необходима система государственных мероприятий по активизации инновационных процессов.

К таким мероприятиям относятся: государственная поддержка научно-инновационной сферы; постепенная переориентация органов управления с административно-управленческих функций на инновационную деятельность; приближение деятельности научных учреждений непосредственно к запросам производства; более активное оказание помощи сельскохозяйственным товаропроизводителям во внедрении достижений науки; развитие специализированной службы АПК для организации многоканальной информации о научных достижениях, рекомендациях к освоению в производстве путем привлечения всех средств массовой информации; организация массовой переподготовки кадров на всех уровнях инновационного процесса; разработка и внедрение системы экономического стимулирования развития инновационного процесса в АПК; реализация целевых государственных, отраслевых, региональных научно-технических программ; дальнейшее совершенствование организационных форм инновационного процесса, распространения интегрированных формирований типа научно-производственных систем, инновационных, инновационно-консультационных центров и т. д.

Только при осуществлении всего комплекса мероприятий на всех уровнях может быть

повышена инновационная активность в АПК, что позволит ускорить выход из кризиса, стабилизировать производственную обстановку и создать условия для нормального развития отрасли.

Инновации в любом из секторов экономики требуют финансовых вложений. Для того, чтобы получить дополнительную прибыль, повысить эффективность деятельности организации, получить социально-экономический эффект, необходимо осуществить финансовые вложения.

Тем не менее, проблема выбора объекта финансовых вложений не ограничивается предельной суммой инвестиций. Исследования показали, что наибольшей эффективностью обладают вложения в инновации, где имеет возможность получать сверхмонопольную прибыль. Высокий потенциал эффективности инноваций обеспечивает спрос на нововведения со стороны, формируя рынок научно-технических организационных, экономических и социальных новшеств.

В качестве источников инвестиций могут выступать ассигнования бюджетов всех уровней, иностранные инвестиции, собственные средства организаций, а также аккумулированные в форме финансового капитала временно свободные средства организаций и учреждений, сбережения населения.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ
LAW SCIENCE

УДК 343

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ УСИЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА КОРЫСТНОЕ УБИЙСТВО

SOCIAL BASES OF STRENGTHENING OF CRIMINAL RESPONSIBILITY
FOR MERCENARY MURDER

Гиреев Ш.Т., старший следователь-криминалист военного следственного управления Следственного комитета РФ по г. Москве, старший лейтенант юстиции

Gireev Sh.T. Senior investigator-criminalist of military investigative directorate of the Russian Investigative Committee, Moscow

e-mail: shamil05@mail.ru

Аннотация: В статье утверждается о недостаточности ссылок на исторические традиции и криминологическую обстановку для обоснования усиления ответственности за корыстное убийство в современном уголовном праве; обосновывается вывод о том, что такое усиление ответственности легитимировано задачами формирования и охраны нравственных ориентиров, включающих человека в разряд наивысших ценностей.

Annotation: the article states about lack of references on historical traditions and criminological situation for justification of strengthen responsibilities for mercenary murder in modern criminal law; it gives the conclusion that the strengthen of responsibility is been legitimized of tasks of forming and protection moral values putting human being in the highest category of values.

Ключевые слова: убийство, корыстный мотив, основания криминализации, нравственные предпосылки уголовно-правового запрета.

Key words: murder, lucrative impulse, criminalization base, moral premises.

Корыстные убийства во все времена признавались преступлениями, обладающими повышенной общественной опасностью. Об этом свидетельствует история развития российского уголовного законодательства, начиная со времен Русской Правды. Учитывая сложившуюся традицию, при принятии Уголовного кодекса РФ 1996 г., отечественный законодатель включил в число обстоятельств, повышающих общественную опасность убийств, корыстный мотив (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Вряд ли в современных условиях существует необходимость вступать в дискуссию о важности исторических оснований криминализации тех и иных «вечных» общественно опасных деяний. Современные нормы об ответственности за убийство и иные подобные преступления в определенном смысле отражают исконные, культурно-исторические

основания уголовно-правовых запретов. Однако это вовсе не означает, что в настоящее время нет необходимости в легитимации соответствующих норм, в обосновании необходимости их существования. История дает ответ на вопрос о видах наказания и их суровости лишь применительно к конкретному времени и не отвечает на вопрос о том, насколько в сегодняшних условиях оправданно усиление ответственности за корыстное убийство. А потому современному законодателю при анализе уголовно-правовых запретов важно учитывать не только исторические предпосылки. Опираясь на традиции в вопросах уголовно-правовой оценки деяний, основной акцент, как представляется, необходимо делать все же на актуальных социальных основаниях криминализации.

Для обоснования усиленной ответственности за корыстное убийство недостаточно и этимологических конструкций. Сам по себе лексический анализ термина «корысть» не подтверждает острой необходимости в повышении санкции за корыстное убийство в действующем уголовном законодательстве. Этимологическое значение корысти видоизменялось с течением времени – от изначального «добыча» в древнерусском языке до «жадно хватать, смотреть с завистью» в более позднее время. С.И. Ожегов определяет это понятие как выгоду, материальную пользу[1]. В словаре В. Даля корысть понимается как страсть к приобретению, к поживе, жадность к деньгам, богатству, любостяжание[2]. В сходных по группе с русским языках (украинский, сербохорватский, словенский, чешский, словацкий, польский) понятие корысти традиционно трактуется в весьма нейтральном значении «добыча», «выгода», «трофеи», «извлекать пользу»[3]. Таким образом, можно заключить, что термин «корысть» не имеет однозначной негативной эмоциональной или социальной окраски и далеко не всегда предполагает негативный контекст.

Итак, для установления причин выделения предписаний о корыстном убийстве в отдельный квалифицированный состав преступлений недостаточно обращения к историко-правовым и лингвистическим методикам познания. В основе усиления ответственности за корыстные убийства лежат иные, более глубокие и значимые факторы (социально-политические, нравственные и т.п.), изучение которых позволяет глубже понять, объяснить и оценить необходимость криминализации корыстного убийства именно на уровне как квалифицированного состава.

Надо заметить, что в литературе сам термин «социальные основания криминализации» не получил однозначной трактовки. Как верно отмечает Т.А. Плаксина, исследования ученых, посвященные социальной обусловленности уголовного закона, включают совершенно различную терминологию[4]. Понимая, что сущностную основу уголовно-правовых норм составляют социальные условия жизни и не вдаваясь в детальный анализ терминологической «полифонии» относительно понимания социальных факторов, учитываемых при установлении уголовной ответственности, будем придерживаться позиции, согласно которой основаниями криминализации признаются социальные причины возникновения или изменения уголовно-правовой нормы[5].

Исследование социальных оснований криминализации корыстного убийства предполагает уяснение, как минимум, вопроса об оценке содержания корысти в контексте той социальной, уголовно-политической и криминальной ситуации, на фоне которой принималось уголовное законодательство 1996 г., а во-вторых, вопроса о том, действительно ли убийство из корыстных побуждений в современных условиях обладает столь высокой степенью общественной опасности, что требует признания его квалифицированным видом преступления. Обратимся к исследованию обозначенных факторов.

В уголовно-правовой и криминологической литературе обычно говорят о необходимости оценки содержательной стороны мотивов и целей в том случае, если они повышают общественную опасность деяния. Их рассматривают и оценивают «сквозь призму субъективных ценностей, приемлемых на том или ином этапе развития общества для

большинства участников социальной коммуникации, т.е. сквозь призму относительно сбалансированных общественных субъектных ценностей»[6].

«В советское время, - пишет Ю.М. Антонян, - когда насаждалась убогость и материальная необеспеченность большей части населения, слово «корысть» стало пользоваться у нас плохой репутацией. В нем усматривали только жадность и накопительство, стремление к наживе и достатку, сведение людских отношений к материальной выгоде, абсолютизацию личного интереса. Наши идеологи исходили из той утопической идеи, что советские люди ... менее всего должны думать об имущественных благах и преследовать личные интересы»[7]. Важно заметить, что подобное понимание и оценка корысти в целом сохраняется и у современных практикующих юристов[8].

Соответствующая аргументация объясняет причины признания корысти отягчающим убийство обстоятельством и в известной мере оправдывает отождествление корысти с иными низменными побуждениями в законодательстве советского периода. Более того, антисоциальное наполнение корыстного мотива долгое время проецировалось специалистами на цель действий преступника (не случайно, в советских уголовных законах корысть при убийстве была закреплена именно как цель действия). А потому в истории советского уголовного права норма об ответственности за корыстное убийство имела не только социальные и идеологические корни, но и соответствовала теоретической концепции поведения, опасность которого оценивалась тем выше, чем менее нравственной и идеологически оправданной была его цель.

В современных условиях ссылки на негативную социально-политическую оценку корысти уже не могут восприниматься как однозначно убедительные. А потому важно выяснить, почему и в современных российских условиях, когда человек признан высшей (почти абсолютной) ценностью (ст. 2 Конституции РФ), убийство из корысти признается более опасным посягательством на жизнь, нежели любое другое посягательство на это высшее благо. Насколько мотив увеличивает опасность и без того самого опасного преступления? Не исключено, что постановка и последовательное решение этого вопроса могут привести к выводу о том, что всякое умышленное посягательство на жизнь, вне зависимости от его мотивов, должно оцениваться по одной и той же статье (части статьи) уголовного закона. Опыт именно такой оценки существует в некоторых зарубежных странах (например, Швеции, Дании, Японии др.) Соответствующее предложение высказывалось и в России 90-х годов на этапе разработки уголовного законодательства[9], хотя оно не было реализовано тогда, да и сегодня, согласно нашему исследованию, не поддерживается 94% опрошенных практикующих юристов.

Резкие изменения в политической, социальной, экономической, правовой и духовно-нравственной жизни страны в конце XX столетия потребовали нового, адекватного времени и соответствующего системе конституционно-установленных ценностей российского общества уголовного законодательства. Разработка, обсуждение и принятие УК РФ 1996 г. с учетом конституционно-правовых (идеологических) ориентиров осуществлялась на фоне весьма сложной криминальной обстановки в стране. Эскалация насилия, увеличение числа совершаемых убийств, в том числе сопряженных с иными преступлениями, рост корыстной мотивации при совершении насильственных преступлений, увеличение числа убийств по найму – вот те тенденции и показатели насильственной преступности, которые нашли отражение в официальной статистике, в научной литературе и характеризовали российское общество 90-х годов прошедшего столетия[10]. Специалисты со ссылками на судебную практику указывали, что в стране отмечается рост так называемых «квартирных убийств», ранее не характерных в таких масштабах, убийств с целью удержания или получения ценностей, распределение которых законом не регулируется (например, при дележе похищенного имущества), убийств по найму и т.п.[11]

С учетом этих неблагоприятных показателей, тормозящих развитие общества и угрожающих безопасности государства, особое значение приобрела потребность в надлежащей правовой защите жизни человека от преступных посягательств, в том числе от тех, в основе которых лежат корыстные побуждения.

Бесспорно, причин отмеченного ухудшения количественно-качественных характеристик преступности множество, начиная от резкого и глубокого имущественного расслоения и заканчивая общей направленностью лиц с социально одобряемым поведением на увеличение объемов прибыли и дохода любой ценой [12]. Очевидно, что все эти причины объективно способствовали сохранению и утверждению идеи признания корысти обстоятельством, усиливающим ответственность за убийство.

Не углубляясь в их детальный анализ, позволим себе в рамках настоящей публикации акцентировать внимание лишь на одной из множества проблем, связанных с оценкой корыстного содержания убийства, а именно на нравственном значении уголовно-правовой нормы о корыстном убийстве.

Проблема нравственного значения норм уголовного права нуждается сегодня в особой оценке (вероятно даже в большей степени, чем правовых норм иной отраслевой принадлежности), поскольку уголовно-правовые средства обладают наибольшим воздействием на общественные отношения. Именно поэтому нормы уголовного права, как отмечает С.В. Тасаков, «нуждаются в соответствии нормам нравственности»; от того, насколько они подкрепляются моралью и отношением к ним общества во многом зависит эффективность таких норм [13].

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что право и мораль обладают взаимным влиянием, имеют двустороннюю связь. Формируя уголовно-правовой запрет, как указывает Ю.Е. Пудовочкин, правящая элита, с одной стороны, учитывает мнение большинства населения и тем самым в некоторой степени подчиняет себя его нравственным императивам, отражая их в Кодексе; а с другой стороны, транслируя собственные этические представления в законе, силой этого закона распространяет и внедряет «свою мораль» в «большое» общество. В итоге, уголовно-правовой запрет может рассматриваться одновременно и как обусловленный моралью, и как в некотором роде формирующий её (особенно принимая во внимание, что и право, и мораль входят в общую систему социальных регуляторов)[14]. Иными словами, уголовно-правовая норма, основанная на нравственности, при этом выполняет и нравственно-ориентирующую, нравственно-формирующую функции.

Сказанное представляется важным для понимания природы действующей сегодня нормы о корыстном убийстве. С этих позиций можно поставить вопрос не только о потребности общества в повышенной защите нравственности («убийства из корысти аморальны по своей природе и разлагают общество»), но и о желании власти обеспечить защиту жизни путем формирования определенных нравственных представлений, выраженных в законе и преломленных сквозь призму отдельных уголовно-правовых запретов.

Рост объемов и интенсивности криминальных угроз в России конца прошлого столетия, вкупе с другими факторами, привели к падению ценности человеческой жизни в общественном сознании и «окорыстливанию» человеческих отношений. Эти процессы негативно повлияли на состояние нравственности российского социума, деформировали социально-психологическую материю общества. К сожалению, и сегодня остановить их не удалось. По данным НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в системе ценностных ориентаций современных российских жителей значение человеческой жизни значительно меньше, чем ценности успеха, денег, ценности, комфорта и иных благ. А для отдельной части населения (13,3%) человеческая жизнь и вовсе не представляет какой-либо ценности[15]. В подобных условиях проблема уголовно-правовой защиты (и, как ни странно, формирования!) нравственности приобретает особое значение.

Определив охрану нравственности одним из приоритетов государственной политики, Российская Федерация осуществляет ее в различных формах, в том числе и с помощью установления уголовно-правовых запретов. «Нравственная значимость правовых норм, – как указывал А.А. Тер-Акопов, – заключается в том, что они отражают и закрепляют общепринятые и необходимые для существования общества правила поведения, выражают представление общества о том, какими должны быть общественные отношения»[16]. Включение законодателем в текст Уголовного закона нормы об ответственности за корыстное убийство, как представляется, было ориентировано среди прочего на подтверждение конституционно-установленной идеи высшей ценности человека. Как верно заметил в свое время И.И. Карпец, при создании уголовно-правовой нормы «нравственный законодатель не учитывать этого не имеет права»[17]. Таким образом, норма об ответственности за корыстное убийство имеет перед собой вполне ощутимый и явный нравственный ориентир. Усиление ответственности за корыстное убийство было призвано поднять и закрепить в общественном сознании ценность человеческой жизни в сравнении с материальными ценностями в эпоху кардинальной «ломки» отношений в середине 90-х гг. XX столетия. В контексте сказанного слова о том, что корысть – побуждение низменное и «связывается только с отрицательными в моральном отношении поступками»[18] приобретают уже иное, базирующееся на нравственных и социальных предпосылках криминализации наполнение.

Резюмируя сказанное можно заключить, что в основе установления повышенной уголовной ответственности за совершение корыстных убийств лежат не только культурно-исторические и криминологические, но и, прежде всего, нравственные предпосылки криминализации.

Литература

1. См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1953. С. 262.
2. См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1955. С. 437.
3. См., подробнее: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2: (Е – Муж) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М., 2008. С. 343.
4. См.: Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их выражение в юридических признаках состава преступления. Барнаул, 2006. С. 12.
5. См., подробнее: Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. М., 1982.
6. См.: Плаксина Т.А. Указ. соч. С. 277.
7. См.: Антонян Ю.М. Психология убийства. М., 1997. С. 260.
8. Проведенный в ходе исследования опрос 116 правоприменителей показал, что большинство (88%) респондентов воспринимает корысть в негативном контексте, полагая, что она справедливо включена законодателем в текст уголовно-правовой нормы об убийстве в качестве квалифицирующего признака.
9. См., подробнее: Тер-Акопов А.А. Защита личности – принцип уголовного закона // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. М., 1994. С. 53 – 54.
10. См., например: Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировой криминологический анализ. М., 1997. С. 199 – 200; Насильственная преступность / под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М., 1997. С. 21; Абельцев С. Мотивация особо тяжких преступлений против личности // Российская юстиция. 1998. №11. С. 30; Побегайло Э.Ф. Проблемы уголовной политики в сфере обеспечения безопасности граждан (законотворческий аспект) //

Уголовное право. 2001. №1. С. 35; Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 2006. С. 400 и др.

11. См., например: Капинус О.С. Убийства: мотивы и цели. М., 2004. С. 92; Локк Р.В. Заказные убийства (криминологический анализ). М., 2003. С. 25 – 27; Нафиев С.Х. Корыстное убийство: понятие, виды, квалификация. (Уголовно-правовые и криминологические аспекты). Казань, 1999. С. 18 –19; Слинько М.И. Заказные убийства. Криминологический анализ. М., 1997. С. 3 – 8 и др.

12. См., подробнее: Отношение российского общества к нравственным и этическим принципам трудовой и предпринимательской деятельности. Краткий отчет исследования. С. 6 – 7. Режим доступа: http://www.portal-31.ru/attachments/230_otnoshenie_russia.PDF

13. Тасаков С.В. Нравственные основы норм уголовного права о преступлениях против личности. СПб., 2008. С. 35 – 36.

14. См., подробнее: Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права. М., 2012. С. 153.

15. См., подробнее: Богданова Л.Н. К вопросу о ценности человеческой жизни (по результатам исследования толерантности населения) // Уголовное право и современность. Сборник статей. Вып. 4. Т. 1. / Отв. ред. А.Э. Жалинский. М., 2012. С. 233.

16. Христианское учение о преступлении и наказании / Науч. ред. К.В. Харабет, А.А. Толкаченко. М., 2009. С. 26.

17. См.: Карпец И.И. Уголовное право и этика. М., 1985. С. 225.

18. См.: Наумов А.В. Мотивы убийств. Волгоград, 1968. С. 27.

УДК 343

**О НЕКОТОРЫХ МАКРОСОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРАХ ВИКТИМИЗАЦИИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СФЕРЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ ИХ В СОВЕРШЕНИЕ
АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**

**SOME MACROSOCIAL FACTORS FOR MINORS VICTIMIZATION IN THEIR
INVOLVEMENT IN ANTISOCIAL ACTIONS**

*Шевченко Г.В., Судья Ессентуктского городского суда Ставропольского края,
соискатель Российской академии правосудия.*

*Shevchenko G.V., The judge of Esentuki city court, Stavropol territory, applicant of
Russian academy of justice.*

e-mail: essentuksky.stv@sudrf.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию вопроса о содержании, механизме взаимодействия макросоциальных факторов виктимизации несовершеннолетних в сфере вовлечения в совершение антиобщественных действий и их влиянии на содержание непосредственных причин виктимизации на индивидуальном уровне.

Annotation: the article deals with the point about content, mechanism of macrosocial factors' interaction in minors' involvement in antisocial actions and their impact on content of the direct causes of victimization at the individual level.

Ключевые слова: виктимизация несовершеннолетних; уровни детерминации; макросоциальные факторы девиантности; причинный комплекс подростковой девиантности

Key words: minors' victimization, levels of determitation, macrosocial factors of deviation, complex of reasons on adolescent deviance.

Исследование детерминации виктимного поведения имеет особую значимость, поскольку помогает глубже осмыслить закономерности виктимизации и генезис вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий. Анализ факторов виктимности позволяет не только определить предпосылки виктимного поведения, но и выработать научно-обоснованные рекомендации по его предупреждению. В качестве методологической предпосылки исследования факторов виктимизации несовершеннолетних в сфере вовлечения в совершение антиобщественных действий считаем необходимым обозначить следующие положения. Во-первых, детерминация не тождественна процессу причинения. Выражая связь основания и производного, причины и следствия, условий и обусловленного, она состоит из таких компонентов, как причины, условия и коррелянты. Во-вторых, одни и те же по содержанию детерминанты могут объяснять совершенно различные виды девиантного поведения, как виктимного, так и преступного. Установление единой детерминационной основы виктимизации, преступности и девиантности имеет особое значение, поскольку, во-первых, позволяет составить целостное представление о факторах события с позиции его участников – вовлекателя и вовлекаемого; а во-вторых, позволяет

оценивать виктимизацию несовершеннолетних как часть феномена девиантности, ибо итогом виктимизации подростков является их антиобщественное (девиантное) поведение. В-третьих, детерминанты виктимизации подростков следует оценивать как динамическую систему, не имеющую постоянной иерархии. «Неоднозначность и нелинейность причинно-следственных связей в общественных явлениях приводит, во-первых, к тому, что одно следствие может быть порождением различных причин, а одна причина порождать различные следствия; во-вторых, допускает в зависимости от ситуации «подмену» причин условиями и наоборот, в-третьих, предполагает, что любые противоречия общественного развития опосредуются сознанием человека» [7].

Многоуровневая система детерминации исключает возможность однозначного отнесения того или иного фактора к причинам либо условиям виктимизации несовершеннолетних. Если на индивидуальном уровне психологические факторы (мотивация, ценностные установки, акцентуации) являются причинами виктимизации, а социальные факторы – условиями, то на массовом уровне психологические факторы сводятся к более общим социальным параметрам, а споры относительно того, является ли определенное явление причиной или условием виктимизации, теряют практический смысл. В этой связи представляется оправданным использование термина «фактор виктимизации» безотносительно его детерминационной значимости в механизме вовлечения в совершение антиобщественных действий.

Системный характер исследования обуславливает анализ факторов виктимизации несовершеннолетних на макро- и микроуровнях:

- 1) макроуровень предполагает оценку виктимизации как результата взаимодействия социальных, экономических, политических и духовных процессов;
- 2) на микроуровне устанавливаются конкретные обстоятельства, обуславливающие мотивацию несовершеннолетнего при его вовлечении в совершение антиобщественных действий.

Настоящая публикация будет посвящена исследованию некоторых, как представляется, наиболее значимых, макросоциальных факторов виктимизации несовершеннолетних в сфере вовлечения их в совершение антиобщественных действий.

На макроуровне «неспособность» несовершеннолетних противостоять вовлечению в совершение антиобщественных действий объясняется наличием в обществе существенных социальных деформаций. В.А. Номоконов выделяет три фактора, составляющих социальную базу правомерного поведения: свободу, справедливость и гуманизм. «Если исходить из трех названных критериев гармоничности общества, - подчеркивает автор, - то социальные деформации, служащие источником девиантного поведения, целесообразно классифицировать на следующие три основные группы: «ограничения свободы», «социальная несправедливость», «дегуманизация» (отчуждение)» [6].

Традиционно в числе детерминант девиантности как массового явления выделяются противоречия в экономической, социальной, идеологической и культурной сферах. На вопрос: «Какие факторы макросреды определяющим образом влияют на виктимизацию несовершеннолетних в сфере вовлечения их в совершение антиобщественных действий?», ответы сотрудников органов и учреждений системы профилактики правонарушений несовершеннолетних (было опрошено 135 человек) распределились следующим образом: экономические факторы (безработица, низкий материальный уровень) – 44%; социальные процессы (стратификация общества) – 26%; идеологические и культурные факторы (недостатки системы образования и воспитания, идеологический кризис и др.) – 30%. Результаты опроса выражают устоявшееся в обществе мнение, что экономика обуславливает структуру современного общества, определяет политические, социальные и социально-психологические процессы, включая виктимизацию и криминализацию подростков.

В числе негативных экономических процессов следует отметить: общий спад

промышленности и сельского хозяйства, стремление к сверхприбылям за счет спекулятивных операций и установления монополии, попадание экономики в зависимость от иностранного капитала, деформация распределительной системы, рост безработицы и как ее следствие – низкий материальный уровень и трудовая незанятость подростков.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики РФ, показатели бедности в стране неуклонно идут на убыль. Численность и удельный вес населения с доходами ниже величины прожиточного минимума сократились более чем в два раза. Вместе с тем, все еще каждый восьмой житель страны может быть отнесен к категории бедных. При этом крайне важно, что показатели бедности, рассчитанные с учетом признака наличия и количества детей в семье свидетельствуют о более высокой доли бедных среди семей с детьми и об увеличении риска быть бедным при увеличении числа детей (см. таблицу 1).

Таблица 1. Распределение малоимущих домашних хозяйств по наличию детей (в процентах)

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Домашние хозяйства без детей	46,7	47,4	49,3	50,0	51,2	50,7	47,7	45,4	42,5
Домашние хозяйства, имеющие детей в возрасте до 16 лет	53,3	52,6	50,7	50,0	48,8	49,8	52,3	54,6	57,5
в том числе:									
1 ребенка	34,2	33,5	32,4	31,2	29,9	29,6	30,2	30,3	31,2
2 детей	15,7	15,8	15,0	15,2	15,2	15,7	17,3	18,6	20,3
3 и более детей	3,3	3,2	3,2	3,6	3,7	4,0	4,9	5,7	6,0

Показательно, что опрос сотрудников правоохранительных органов позволил установить обратную зависимость между долей несовершеннолетних, вовлеченных в совершение антиобщественных действий, и уровнем материального благосостояния семьи. На вопрос: «Каков достаток семей подростков, вовлеченных в совершение антиобщественных действий?» респонденты ответили: высокий достаток – 2%; достаток выше среднего – 11%; средний доход – 29%; доход ниже среднего – 58%.

Особым криминогенно-виктимигенным потенциалом обладает безработица. По официальным данным уровень экономической активности населения в последнее десятилетие не превышает 70% лиц трудоспособного возраста, а количество безработных варьируется в пределах от 5 до 7 млн. человек. Средний возраст безработных – 34,6 лет. При этом лица в возрасте до 20 лет составляют в среднем от 6 до 10% безработных.

Статус безработного практически исключает подростка из сферы положительного воздействия государственных и социальных институтов. Социальная невостребованность обуславливает досуговую активность, являющуюся мощным фактором виктимизации и криминализации. Не случайно показатели распространенности преступности среди неработающих несовершеннолетних в двадцать с лишним раз выше, чем среди учащихся или работающих подростков [2;3].

Экономические факторы влияют на криминогенно-виктимогенный потенциал несовершеннолетних двояко. С одной стороны, недостаток материальных средств существенно ограничивает возможности подростка в удовлетворении своих творческих потребностей и в получении качественного образования. Пропаганда богатого образа жизни при невозможности значительной части взрослого населения материально обеспечить должный уровень потребления приводит к тому, что значительная часть детей занимается временным неквалифицированным и социально незащищенным трудом, а вторая значительная часть формирует группу беспризорных. С другой стороны, экономические

проблемы воздействуют на сознание подростка, формируя чувство тревоги, фрустрации и неуверенности в будущем.

Результаты мониторинга, проведенного Росстатом в III квартале 2012 г., свидетельствуют о снижении уровня потребительской уверенности населения. Индекс потребительской уверенности, отражающий совокупные потребительские ожидания населения, в III квартале 2012 г. по сравнению со II кварталом 2012г. снизился на 2 процентных пункта и составил (-6%). Положительных изменений в экономике страны в течение следующих 12 месяцев ожидают 20% опрошенных (во II квартале 2012 г. - 25%). Доля респондентов, отрицательно оценивающих ожидаемые изменения в экономической ситуации, возросла до 22% (во II квартале 2012 г. - 17%). Доля респондентов, положительно оценивающих произошедшие изменения в экономической ситуации, не изменилась по сравнению со II кварталом 2012 г. и составила 21%, доля отрицательных оценок увеличилась до 25% (против 21% во II квартале 2012 г.).

Такой, хотя и сдержанный, но все же пессимизм в части оценок перспектив развития экономики страны имеет прямое отражение в психологическом настрое населения. Предполагаемая экономическая и социальная неустроенность, опасность ухудшения ситуации и собственного статуса являются одними из главных причин стресса. Среди лиц, имеющих низкие доходы, в полтора-два раза чаще, чем в высокодоходной группе, проявляется состояние острой психологической тревоги по поводу неясной перспективы существования, чувство одиночества и беспокойства. Массовая фрустрация порождает социальную аномию. Она выражается в противоречивости сознания и поведения. Проявлением такой амбивалентности у несовершеннолетних является апатия, неуверенность и девиантное поведение (употребление психоактивных веществ, занятие попрошайничеством, бродяжничеством, проституцией и порнографией).

Процессы, происходящие в экономике, способствуют углублению социального неравенства. Полярное расслоение общества нарастает: коэффициент дифференциации доходов населения поднялся с 13,5 в 1995 году до 13,9 в 2000 и, продолжая расти, составил в 2011 году 16,1. Как итог: увеличился численный состав «аутсайдеров» (характеризуются низкой социальной активностью и невысоким уровнем доходов) и маргиналов (отличаются низкой степенью социальной адаптации, низкими доходами и неустойчивостью социально-экономического положения), усилилась социальная депривация несовершеннолетних.

Негативное влияние на виктимизацию несовершеннолетних оказывают идеологические и культурные факторы: отказ от ценностей и стереотипов советского общества без замены их на альтернативную идеологию, отсутствие официальных молодежных движений, составляющих «конкуренцию» неформальным подростковым группам; десоциализирующее влияние массовой культуры на личность несовершеннолетнего; неупорядоченность и одновременность процессов клерикализации и секуляризации общественной жизни; политико-идеологический плюрализм, не подкрепленный историческими и культурными предпосылками, и др.

Идеологический и культурный кризис отражается на виктимизации несовершеннолетних в различных направлениях.

Во-первых, состояние идеологической дезориентации влечет «аморализм воспитания». Современная система образования навязывает несовершеннолетним деидеологизированный либеральный стандарт, сущность которого заключается в приоритете материальных интересов над нравственными ценностями. Как справедливо отмечают Д.Г. Левчук и О.М. Потаповская, «традиционные основы воспитания и образования подменяются «более современными», западными: христианские добродетели – общечеловеческими ценностями гуманизма; педагогика уважения старших и совместного труда – развитием творческой эгоистической личности; целомудрие, воздержание, самоограничение – вседозволенностью и удовлетворением своих потребностей; любовь и самопожертвование –

западной психологией самоутверждения» [4]. Социальная аномия вызывает дефицит ценностных ориентаций семейного воспитания. Безнравственность родителей проявляется в жестоком обращении, аддиктивном поведении, половой распущенности и воспринимается несовершеннолетними в качестве социально приемлемой модели поведения. Как итог, «наследуются» асоциальные нормы и установки, приводящие к виктимизации и криминализации подростков.

Во-вторых, разрушение уклада традиционной семьи нивелирует авторитет материнской и отцовской власти. Заполнение идеологического вакуума прозападной моделью индивидуализма и гуманизма обуславливает проникновение в семью контрактных отношений между родителями и детьми. «Ребенок получает значительно больше свободы действий в рамках прежде доминировавших структур социализации. В поле договорных отношений у родителей исчезает авторитет, необходимый для утверждения в сознании ребенка определенного минимума аксиоматических культурных норм, а сам ребенок приобретает возможность прагматичного использования своих возрастных слабостей при торге с родителями за определение своего квазивзрослого статуса. Эти тенденции, а также установка на неотвратимость улучшения качества жизни придают процессу социализации протокриминальные очертания и создают повышенные риски девиантности подростков» [5].

В-третьих, индикатором и одновременно важным механизмом культурно-нравственной девальвации являются средства массовой информации. Криминальная тематика развлекательных программ, художественных и документальных фильмов, культ материализма через описание «красивой жизни» социальной элиты, неумное половое просвещение, сексуальная и нравственная вседозволенность способствуют формированию асоциальной установки подростков, особо восприимчивых к пропаганде. Виктимогенно-криминогенный потенциал неумелого полового и нравственного «просвещения» выражается в том, что масс-медиа ломают основной защитный механизм, стержень психического здоровья несовершеннолетних - стыд. Когда СМИ навязывают несовершеннолетним установки свободного, альтернативного и безопасного секса, идеалы потребительства и индивидуализма, то происходит срыв, невроз. Это влечет за собой потерю смысла жизни, наркотизацию, проституцию и иные формы асоциального поведения. Анализ литературы, посвященной массовой культуре, позволил А.В. Баженову выделить следующие приоритеты СМИ: коммерческий успех и популярность любой ценой; эксплуатация инстинктов и суеверий (насилие, секс, мистика); культ гедонизма и потребительства, дегуманизация, аморальность, принижение традиционных человеческих ценностей, шокирование и провоцирование аудитории [1].

В-четвертых, общее падение культуры отражается на уровне правосознания. Не только у потерпевших и преступников, но и у населения в целом отсутствует представление об общественной опасности вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий, что приводит к терпимости общества и правоохранительных органов к этим явлениям.

В-пятых, проблемы социальной адаптации несовершеннолетних объясняются отсутствием массового молодежного движения. Опрос лиц, вовлеченных в совершение антиобщественных действий, показал, что только 2% респондента имеют общее представление об официальных молодежных организациях; 79% считают, что их не существуют; 19% затруднились ответить. Вакуум, который образовался вследствие ликвидации пионерской и комсомольской организаций, стал заполняться стихийными молодежными движениями, причем зачастую асоциальной направленности.

О нравственных деформациях несовершеннолетних свидетельствуют результаты экспертных оценок. На вопрос: «Как Вы можете охарактеризовать уровень культуры и нравственности несовершеннолетних, вовлекаемых в антиобщественную деятельность?» ответы сотрудников правоохранительных органов распределились следующим образом:

низкий – 71%; средний – 15%; выше среднего – 3%; высокий – 0%; затрудняюсь ответить – 11%.

Аналогичный результат был получен при анализе ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете уровень культуры несовершеннолетних в целом?»: низкий – 63%; средний – 27%; выше среднего – 5%; высокий – 1%; затрудняюсь ответить – 4%.

В целом, можно выделить непосредственное и опосредованное воздействие идеологических факторов на виктимизацию несовершеннолетних. С одной стороны, идеология, выполняя мировоззренческую и регулятивную функции, напрямую участвует в формировании социальной установки и ценностных ориентаций несовершеннолетнего через образование и СМИ. С другой, она влияет на морально-этическое содержание субъектов социализации: семьи, школы, микроокружения.

Изложенные макросоциальные факторы, естественно, не исчерпывают всего многообразия обстоятельств, способных продуцировать девиантное поведение подростков. Но они, на наш взгляд, обладают наиболее мощным производящим эффектом. Их исследование, а также анализ воздействия макросоциальных факторов на иные уровни системы детерминации девиантности показывает, что механизм виктимизации несовершеннолетнего в сфере вовлечения в совершение антиобщественных действий представляет собой весьма сложную систему: деформация экономических, социальных и культурных условий на макроуровне → деформация микросреды (семья, школа, производство, досуг) → нездоровый микроклимат → деформация ценностных ориентаций и установок несовершеннолетних → мотивация к совершению антиобщественных действий. На макросоциальном уровне виктимизация несовершеннолетних обусловлена низким материальным уровнем населения на фоне пропаганды богатого образа жизни, девальвацией семейных и религиозных ценностей на фоне утверждения культа потребительства, индивидуализма и гедонизма. Эти и некоторые иные негативные макропроцессы вызывают разрыв традиционных связей на микроуровне, что проявляется в падении авторитета родителей и педагогов, повышении значимости общения в неформальных асоциальных группах. Как следствие, дефекты социализации на микроуровне обуславливают развитие таких нравственно-психологических и поведенческих качеств несовершеннолетних, как конформность, автономность в сфере досуга, преобладание гедонических и потребительских установок, неразвитость нравственного сознания, инфантильность и др. В своей совокупности они образуют психологическую основу виктимности и являются уже непосредственной причиной вовлечения в совершение антиобщественных действий.

Литература

1. *Баженов А.В.* Социально-психологические детерминанты формирования личности несовершеннолетнего преступника (криминологический аспект). Диссертация... канд. юрид. наук. СПб, 1999.
2. *Долгова А.И.* Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М., 1981.
3. *Лаушкин А.С.* Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, не работающих и не учащихся несовершеннолетних. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
4. *Левчук Д.Г., Потаповская О.М.* Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи России: комплексное решение проблемы. М., 2008.
5. *Михайлов А.П.* Ювенальная делинквентность в условиях социальной трансмиссии. Автореферат дис... д-ра соц. наук. Ростов-на-Дону, 2006.
6. *Номоконов В.А.* Преступное поведение: механизм детерминации, причины, ответственность. Диссертация ... д-ра юрид. наук. М., 1991.

7. *Побегайло А.Э.* Семейное неблагополучие в системе детерминации преступного поведения несовершеннолетних. Диссертация ... канд. юрид. наук. М., 2006.
8. *Шкапин Л.А.* Криминологическая характеристика и предупреждение преступности работающих несовершеннолетних. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

УДК 343

**ПОСРЕДНИЧЕСТВО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В
УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ XX СТОЛЕТИЯ**

MEDIATION IN PERPETRATION IN RUSSIAN CRIMINAL LAW OF XX CENTURY

*Сунгатуллин А.Ю., судья Октябрьского районного суда г. Уфы Республики
Башкортостан, соискатель Российской академии правосудия*

*Sungatullin A.U., Judge of local court of Octyabrskiy district, Ufa, Republic of
Bashkortostan, Applicant of Russian academy of justice*

e-mail: adel005@rambler.ru

*Аннотация: в статье рассмотрены особенности совершения преступления в
уголовном праве России XX столетия*

*Abstract: This article describes the features of the crime in the criminal law of Russia XX
century*

Ключевые слова: уголовное право, посредничество, преступление

Keywords: criminal law, mediation, crime

Уголовное уложение, утвержденное 22 марта 1903 г[1], пришло на смену Уложению о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г. И хотя Уголовное уложение было введено в действие не в полном объеме (всего лишь нормы Общей и некоторые главы Особой частей), оно, при сравнении со своими предшественниками, характеризовалось более высоким уровнем теоретической и нормативной разработанности, а в правоприменительном плане за счет более четкого определения признаков как отдельных институтов, так и признаков конкретных составов преступлений, отличалось удобством и простотой.

Указанные обстоятельства в полной мере коснулись института соучастия, в рамках и посредством которого преимущественно и описывались действия, составляющие посредничество в совершении преступлений. Так, согласно ст. 51 отд. V «О видах виновности» главы I «О преступных деяниях и наказаниях вообще» Уголовного уложения: «В преступном деянии, учиненном несколькими лицами, согласившимися на его совершение или действовавшими заведомо сообща, соучастниками признаются те, которые: 1) непосредственно учинили преступное деяние или участвовали в его выполнении; 2) подстрекнули другого к соучастию в преступном деянии; 3) были пособниками, достававшими средства, или устранявшими препятствия, или оказавшими помощь учинению преступного деяния советом, указанием или обещанием не препятствовать его учинению или скрыть оное».

В отличие от предшествовавших уголовных законов, рассматриваемый документ не предусматривал в своих нормах понятия прикосновенности к преступлению. Напротив, такой признак попустительства как «непрепятствование совершению преступления», согласно положениям Уголовного уложения, относился к альтернативным действиям пособника. В то же время в Уголовном уложении при раскрытии понятия пособника

законодатель, подобно предыдущим памятникам права, не предусмотрел конкретных посреднических действий.

Обязательным условием соучастия являлась взаимная осведомленность соучастников. Однако к отличительным особенностям Уголовного уложения следует отнести решение вопроса об уголовной ответственности лиц, совместно совершающих преступление. В соответствии с ч. 3 ст. 51, из всех соучастников преступления наказанию подлежал только непосредственно учинивший его или участвовавший в его совершении, «подстрекатель же и пособник подлежат наказанию только в случаях, особо законом указанных». Названное обстоятельство распространялось и на ответственность за посредничество в преступлении, нормы о котором, по сравнению с Уложением 1845 г., в рассматриваемом законе были не так распространены, однако обладали определенной преимуществом.

Первые нормы об ответственности за посредничество в преступлении по Уголовному уложению мы встречаем в главе XII «О преступных деяниях против прав семейственных». Как и в более ранних законах, уголовной ответственности за содействие в заключении неправомерного брака, подлежали духовные лица и свидетели, присутствующие при этом (ст. 413). Вместе с тем, согласно указанной норме, круг посредников в заключении неправомерного брака законодателем был расширен. Помимо обозначенных лиц, ответственности за содействие заключению противоправного брака также подлежал служащий, виновный в учинении метрической записи, удостоверявшей заведомо незаконный брак. Следует также отметить, что законодатель в ст. 413 отказался от дифференциации ответственности духовных лиц христианкой религии и других вероисповеданий и от такого вида наказания как церковное покаяние, предусмотрев в качестве санкции статьи заключение в исправительном доме или в тюрьме.

Сохранилась в Уголовном уложении и ответственность секундантов в поединке и иных лиц, содействовавших ему. Однако, наказуемость указанной категории лиц ограничивалась исключительно случаями, когда они заведомо допустили поединок с условием биться на смерть, и на таком поединке были причинены весьма тяжкие телесные повреждения или смерть (ст. 483). Обосновывая такую позицию законодателя, Н.С. Таганцев отмечал: «Устранение ответственности секундантов при таком жестоком условии дуэли, как биться на смерть, было бы равносильно поощрению их безразличного отношения к деянию, признаваемого столь преступным, и не побуждало бы их принимать меры к отклонению такого условия»[2]. Если же поединок предполагался с условием биться на смерть, но окончился легким ранением, то условие считалось не выполненным, а значить отсутствовала и ответственность для посредников дуэли. Действия лиц, передавших вызов, по Уголовному уложению были не наказуемы (ч. 2 ст. 487).

Нашли свое закрепление в Уголовном уложении и нормы о противодействии сводничеству, под которым понималось содействие любодеянию. При этом ответственность за такое деяние предусматривалась и в случаях, когда лица, непосредственно участвовавшие в любодеянии, не подвергались наказанию.

По рассматриваемому закону сводничество было наказуемо в двух случаях: 1) при сводничестве несовершеннолетней и 2) при сводничестве своей жены дочери, а также и иных лиц, находящихся от виновного в зависимом положении (ч. 1 и 2 ст. 524 главы XXVII «О непотребстве»). Причем потерпевшими в первом случае выступали лица женского пола от четырнадцати до шестнадцати лет, если при этом виновный не воспользовался невинностью жертвы (иначе такие деяния квалифицировались как изнасилование), и девушки от шестнадцати до двадцати одного года, заведомо для виновного девственные. Отягчающим вину обстоятельством было обращение такого деяния сводником в ремесло (ч. 3 ст. 524).

Как отмечал Н.С. Таганцев, «сводничество могло заключаться или в склонении кого-либо к любодеянию ухищрениями, уговорами и т.п., или в простом доставлении лица для любодеяния, или в приискании необходимого для того места, подходящего условия, одним

словом – в разнообразном оказании помощи и содействия, но, во всяком случае, внешняя сторона сводничества должна была иметь положительный характер»[3], то есть выражаться в совершении активных действий, а не в простом попустительстве.

Преступление считалось оконченным при совершении любых своднических действий, независимо от того, последовало ли за сводничеством любодеяние. Как и прежде, субъективная сторона сводничества ограничивалась умышленной формой вины без необходимости установления корыстной цели или иных побуждений виновного. Само же участие в любодеянии было не наказуемо, если оно не совершалось в отношении несовершеннолетней или в отношении лиц, находящихся в определенной степени родства.

Новеллой для Уголовного уложения выступала норма, предусматривавшая ответственность за организацию проституции. Так, в соответствии со ст. 527, подлежало наказанию лицо, виновное: «1) в извлечении себе, в виде промысла, имущественной выгоды получением оной от промысляющей непотребством женщины, находящейся под его влиянием или в его зависимости, или пользуясь беспомощным ее положением; 2) в вербовании, в виде промысла, с целью получения выгоды, лиц женского пола для обращения ими непотребства в промысел в притонах разврата». Причем субъектом данного преступления могло выступать только лицо мужского пола.

В анализируемой норме законодатель ведет речь о сводничестве как профессии (в виде промысла), сущность которого заключается в целенаправленном извлечении прибыли от своднических действий. В общем понимании сводничество признавалось содействием любодеянию, иными словами сводник выступал посредником между лицами участвующими непотребстве. Следовательно, применительно к положениям ст. 527 Уголовного уложения, посреднические действия могли выражаться не только в приискании мест для непотребства и доставлении лиц, но и в вербовке женщин для последующего сводничества.

Сохранилось в Уголовном уложении и ответственность для лиц, виновных в приобретении, принятии для хранения, для сокрытия или в заклад или для сбыта либо в сбыте чужого имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 616 главы XXXIV «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу»). Закон не ограничивал ответственность в зависимости от способов похищения чужого имущества либо от категории преступления. Ответственность за такое деяние усиливалась лишь в случаях, когда оно составляло промысел виновного (ч. 2 ст. 616) и когда предметом преступления выступала лошадь (ст. 618).

Преследовались по рассматриваемому закону и лица, посредничавшие во взяточничестве. Виновниками такого посредничества могли выступать только должностные лица, причем не только работавшие совместно с получателем взятки, но и любые другие должностные лица, виновные в заведомом оказании содействия учинившему взяточничеству. В частности, ст. 660 главы XXXVII «О преступных деяниях по службе государственной и общественной» гласила: «Служащий, виновный в оказании заведомо содействия учинившему взяточничеству..., передачею взятки, принятием ее под своим именем или иным посредничеством, наказывается как пособник к сим преступлениям». Как видно из диспозиции статьи, указанием на «иное посредничество», законодатель не ограничил способы такого деяния.

Комментируя данную норму, Н.С. Таганцев отмечал, что к пособничеству во взяточничестве были отнесены такие поступки служащего, которые свидетельствовали, что пособничество его было необходимое или существенное, а именно, «когда оно выразилось в посредничестве, заключающемся: а) в передаче предложений, просьб или требований дара, в определении что именно и за что дается, и вообще в посредничестве по заключению взяточнической сделки; б) в передаче дара, то есть в фактическом вручении взятки взяточнику или иному лицу по его указанию или условленному в договоре с лиходелателем, и в) в принятии взятки под своим именем, – подобное содействие может быть учинено или с

целью замаскирования преступности дара или же с целью сокрытия истинного виновника взяточничества»[4].

Таким образом, следует заключить, что под иное посредничество, применительно к ст. 660, попадали все случаи содействия в достижении соглашения или реализации соглашения между лиходателем и взяточполучателем. При этом действия самого лиходателя Уголовное уложение оставляло без юридической оценки.

В заключение рассмотрения Уголовного уложения 1903 г., необходимо отметить, что, хотя закон и не содержал определения посредничества в преступлении в своих нормах, однако безусловно положительно сказался на конкретизации отдельно взятых признаков института посредничества путем их раскрытия в статьях Особенной части.

Смена государственного строя, а также форм правления российского государства, проведенная новой политической элитой в октябре 1917 г., существенным образом отразилась на всех отраслях права, в том числе и на уголовном законодательстве страны. Все достижения права Российской Империи были чужды новому рабоче-крестьянскому классу, вследствие чего ни о какой преемственности уголовного законодательства не могло быть и речи. А первые принимаемые нормативные акты, безусловно, были посвящены борьбе с посягательствами на советский строй.

На первых этапах становления советского законодательства регулирование уголовно-правовых отношений осуществлялось с помощью разного рода декретов и постановлений. Для нашего исследования интерес представляет Декрет СНК от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве»[5]. Так, ст. 2 указанного Декрета предусматривала уголовную ответственность за дачу взятки, подстрекательство к даче и получению взятки, пособничество во взяточничестве и прикосновенность к взяточничеству. При этом наказание для соучастников во взяточничестве приравнивалось к наказанию должностного лица за получение взятки.

Следует заметить, что данный документ не раскрывал в себе ни понятия соучастия, ни признаков соучастников. И судя по равной для всех лиц, участвующих во взяточничестве, ответственности, в нем также не был отражен принцип индивидуализации наказания соучастников.

Более подробно нормы о соучастии были сформулированы в Уголовном кодексе РСФСР от 24 мая 1922 г.[6] (далее – УК РСФСР). Так, ст. 15 Кодекса гласила: «За преступление наказываются как исполнители, так и подстрекатели и пособники. Мера наказания каждому из этих соучастников преступления определяется как степенью участия, так и степенью опасности преступника и совершенного им преступления». А уже в ст. 16 раскрывались понятия каждого из соучастников преступной деятельности: «Исполнителями считаются те, кто принимает непосредственное участие в выполнении преступного действия, в чем бы оно ни заключалось. Подстрекателями считаются лица, склонившие к совершению преступления. Пособниками считаются те, кто содействует выполнению преступления советами, указаниями, устранением препятствий, сокрытием преступника или следов преступления».

Следует отметить, что в Общей части УК РСФСР законодатель не упомянул ни о таком виде соучастников как организатор, ни о прикосновенности к преступлению, а также не обозначил конкретных посреднических действий в понятии пособника преступления. Вместе с тем в статьях Особенной части УК РСФСР содержались нормы об ответственности за посреднические действия к совершению отдельных преступлений.

Первое упоминание о запрете посредничества мы находим в статьях о противодействии взяточничеству. Ответственность за посредничество во взяточничестве стало традиционным для преступлений данной категории. Так, в ч. 2 ст. 114 главы II «Должностные (служебные) преступления» УК РСФСР был установлен запрет на посредничество во взяточничестве, которое приравнивалось к укрывательству, при этом

указаний на способы посредничества в законе не содержалось. А возможность освобождения от наказания, согласно ч. 4 ст. 114, предусматривалась только для лица, давшего взятку.

Еще одно проявление посреднических действий мы наблюдаем в части IV «Преступления в области половых отношений» главы V «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» УК РСФСР. В частности, ст. 171 предусматривала ответственность за сводничество, содержание притонов разврата, а также вербовку женщин для проституции. Ответственность за указанные посреднические действия усиливались в случаях, если вовлеченные в проституцию состояли на попечении или в подчинении обвиняемого или не достигли совершеннолетия. Наказание для лиц, занимающихся проституцией, а также для лиц, пользующихся их услугами, в законе отсутствовала.

Более упоминаний о наказуемости посредничества в преступлении УК РСФСР 1922 г. не содержал.

Пришедший на смену предыдущему УК РСФСР от 22 ноября 1926 г.[7]. в целом сохранил полную преемственность как норм о соучастии в преступлении, так и вопросов об уголовном преследовании посредничества в преступлении. По-прежнему в уголовном законе отсутствовало законодательное понятие соучастия и такой вид соучастника как организатор, а посредничество наказывалось лишь в случаях содействия взяточничеству (ст. 118 главы III «Должностные (служебные) преступления») и при организации проституции (ст. 155 главы VI «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности»). Отличительная особенность УК РСФСР 1926 г. заключалась лишь в том, что в нем степень общественной опасности за дачу взятки приравнивалась к посредничеству во взяточничестве путем закрепления в ч. 1 ст. 118 равной санкции за совершение указанных деяний [8].

Именно в этом документе была сформирована научная основа современного понятия соучастия. Впервые в рассматриваемом документе нашло законодательное закрепление понятие соучастия, под которым, в соответствии со ст. 17, следовало понимать «умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления». Указав ряд основных признаков соучастия, законодатель при этом не отобразил форму вины преступления, в котором могут участвовать совместно лица, что на практике и в науке породило немало споров.

Совместно с иными соучастниками в преступлении, УК РСФСР 1960 г. выделил в самостоятельный вид фигуру организатора преступления. Организатором признавалась лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его совершением. В законе также был отражен принцип ответственности соучастников, который зависел от степени и характера участия каждого из них в совершении преступления.

Понятие пособника в уголовном законе также претерпело изменение. Наряду с ранее существовавшими способами, пособнические действия были расширены заранее обещанным укрывательством. Однако, как и ранее, в определении рассматриваемого вида соучастника законодатель не конкретизировал действия, образующие посредничество, заменяя их общими формулировками – лицо, «содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением средств или устранением препятствий».

С учетом проводимой коммунистической партией государственной политики, направленной на поддержку и развитие плановой экономики, Особенная часть УК РСФСР была дополнена ранее неизвестным составом преступления «Коммерческое посредничество». Так, ч. 2 ст. 153 главы VI «Хозяйственные преступления» предусматривала ответственность за коммерческое посредничество, осуществляемое частными лицами в виде промысла или в целях обогащения.

Понятия коммерческого посредничества в законе не давалось, вследствие чего в теории уголовного права по данному поводу стали появляться различные точки зрения.

К примеру, М.А. Гельфер отмечал, что сущность коммерческого посредничества заключалась во вторжении «частника», то есть чуждых паразитических элементов, в деятельность государственных и общественных организаций, в грубом нарушении принципа планового распределения материальных ресурсов, фондируемого сырья, материалов[9].

По мнению П.С. Тоболкина, стороны коммерческого посредничества не следовало ограничивать лишь государственными или общественными организациями. В частности, он указывал, что под коммерческим посредничеством следовало понимать оказание частными лицами содействия в приобретении или реализации товарно-материальных ценностей для предприятий, организаций и граждан, а равно оказание содействия в заключении сделок, осуществляемое в виде промысла или в целях обогащения[10].

Слова последнего специалиста представляются более обоснованными в связи с тем, что при раскрытии активных действий посреднического характера судебные органы предусматривали возможность привлечения виновного к уголовной ответственности за коммерческое посредничество, которое заключалось в содействии гражданам в приобретении различного рода товара. Так, согласно постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 26 июня 1976 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество», на практике встречались следующие формы коммерческого посредничества: а) приобретение или сбыт продукции под прикрытием договора поручения, заключенного социалистической организацией с частным лицом; б) подыскание продавцу покупателя, а покупателю – продавца; в) приобретение товаров для других лиц или организаций; г) наем помещения для торговли; д) оказание содействия гражданам в приобретении товаров путем продажи неоплаченных товарных чеков, талонов; е) посредничество в обмене квартир[11].

Рассматриваемое преступление считалось оконченным с момента осуществления действий, составляющих коммерческое посредничество. Вместе с тем, одних посреднических действий для привлечения виновного к уголовной ответственности было недостаточно. Необходимо, чтобы они совершались в виде промысла либо с целью обогащения. Под промыслом следовало понимать совершение коммерческого посредничества систематически, когда сама деятельность служила для виновного определенным источником противозаконного обогащения (постоянным, дополнительным, временным). Под целью обогащения – стремление виновного путем указанных действий к получению значительного вознаграждения, размер которого определялся в зависимости от конкретных обстоятельств дела. При этом закон говорил о цели, а не о факте обогащения. Вследствие чего состав преступления считался оконченным независимо от того, получил ли виновный вознаграждение либо нет[12].

Коммерческое посредничество следовало отличать от спекуляции, заключающейся в скупке и перепродаже товаров или иных предметов с целью наживы (ст. 154 УК РСФСР), по следующим основаниям: 1) спекуляция обычно предполагала право собственности виновного на предмет спекуляции; при коммерческом посредничестве виновный таким правом на приобретаемые и реализуемые товары не обладал; б) спекуляция предполагала обязательное совершение двух действий – скупки и перепродажи; коммерческое посредничество предполагало лишь одно из таких действий; в) спекуляция была связана с получением нетрудового дохода в виде разницы между покупной и продажной ценой; коммерческое посредничество обычно было связано с получением нетрудового дохода в виде процентов от стоимости общего количества приобретаемого или реализуемого товара[13].

Как мы видим, в общем своем понимании, коммерческое посредничество заключалось в содействии достижению либо реализации соглашения между сторонами, участвующими в экономических сделках товарно-материального характера. Кроме того, в

научной литературе неоднократно подчеркивалось, что коммерческое посредничество, должно было осуществляться на основании предварительного соглашения между заинтересованными сторонами, облеченного в форму договора (письменного либо устного), а также наличия заранее обусловленного вознаграждения[14]. При этом, вознаграждение, получаемое посредником, явно не соответствовало количеству и качеству вложенного им труда[15].

Не стал исключением УК РСФСР в вопросе криминализации посредничества во взяточничестве, ответственность за которое была установлена в ст. 174 УК РСФСР, где данное преступление было приравнено к даче взятки. Впоследствии запрет на посредничество во взяточничестве был выделен в самостоятельную норму – ст. 174¹ УК РСФСР.

Как и в ст. 153 УК РСФСР, понятие посредничества законодатель не давал. Вследствие этого, ссылаясь на судебную практику, П.И. Гришаев указывал, что посредничество во взяточничестве представляло собой любую форму оказания содействия в установлении контактов между взяткодателем и взяткополучателем и передачи должностному лицу по поручению взяткодателя или взяткополучателя взятки[16].

Таким образом, понятие посредничества во взяточничестве ограничивалось лишь случаями содействия в достижении соглашения между взяткодателем и взяткополучателем и непосредственной передачей предмета взятки. В то время как иное содействие в реализации достигнутого соглашения между указанными лицами оставалось вне юридической компетенции ст. 174¹ УК.

В теории уголовного права специалистами особо подчеркивался тот факт, что посредник во взяточничестве всегда действовал не по собственной инициативе, а выполнял поручение (просьбу) одной из сторон, участвовавших в таком договоре[17]. Данное утверждение было основано на разъяснении положений о взяточничестве, даваемых в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 сентября 1977 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве». Согласно указанному документу, в случаях, когда лицо принимало участие в организации дачи взятки, подстрекало к даче взятки либо являлось пособником дачи или получения взятки и одновременно выполняло посреднические функции, оно несло ответственность за соучастие в получении или даче взятки. Дополнительная квалификация указанных действий по ст. 174¹ УК РСФСР не требовалась[18].

Ответственность за содержание притонов разврата, сводничество с корыстной целью, а равно содержание притонов для потребления наркотиков либо содержание игорных притонов предусматривалась ст. 226 главы X «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения» УК РСФСР. За сам факт посещения указанных мест или пользования услуг сводника наказание в рассматриваемом законе отсутствовало.

В заключение следует отметить, что понятие посредничества в преступлении по УК РСФСР 1960 г. трактовалось ограничительно. В частности, оно охватывало лишь случаи содействия в достижении соглашения между сторонами сделки и содействие, выразившееся в передаче предмета договора от одной стороны другой. Причем, посреднические действия исключали инициативный характер, а осуществлялись исключительно по поручению (просьбе) одной из сторон. Предложение посредничества и дальнейшее содействие в совершении незаконных действий по уголовному закону квалифицировалось как подстрекательство и пособничество преступлению и рассматривалось по общим нормам о соучастии.

Литература

1. Уголовное уложение 22 марта 1903 года. – СПб., 1903. – 144 с.
2. Таганцев Н.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 года. – СПб., 1904.
3. Таганцев Н.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 года. – СПб., 1904. – С. 713.
4. Таганцев Н.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 года. – СПб., 1904. – С. 713.
5. Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства. (1917-1937 гг.): Учеб. пособие для юрид. институтов. – М., 1938. – С. 37.
6. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.
7. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // СУ РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.
8. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.
9. Советское уголовное право: Учебник. Часть Особенная / под ред. В.А. Владимирова, Н.И. Загородникова, Б.В. Здравомыслова. – М.: Юрид. Лит., 1979. – С. 282-283.
10. Советское уголовное право: Часть Особенная. Учебник / Под ред. М.И. Ковалева. – М.: Юрид. лит., 1983. – С. 224.
11. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924-1977. Ч. 2. – М.: Изд-во «Изв. Советов Народ. депутатов СССР», 1978. – С. 217-219.
12. Советское уголовное право: Учебник. Часть Особенная / под ред. В.А. Владимирова, Н.И. Загородникова, Б.В. Здравомыслова. – М.: Юрид. Лит., 1979. – С. 285.
13. Советское уголовное право: Учебник. Часть Особенная / под ред. В.А. Владимирова, Н.И. Загородникова, Б.В. Здравомыслова. – М.: Юрид. Лит., 1979. – С. 286.
14. См., напр.: Советское уголовное право: Часть Особенная. Учебник / Под ред. М.И. Ковалева. – М.: Юрид. лит., 1983. – С. 225; Советское уголовное право: Часть Особенная. Учеб. пособие / Под ред. Е.А. Смирнова и А.Ш. Якупова. – Киев: НИ и РИО КВШ МВД СССР, 1975. – С. 247.
15. Советское уголовное право: Учебник. Часть Особенная / под ред. В.А. Владимирова, Н.И. Загородникова, Б.В. Здравомыслова. – М.: Юрид. Лит., 1979. – С. 285.
16. Советское уголовное право: Учебник. Часть Особенная / под ред. В.А. Владимирова, Н.И. Загородникова, Б.В. Здравомыслова. – М.: Юрид. Лит., 1979. – С. 372.
17. См., напр.: Советское уголовное право: Часть Особенная. Учебник / Под ред. М.И. Ковалева. – М.: Юрид. лит., 1983. – С. 298; Советское уголовное право: Часть Особенная. Учеб. пособие / Под ред. Е.А. Смирнова и А.Ш. Якупова. – Киев: НИ и РИО КВШ МВД СССР, 1975. – С. 313.
18. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924-1977. Ч. 2. – М.: Изд-во «Изв. Советов Народ. депутатов СССР», 1978. – С. 298-299.

УДК 343

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПОТЕРПЕВШЕГО ОТ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**
**PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF LEGAL STATUS OF THE VICTIM FROM THE
CRIME IN MODERN RUSSIA**

Полянский В.В., Институт управления, бизнеса и права, аспирант

Polyansky V.V., graduate student of Institute of Management of business and right

e-mail: polyanskij.vyacheslav@mail.ru

Аннотация: Рассмотрены перспективы развития правового статуса потерпевшего от преступления в современной России.

Annotation: Prospects of development of legal status of the victim from a crime in modern Russia are considered.

Ключевые слова: правовой статус, потерпевший, интересы, ущерб, специальный государственный сбор, фонд.

Keywords: legal status, victim, interests, damage, special state collecting, fund.

Когда речь заходит о возмещении вреда, причинённого преступлением, в первую очередь встают два главных вопроса: возможно ли вообще возместить причинённый преступлением вред и кто и как должен возмещать его в случае, если непосредственно с преступника взыскать по тем или иным причинам невозможно.

Некоторые учёные отрицают возможность сколько-нибудь адекватного возмещения причинённого преступлением вреда. По мнению В.В. Евдокимова «наказание ничего не возмещает, не имеет этой цели и по своей природе не может ничего возместить» [8]. Грачева Ю.В., исходя из классификации юридических санкций на штрафные и праввосстановительные и полагает, что для штрафных санкций характерна только цель предупреждения правонарушений, замечают: «Вряд ли можно согласиться с мнением, что устранение вреда ... является задачей всех санкций, в том числе уголовно-правовых. Однако ущерб, причиняемый правопорядку преступлениями, вообще не может быть устранён» [7]. Можно согласиться с мнением этих учёных, но лишь потому, что их позиция объективно констатирует сложившуюся ситуацию в этой сфере. Однако, по нашему глубокому убеждению, эта ситуация совершенно не удовлетворительна, не соответствует иерархии ценностей современного демократического общества, нуждам практики и установкам прогрессивного правосознания, а потому должна быть изменена. Необходимо отказаться от стереотипного и устаревшего взгляда на наказание исключительно как на орудие возмездия. Некоторые авторы возражают, что в таком случае грань между собственно наказанием и иными правоохранительными средствами стирается, специфическая сущность наказания утрачивается и, как следствие, падает эффективность уголовного права в целом. Подобные суждения показывают устаревший подход к целям наказания и уголовного законодательства. Эффективность уголовного права определяется в первую очередь тем, насколько успешно

оно позволяет достигать поставленных перед ним целей. Таким образом, учитывая нововведения (новые приоритеты) статьи 2 УК РФ, можно сказать, что в результате реализации в уголовном законе предлагаемых идей его эффективность только возрастёт. Конечно, нельзя не согласиться, что подобное «восстанавливающее наказание» будет иметь мало общего с тем наказанием, каким оно сейчас является, но жизнь не стоит на месте, перемены неизбежны - это объективный закон общественного развития.

Вопрос о том, с помощью каких правовых средств можно надежно оградить имущественные интересы потерпевших, возник довольно давно. Чем больше публичная власть осознавала себя обязанной гарантировать стабильность ею же установленных общественных отношений, в том числе отношений собственности, тем чаще обнаруживались многочисленные пробелы в правовом статусе индивида. Впервые в истории уголовной науки мысль о необходимости создания специализированных фондов защиты нарушенных прав потерпевших появилась в работе Э. Ферри «Уголовная социология» [11]. В ней высказано предложение об учреждении «штрафного фонда», схожего с тем, что был предусмотрен еще тосканским законодательством в 1786 году. Этот фонд, образуемый из штрафов, которые налагались государством на осужденных, а также из части прибыли от тяжелых работ арестантов, предназначался как для вознаграждения лиц, пострадавших от судебных ошибок, так и для возмещения убытков жертвам преступлений.

В конце прошлого века юристы стали всерьез задумываться над тем, как исключить не имеющую никаких оснований ни в юридических, ни в моральных нормах зависимость имущественного состояния потерпевшего от случайных факторов, связанных с личными качествами причинителя вреда. Тогда же было предложено и возможное решение: компенсация вреда, причиненного потерпевшему должна стать правовой обязанностью самого государства. Эту мысль высказывали многие ученые, а в 1900 г. она отстаивалась на Международном пенитенциарном конгрессе в Брюсселе. Однако в последующие полстолетия вопрос лишь изредка затрагивался в научной литературе, и в целом не вышел за рамки чисто теоретических дискуссий. Проблеме эффективного возмещения ущерба, причиняемого гражданам преступными действиями, был специально посвящен международный коллоквиум, состоявшийся в 1973 г. во Фрейбурге (ФРГ). Эта же проблема обсуждалась и на XI конгрессе Международной ассоциации уголовного права (Будапешт, 1974 г.). В работе конгресса активное участие принимали делегации СССР и других социалистических стран. Большинство выступавших, в принципе, поддержало идею первичного возмещения убытков потерпевшему за счет государства или других общественных учреждений, что нашло отражение в резолюции конгресса.

Идея государственной компенсации вреда потерпевшим в современной России всё ещё не реализована. Прежде всего, об этом свидетельствует законодательная и судебная практика.

В РСФСР согласно ст. 30 закона «О собственности» [2] от 24 декабря 1990 года ущерб, нанесенный собственнику преступлением, возмещался государством по решению суда. В качестве гражданских ответчиков выступали финансовые органы администрации района (города), то уже после двух-трех таких процессов государство в лице органов исполнительной власти «приостановило» исполнение данных положений закона, а гражданам разъяснялось, что закон не предусматривает порядка возмещения ущерба и не может применяться до тех пор, пока не будет урегулирован механизм его реализации. Подобные действия государственной власти были обусловлены тем, что в процессе применения ст. 30 Закона возникли определенные трудности. Так, кражи частной собственности составили значительную часть совершаемых преступлений в стране (в 1991г. - 57% от общего числа зарегистрированных преступлений, в 1995 г. - 49,6%, в 2007 г. - 44,8%, в 2011 г. - 36,7%), законодателю следовало учесть возможность обращения в судебные органы всех потерпевших от преступлений против личной собственности. Тем не

менее, изначально целью принятия данного Закона, безусловно, была, в том числе и защита прав личной собственности граждан государством. В научной литературе отмечается, что норма Закона имела ряд существенных недостатков. В частности, из закона не было видно, в какой момент потерпевший обладал правом обращения в суд: сразу после обнаружения кражи и обращения в следственные органы или уже после вынесения определенных суждений соответствующими органами по нераскрытому преступлению. Возникали трудности и при определении конкретного ответчика. С учетом пробелов указанной нормы принятые судом к производству заявления о возмещении ущерба в соответствии со ст. 30 Закона «О собственности» оставались нерассмотренными, действие Закона неоднократно приостанавливалось, впоследствии Закон был отменен новым гражданским кодексом РФ.

В современной российской практике существуют нормы, возлагающие на государство обязанность возместить потерпевшим вред, причиненный в результате преступлений террористической направленности. Так, ст. 18 ФЗ РФ «О противодействии терроризму» [1], постановления Правительства РФ от 23 января 1996 г. № 58 [4] и от 6 февраля 2001 г. № 90 [3] свидетельствуют о том, что государство в установленном Правительством Российской Федерации порядке, осуществляет компенсационные выплаты физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта.

Основной аргумент противников идеи государственной компенсации вреда потерпевшим заключается в том, что установление обязанности государства возмещать ущерб может привести к ослаблению чувства личной ответственности виновного. Полагаем, что подобная точка зрения лишена оснований, так как в основе такой идеи лежит не идея об освобождении виновного от ответственности за причиненный им вред, а о замене субъекта, уполномоченного получить от него возмещение: вместо потерпевшего им становится государство, которое сумеет найти достаточно эффективные правовые меры, чтобы заставить виновного погасить образовавшуюся «задолженность».

Анализ материалов периодической печати свидетельствует, что на сегодняшний день в научно-теоретическом плане идея возмещения вреда потерпевшим за счет средств государства преобладает.

В пользу установления государственной компенсации за вред, причиненный преступлением потерпевшему, свидетельствует следующее.

1) Государство, существующее на средства налогоплательщиков, возложило на себя обязанность по осуществлению охраны прав и свобод, правосудия. Сбои и недостатки функционирования государственного механизма становятся одними из виктимогенных факторов, принятия мер для сведения к минимуму неудобств для жертв, охраны их личной жизни в тех случаях, когда это необходимо, и обеспечения их безопасности, а также безопасности их семей и свидетелей с их стороны и их защиты от запугивания и мести – прямая обязанность государства.

Принятие государством обязанности компенсировать потерпевшим ущерб, причиняемый преступлениями, позволило бы значительно повысить эффективность института возмещения вреда, способствовало бы более полному удовлетворению законных интересов потерпевшего и достижению задач общей превенции.

2) Восстановительная функция права в полной мере проявляется в концептуальных нормативных актах, направленных на защиту прав человека, обеспечение его интересов при отправлении правосудия.

Восстановительная направленность механизма реализации правовых отношений приобретает первостепенное значение при защите прав и интересов лиц, которым в результате преступления (правонарушения) был причинен тот или иной вред. Более того, восстановление нарушенных деликтом общественных отношений, приведение в нормальное состояние (насколько это возможно) материального, физического, морального положения потерпевшего имеет выраженный профилактический эффект, поскольку достижение данной

цели всегда сопряжено с активной позитивной деятельностью самого виновного лица (частная превенция).

3) Государство имеет возможность компенсировать понесенные расходы на покрытие ущерба причиненного потерпевшим за счет поступающих средств в результате применения к осужденным мер наказания имущественного характера, использования труда заключенных либо регрессного иска. Полагаем, что было бы справедливо, если бы эти средства частично расходовались на возмещение ущерба, наступившего вследствие преступлений.

Государство должно уже на этапе возбуждения уголовного дела и признания лица потерпевшим возмещать причиненный ущерб (вред) в не зависимости от того, привлечён ли к уголовной ответственности виновный или нет. Что же касается преступника, то он (в случае привлечения к уголовной ответственности) будет отвечать за содеянное только перед государством, то есть государство в результате осуждения преступника сможет возместить свои расходы. Если преступник неплатёжеспособен (или вообще не выявлен), то взыскать что-либо с него не удастся, но этот риск по указанным выше причинам должно нести государство, а не потерпевшая сторона.

На сегодняшний день в нашей стране сложилась парадоксальная ситуация - правоохранительная система государства замкнулась в себе - в узкий круг своих корпоративных проблем и интересов, функционирует полностью самодостаточно. Для уголовного и уголовно-процессуального законодательства абсолютной ценностью и целью стало наказание преступника, а по отношению к потерпевшему государство оставило за собой полную свободу действий, хотя охрана личности, прав и свобод граждан провозглашена в ст. 2 УК РФ главной задачей уголовного законодательства. Ст. 2 Конституции РФ гласит: «Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства», в ст. 52 Конституции РФ сказано, что «Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсации причиненного ущерба».

Несмотря на то, что «Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории РФ» (ст. 15 Конституции РФ), с момента вступления в действие этого «акта высшей юридической силы» государство не стремится возмещать потерпевшим причиненный преступлением вред.

До недавнего времени правовое положение потерпевшего от преступления в большинстве развитых стран также было весьма сложным. Причина заключалась в том, что уголовное преследование рассматривалось, прежде всего, как борьба двух противоположных интересов: с одной стороны - преследующего государства, а с другой - преследуемого лица, при этом интересы жертв преступлений отходили на второй план. Неприятные переживания от общения с обвинительной властью вели к реальной опасности того, что некоторые потерпевшие будут колебаться при подаче заявлений и, таким образом, количество латентных преступлений будет расти. Все это более чем актуально и для современной России. Так, согласно результатам опроса потерпевших, подавляющее большинство 65 % не доверяют правоохранительным органам, причем неверие в возможность получения действенной помощи и боязнь новых неприятностей были основными причинами такого поведения. По данным Минюста России, возмещение причиненного вреда даже по выявленным и раскрытым преступлениям весьма невелико, в целом по стране, доля реальных взысканий в возмещение материального ущерба, причиненного преступлениями, от всей суммы, подлежащей взысканию, с 1992 г. по 2011 г. снизилась с 33 % до 11% .

В настоящее время, идеи о возмещении государством ущерба потерпевшим от преступлений уже давно реализованы в законодательстве многих зарубежных стран (Франции, Германии, Испании, США, Великобритании, Новой Зеландии и других) и успешно применяются на практике. Способы возмещения ущерба потерпевшим от преступлений весьма разнообразны. В одних случаях выплаты могут производиться при

причинении любого телесного повреждения, в других - только при условии, что потерпевший находится в тяжёлом материальном положении и сам не спровоцировал преступление. При этом субъектами, производящими выплату, могут быть административные органы, страховые компании или агентства, предприятия, виновные в преступлении, комиссии, созданные при судах и занимающиеся обеспечением возмещения ущерба виновной стороной, либо гарантийный фонд, основной задачей которого является защита потерпевших.

В целом, основой прогрессивных схем, гарантирующих соблюдение принципа взаимной ответственности государства и личности, а также восстановление прав потерпевших от преступлений, являются государственные и общественные компенсации, предоставляемые:

- в рамках системы социального страхования;
- реабилитирующими службами, как правило, в системе правоохранительных органов государства;
- из средств специализированных государственных фондов помощи пострадавшим от преступлений;
- из общественных фондов помощи;
- одновременно из совместных бюджетов различных организаций.

Так, в Государственном бюджете США была предусмотрена специальная расходная статья, оформившаяся позже в Фонд помощи потерпевшим. В соответствии со ст. 1177 Гражданского кодекса Украины, имущественный вред, причиненный физическому лицу преступлением, когда не установлено лицо, совершившее преступление, возмещается государством. При этом основаниями для возмещения государством пострадавшему вреда, причиненного преступлением, являются: установление факта события преступления, доказанность того, что вред потерпевшему причинен именно преступлением, не установление лица, совершившего преступление и принятие в связи с этим решения о приостановлении следствия. Нарботанный за рубежом опыт необходимо использовать и в российской уголовно-правовой доктрине, но с обязательным учетом специфики российских условий правоприменения.

В России, многими авторами неоднократно предлагалось создание централизованного фонда, из которого бы гарантированно возмещался причиненный преступлением потерпевшему материальный ущерб, моральный вред независимо от разоблачения и осуждения виновного:

- государственный фонд [10];
- специальный государственный фонд [9];
- национальный фонд [6];
- государственный гарантированный фонд помощи жертвам преступлений [5];
- социальный фонд [12].

О необходимости создания специализированного государственного фонда и необходимости полной государственной компенсации ущерба потерпевшему высказались 56,03 % опрошенных сотрудников правоохранительных органов и 97 % потерпевших.

Полагаем, что лучшей формой, обеспечения нарушенных прав потерпевших посредством государственной компенсацией, послужит создание не государственного или социального фонда, а государственного внебюджетного фонда и его региональных представительств в субъектах РФ. Под государственным внебюджетным фондом следует понимать фонд денежных средств, образуемый вне федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации и предназначенный для реализации конституционных положений в сфере обеспечения права потерпевшего, на возмещение ущерба причиненного преступлением, посредством государственной компенсации. Отличительными особенностями данного фонда должны стать следующие:

- бюджет фонда образуется, и действуют вне зависимости от бюджета государства;
- финансовые средства, находящиеся в распоряжении фонда, могут быть использованы только для покрытия государственных расходов на правленных на компенсационные выплаты;
- строгая целевая направленность;
- бюджет фонда формируются за счет обязательных отчислений, которые устанавливаются и определяются специальным законом;
- средства фонда являются собственностью государства и не подлежат изъятию для реализации целей, которые не согласуются с их предназначением;
- специальная правоспособность фонда;
- деятельность фонда должна быть абсолютно независимой от колебания федерального бюджета и его дефицита.

Правоспособность фонда, целесообразно определить с учетом принятия специального федерального закона «О государственном внебюджетном фонде охраны прав потерпевших», наделяющего фонд и его региональные представительства специальной правоспособностью, обусловленной целевым характером его деятельности, связанной с восстановлением прав и законных интересов потерпевших от преступлений (физических и юридических лиц) путем обеспечения полного возмещения вреда за счет фонда на принципах возвратности; платности; срочности; недопустимости двойной выплаты.

Полагаем, что деятельность фонда и его региональных представительств будет способствовать достижению оптимального баланса частных и публичных интересов, принципа справедливости посредством эффективного и быстрого восстановления имущественных и (либо) неимущественных прав физического и юридического лица.

Способом совершенствования механизма возмещения ущерба, причиненного преступлениями, является реализация механизма в смешанном порядке на основе системы государственных компенсаций, как гарантии эффективности гражданского иска, при условии создания в России субсидиарного субъекта деликатного обязательства – государственного внебюджетного фонда возмещения ущерба, причиненного преступлениями, имеющего статус имущественного комплекса специального назначения. Реализация механизма возмещения вреда возможна в публично-правовом (в рамках безвозмездной государственной и общественной финансовой помощи, связанной с погашением исковых требований по возмещению вреда, причиненного преступлением), гражданско-правовом - в рамках института гражданского иска, системы добровольного страхования. Полагаем, что в российских условиях, главной проблемой реализации государственной компенсации причиненного ущерба и функционирования государственного внебюджетного фонда станет проблема – финансирования подобных выплат. Опираясь на отечественный и зарубежный опыт решения данной проблемы, а так же учитывая сложную экономическую ситуацию в нашей стране, считаем возможным следующее решение:

- на первоначальном этапе, необходимо ограничить круг лиц, обладающих правом на государственную компенсацию вреда только узким кругом наиболее нуждающихся в такой поддержке;

- необходимо ввести специальный обязательный государственный сбор с лиц, признанных виновными в совершении преступления, который и станет одним из главных источников пополнения специального внебюджетного фонда по выплате компенсаций потерпевшим;

- имущество, подлежащие конфискации, использовать в качестве источника пополнения бюджета государственного внебюджетного фонда.

- при принятии решения о выплате государственной компенсации, учитывать виктимное поведение потерпевшего и если с его стороны имела место провокация преступления, то в государственной компенсации причиненного ущерба ему должно быть

отказано.

– учет материального положения потерпевшего при решении вопроса о выплате государственной компенсации, подлежащей выплате в каждом конкретном случае, обеспечивающий максимум дифференциации и минимум произвола со следственно-судебных органов.

В свете сказанного, предлагаем внести следующие дополнения и изменения в законодательство Российской Федерации в сфере обеспечения прав потерпевших:

1. Принять федеральный закон «О государственном внебюджетном фонде охраны прав потерпевших».

2. Дополнить Раздел VI УК РФ главой 15.2 «Охрана прав потерпевших».

3. Закрепить в Разделе VI УК РФ в главе 15.2 «Охрана прав потерпевших» статью 104.4 УК РФ «Потерпевший от преступления» – физическое или юридическое лицо, правам и законным интересам которого непосредственно преступлением был причинен существенный вред, а также иные лица правам и законным интересам, которых в результате совершенного преступления был причинен существенный вред.

Закрепить в Разделе VI УК РФ в главе 15.2 «Охрана прав потерпевших», норму о специальном государственном сборе, следующего содержания: Статья 104.5 УК РФ «Специальный государственный сбор в форме защиты прав потерпевших»

1. Лицо, признанное виновным в совершенном преступлении, обязано уплатить специальный государственный сбор, величина которого составляет:

- за совершение преступлений небольшой тяжести - 5000 рублей;
- за совершение преступлений средней тяжести - 8000 рублей;
- за совершение тяжкого преступления - 15 000 рублей;
- за совершение особо тяжкого преступления - 30 000 рублей.

2. В случае, если лицо осуждено за совершение нескольких преступлений, общая величина подлежащего уплате специального государственного сбора определяется путем полного сложения размеров сборов за каждое совершенное преступление.

3. Суд вправе с учетом всех обстоятельств дела увеличить размер предусмотренного к уплате специального государственного сбора, но не более чем в 3 раза.

Литература

1. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35–ФЗ (ред. от 27.07.2006) «О противодействии терроризму». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=61938;p=1> – Загл. с экрана.
2. Закон «О собственности в РСФСР» от 24.12.1990 № 443–1 (ред. от 01.07.1994). Интернет–версии системы КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=4704;p=1>. – Загл. с экрана.
3. Постановление Правительства РФ от 6 февраля 2001 г. № 90 «О порядке осуществления социальной реабилитации лиц, пострадавших в результате террористической акции» [Электронный ресурс]. URL: <http://bre.ru/laws/1664.html>. – Загл. с экрана.
4. Постановление Правительства РФ от 23 января 1996 г. № 58 «Об оказании помощи лицам, ставшим жертвами террористического акта в январе 1996 г. в Республике Дагестан». [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/10105992/>. – Загл. с экрана.

5. Анисимкова, Н.В. Возмещение вреда, причиненного преступлением: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08./ Н.В. Анисимкова, – Ставрополь, 2008. – С. 8.
6. Бастрыкин, А. Предлагает создать национальный фонд для пострадавших от преступлений. Опасная жертва. «Российская газета» - Федеральный выпуск № 5154 (75).; Андреева, И. А. Возмещение вреда государством как конституционно-правовой институт. Автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.02./ И. А. Андреева, – М., 2010. – С. 19.
7. Грачева, Ю.В. Гарантии ограничения судейского усмотрения при применении норм с оценочными понятиями // Законность. – 2010. – № 8. – С. 46 - 49.
8. Евдокимов, В.В. Возмещение вреда, причиненного незаконным привлечением к уголовной ответственности // Законность. – 2010. – № 12. – С. 50 - 51.
9. Колиева, А.Э. Проблемы возмещения имущественного вреда. Вестник Краснодарского университета МВД России. – № 3. – 2010. – С. 27-29; Ривман, Д.В. Криминальная виктимология — СПб.: Питер, 2002. – 286; Суслин, А.В. Уголовно-правовые средства обеспечения возмещения вреда потерпевшим. Автореф. дис... докт. юрид. наук: 12.00.08./ А.В. Суслин, – Екатеринбург, 2005. – С. 8; Ибрагимов, И.М. Правомерные возможности защиты прав потерпевшего в российском уголовном процессе. – М.: Юриспруденция. 2008. – С. 34; Мусаев, М.А. Защита жертв преступлений. Автореф. дис... докт. юрид. наук: 12.00.08. / М.А. Мусаев, – М., 2011. – С. 7.
10. Лукин, В. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений // Российская газета. – 2008. – № 46– 76. – С. 21.
11. Ферри, Э. «Уголовная социология». – М.: Инфра-М., 2009. – С. 254.
12. Чекулаев, Д.П. Потерпевший в уголовном судопроизводстве: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09. / Д.П. Чекулаев, – М., 2005. – С. 11.

УДК 343

**К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ
ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ»**

**TO THE QUESTION OF CONCEPT «CRIMES IN THE SPHERE OF HIGH
TECHNOLOGIES» DEFINITION**

Фоменко А.И., Ростовский юридический институт Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии,

Fomenko A.I., Of The Rostov (Rostov-on-Don) legal Institute (branch) of federal public budgetary educational institution of higher education «The Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation» Cand.Jur.Sci., associate professor, associate professor of criminal law and criminology

e-mail: fomenko300078@mail.ru

Аннотация: Рассмотрены подходы к определению понятия «Преступления в сфере высоких технологий», определены их разновидности.

Annotation: The approaches to the definition of «crimes in the sphere of high technologies» are defined by their species.

Ключевые слова: информация, технологии, компьютерные преступления, информационные преступления, преступления в сфере высоких технологий, киберпреступления.

Keywords: information, technologies, computer crimes, information crimes, crimes in the sphere of high technologies, cybercrimes.

Процессы глобализации, характерные для современного этапа развития общества, тесно связаны со стремительным внедрением во все сферы жизнедеятельности человечества высоких технологий. Они стали важной составляющей общественного развития, т.к. сказываются на образе жизни людей, характере их образования и работы, отражаются на межгосударственном взаимодействии. Современные высокие технологии в значительной степени изменяют не только механизмы функционирования многих общественных институтов, институтов государственной власти, но и становятся важной составляющей развития экономики в целом.

В принятой лидерами «восьмерки» ведущих мировых держав (в том числе и Россией) «Хартии глобального информационного общества» [1] отмечается, что информационно высокие технологии вошли в число наиболее существенных факторов, влияющих на формирование современного общества.

Вместе с тем широкое внедрение в повседневную жизнь человечества высоких технологий имеет и отрицательные стороны: интеллектуальный и предприимчивый преступник с более изощренными способами преступной деятельности вытесняет

примитивного уголовного типа насильственного преступника. Многие ученые отмечают «резкий рост организованной преступности, связанной с использованием электронных и телекоммуникационных средств, особенно компьютерных сетей» [2].

Подобное явление в преступном мире заставляет выработать новые подходы к защите интересов личности, общества и государства. Среди национальных интересов Российской Федерации прямо указываются «защита информационных ресурсов от несанкционированного доступа, обеспечение безопасности информационных и телекоммуникационных систем, как уже развернутых, так и создаваемых на территории России» [3].

По действующему российскому законодательству такие деяния подпадают под сферу действия различных нормативных актов, в том числе и федеральных законов: «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «О персональных данных», «О государственной тайне», «О коммерческой тайне». Рассматриваемые деяния в России также регулируются гражданско-правовым, административно-правовым и уголовно-правовым законодательством.

Уголовный кодекс РФ, установил нормы, объявляющие общественно опасными деяниями конкретные действия в сфере компьютерной информации и устанавливающие ответственность за их совершение. Такие нормы в российском уголовном законодательстве являются новеллами. Вероятней всего, определение «компьютерная» применительно к информации возникло для отграничения данного объекта посягательства от иных преступлений, предусмотренных другими разделами Уголовного кодекса РФ, при совершении которых используются высокие технологии.

Так, Глава 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации» содержит три статьи: «Неправомерный доступ к компьютерной информации» (ст. 272), «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ» (ст. 273), «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей» (ст. 274).

В тех случаях, когда рассматриваемые общественно-опасные деяния совершаются без применения высоких технологий, законодатель относит их к другим, соответствующим родовым объектам: клевета (ст. 129), нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138), отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 140), нарушение авторских, смежных изобретательских и патентных прав (ст. ст. 146, 147) находятся в разделе «Преступления против личности». Кража, мошенничество, хищение предметов, имеющих особую ценность, умышленное уничтожение или повреждение имущества, изготовление и сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов, незаконный экспорт технологий, научно-технической информации, использование информационно-телекоммуникационных технологий для осуществления деятельности по организации и проведению азартных (ст. ст. 158, 159-159.6, 167, 171.2, 187, 189) – в разделе «Преступления в сфере экономики» и т.д.

Термин «Преступления в сфере высоких технологий» является относительно новым и дискуссионным для российской уголовно-правовой действительности. При этом дискуссии, идут в двух направлениях:

- во-первых, критерии отнесения общественно-опасных деяний к группе так называемых «компьютерных преступлений»;
- во-вторых, ставится под сомнение целесообразности использования термина «компьютерные преступления» с предложениями взамен – «информационные преступления», «преступления в сфере высоких технологий» (как разновидность – преступления в сфере информации), «киберпреступления» и т.д.

Впервые термин «компьютерная преступность» появился в начале 60-х годов в американской печати, когда были выявлены первые случаи преступлений, совершенных с

использованием ЭВМ, а также были сформулированы основные признаки компьютерных преступлений на Конференции Американской ассоциации адвокатов в Далласе в 1979 году.

Так, например, В.В. Крылов и Ю.М. Батулин предложили использовать термин «Компьютерные преступления» [4].

Румянцев А.В. [5], при обсуждении проекта нового УК в 1996г., высказал предложение поместить в 28 главу или даже выделить в отдельный раздел «Преступления в информационной сфере».

Рассматривая проблему квалификации преступлений в сфере компьютерной информации, Селиванов Н.А. [6] считает, что термин «компьютерные преступления» у нас в стране должен обозначать условное наименование не только преступлений, перечисленных в главе 28 УК РФ, но и тех, которые стали логическим продолжением других преступлений, совершенных с использованием компьютерной техники. Виновные в их совершении должны привлекаться к уголовной ответственности по совокупности преступлений, предусмотренных другими статьями УК РФ.

Аналогичные подходы к рассматриваемой проблеме использовались и в зарубежной практике. В Германии с принятием в 1984 году специального закона о компьютерных преступлениях, уголовная полиция взяла на вооружение определение компьютерной преступности, включающее в себя: «... все противозаконные действия, при которых электронная обработка информации являлась орудием их совершения или объектом их преступного посягательства» [7]. Примерно такую же позицию в свое время заняла Генеральная ассамблея Интерпола, используя при этом термин «компьютерно-ориентированная преступность» [8]. Швейцарские эксперты под компьютерной преступностью подразумевают «все преднамеренные и противозаконные действия, которые приводят к нанесению ущерба имуществу, и совершение которых стало возможным, прежде всего, благодаря электронной обработке информации» [9].

Другие российские ученые подвергают сомнению целесообразность использования термина «компьютерные преступления», предлагая в качестве альтернативы более широкое понятие «информационные преступления», которое позволяет абстрагироваться от конкретных технических средств [10].

Поддерживая вышеуказанные позиции, мы предлагаем использовать термин «Преступления в сфере высоких технологий», как уголовно-правовую категорию в российском и международном уголовном законодательстве, а также как научную категорию в уголовно-правовой доктрине России, а также при преподавании такой учебной дисциплины специализации как «Преступность в сфере высоких технологий» в целях подготовки специалистов в области охраны прав и интересов личности, общества и государства в информационной сфере.

Если обратиться к самому определению термина «технология», к его изначальному значению (техно – мастерство, искусство; логос – наука), цель технологии заключается в том, чтобы разложить на составляющие элементы процесс достижения какого-либо результата. Технология применима повсюду, где имеется достижение, стремление к результату, но осознанное использование технологического подхода было подлинной революцией. До появления технологии господствовало искусство – человек делал что-то, но это что-то получалось только у него, это как дар – дано или не дано. С помощью же технологии все то, что доступно только избранным, одаренным (искусство), становится доступно всем [11].

Наиболее новые и прогрессивные технологии современности относят к высоким технологиям (англ. high technology, hi-tech), переход к использованию высоких технологий и соответствующей им техники является важнейшим звеном научно-технической революции (НТР) на современном этапе. К высоким технологиям обычно относят самые наукоёмкие отрасли промышленности: микроэлектроника, вычислительная техника, робототехника,

атомная энергетика, космическая техника, микробиологическая промышленность [11].

Информационные технологии (ИТ, англ. information technology, IT) – широкий класс дисциплин и областей деятельности, относящихся к технологиям управления, накопления, обработки и передачи информации [11].

В основном под информационными технологиями подразумевают компьютерные технологии. В частности, ИТ имеют дело с использованием компьютеров и программного обеспечения для хранения, преобразования, защиты, обработки, передачи и получения информации [11].

Полагаем, что использование различных видов компьютерной техники, технических средств и отдельных технологий, в том числе и информационных – всё это в целом и образует ёмкое понятие «современные высокие технологии» как совокупности методов и средств реализации информационных процессов в различных областях жизнедеятельности человека, общества и государства, т.к. современные технологии, по своей сути, это способ реализации информационной деятельности, которую также можно рассматривать как информационную систему.

Иными словами, информация становится продуктом общественных (информационных) отношений, начинает приобретать товарные черты и становится предметом купли-продажи [12]. Следствием протекающих в обществе информационных процессов является возникновение и формирование новых общественных отношений и изменение уже существующих и связанных реализацией прав и законных интересов личности, общества и государства в информационной сфере.

Мы согласны с мнением В.Н. Черкасова, который считает, что новые информационные технологии дали толчок возникновению и развитию ранее неизвестных негативных процессов – новых форм преступности. Так революция в области электроники предоставила преступникам, их группировкам и сообществам широкие возможности в плане доступа к новым техническим средствам, которые позволяют им незаконно присваивать миллиарды рублей, «отмывать» огромные доходы, полученные преступным путём, уходить от налогообложения и проводить комплексные мероприятия по подготовке, совершению и маскировке различных видов преступлений [13].

Полагаем, что этому, помимо развития и внедрения современных высоких технологий, также способствует:

1. Безработица высококвалифицированных специалистов, уволенных в запас по различным причинам сотрудников силовых министерств и выпускников высших учебных заведений страны, не нашедших работу по специальности.

2. Приток таких специалистов в преступную сферу способствует организованной преступности и отдельным преступным элементам эффективно использовать новейшие технологии, чужие профессиональные знания для подготовки, совершения, маскировки преступлений и активного противодействия работе правоохранительных органов.

Так, по мнению О.А. Колобова и В.А. Ясенева, с помощью современных технических средств, преступники могут активно противодействовать сотрудникам специальных служб и подразделений правоохранительных органов [15].

Косынкин А.А. отмечает, что уже имеются оперативные данные о создании подпольных мастерских по изготовлению разведывательной и контрразведывательной техники. Специальная техника свободно продаётся по доступной цене, что делает возможным криминальным элементам практически бесконтрольно проводить оперативно-технические мероприятия, в т.ч. для получения информации о деятельности спецслужб и правоохранительных органов [16].

Тревожит и тот факт, что подобный процесс имеет тенденцию к дальнейшему расширению.

Криминогенная обстановка в России в последние годы чрезвычайно обострилась.

Преступность стала одним из основных дестабилизирующих факторов общественного развития. Её масштабы представляют реальную угрозу процессу становления российской государственности, успешному осуществлению социально-экономических реформ. Основной особенностью современной криминогенной ситуации является интенсивное перерастание количественных характеристик преступности в негативные качественные. Преступники, организованные в группы и сообщества, начинают применять методы, традиционно используемые в своей преступной деятельности преступниками экономической сферы, нередко используя при этом средства компьютерной техники, связи и телекоммуникаций и входя в сговор с должностными лицами [17]. Современная преступность проникает в область законного предпринимательства, подрывая репутацию тех, кто так или иначе соприкасается с ней, и коррумпирует должностных лиц, услуги которых ей необходимы для отмыwania незаконных доходов. На уровне ООН констатировано, что возможности преступности манипулировать значительным капиталом, проникать в область законного предпринимательства и разорять своих конкурентов с помощью контроля над ценами и курсом валют представляет собой серьёзную угрозу самому существованию любого общества. Например, огромные незаконные средства, проникающие в экономику страны, денежную систему, банковское дело путём манипулирования валютой с целью «отмыwania» денег или получения незаконных доходов, неизбежно приводят к нарушению естественного действия рыночных сил, оказывают пагубное влияние на обменные курсы валют и банковские системы одновременно во многих странах [18].

Зачастую лидеры преступных группировок, собрав достаточные суммы, вступают в легальный бизнес, становятся генеральными и коммерческими директорами негосударственных структур, вступают в непосредственный контакт с представителями законодательной, исполнительной и судебной власти, работниками правоохранительных органов.

Созданные лидерами преступных группировок предприятия негосударственного сектора экономики используются ими в роли легальной «крыши» для отмыwania средств, добытых незаконным путём, а также для незаконного перевода денежных средств на счета зарубежных банков и т.д. В результате этого увеличивается количество преступлений транснационального характера на территории России.

Подобная тенденция скрывает высокую социальную опасность преступности для общества, поскольку значительно затрудняет возможности раскрытия, расследования подобных преступлений и установления конкретной потерпевшей стороны. Специалистами констатируется, что в России происходит беспрецедентная криминальная экспансия в экономическую сферу и, в особенности в её составляющую банковскую сферу. [19].

Анализируя нынешнее развитие ситуации с точки зрения будущего, можно прогнозировать и дальнейший рост организованной преступности, связанной с использованием современных высоких технологий.

Изначально подобные преступные деяния получили распространение в экономической сфере. Так в 90-е годы, в числе выявленных корыстных преступлений широкое распространение получили хищения денежных средств в крупных и особо крупных размерах на промышленных предприятиях, в учреждениях и организациях, применяющих автоматизированные системы, функционирующие на основе ЭВМ для обработки первичных бухгалтерских документов, отражающих кассовые операции, движение материальных ценностей и другие разделы учёта. Первое преступление подобного рода в бывшем СССР было зарегистрировано в 1979 году в городе Вильнюсе. Ущерб государству от хищения составил 78584 рубля. Данный факт был занесён в международный реестр правонарушений подобного рода и явился своеобразной отправной точкой в развитии нового вида преступлений в нашей стране [15].

В криминалистической литературе отмечается, что, как показывает практика борьбы с

компьютерной преступностью в зарубежных странах, сегодня возможно с помощью манипуляций клавишами клавиатуры персонального компьютера в стране «А» получить необходимую информацию, хранящуюся в банке данных компьютерной системы страны «В», затем перевести её в стану «С», достигнув при этом поставленной корыстной цели, путём осуществления незаконной транзакции похитить и присвоить денежные средства [20].

В настоящее время в отечественной уголовно-правовой доктрине всё ещё не существует чёткого определения ни понятия преступлений в сфере высоких технологий, ни того какие преступные деяния следует относить к подобным преступлениям – дискутируются различные точки зрения. Сложность в формулировках этих понятий существует как по причине невозможности выделения единого объекта преступного посягательства, так и множественности предметов преступных посягательств с точки зрения их уголовно-правовой охраны. Батурин Ю.М. считает, что компьютерных преступлений как особой группы преступлений в юридическом смысле не существует, отмечая, однако, при этом тот факт, что многие традиционные виды преступлений модифицировались из-за вовлечения в них вычислительной техники и поэтому правильнее было бы говорить лишь о компьютерных аспектах преступлений, не выделяя их в обособленную группу преступлений [15].

Другого, более определённого взгляда в этом вопросе придерживается М.Ю. Дворецкий, который предлагает использовать термин «компьютерные преступления» – противозаконные действия, объектом или орудием совершения которых являются электронно-вычислительные машины [21].

Исходя из этого можно сделать вывод о том, что в настоящее время существуют два основных подхода. Одна часть исследователей относит к рассматриваемым преступлениям действия, в которых компьютер является либо объектом, либо орудием посягательств [22]. При этом, в частности, кража самих компьютеров рассматривается ими как один из способов совершения компьютерных преступлений. Исследователи же второй группы относят к компьютерным преступлениям только противозаконные действия в сфере автоматизированной обработки информации [23]. Они выделяют в качестве главного классифицирующего признака, позволяющего отнести эти преступления в обособленную группу, общность способов, орудий, объектов посягательств. Иными словами, объектом посягательства является информация, обрабатываемая в компьютерной системе, а компьютер служит орудием посягательства. Необходимо отметить, что законодательство многих стран, в том числе и в России, стало развиваться именно по этому пути.

Так, в главе 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» определяются следующие общественно опасные деяния в отношении средств компьютерной техники:

- Неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации,
- Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ,
- Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей.

Законодательством России охраняется три основных вида информации, которые одновременно подлежат защите, а именно:

- сведения, отнесённые к государственной тайне соответствующим федеральным законом [24];
- сведения, отнесённые к служебной и коммерческой тайне;
- сведения, имеющие статус персональных данных [25].

Основываясь на вышеизложенном, преступлениями в сфере высоких технологий, как научной категории, следует понимать виновно-совершенные, с использованием современных высоких технологий, общественно-опасные деяния, посягающие на интересы личности, общества и государства в информационной сфере.

По мнению Ю. Ляпунова и В. Максимова, с криминологической точки зрения,

подобные преступления следует понимать в широком смысле этого слова [26].

Характерными особенностями преступлений в сфере высоких технологий являются:

- неоднородность объекта посягательства;
- выступление компьютерной информации и в качестве объекта, и в качестве средства совершения преступления;
- многообразие предметов и средств преступного посягательства;
- выступление компьютерной и иной высокотехнологичной техники, как в качестве предмета, так и в качестве средства совершения преступления.

Анализ действующего законодательства, судебной-следственной практики позволяет, к преступлениям в сфере высоких технологий отнести следующие преступные деяния:

1. Преступные деяния, в сфере высоких технологий, посягающие на неприкосновенность частной жизни, а также честь, достоинство и деловую репутацию;
2. Компьютерные преступления (глава 28 УК РФ):
 - Неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272),
 - Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273),
 - Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274).
3. Телекоммуникационные (компьютерные) мошенничества и мошенничества с использованием банковских пластиковых и иных расчетных карт.
4. Преступные деяния, совершаемые посредством сети Интернет, где сеть Интернет выступает как среда и средство организации преступной деятельности:
 - Преступные деяния, связанные с содержанием данных (распространение порнографии);
 - Преступные деяния, связанные с пропагандой (оправданием), организацией террористической или экстремистской деятельности.

Литература

1. Хартия глобального информационного общества от 22 июля 2000 г. // Дипломатический вестник. – 2000. – № 8. – С. 51–56.
2. Основы борьбы с организованной преступностью / Под ред. В. С. Овчинского, В. Е. Эминова, Н. П. Яблокова. – М., 1996. – С. 50.
3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 9 сентября 2000 г. № Пр –1895 // Российская газета. – 2000. 28 сент. – № 187.
4. Крылов, В.В. Информация как элемент криминальной деятельности // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 11. Право. – 1998. – № 4. – С.50–64; Батулин, Ю.М. Проблемы компьютерного права. – М.: Юрид. лит., 1992. – С. 87.
5. Румянцев, А.Г. Информационное Право. [Электронный ресурс] URL: http://www.aha.ru/~andrew_r/index.htm – Загл. с экрана.
6. Селиванов, Н.А. Расследование особо опасных преступлений. Пособие для следователей. – М. 1998. – С. 56.
7. Предотвращение компьютерных преступлений / Kriminalistik. – 1985. – № 8 / Проблемы преступности в капиталистических странах (По материалам зарубежной печати). – М.: 1986. – № 4. – С. 98.
8. Резолюция AGN/64/P.RES/19 По вопросу: Компьютерно-ориентированная преступность. Принята Генеральной ассамблеей Интерпола (4–10 октября 1995г.). [Электронный ресурс] URL: <http://www.newasp.omskreg.ru/bekryash/app1.htm#6>. – Загл. с экрана.

9. Полевой, Н.С. Правовая информатика и кибернетика. Учебник. – М.: Юрид. лит. 1993. – С. 145.
10. Крылов, В.В. Информационные компьютерные преступления. – М.: ИНФРА–М–НОРМА, 1997. – С. 48.
11. Википедия – свободная энциклопедия. [Электронный ресурс] URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Технология>. – Загл. с экрана.
12. Карпов, В.С. Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации: Автореф. дис... канд. юр. наук: 12.00.08. / В.С. Карпов, – Красноярск, 2002. – С. 10.
13. Черкасов, В.Н. Теория и практика решения организационно–методических проблем борьбы с экономической преступностью в условиях применения компьютерных технологий. – М., 1994. – С. 32.
14. Колобов, О.А., Ясенев В.А. Информационная безопасность и антитеррористическая деятельность современного государства. – Нижний Новгород, 2001. – С. 67.
15. Батурин, Ю.М. Компьютерные преступления. – М., Юристь, 2002. – С. 45, – С. 67-129.
16. Косынкин, А.А. Противодействие расследованию преступлений в сфере компьютерной информации // Следователь. – 2007. – № 3. – С. 22-26.
17. Информационная безопасность России в условиях глобального информационного общества. – М., 2002. – С. 53.
18. Хилюта, В. Компьютерные хищения // Законность. – 2009. – № 1. – С. 78.
19. Букин, Д. Хакеры. О тех, кто делает это // Рынок ценных бумаг. – 1997. – № 23. – С. 71
20. Некоторые правовые аспекты защиты и использования сведений, накапливаемых в информационных системах. – М.: «ВИНИТИ», 1990. – №7. – С. 36.
21. Дворецкий, М.Ю. Преступления в сфере компьютерной информации: Учеб. пособие: Для преподавателей, аспирантов, студентов и слушателей оч. и заоч. форм обучения высш. юрид. учеб. заведений по спец. 021100 «Юриспруденция»; М-во образования Рос. Федерации, Тамб. гос. Ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2003. – С. 243.
22. Батурин, Ю.М., Жодзишский А.М. Компьютерная преступность и компьютерная безопасность. – М.: «Юридическая литература». 1991. – С. 67.
23. Гончаров, Д. Квалификация хищений, совершаемых с помощью компьютеров // Законность. – № 11. – 2001. – С. 68.
24. Федеральный закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. №5485–1 «О государственной тайне» с изм. и доп. от 8 ноября 2011 г. N 309-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 41. – Ст. 8220–8235.
25. Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. №149–ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3448.
26. Ляпунов, Ю., Максимов, В. Ответственность за компьютерные преступления.// Законность. – 2002. – № 1. – С. 44.

УДК 343

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНОГО
ПАРТНЕРСТВА В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ**

**LEGAL PROBLEMS OF THE INSTITUTE OF SOCIAL PARTNERSHIP IN
STAVROPOL TERRITORY**

*Ваниянц Д.Ю., Филиал Московского государственного университета
приборостроения и информатики в г. Ставрополе, кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры Гуманитарных дисциплин*

*Waniyanc D.YU., Branch of Moscow state University of instrument engineering and
Informatics in the city. Stavropol, candidate of sociological Sciences, associate Professor, associate
Professor of the Department «Humanities»,*

e-mail: www.krasikova@rambler.ru

*Аннотация: рассмотрены проблемы реализации института социального
партнерства и предложены пути их устранения*

*Abstract: the article considers the problems of realization of the Institute of social
partnership and offered the ways of their elimination*

*Ключевые слова: социальное партнерство, коллективный договор, противоречие
между трудом и капиталом*

*Key words: social partnership, collective bargaining agreement, the contradiction between
labour and capital*

Концепция и лозунги социального партнерства были выдвинуты в первые социал-демократическими партиями в Западной Европе еще в начале XX века. Социальное партнерство прочно заняло важную роль в трудовых отношениях и законодательстве развитых капиталистических стран и вошло составной частью в российское трудовое законодательство.

В настоящее время выдвинуто мнение о том, что социальное партнерство необходимо рассматривать как особый метод регулирования трудовых отношений, в том числе и с учетом возможности снижения напряженности между трудом и капиталом в сфере наемного труда.

Актуальных проблем институт социального партнерства имеет достаточно, одной из них является проблема недостаточной четкости законодательства при формулировании форм социального партнерства, участия работников в управлении организации и др.

Нормативные правовые акты субъектов РФ и в частности Ставропольского края, посвященные проблемам развития социального партнерства, малоизученны и практически не освещены в юридической литературе.

Отношения наемного труда на протяжении всей истории своего развития регулировались различными способами. В современных условиях преобладающим

становится способ достижения договоренности между трудом и капиталом, получивший наименование «социально партнерство».

Признание партнерских взаимоотношений между трудом и капиталом базируется на нескольких факторах: экономическом, социальном, политическом.

Экономической основой социального партнерства выступает объективное и необходимое участие наемного труда в производственном процессе и достижении прибыли как результата производственной деятельности. В производстве постоянно участвуют четыре фактора: 1) капитал; 2) капитальные блага — средства производства; 3) деятельность предпринимателя; 4) труд рабочего. Каждому из этих факторов должна быть вменена специфическая доля производственной выручки: капитал приносит процент, капитальные блага — ренту, предпринимательская деятельность капиталиста — прибыль, а труд рабочего — заработную плату. Вопрос о доле производственной выручки, получаемой за использование каждого из производственных факторов, является основополагающим для определения условий найма труда и составляет основной предмет договора найма труда.

Однако экономические интересы субъектов трудовых отношений противоположны, что является основой для возникновения конфликтов между трудом и капиталом.

Наряду с данным конфликтом у работников и работодателя есть и общность интересов: чем эффективнее работает предприятие, тем выше уровень условий труда и социального обслуживания работников. Соответственно, как работодатель, так и работники, в конечном счете, заинтересованы в стабилизации трудовых отношений и обеспечении конкурентоспособности предприятия (бизнеса). Как следствие, имеется объективная экономическая основа для мирного решения вопросов между трудом и капиталом способами, учитывающими и общие интересы, и интересы каждого из субъектов трудовых отношений.

Социальным фактором развития отношений социального партнерства выступает сама структура общества, основанного на применении наемного труда.

Процесс индустриализации изменил социальную структуру общества, ликвидировал функциональные и вертикальные границы между различными профессиональными группами ремесленников, устранил замкнутую цеховую структуру производства, обеспечил возможность свободного движения рабочей силы и самостоятельность каждого собственника средств производства. Он же потребовал мобильности и самостоятельности рабочей силы.

Работодатель как обладатель трех из четырех факторов производства способен диктовать работнику свои условия найма уже на рынке труда, работник же вынужден соглашаться на эти не всегда выгодные для него условия под угрозой утраты возможности вообще получить какую-либо работу[1]. Соответственно, процесс договорного регулирования индивидуальных трудовых отношений зачастую превращался и превращается до сих пор в формальное одобрение со стороны работника предложений работодателя.

Для защиты своих интересов и проведения переговоров об условиях труда с максимальной эффективностью работники стали объединяться в особые организации — профессиональные союзы. Эти организации по мере своего становления получили возможность проводить переговоры с работодателями также с позиции силы и во многих случаях стали вынуждать работодателей заключать соглашения о труде на условиях, максимально выгодных для работников. Тем самым произошло фактическое выравнивание положения работников (объединенных в особую организацию) и работодателя.

Подобное противостояние нарушало социально-экономическую стабильность, приводило к ослаблению всего общества и противоречило его интересам. Кроме того, оно противоречило также интересам конкретных работников и работодателей, поскольку открытая конфронтация, с одной стороны, подрывает конкурентные позиции работодателя, а с другой стороны, негативно влияет на положение работников.

Осознание отрицательного влияния трудовых конфликтов на развитие общества и государства потребовало политических изменений в отношении государства к регулированию отношений между трудом и капиталом. Государство признало право работников на объединение в профессиональные организации и стало стимулировать развитие договорного взаимодействия работодателей и представительных организаций работников. Одновременно произошли существенные изменения и в политической ориентации рабочего движения. Профсоюзы в социалистически ориентированные партии рабочих фактически отказались от реализации идеи уничтожения капитализма путем политической революции, а работодатели, в свою очередь, признали профсоюзы законным коллективным представителем интересов работников наемного труда.

Таким образом, со всех точек зрения механизм социального сотрудничества оказывается более выгодным и эффективным, чем открытое противостояние труда и капитала.

Существенной спецификой становления отношений социального партнерства в Российской Федерации на современном этапе является их формирование в условиях отказа от централизации регулирования трудовых отношений. Ослабление вмешательства государства в трудовые отношения, формирование независимого от государственных органов сектора экономики существенно повышают роль локального регулирования, в рамках которого договорные формы установления прав и обязанностей участников процесса труда имеют определяющее значение.

Социальное партнерство в настоящее время выступает как институт социальной политики, с помощью которого реализуются социальные функции государства и обеспечиваются классовый мир и спокойствие в стране. С этих позиций социальное партнерство — единственно возможная разумная альтернатива классовой борьбе и силовым способам разрешения конфликта труда и капитала.

В итоге социальное партнерство можно определить как способ регулирования социально-трудовых отношений между работниками (их представителями) и работодателями (их представителями), основывающийся на взаимном учете интересов каждой из сторон, уважении этих интересов и отказе от силовых способов взаимодействия [2].

На настоящий момент определение основ социального партнерства, порядка ведения коллективных переговоров, заключения и изменения коллективных договоров и соглашений отнесено к ведению федеральных органов государственной власти. Законами субъектов РФ должны регулироваться вопросы деятельности комиссий по регулированию социально-трудовых отношений, образуемых на региональном, территориальном уровнях системы социального партнерства.

Наконец, отношения социального партнерства могут регулироваться актами-соглашениями (коллективными договорами и коллективными соглашениями). В отношениях социального партнерства данные акты представляют собой, с одной стороны, вид источников права, регулирующих рассматриваемые нами отношения, а с другой стороны, они являются результатом партнерских отношений, который объективируется в акте, принимаемом в итоге коллективных переговоров [3].

Именно в актах-соглашениях проявляется созидательный потенциал социального партнерства. Они могут устанавливать правила взаимодействия субъектов социального партнерства, порядок проведения коллективных переговоров и т.п., а также нормы, непосредственно регулирующие трудовые и социально-экономические отношения.

В Концепции развития договорного регулирования трудовых отношений в Ставропольском крае, утвержденной Постановлением Губернатора Ставропольского края 30 июня 2000 года [4] отмечается, что в условиях становления рыночных отношений происходит снижение регулирующего воздействия на сферу труда со стороны государства, отход от

командно-административного управления экономикой и перенос центра тяжести в решении абсолютного большинства проблем непосредственно в организации, отрасли экономики, в регионы.

Целью настоящей Концепции является анализ положения дел и накопленного опыта организации партнерских отношений в крае, установление причин, сдерживающих развитие в крае основных форм социального партнерства, определение путей развития договорного регулирования трудовых отношений.

Договорное регулирование трудовых отношений в крае в последние годы получило определенное развитие. Основной формой социального партнерства стали коллективные договоры, заключаемые в организациях, краевые отраслевые тарифные, территориальные (районные, городские) соглашения. На всех уровнях социального партнерства созданы двухсторонние и трехсторонние комиссии как органы, которые ведут коллективные переговоры и подготавливают соглашения и коллективные договоры, осуществляют контроль исполнения достигнутых договоренностей, рассматривают другие актуальные вопросы социально-экономического характера, требующие согласованных решений и действий сторон.

Сформировался порядок уведомительной регистрации соглашений, коллективных договоров на краевом уровне, в районах и городах краевого значения.

Однако целый ряд причин сдерживает развитие договорного регулирования трудовых отношений на всех уровнях социального партнерства в крае [5].

Процессы реструктуризации экономики, ликвидации государственного монополизма, акционирование предприятий и развитие частного предпринимательства, медленное осуществление при этом экономических и правовых преобразований привели к нарушениям финансово-банковской деятельности, массовым взаимным неплатежам, в том числе из бюджетов всех уровней, непомерному развитию бартерных операций, длительной задержке выплаты заработной платы, другим проявлениям, создающим непредсказуемые условия работы работодателям и работникам.

Медленно формируются и развиваются стороны социального партнерства. Так, профсоюзные органы созданы примерно в половине организаций, где применяется наемный труд, коллективные договоры заключаются лишь на двух из трех организаций, в которых существуют профсоюзные органы. Не создаются органы общественной самодеятельности для обеспечения представительства работников при ведении коллективных переговоров в организациях, в которых отсутствуют профсоюзные организации. Профсоюзные органы, участвующие в заключении территориальных соглашений, нередко уполномочены лишь частью работников, иногда незначительной.

Содержание коллективных договоров и соглашений в ряде случаев носит общий характер. Оно не всегда увязывается с проблемами и особенностями деятельности конкретных организаций, отраслей, территорий, нередко ориентировано преимущественно на предоставление социальных гарантий работающим, членам их семей в зависимости от финансовых возможностей организаций. При этом недостаточно прорабатываются вопросы стоимости рабочей силы, охраны и создания условий труда, обеспечения гарантий занятости работающим на случай их возможного высвобождения.

Отсутствует необходимая правовая база социального партнерства. В вузах и научных учреждениях края практически не ведутся разработки проблемы социального партнерства.

Актуальной задачей является уточнение порядка наделения полномочиями органов, представляющих интересы работников в районах и городах при ведении переговоров и заключении территориальных соглашений.

Развитие партнерства требует разработки рекомендаций по формированию и юридическому оформлению органов общественной самодеятельности как возможной

стороны социального партнерства, представляющей интересы работников в организациях [6].

Для повышения эффективности переговорного процесса и контроля за реализацией достигнутых договоренностей необходимо практиковать создание в рамках двух- и трехсторонних комиссий рабочих групп, перечень которых соответствует основным разделам заключенных соглашений.

Система социального партнерства должна представлять собой целостный механизм реализации социально-экономической политики. Для этого следует обеспечить единство содержания соглашений различных уровней, опережение по срокам заключения краевого соглашения между краевым органом исполнительной власти, краевыми объединениями организаций профсоюзов и краевыми объединениями работодателей.

Развитие социального партнерства требует принятия и совершенствования на краевом уровне закона о Ставропольской краевой трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, об объединениях работодателей в Ставропольском крае, о тарифном регулировании оплаты труда в Ставропольском крае.

Требуют уточнения механизмы контроля исполнения обязательств, включение в соглашения, распространения действия заключенных соглашений на работодателей, не участвовавших в заключении соглашений и не делегировавших свои полномочия на заключение, проведение уведомительной регистрации соглашений и коллективных договоров в крае, участия министерств, управлений, комитетов Ставропольского края в заключении краевых отраслевых тарифных соглашений, порядок разработки и принятия краевого трехстороннего, краевых, районных, городских отраслевых (межотраслевых, профессиональных) тарифных и территориальных соглашений [7].

Одной из главных и первоочередных задач является организация краткосрочного обучения представителей работодателей и работников - организаторов социального партнерства на предприятиях и в учреждениях, отраслях, на территориях, координаторов двух- и трехсторонних комиссий по регулированию социально-трудовых отношений. В качестве практических пособий должны разрабатываться рекомендации по содержанию основных разделов коллективных договоров и соглашений [8].

Органу исполнительной власти края по труду ежегодно представлять в Правительство Ставропольского края аналитический доклад о состоянии социального партнерства и урегулирования коллективных трудовых споров в Ставропольском крае.

Следует уделить внимание изучению судебной практики разрешения конфликтов, связанных с процессами заключения и выполнения коллективных договоров и соглашений в крае.

Таким образом, со всех точек зрения механизм социального сотрудничества оказывается более выгодным и эффективным, чем открытое противостояние труда и капитала.

Государство должно выступить в качестве гаранта социального партнерства, обеспечивающего равноправие участников отношений социального партнерства и защиту их прав. Свою роль гаранта отношений социального партнерства государство осуществляет преимущественно в формах участия в разрешении разногласий, возникающих между субъектами социального партнерства (организации посреднических процедур, трудовых арбитражей, осуществлении судопроизводства), осуществления контроля за соблюдением законодательства о социальном партнерстве и выполнении обязательств, установленных коллективными договорами и соглашениями [9].

Литература

1. Пашков, А.С. Социальное партнерство в сфере трудовых отношений. // Правоведение. – 1997. – №2. – С.7.
2. Лушникова, М.В. Государство, работодатели и работники: история, теория и практика правового механизма социального партнерства. – Ярославль: ЯрГУ, 2004.
3. Кривошеев, В.Т. Социальное государство и его роль в становлении социального партнерства. // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – №3. – С. 12-16.
4. Сборник законов и других правовых актов Ставропольского края. – 2010 – №7. – С. 20.
5. Комментарий законодательства о социальном партнерстве. – М.: 1997. – С. 288.
6. Нуртдинова, А.Ф. Роль коллективно-договорного акта в правовом регулировании общественных отношений. // Трудовое право. – 1999. – №1. – С.34-39.
7. Комментарий к Трудовому кодексу РФ / Под ред. К.Н. Гусова. - М.: Проспект, 2009. – С. 188.
8. Коршунова, Т. Ю. Комментарий к Федеральному закону «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности». - М.: Юрид. дом «Юстицинформ», 2006. – 302с.
9. Семигин Г.Ю. Социальное партнерство в современном мире. – М.: Мысль, 2004. – С. 56.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL SCIENCE

УДК 008.001

КУЛЬТУРА В СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ
CULTURE IN THE SYNERGETIC PARADIGM

Воеводина М. И., ГОУ ВПО «Ставропольский государственный педагогический институт», ассистент кафедры хореографии,

Voevodina M.I., Stavropol state pedagogical Institute, assistant of the department of choreography

e-mail: Venividivici8@ya.ru

Аннотация: Рассмотрены принципы и подходы мировидения культуры с точки зрения синергетической парадигмы.

Annotation: The principles of the world-Outlook of the culture from the point of view of the synergetic paradigm.

Ключевые слова: синергетика, хаос, энтропия, культура.

Key words: synergetic, chaos, entropy, culture.

Существуют достаточно веские основания считать синергетику основой для междисциплинарного синтеза знания, что дает возможность приблизить нас к пониманию процессов, происходящих в обществе, и постижению феномена человека во всех его разнообразных проявлениях (В. П. Веряскина, Е. Г. Силяева, Т. П. Григорьева). При таком целостном взгляде на мир наука, считает Т.П. Григорьева, обретает человеческое измерение [1].

Развитие синергетики в значительной степени связано с разработкой определенных разделов естественных наук – таких как: нелинейный анализ, неравновесная термодинамика, теория хаоса, фрактальная геометрия. Однако неопределенность и относительность характерна не только для мира физических явлений и химических процессов, но и для живых систем. Поэтому и для философии и социогуманитарных наук синергетика открывает новые возможности в постижении проблем, непосредственно связанных с человеком. По мнению Колосовой О. Ю., вероятностный характер развития культуры как открытой нелинейной системы усиливается под воздействием эмерджентных трансформаций направленности социокультурных процессов [3].

Синергетика исходит из того, что все новое в мире возникает в критических условиях. Акцентирование внимания на периодах между изменчивостью и устойчивостью, когда происходит не только накопление социокультурного опыта, но и вырабатывается программа следования ему, когда уже освоенное превращается в традицию и на этой, еще становящейся основе, уже зарождается новый феномен в условиях подвижного контекста – суть синергетического анализа. Именно в эти периоды неустойчивости (ситуация хаоса) складывается новая смысловая целостность культуры, выкристаллизовывается ее новая парадигма.

Как отмечает А. П. Назаретян, продуктивность рассмотрения культуры с позиций синергетики несомненна. Ученый выделяет три важных аспекта.

Во-первых, возможность анализа культуры как самоорганизующейся системы, в которой действуют определенные механизмы, обеспечивающие коммуникацию, социальную организацию, родоплеменные и семейно-родственные отношения, демографическое развитие, стимулирующие информационно-познавательную активность общества. Периоды ее выхода за пределы самой системности, пребывания в состоянии нестабильности, неустойчивости, неравновесности есть проявление относительной автономности культуры.

Общество последовательно адаптирует внешнюю природу к своим возрастающим потребностям, а также перестраивает внутреннюю природу человека, «в особенности, на этапе его перехода к глобальному информационному обществу, основанному на знаниях» [2]. Поэтому на ход эволюционного процесса влияют не только внешние и внутренние факторы, но и *спровоцированные неустойчивости*. Синергетическая модель помогает увидеть разбалансировки в системе культуры – своего рода ее ответы на антропогенные кризисы. Именно понимание фазовых переходов, вопросы взаимодействия порядка и хаоса, созидательная роль которого долгое время не учитывалась при проведении социальных реформ, *поиски устойчивого состояния* характеризуют *второй аспект* в исследованиях культуры как самоорганизующейся системы.

Третьим аспектом является познание культуры как целостности, как сложной самоорганизующейся системы, которая должна быть основанием для социокультурного развития [4].

Естественно, что за создание нового порядка системе приходится расплачиваться энтропией: чтобы поддерживать культуру в стационарном состоянии, человек должен не ограничивать, а поддерживать ее обмен с окружающей средой [5].

Энтропия – это производное понятие от понятия «состояние объекта» или «фазовое пространство объекта», впервые введенное в термодинамике для определения меры необратимого рассеяния энергии. Она характеризует степень вариативности микросостояния объекта. Качественно, чем выше энтропия, тем в большем числе существенно различных микросостояний может находиться объект при данном макросостоянии.

Естественным развитием понятия энтропии являются понятия информации и сложности. К понятию информации с 30-х годов XX века установился подход, как к мере уменьшения энтропии в модели, описывающей объект, в результате получения некоторого

сообщения, меняющего эту модель. При этом предполагается, что в новой модели энтропия будет обязательно меньше, чем в исходной [7].

Активность культуры в периоды, связанные с производством энтропии, проявляется, преимущественно, в двух направлениях. С одной стороны, культура работает на выравнивание разностей в социальных системах, интегрирует общество (формирование единого ценностно-смыслового пространства, распространение научно-технических достижений, развитие инфраструктуры культуры региональных сообществ в рамках одного государства); с другой – создает неоднородности и поддерживает многообразие (способствует формированию новых субкультур, «тревожит» национально-культурные ментальные структуры). Поэтому «беспорядок» рассматривается как цена, уплачиваемая за возможность создать порядок. Пытаться жестко управлять подобной ситуацией, насильно сдерживать развитие процессов не всегда целесообразно. Регулирование любой социальной системы должно носить мягкий характер и проявляться в виде слабых управленческих воздействий.

Синергетический подход утверждает идею кризиса как *периода самопознания культуры*, периода активизации ее внутренних потенций. Однако при этом учитывается, что ее состояние неустойчивости оказывает двойственное влияние на человека. С одной стороны, культура утрачивает способность удовлетворять все возрастающие потребности, с другой – человек оказывается не готовым к «вызовам» времени. Состояние хаоса – это сложная, но креативная по своей сути фаза выбора пути дальнейшего развития. Сущность кризиса может быть понята как *переоценка слагаемых духовно-смыслового ядра культуры*. Таким образом, любые явно обозначенные и ощущаемые на уровне интуиции нарушения целостности системы свидетельствуют о приближающихся переменах, о выстраивании новой конфигурации культуры.

Принципам нового синергетического мировидения подчинена концепция А.Е. Чучина-Русова, озаглавленная автором как «Единое поле мировой культуры» [6]. Различные явления культуры рассматриваются в их непрерывном взаимодействии, обмен, общение культур является одним из центральных положений теории. Автор выделяет четыре основных признака, характеризующих «единое поле мировой культуры»: архетипичность, аетитетичность, голографичность и цикличность.

Таким образом, синергетическое научное мировидение выступает в качестве базиса для всеобъемлющей культурологической установки, актуализирующей системные качества культуры, способствующей целостному ее охвату. Философия синергетики должна способствовать формированию человека с принципиально новым мировоззрением. Такое мировоззрение предполагает умение ориентироваться в сложном и противоречивом мире, избегать, по мере возможности, насильственного решения проблем, уметь прогнозировать будущее и выбирать наиболее оптимальный вариант развития ситуации из множества возможных.

Литература

1. *Григорьева, Т. П.* Синергетическая модель японской культуры // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве / Сост. и отв. ред. Копцик В.А. - М.: Прогресс-Традиция, 2002. - 495 с.
2. *Гончаров, В. Н.* Информатизация образования общества: фундаментальный аспект исследования информатики // Фундаментальные исследования. - 2012. - № 3-0. - С. 21-24.
3. *Колосова, О. Ю.* Глобализация культурных процессов: синергетический аспект // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2012. - № 2. - С. 22 – 25.
4. *Назаретян, А. П.* Устойчивое неравновесие и синергетическая модель культуры / А. П. Назаретян // Синергетика. Философия. Культура. – М.: Изд-во РАГС, 2001. – С. 112–115.
5. *Пригожин, И. Р.* Время, хаос, квант: К решению парадокса времени: перевод / И. Р. Пригожин, С. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1994. - 266 с.
6. *Чучин – Руссов, А. Е.* Единое поле мировой культуры // Вестник Российской академии наук. – 1996. - Т. 66. - №10. – С. 913-924.
7. *Яглом, А. М.* Вероятность и информация / А. М. Яглом, И. М. Яглом. - М.: Государственное издательство технико-теоретической литературы, 1957. – 159 с.

УДК 001.6

СИСТЕМА НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
SYSTEM OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN THE CONTEXT
OF SCIENTIFIC INFORMATION

Гончаров В. Н., ГОУ ВПО «Ставропольский государственный педагогический институт», доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой андрагогики.

Goncharov V. N., Stavropol state teacher training college, Doctor of Philosophy, assistant professor, head of the department androgogic.

e-mail: vgn1968@rambler.ru

Аннотация: Прогресс науки как системы знаний оказался бы невозможным как в сфере самой науки, так и в других областях общественной практики и деятельности по их производству, если бы не возникли прогрессивные и сравнительно быстрые способы превращения научного знания в научную информацию и ее движения.

Annotation: Progress in science as systems of knowledge would appear impossible both in the sphere of the science, and in other areas of public practice and activities for their production if there were no progressive and rather fast ways of transformation of scientific knowledge in scientific information and its movements.

Ключевые слова: научная информация, научные знания, информационный процесс, научное познание, теория информации, научно-информационная деятельность.

Key words: scientific information, scientific knowledge, information process, scientific knowledge, information theory, scientific information activities.

Весьма сложным отражением является познавательный процесс. Он не всегда оказывается непосредственным взаимодействием субъекта и объекта, а опосредован многими звеньями и факторами. Приращение нового знания - это не просто воздействие объекта на субъект, а целенаправленный и активный поиск субъектом объекта и столь же активное его воспроизведение. Научное знание на первых этапах познания добывалось преимущественно пассивным созерцанием объекта, то есть непосредственным его отражением, наблюдением. В дальнейшем наблюдение все в большей степени заменялось экспериментом, а непосредственное отражение объекта построением гипотез и предположений об объекте познания с последующей проверкой практикой. Одна из наиболее важных форм развития естествознания и вообще всей науки - метод гипотез. Метод гипотез на основе уже имеющихся данных требует создания информационной модели его вначале в знании. Рост научной информации способствовал тому, что исследователь все в большей степени приобщался к уже накопленному знанию, изучая неизвестное ему

явление, на его основе строил гипотезу об объекте познания, выходя за пределы знания и лишь затем их проверяя. Без проверки знания о нем, просто так созерцать объект, было уже бессмысленно. Вполне было возможно, что этот объект уже воспроизведен хотя бы частично в существующем знании. Зафиксированное в предметной форме научное знание (информация) играло все большую роль в научном познании по мере своего роста: появилась не меньшая потребность обращения к готовому знанию в надежде выявить еще не открытое другими знание из самого знания, чем потребность выхода за пределы знания к самому объекту познания. Эта усиливающаяся форма теоретической деятельности человека над наукой как системой знаний стала играть свою роль в научном процессе. Ее можно было сравнить с ролью форм связи науки с объектом познания. Процесс познания как отражения, приращения нового знания дополнялся другими формами отражения в науке, которые сами по себе уже не были приращением нового знания. Однако существование этих форм было направлено на производство нового знания - основную функцию науки. Движение познания, без этих вспомогательных форм отражения, уже не могло быть столь эффективным как ранее, в тот момент, когда науки еще не было, или когда она только зарождалась и была в процессе становления. Систематизация и упорядочивание уже имеющихся в наличии знаний в науке определяют познавательные, а тем самым и, в известной степени, отражательные процессы. В процессе производства новой информации ученые все больше и все чаще обращаются не только к объекту познания, но и к знанию о нем [1].

Для проведения научных исследований необходима систематизация знаний. Эта же систематизация знаний необходима и для классификации и каталогизации знаний, информационного поиска и использования знания в производстве. В качестве необходимого условия научного прогресса выступает также систематизация и упорядочивание знания, превращенного в научную информацию. Этот процесс характеризуется отражательной сущностью, где она представляет собой отражение отражения. В ходе этого процесса происходит воспроизведение особенности объекта с одной стороны, а субъекта и системы знаний - с другой. «Человек как интегральная индивидуальность познает окружающий мир в деятельности. Поэтому успешное выполнение деятельности зависит не только от многочисленных характеристик самой деятельности (вид деятельности, ее содержание, сложность), но и от уровня развития интегральной индивидуальности, от того, насколько разноуровневые свойства ее согласованы, упорядочены и сгармонизированы» [2].

Выявление нового знания в условиях информационного кризиса усложнилось. «Становится все более очевидным, что преодолеть надвигающийся кризис чисто техническими средствами невозможно» [3]. В результате не информированности, а иногда и умышленно, старое знание выдается за новое. Это отвлекает силы и средства для «решение» тех задач, которые уже решены, что наносит вред развитию науки. В исследовании функции распознавания старого знания и отличия его от нового определенное содействие могут оказать теория информация и особенно теория распознавания образов [4]. Когда один гносеологический образ соотносится не с самим объектом познания, тогда происходит распознавание старого знания, которое выступает в качестве гносеологической процедуры.

Это делается для того, что бы выявить степень соответствия с уже полученным знанием и с имеющейся научной информацией. Такая процедура осуществляется в основном учеными-экспертами и частично уже начинает передаваться специальным кибернетическим устройствам.

В процессе движения научной информации производство и использование знания выступают как противоречивые процессы, обеспечивая при этом развитие и устойчивость современной науки, прежде всего, как информационной системы. Отражательный процесс, выходящий за пределы науки, протекает за счет использования знания. Он содействует более эффективному развитию всех сторон человеческой деятельности, обуславливает существование науки как необходимого социального феномена. Процесс движения информации использует знания с информационных позиций в системах управления теми или иными социальными объектами, которые воспроизводят в объекте управления в материальной форме идеальную научную информацию и от науки воспринимают информацию как от управляющей системы. В зависимости от форм представления содержания научной информации и запаса знаний потребителя информации возможно различное ее восприятие. Одна и та же научная информация может иметь различную степень восприятия различными потребителями информации [5]. Сложные научные тексты при малом запасе знаний потребителя информации могут вообще не восприниматься, так как такой текст будет не понят и не изменит запас знаний, другими словами «тезаурус» приемника информации. Между этими двумя крайними случаями лежит диапазон (возможно, где-то имеющий максимум), когда восприятие научной информации ведет к изменению тезауруса, к увеличению количества в нем семантической информации.

На восприятие научного знания влияют ценностные характеристики, имеющие как эпистемологическую, так и социальную природу. Науке известны случаи, когда видными представителями научного мира не воспринимались крупнейшие открытия именно в силу того, что различные ученые имели разные стили мышления. Очень часто ученый одного стиля мышления (причем это не зависти от его воли) не в состоянии воспринять в течение всей своей творческой жизни иную точку зрения. Стремление не вводить и не множить новых принципов выражает аспект сохранения и сопротивления определенного ряда ученых по отношению к научному открытию или новой идее. Объяснение этому то, что еще окончательно не доказана невозможность все обосновать уже известными науке закономерностями. Для этого, чтобы новое открытие большинством ученых было воспринято, необходимо его обстоятельно аргументировано и понятно изложить. Восприятие научного открытия зависит от формы его изложения, содержания и доказательства. Именно здесь в значительной мере проявляются субъективные моменты, оказывающие решающее влияние на замалчивание, признание или равнодушное отношение к данному научному открытию. Поиск истины и доказательство истины - два относительно самостоятельных процесса, на которые распадается единый процесс получения нового знания.

Из научного знания выделяется особая форма отражения и, соответственно, особый

вид движения научной информации, заключающийся в ее хранении. Хранение информации - это процесс ее передачи во времени, который сопряжен в известной степени с ее передачей в пространстве и отчасти с переработкой. Основной целью хранения научного знания является передача его содержания во времени без помех и искажений. Следовательно, эти функции зависят в значительной степени и как от способа кодирования научной информации, и так от материальных ее носителей. «Научная информация оказывается важнейшей составляющей частью научной деятельности» [6]. Ее свойства и движение рассматриваются при этом с различных позиций. В этом случае возможны кибернетические модели движения научной информации как восприятия, хранения, распознавания, переработки и передачи информации. Данные модели нашли широкое применение в науковедении и информатике, где основное внимание уделяется передаче информации. В области информатики во многих работах, а также и в науковедении, информационные процессы в науке часто отождествляются с передачей научной информации. В этой ситуации разработка информационной теории управления, а также семиотических концепций информации способствует выявлению места информации в процессах управления, в том числе и в социальных управленческих процессах, где в качестве системы управления или управляющей системы выступает наука. Проблема информации в науке анализируется на основе категории отражения с философско-гносеологической точки зрения. При этом отражение, являясь основой понимания информации, оказывается не только результатом, а также и процессом. Информация выступает и как процесс, и как результат этого процесса. Эта точка зрения существовала в представлении об информации еще до того, как сюда «проникли» проблемы теории отражения. В общем, информация понимается как результат некоторого действия людей, продуктом которых оказываются сведения, являющиеся результатом определенных процессов социального отражения и выступающие в качестве информации. Научная информация как аспект науки и системы знаний выступает как результат познавательного процесса. В известной мере познавательный процесс оказывается вместе с тем и информационным процессом. Некоторый процесс получения сведений, причем не от природы, а в основном от людей, понимается как информация. Информационный процесс в науке как информационный аспект процесса отражения представляется с эпистемологических позиций. Научная информация является результатом процесса отражения и выступает как взаимодействие субъекта и объекта познаний. Познание как деятельность имеет биполярную субъект-объектную природу и может рассматриваться как получение информации с информационных позиций от объекта субъектом познания.

В научном познании человек использует определенные технические и теоретические средства так же, как и в процессе материального производства, он между собой и предметом труда ставит средства труда. Отражение объекта субъектом опосредовано средствами познания, кроме случая простого наблюдения, сквозь «призму» которых предстает объект и знания. Средства познания часто включают в субъект, но необходимо специально выделить их в качестве одного из важнейших компонентов познавательного

отношения. Реальный познавательный процесс, таким образом, есть взаимодействие субъекта с объектом с помощью средств познания. Научное знание - результат этого взаимодействия.

В научно-информационной деятельности можно выделить в основном две основные разновидности. Во-первых, это сбор, хранение, поиск и распространение уже имеющейся в науке информации. В этой области специалисты именуются информаторами, а их деятельность, как правило, не сопряжена с производством новой информации для общества в целом. Осуществить информационное обеспечение потребителей - ученых и других специалистов той научной информацией, которая уже добыта другими учеными, такова, в основном их задача [7]. Большинство научно-информационных работников занято этой деятельностью, являющейся самой массовой по сравнению с другой разновидностью. Вторая разновидность связана с изучением законов научно-информационной деятельности, теории научно-технической информации. Включает в себя более узкую группу специалистов. Они сосредоточивают свое внимание не на распространении имеющейся научной информации, а на создании новой, то есть, заняты аналитико-синтетической переработкой информации с помощью различных информационно-логических систем. Важно подчеркнуть при этом отличие этих последних специалистов (называемых информатиками) от ученых, специалистов в других отраслях и также занимающихся переработкой и получением новой информации. Дело в том, что информатика занимается изучением структуры и свойств (а не конкретного содержания) научной информации. В задачу информатиков, поэтому, входит приращение научной информации лишь на основе переработки структурно-формальных свойств научной информации.

В определенной степени цель ликвидировать информационный кризис, восстановить нарушенную этим кризисом целостность научно-исследовательской деятельности, преследует возникновение и развитие научно-информационной деятельности. Научно-информационная деятельность, в этом смысле, содействует дальнейшему повышению эффективности науки. Она также призвана содействовать дальнейшему соединению науки и производства с другими видами человеческой деятельности [8]. Задача эта оказывается не менее важной, чем внутринаучное обеспечение информацией. Ведь наука - это не только система знаний и деятельность по их производству, но и теперь в значительной степени и непосредственная производительная сила, необходимый фактор развития общественного производства, предполагающая оптимизацию управления [9]. Главным потребителем научной информации, в конечном счете, является производство, и поэтому общество в целом заинтересовано в том, чтобы колоссальные количества научной информации мощным потоком двигалось бы не только в области науки, но и за ее пределы в производственную и другие сферы практической деятельности.

Сейчас создаются и достаточно эффективно используются системы переработки информации, однако они еще слабо увязаны с системами производства и передачи информации. Одно из важнейших требований для технических систем – это требование «стыковки» технических систем производства и передачи информации с системами ее

переработки и управления. Необходимо обеспечить значительно более быстрое развитие единой технической системы производства, передачи, хранения и переработки информации.

Важнейшая характеристика развития науки - это рост количества информации. Здесь применим информационный критерий развития так же, как и в отношении многих других процессов. Развивающаяся система, в частности наука, считается тем более совершенной, чем больше накапливается научной информации. Информационным критерием развития науки является, таким образом, лишь количество используемой информации.

Литература

1. *Михайлов, А. И.* Научные коммуникации и информатика / А. И. Михайлов, А. И. Черный, Р. С. Гиляревский. - М.: Наука, 1976. - С. 248.

2. *Коблева, А. Л.* Характеристика структур интегральной индивидуальности студентов с различной мотивацией выбора высшего профессионального образования: дис. ... канд. псих. наук: 19.00.07 / Пятигорск, 2005. – 142 с. – Библ.: с. 111–124.

3. *Колосова, О. Ю.* Антропологическое измерение глобальных проблем современности // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2009. – №1. – С. 126-131.

4. *Васильков, А. В.* Познание и распознавание: проблемы логики и методологии науки. - Киев: Издательство Киевского университета, 1972. -194 с.

5. *Шрейдер, Ю. А.* О семантических аспектах теории информации // Информация и кибернетика / Ю. А. Шрейдер - М.: Советское радио, 1967. - С. 15-47.

6. *Гончаров, В. Н.* К вопросу об информационном обеспечении научных знаний // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2005. - № 1. - С. 36-40.

7. *Шрейдер, Ю. А.* Информация и метаинформация // Научно-техническая информация. Серия 2. - 1974. - №4. - С. 5-6.

8. *Михайлов, А. И.* Основы информатики // А. И. Михайлов, А. И. Черный, Р. С. Гиляревский. - М.: Наука, 1968. - С. 59.

9. *Лобейко, Ю. А.* Социально-педагогический мониторинг в аграрном вузе как способ оптимизации управления / В. А. Ивашова, В. Е. Таранова // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2006. - №12. – С. 56 – 58.

УДК 303

ФИЛОСОФСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИКИ
PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF ECONOMY

Колосова О.Ю., НОУ ВПО «Северо-Кавказский гуманитарный институт», доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин.

Kolosov O., North Caucasus Institute for the Humanities, Ph.D., Associate Professor, professor of humanities, social and economic disciplines.

e-mail: kolosova.07@mail.ru

Аннотация: Философская методология позволяет рассмотреть экономику с различных позиций, высвечивает ключевые тенденции и движущие силы ее развития и функционирования.

Annotation: Philosophical methodology allows us to consider the economy from various perspectives, highlights key trends and drivers for its development and operation.

Ключевые слова: философия экономики, методология, экономическая теория, ценностные ориентации, социально-экономическое развитие.

Keywords: philosophy of economics, methodology, economics, values, socio-economic development.

В настоящее время усилился интерес к философским проблемам экономической науки, активизировались стремления разобраться в причинах кризисов глобальной экономики, объяснить сущность процессов, происходящих в этой важнейшей сфере человеческого существования.

Известно, что основы философии и общей экономической теории преподаются обособленно друг от друга. Однако следует отметить, что экономическая проблематика довольно обстоятельно освещаются с позиции социологии, психологии и других обществоведческих наук. Специальный обзор современного состояния отечественных экономико-социологических разработок можно найти в научных журналах и альманахах. Существует мнение, что социология и психология довольно далеко продвинулись в изучении многих экономических реалий, выявили категориальный каркас дисциплин, нашли свою нишу в научных исследованиях и обозначили специфику подходов к рассмотрению экономических процессов и явлений. В центре внимания этих дисциплин выступает проблема человека как субъекта хозяйственной деятельности и поведения. «Надо учитывать роль социального характера реального человека во всех трансформациях современного общества» [2].

Несколько иначе обстоит дело с разработкой философских проблем экономики. В традиционных учебниках по общей и социальной философии имеются краткие по объему и содержанию главы и разделы. В них, как правило, дается трактовка материально-производственной сферы общества, излагаются общеметодологические проблемы производительных сил и производственных отношений. Тем не менее, необходимо отметить, что этой информации недостаточно, если говорить о тех сложных социально-экономических процессах, происходящих в мировой экономике и в российском хозяйственно-экономическом комплексе [3].

Задача философии экономики состоит в том, чтобы выявить ключевые вопросы соотношения взаимосвязи социальной философии и общей экономической теории, философии и экономической социологии. Принципиально важно показать социально-философские аспекты традиционных экономических понятий и узловых тем. Необходимо представить гносеологические, антропологические, аксиологические, идеологические стороны экономических реальностей, а также методологию их интерпретации.

Философия экономики как научная дисциплина представляет собой область исследований общих, глубинных процессов в экономике. Этот анализ осуществляется на основе философских традиций. Во-первых, речь идет о философской (гносеологической) трактовке экономических знаний. Иначе говоря, это стремление выявить и описать фактически сложившиеся структуры экономического знания и их адекватность объективным реалиям.

Во-вторых, философия выступает как методологическая база для рассмотрения экономических проблем. Принципиальное значение здесь приобретают знания законов и категорий диалектики, конкретно-исторический подход к выяснению экономической жизни.

Существенную роль в анализе экономики играет философский принцип системности. Он требует обнаружения многообразных сторон предмета, их единства, раскрытия элементов структуры. Философский принцип системности ориентирует познающего субъекта ставить в центр осмысления представление о целостности. В этом плане рассмотрение экономических систем и явлений предполагает их анализ в связи с другими социальными системами (политическими, правовыми, религиозными и т.д.). Известно, что односторонность в описании и оценке экономических фактов, как правило, служит одной из основ догматизма. Нередко на практике увлечение узкими подходами в объяснении экономико-хозяйственных явлений приводит к экономизму, абсолютизации экономических точек зрения, к игнорированию духовно-социальных параметров.

Философский метод, будучи применен в комплексе с другими методами, способен помогать им в решении сложных теоретических и фундаментальных проблем. Нет, наверное, ни одной экономической теории, формирование которой обошлось бы без использования философских представлений — о причинности, пространстве, времени и др. Эвристическая функция философского метода (диалектики как метода) показывает, что роль философии в развитии экономических теорий и взглядов весьма значительна, особенно в отношении выстраивания гипотез и сценариев будущего развития экономики. Однако было бы неверным полагать, что философская методология экономических исследований

ограничивается диалектико-материалистическими подходами. Известно, что до сих пор велико влияние методологических идей немецкого социального теоретика М. Вебера (1864 — 1920). Он показывает роль ценностно-культурных ориентаций в экономике, вызревание западного предпринимательского духа в недрах религиозного протестантизма [1]. Австро-американский философ Й. Шумпетер (1883 — 1950) большое значение придавал социологическим приемам и процедурам в процессе экономического анализа [4].

80-е и особенно 90-е годы прошлого столетия ознаменовались экономической науке настоящим методологическим бумом. Радикально расширилось применение философских идей для объяснения реальной экономики. Принципиальную роль приобретают теоретические положения и методы философии науки, направлений постпозитивизма, философской антропологии и герменевтики. Разработка применения философских методов связаны с именами таких известных социальных теоретиков, как Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд, К. Поппер и др. Поиски оптимальных философско-методологических приемов осуществляются в рамках плюрализма, с сохранением нормативных методов и постмодернистскими подходами.

В современных условиях велико значение этической позиции исследователя, его добросовестное отношение к выяснению конкретных обстоятельств экономико-политической ситуации. Применительно к экономике это предполагает соблюдение принципа строго держаться фактов, не допускать расхождения между теоретико-методологическими декларациями и фактической экономической политикой. В действительности зачастую можно встретить явные нестыковки между формализованными теоретическими моделями, одной стороны, и эмпирически ориентированными исследованиями, — с другой. От профессионально-этической корректности ученого зависит уровень доверия общественности к предлагаемой научной продукции, экономической информации, степень влияния ее на проведение политики в области экономики.

Здесь нельзя не отметить важности философско-этических аспектов ведения дискуссий. Это особенно актуально в современных условиях, когда высказываются различные, не всегда теоретически обоснованные мнения о путях экономического развития. Возникают трудности общения между приверженцами разных научных парадигм, философских подходов.

Это вопросы о взаимопонимании и профессиональном общении внутри ученого сообщества, они приобретают сегодня новое звучание — как неперемное условие продуктивного функционирования науки. И в этом смысле трудно переоценить значение диалога как ключевого философского принципа постижения истины, разработок адекватных теоретических объяснений жизненных реалий.

Следует подчеркнуть, что нельзя воспринимать философскую методологию как некий набор обязательных предписаний для экономики. Философия не может заменить конкретные экономические знания, экономические теории и прикладные выкладки. Она вооружает преимущественно общими ориентирами, методологическими принципами, необходимыми для успешного решения экономических проблем. Компетенция философии экономики, в частности, заключается в том, чтобы способствовать взаимопониманию между учеными в

условиях свободы слова, плюрализма теоретических мнений. Кроме того, весьма существенна ее роль в поддержании новых, перспективных научных поисков, в особенности на стыках разных дисциплин. Философская методология нацеливает на рассмотрение экономики с различных позиций, высвечивает основные тенденции и движущие силы ее развития и функционирования. Подобный угол зрения открывает богатые возможности для глубокого познания экономических явлений и процессов.

В философии экономики ключевую роль играет антропологический подход, согласно которому человек, его потребности и интересы являются определяющими в детерминации социально-экономической деятельности. Личность, как движущая сила общественной жизни, трактуется как субъект экономической деятельности. Эти фундаментальные положения лежат в основе анализа экономики.

В экономической социологии получила довольно обстоятельную разработку модель «экономического человека» (*homo economicus*). Считается, что определяющим его свойством выступает забота в первую очередь о своем интересе и стремлении к максимализации собственной выгоды. Иначе говоря, выделяется его эгоистическая сущность. «Экономический человек» не только хорошо знает собственные потребности, но и обладает достаточной информацией о средствах их удовлетворения.

Отметим, что экономическое поведение человека не единственное по своему характеру и мотивации. Теоретики давно и продуктивно обсуждают альтернативные модели деятельности в сфере экономики. Речь идет о философско-социологической интерпретации аспектов экономического поведения. Здесь обосновываются морально-альтруистические ориентации, мотивы, связанные с понятием справедливости, соображения престижного потребления, этика безвозмездной помощи и коллективного выживания.

В научных трудах отмечается, что экономические ожидания ориентации человека во многом определяются его принадлежностью к различным социальным, демографическим, профессиональным общностям. Характер и специфика деятельности в сфере экономики обуславливаются определенными социально-политическими структурами. Иначе говоря, социально-философские подходы расширяют и обогащают наше видение хозяйственно - экономических процессов и решающую роль в них человеческой личности. Принцип философского антропозизма позволяет, например, раскрыть сущность понятия социально ориентированной экономики, глубже разобраться в механизме экономической социализации, формировании социальных типов личности, действующих в сфере производства, обмена, распределения и потребления.

В современной социально-философской литературе ценности трактуются как материальные и духовные явления, обладающие положительной значимостью для человека, той или иной социальной группы, общества в целом и служащие средствами удовлетворения их потребностей и интересов.

В широком, философском плане под потребительными благами подразумевается все то, что необходимо человеку для жизни, без чего жизнь не может вообще состояться.

В рамках общей философии вопросы ценностных ориентаций традиционно связывались с пониманием смысла жизни, с выяснением сократовского вопроса «что есть благо?», с категориями добра и зла. В истории прослеживаются две диаметрально противоположные концепции смысла человеческой жизни: «иметь или быть?». Характер, особенности ценностных ориентаций обуславливают не только образ жизни отдельного человека, но и сказываются на результатах социально-экономического развития общества в целом.

Как самостоятельная дисциплина, философия экономики имеет широкое проблемное поле. Поскольку процесс становления ее статуса находится в самом начале, ее предмет еще не получил общего признания, он требует дальнейшего уточнения и углубления.

Литература

1. Вебер, М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 167 с.
2. Гончаров, В.Н. Информационное общество: антропологический аспект // Альманах современной науки и образования. - 2009. - № 1-2. - С. 57-58.
3. Лобейко, Ю. А. Социально-педагогический мониторинг в аграрном вузе как способ оптимизации управления / В. А. Ивашова, В. Е. Таранова // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2006. - №12. – С. 56 – 58.
4. Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития. – М.: Наука, 1982. – 248 с.

УДК 14: (00+62)

**НРАВСТВЕННЫЕ РЕГУЛЯТИВЫ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА РИСКА**

**MORAL REGULATIVA OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL
DEVELOPMENT OF SOCIETY OF RISK**

Калинина Н.А., Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса, аспирант

*Kalinina N.A., Southern Russian state university of economy and service, graduate student
e-mail: klimenko.kalinina.natalya@mail.ru*

Аннотация: Осмыслены представления о нравственных регуляторах научно-технологической деятельности человека в обществе риска.

Annotation: Ideas of moral regulators of scientific and technological activity of the person in the society of risk are comprehended.

Ключевые слова: нравственные регулятивы, научно-технологическое развитие, общество риска.

Key words: moral регулятивы, scientific and technological development, risk society.

Наступление XXI в. принесло человечеству опасности и риски, связанные с наукой и технологией. Произошла трансформация знания в опасное, несущее многие угрозы, в том числе и угрозу выживания человеческого рода. Проблема «человек – знание» стала одной из главных в философской проблематике общества риска, привлекающей внимание не только узких специалистов, но и широких кругов общества. Одним из симптомов напряженного внимания и обеспокоенности общества начала III тысячелетия можно назвать нравственную оценку роли знания и науки в жизни человека в «обществе риска».

Знание и наука способствуют развитию или угрожают человеку? Как знание соотносится с социальными условиями и факторами своего развития, а также с ценностными принципами? Могут ли ценности играть регулятивную роль в этом развитии? Может ли знание воздействовать на изменение ценностей, и, в какой мере оно само зависит от этого изменения? Как наука воздействует на жизнедеятельность человека в обществе риска. Как научно-техническое развитие преобразуется под влиянием изменения человека, его культуры и цивилизации?

Поставленные вопросы имеют как теоретическое, так и практическое значение в контексте редуцирования и адаптации к опасностям, угрозам и рискам, которые несёт с собой научно-технологическое развитие общества. Философия вносит свою лепту в

рассмотрение мировоззренческих аспектов поставленной проблемы, ставя во главу угла ценностные ориентиры и регулятивы.

Первый момент, на который следует обратить внимание, это коренные перемены в жизни общества, которые вносят знания и технологии. В связи с этим возникают качественно новые ситуации, с которыми сталкивается человечество, эксплуатируя опасные объекты нового уровня знания, такие как атомные электростанции, большой адронный коллайдер и т.п. Катастрофы, происходящие в высокотехнологичных сферах, глобальны. Они не имеют географических, национальных, пространственных и временных границ. Авария в Чернобыле отозвалась в Швеции и других странах мира. Радиоактивные загрязнения окружающей среды будут представлять угрозу для человека на протяжении более 100 тысяч лет. Катастрофы такого масштаба уравнивают богатых и бедных. Все оказываются в одной лодке, в одной большой глобальной «деревне»[5], по выражению Г. М. Маклюэна. Именно осмысление последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции, произошедшей 26 лет назад, позволило немецкому учёному Ульриху Беку создать концепцию «общества риска», которую он изложил в книге «Общество риска. На пути к новому модерну» (1986) и которая стала отправной точкой нашего исследования.

Мы живем в «обществе риска», которое отличается от техногенного общества следующими факторами. Если в индустриальном обществе «одним из инструментов работы с проектами высокой стоимости и достаточно большого риска были процедуры страхования, разделения риска, фьючерсы, деривативы», то в современном обществе риска «технологии, связанные со страхованием, ... перестают работать»[6].

Мы находимся в принципиально новой ситуации, когда в современной техносфере появилось весьма большое число обстоятельств, локальные результаты которых могут привести к глобальным последствиям. Исследователи отмечают следующее.

Во-первых, косвенный ущерб для событий такого рода может многократно превысить прямой. «В самом деле, Чернобыль существенно затормозил и изменил траекторию развития атомной энергетики, по крайней мере, на 20 лет. Примерно на столько же затормозила прогресс космической отрасли и реализацию многих космических программ катастрофа “Челленджера”»[6].

Во-вторых, обезличенный характер решений, принимаемых огромной бюрократической машиной по поводу создания и использования множества опасных объектов, несёт угрозы проектам сегодняшнего и завтрашнего дня.

В-третьих, глобальные последствия могут стать результатом действий или бездействия одного или нескольких человек, не обладающих государственной властью. Так, например, Чернобыльская авария произошла при проведении эксперимента, в котором операторами объекта были отключены пять систем защиты, что категорически запрещалось действующими инструкциями. Авария на Саяно-Шушенской ГЭС, как показало расследование причин, могла быть предотвращена действиями руководства, и работающей смены.

Таким образом, развитие современного знания и техносферы требует от человека, рядового исполнителя, повышенных человеческих качеств, таких как величайшая добросовестность, вина, ответственность, справедливость, внимание и уважение к человеку, любовь к ближнему, забота об окружающем мире, свобода, гуманизм. Возможность глобальных последствий локальных действий отдельных людей приводит к резкому повышению требований не только к человеческим качествам этих людей, но и к профессиональной подготовке более широкого круга специалистов. Все это представляет серьёзный вызов «общества риска» современному социуму и его институтам, в том числе и образованию, а также высоким гуманитарным технологиям, задача которых состоит во внедрении в человека ценностных регулятивов, которые выступают как ориентиры, определяющие гуманистическую направленность современного развития науки и технологий.

По мнению И.К. Лисеева: «Проблема состоит в том, что на рубеже веков все более явственно осознаётся исчерпанность традиционных познавательных, ценностных и деятельностных регулятивов культуры, их несостоятельность в осмыслении и обеспечении реалий развития нашего времени. Им на смену идут новые нормы и идеалы, рождающиеся буквально на наших глазах в трагических коллизиях современного мира»[4]. Анализируя новые регулятивы, он отмечает, что «в познавательной сфере – это новая организация знания, синтез естественнонаучного и социогуманитарного знания, в сфере аксиологии – это гуманизация всех отношений человека и к другим людям, и к природе, реализация принципа ненасилия, в сфере деятельности – это сотрудничество, кооперация, взаимопомощь»[4].

В современных философских и социальных исследованиях широко развернулась экологическая проблематика как забота о земле как нашем общем доме (эко), как необходимость изменения отношения человека к окружающей природе, угрозы, сохранения которой несут угрозы выживания всему человечеству.

В научных кругах известны идеи Римского клуба, о необходимости осмыслить нашу ответственность за природу и существование человечества. Многим известна также концепция устойчивого развития человечества и работы западных авторов Л. Уайта, Б. Калликотта, Р. Атфильда, О. Леопольда, в которых предлагается изменение идеала господства над живой природой идеалом новой экологической этики, предпринимающей попытки перенесения категорического императива Канта со сферы нравственных отношений людей на сферу отношений человека к окружающей среде. В.С. Степин отмечает, что такая система этических регулятивов и мировоззренческих образов «ориентируют на созерцательное отношение к природе, свойственное скорее традиционным, чем техногенным культурам. Идеи новой этики, предлагаемые из оснований страха перед грядущей экологической катастрофой, если им не найти опоры в тенденциях современного научно-технического развития, могут оказаться только благими пожеланиями. Такой опорой служат объективные тенденции современного цивилизационного развития, те изменения, которые характерны для конца нашего столетия»[4].

Первой тенденцией развития человечества является возникновение глобализации, выражающейся в слиянии локальных сообществ отдельных народов, стран, религий в единое целое, характеризующееся возрастающей целостностью и взаимозависимостью. Глобализация становится первой «точкой роста» нового диалогового отношения к миру, которое диктуется современными трансформациями в обществе. Диалог различных стран, наций, рас, культур даёт возможность достижения консенсуса, соглашения в решении локальных конфликтных проблем во избежание их перерастания в глобальный конфликт. В качестве стратегии избежания глобальных опасностей человечество предлагает новые ценностные регулятивы, необходимые для общего выживания и развития: этика ненасилия, идеи терпимости и уважения к чуждым позициям, ценностям и культурам, идеи взаимопонимания. В связи с этим особую актуальность приобретает воспитание толерантности человека.

В основе толерантности лежат такие гуманистические ценности как терпимость к иному образу жизни, поведению, мнению, ценностям, уважение человека как личности, признание равноправия людей и их прав и свобод, чувство сопричастности и ответственности за собственную жизнь и признание таковой за каждым человеком.

В Декларации принципов толерантности, утвержденной ЮНЕСКО 16 ноября 1995 года записано, что толерантность означает уважение, принятие и понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности. Это не только моральный долг, но и политическая, и правовая потребность. Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира. Толерантность должна способствовать утверждению прав человека, плюрализма, демократии и правопорядка. Люди, как в нашей стране, так и во всём мире, должны научиться жить в рамках терпимости и согласия [1].

Именно толерантность, которая, по словам В.М. Соколова, «является ключевым духовно-нравственным принципом гражданского общества»[7] должна стать тем ценностным регулятивом, который способен обеспечить безопасность современного общества, снять напряженность в человеческих отношениях, поскольку только толерантно образованный человек способен понять мир и себя в этом мире.

Осуществление такой стратегии социальной жизни в «обществе риска» требует идеалов ненасилия и приоритета общечеловеческих ценностей. Угроза выживанию человечества делает стратегию ненасилия парадигмой этого выживания. Становление парадигмы выживания не только затрагивает всю систему ценностей техногенной цивилизации, но и полностью пересматривает идеалы и ценности силы и власти, господства над людьми, обстоятельствами, социумом. Возникает необходимость критического философского анализа всей культурной традиции, в первую очередь, новоевропейской.

Провозглашённый Френсисом Беконом девиз «Знание – сила» олицетворял господство силы и мужества в культуре новоевропейской цивилизации. Такой девиз делает знание опасным, несущим риски и угрозы не только локальным сообществам, но и всему

человечеству. Идеалы власти, занимающие доминирующее положение в обществе, основанном на силовом преобразовании ситуаций природного и социального мира, становятся базисными ценностями техногенной цивилизации.

Пока в обществе господствуют идеалы силы и власти над природными и социальными объектами, они формируют определённые образцы, нормы и программы поведения и жизненных смыслов. Такие идеалы оправдывают насилие в «благих целях», к которому приходят государства, экспансирующие свою политику и мировидение на другие страны и культуры. Однако событие «11 сентября 2001 г.» (террористический акт, произошедший в Соединенных Штатах Америки) изменило представление о возможностях идеалов силы и показало, что сужение мира до размеров одной глобальной деревни снимает всеильность крупнейших мировых держав и делает их уязвимыми, как все остальные государства.

Такая ситуация требует утверждения новых идеалов, новых образцов и норм человеческого действия, которые могли бы стать реальными мировоззренческими основаниями человеческой жизни. «Предпосылки новых стратегий жизнедеятельности возникают не только в сфере социальных, политических и духовных отношений между различными социальными группами, странами и народами глобализируемого человеческого мира. Не менее важно, что эти предпосылки обнаруживаются в сфере самого научно-технического прогресса, который является сердцевинной существования и развития техногенной цивилизации»[9]. Эти предпосылки могут стать второй «точкой роста» новых мировоззренческих ориентаций.

Дело в том, что такие системы как биоценоз, ноосфера, охватывающая гигантский всепланетарный процесс, биосфера как одна из сфер Земли, системы современного технологического проектирования, объекты современных биотехнологий, в том числе генетическая инженерия, компьютерные сети, социальные объекты являются образцами сложных саморазвивающихся человекомерных систем. Из всех вышеперечисленных систем главную роль играют человекомерные системы, в которых присутствует человек. Это совершенно новые системы характерные для современной постнеклассической науки и свертехнологий.

Для саморазвивающихся человекомерных систем характерны иные стратегии деятельности и иные ценности. В.С. Степин считает, что современный тип научно-технологического развития ближе к ценностным мировоззренческим идеям восточных культур, нежели западным.

Выделим три основных момента.

Во-первых, древним восточным культурам свойственны организмические образы природы: «мир природы, в котором живёт человек, – это живой организм, а не обезличенное неорганическое поле, которое можно перепаживать и переделывать»[8]. Такое представление о мире природы коррелирует с современным представлением об окружающей среде как целостном организме.

Во-вторых, развивающимся человекообразным системам свойственны синергетические эффекты, так называемые эффекты совместного кооперативного несилового взаимодействия. Политика активной силы, а, следовательно, ценность силового воздействия и управления для систем такого рода не продуктивна. Увеличение внешнего силового давления на систему воспроизводит один и тот же набор структур и не может породить новую структуру. Однако небольшое воздействие в состоянии неустойчивости системы или в точках бифуркации способно вызвать самоорганизацию новых структур и уровней организации. Такой эффект в синергетике называют эффектом бабочки, ибо ничтожное воздействие взмаха крыльев бабочки может повлиять на состояние такой сложной системы как цивилизация, в корне изменив пути и стратегии её развития.

Этот способ воздействия подобен принципу недеяния У-Вэй, который описан в древнекитайском классическом даосском трактате «Лао-цзы» (другое название «Дао дэ цзин»). У-Вэй – это образ действий, соответствующий дао, расшифровывается как уступчивость, покорность, отказ от желаний, борьбы, активных действий [2].

«Дао постоянно осуществляет недеяние, тем самым нет ничего такого, что бы оно не делало. Если знать и государи будут его соблюдать, то все существа будут изменяться сами собой. Если те, которые изменяются, захотят действовать, то я буду подавлять их при помощи простого бытия, не обладающего именем. Не обладающее именем простое бытие для себя ничего не желает. Отсутствие желания приносит покой, и тогда порядок в стране сам собой установится»[3].

Такая философия недеяния созвучна стратегии ненасилия, которая становится парадигмой выживания и ценностью в современном обществе риска.

В-третьих, в стратегиях деятельности со сложными человекообразными системами становится актуальным аксиологический аспект. Это обусловлено тем, что развитие сложной самоорганизующейся системы допускает целый спектр возможных сценариев развития системы в точках бифуркации – ветвления. Воздействие на такую систему актуализирует проблему выбора, из множества возможных, определённого пути развития. Свобода выбора в этом случае может быть ориентирована не только научной рациональностью, определёнными знаниями, но и моральными и нравственными принципами, ограничивающими или запрещающими последствия опасного знания или технологий действий с системой, несущие риски и угрозы человеку и человечеству. Поэтому научное познание и технологическая деятельность с самоорганизующимися системами должны происходить на основе интеграции истины и нравственных ценностей, целерационального и ценностнорационального действия. Нравственные ценности становятся регулятивами научно-технологического развития человечества.

Таким образом, можно сделать вывод: научное познание и технологическая деятельность с самоорганизующимися системами должны происходить на основе интеграции истины и нравственных ценностей, целерационального и ценностнорационального действия, нравственные ценности становятся регулятивами научно-технологического развития человечества.

Литература

1. Декларация принципов толерантности // Век толерантности. – 2001. – № 1. – С. 131-137.
2. Древнекитайская философия. Т. 1. – М.: Мысль, 1972. – 363 с.
3. Лао Цзы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://naturadei.narod.ru/dao-de-jing.htm>.
4. Лисеев И.К. Высокие технологии в контексте изменения регулятивов культуры / И.К. Лисеев // Высокие технологии и современная цивилизация : материалы научной конференции / ред. кол.: В. С. Степин (отв. ред.) и др. – М.: ИФРАН, 1999. – С. 126-129.
5. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Г.М. Маклюэн. – М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 205 с.
6. Малинецкий Г.Г. Риски новой реальности: доклад на собрании Нанотехнологического общества России [Электронный ресурс] / Г.Г. Малинецкий, В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, В.Е. Лепский. – Режим доступа: <http://www.rusnor.org/pubs/reviews/6508.htm>
7. Соколов В. М. Толерантность: состояние и тенденции / В.М. Соколов // СОЦИС: Социологические исследования – 2003. – № 8. – С. 54-63.
8. Стёпин В.С. Высокие технологии и проблема ценностей / В.С. Стёпин // Высокие технологии и современная цивилизация: материалы научной конференции / ред. кол.: В. С. Стёпин (отв. ред.) и др. – М.: ИФРАН, 1999. – С. 4-10.
9. Стёпин В.С. Философия и образы будущего [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://d.theupload.info/download/9t2zyyh54zumewxrsw66knsenlju1cu/stepin_v_s__yepoha_remen_i_scenarii_budushego.txt

УДК 37.013.73

ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ
FUNCTIONS OF THE MODERN PHILOSOPHY OF EDUCATION

Лапшина В.С., ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии

Lapshina, Valentina S. Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, candidate of philosophical sciences, lecturer at the Chair of Philosophy and Political Science.

e-mail: valentina_2785@mail.ru

Аннотация: в статье проанализированы основные функции философии образования, через которые автор раскрывает ее предназначение на современном этапе развития общества и человека.

Abstract: The main functions of the philosophy of education in the modern society are analyzed in the article.

Ключевые слова: функции философии образования, философия, педагогика.

Keywords: functions of the philosophy of education, philosophy, pedagogies.

Философия образования – научная область, возникшая в XX веке и изучающая вопросы образования в контексте глобальных проблем (Dewey J., O'Connor D., Hirst P.H., Kneller G., Buford T., Lucas C., Apple M., Rorty A., Chambliss J., Curren R.); привлекая идеи философов, педагогов, социологов, антропологов, она создает собственную уникальную картину образовательной сферы человека и общества в современном мире.

Следуя таблице 1. видно, что философия образования не сводима к педагогике, так как последняя призвана исследовать сущность воспитания, его закономерности, тенденции и перспективы развития, определяет и разрабатывает его принципы, содержание, формы и методы, применяет все это на практике. Педагогика носит прикладной характер. В отличие от философии, являющейся фундаментальной и изучающей онтологические и гносеологические основы воспитания, формулирующей наиболее общие представления о высших целях и ценностях воспитания, философия образования выходит за пределы сугубо теоретического подхода к проблемам образования. Дитя философии и педагогики она базируется на двух уровнях: *теоретическом и практическом*. В этом ее специфика, ее преимущество.

Решая те или иные проблемы современного образования, анализируя противоречия, формулируя определенные принципы или выдвигая гипотезы, идеи и теории, философия образования вместе с тем выполняет различные функции, важнейшие из которых: *онтологическая, гносеологическая, аксиологическая, регулятивная, праксиологическая, мировоззренческая, преобразовательная, прогностическая* (Таблица 2). Все они взаимосвязаны, а значение каждой из них определяется в зависимости от сферы приложения философии образования, от уровня и характера решаемых ею задач. В силу того, что процесс институционализации философии образования продолжается, на сегодняшний момент нет четкого представления о содержании отдельно взятой функций философии образования.

В настоящей статье попытаемся дать общее представление об основных функциях философии образования, сравнив их с функциями философии и педагогики. Систематизация функций философии образования необходима для освещения вопроса о ее предназначении на современном этапе развития общества.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика философии образования, философии, педагогики в отношении изучаемого предмета и функций

	Философия	Педагогика	Философия образования
Определение	форма общественного сознания, мировоззрение, система идей, взглядов на мир и на место в нем человека; исследует познавательное, социально-политическое, ценностное, этическое и эстетическое отношение человека к миру.	наука о специально организованной целенаправленной и систематической деятельности по формированию человека; наука о содержании, формах и методах воспитания, образования и обучения.	научная область, возникшая в XX веке и изучающая вопросы образования в контексте глобальных проблем.
Предмет	объективная и субъективная действительность, вызывающая у человека интерес к познанию и порождающая у него вопросы, на которые он стремится дать рационально обоснованные ответы	образование как реальный целостный педагогический процесс, целенаправленно организуемый в специальных социальных институтах (семье, образовательных и культурно-воспитательных учреждениях).	наиболее общие основания картины образовательной действительности.

Функции	онтологическая мировоззренческая, гносеологическая, методологическая, интегративная, культурологическая, аксиологическая, этическая и др.	объяснительная, преобразовательная, прогностическая, научно-теоретическая, конструктивно-техническая и др.	онтологическая, гносеологическая, аксиологическая, праксиологическая, мировоззренческая, преобразовательная, регулятивная, прогностическая.
----------------	--	---	--

Рассмотрим функции философии образования подробнее.

1. Онтологическая функция (*греч.* ontos – бытие и logos - учение) предполагает рассмотрение сущности и содержания образовательного процесса в контексте социального бытия, осуществление философской проекции бытия на образование, когда важнейшие характеристики бытия органично входят в процесс образования. Онтология философии образования стремится напомнить созидающую, конструктивную сущность образования, отсылая нас к трактовке последнего в духе Гегеля: образование как процесс «создания самого себя», «возвышение человека ко всеобщему». Гегель в Предисловии к «Феноменологии духа» говорит о значении образования для человека, о том, что процесс образования совершается дважды: объективно, имея в виду историю образования, и субъективно, когда отдельный индивид пропускает через себя исторический опыт, опыт прошлого [4]. «Философия образования в таком понимании выступает, с одной стороны, как система научных представлений об определенной части мира, а именно – о сфере образования, а с другой – как такое представление о мире, что формируется в каждом человеке в процессе образования, т.е. в процессе его развития, обучения и воспитания» [5]. Так, сторонник экзистенциальной философии Ж.-П. Сартр писал, что человек «первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причем таким человеком, каким он сделает себя сам. <...> Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать. И поскольку он представляет себя уже после того, как начинает существовать, и проявляет волю уже после того, как начинает существовать, и после этого порыва к существованию, то он есть лишь то, что сам из себя делает» [10]. Онтологическая функция философии образования позволяет человеку увидеть в процессе обучения не только и не столько псевдоценность образования (готовый диплом, высокооплачиваемая работа и пр.), но и сущностное значение образования (развитие человека как интеллектуальной, творческой, созидающей личности).

2. Гносеологическая функция (*греч.* gnosis – знание и logos – учение) заключается в рациональном отражении системы образования в современной теории образования.

Гносеологическая функция философии образования позволяет получать новые знания о мире и месте человека в нём. Образование это процесс получения новых знаний о действительности. Поиск всё новых и новых сторон в любом предмете, явлений – это и есть познавательно-эвристическая функция образования. Потребность в данной функции

вытекает из стремления сферы образования создать свою картину мира. «В гносеологической традиции образование рассматривается как способ познания, в процессе которого обеспечивается приближение к истинному знанию об окружающей действительности» [9].

3. Аксиологическая функция. Ставя вопросы о значении образования в жизни человека и общества, оценивая человека с позиции идеала образованности, соотнося цели образования с реальными результатами, философия образования обнаруживает еще одну – аксиологическую функцию (*греч.* *axios* – ценность и *logos* - учение).

Аксиологическая функция философии образования заключается в обосновании приоритетных ценностей и целевых ориентиров образовательной деятельности, помогает человеку совершить *самоопределение в образовательной и профессиональной сферах*.

Согласно С.К. Булдакову, невнимание к ценностям образования, пассивное следование стихийно сложившимся традициям и приоритетам стали главным барьером на пути дальнейшего развития образования. Лишенное опережающей прогностической функции, образование не имеет возможности влиять на процесс формирования общественных идеалов, складывающихся, таким образом, либо стихийно, либо на основе идеологических манипуляций с сознанием общества [1]. На современном этапе развития отечественного образования наблюдаются две четкие тенденции в отношении ценности образования: 1. ценностная инверсия: ценность образования выступает мерой эквивалентности товару и тесно связана с полезностью; 2. образование как «модный показ» (наглядно это видно при выборе специальности, которую выбирает абитуриент при поступлении в вуз, руководствуясь советами сверстников или рекламными акциями учебных заведений, а не перспективами дальнейшего трудоустройства или личными предпочтениями).

Система ценностных ориентаций человека в образовании строится на следующих принципах: принцип исторической и социокультурной изменчивости образовательных ценностей; принцип взаимосвязи социокультурных и образовательных ценностей; принцип соотношения общественных и личностных ценностей; принцип интеграции традиционных и инновационных ценностей.

Аксиологический аспект философии образования позволяет увидеть главные ценности современной системы образования: *доминантные, нормативные, стимулирующие, сопутствующие, гуманистические, мировоззренческие, экономические ценности* [3]. *Эти ценности составляют основу аксиологического содержания российского общества, направленного на формирование творческой, созидающей деятельности, способствующей развитию общества, государства и отдельного человека.*

4. Праксиологическая функция (*греч.* *praxis* – деятельность и *logos* – учение) заключается в утверждении закономерностей и условий, при которых могут быть достигнуты положительные результаты труда вследствие рациональной, целенаправленной, преобразовательной активности человека в научно-образовательной деятельности.

Праксиологическая функция философии образования направлена на поиск путей преобразования и оптимизации отечественной образовательной системы, на совершенствование процесса обучения и воспитания человека в современном обществе. Следует культивировать активно-преобразовательный аспект деятельностного начала, который является исключительно актуальной и важной задачей современного философского и мировоззренческого сознания [2] (*в т.ч. и философии образования*). «В отличие от распространенного подхода, заключающегося в сведении философии образования к теории педагогики, ее следует рассматривать как метатеорию и метапрактику, что позволяет представить образовательную систему как упорядоченную совокупность взаимосвязанных компонентов: целей, содержания, методов, средств и форм обучения и воспитания на всех образовательных уровнях» [8], а в особенности, на профессиональном уровне. Как отмечает ряд специалистов в области педагогической праксиологии, сущность праксиологического подхода к организации профессиональной подготовки специалистов состоит в поиске, отборе и внедрении в образовательную практику разнообразных средств, необходимых для ее осуществления с позиций категорий «рациональность», «эффективность», «технологичность», «эстетичность», «валеологичность» [6]. К перечисленным следует также добавить категории «креативность» и «мобильность».

Реализуя свою праксиологическую функцию, философия образования способствует повышению качества профессиональной деятельности человека в условиях модернизации отечественного образования, обновлению его содержания, переосмыслению его целей в соответствии с новыми образовательными стандартами, с системой общекультурных, профессиональных и профессионально-специализированных компетенций.

5. Мировоззренческая функция. Философия образования подчеркивает невозможность образования вне мировоззрения, воспитания, наставничества. В этом ракурсе актуальной остается ценность учителя (преподавателя) вопреки модным информационным инновациям. Так, в образовательном процессе учитель обязательно (явно или нет) демонстрирует свою мировоззренческую позицию, свой жизненный опыт, свои убеждения и предпочтения. Мировоззренческая функция философии образования позволяет традиционному диалогу учителя и ученика, известного еще со времен Сократа, оставаться актуальным и незаменимым.

Основой любого мировоззрения выступают наиболее общие представления о мире, которые принято именовать философскими. Эти представления могут усваиваться человеком вместе с образом жизни или вырабатываться самостоятельно. Одним из таких представлений, по мнению Г.Л. Ильина, является образование [5].

Мировоззренческая функция философии образования призвана помочь современному педагогу, так как способна дать ему кругозор, обеспечивающий понимание места и значения преподаваемой им предметной области в современном мире, а не только в истории и теории науки. Ключевая система отношений «мир - человек» в таком контексте может быть преобразована в систему «мир - профессиональная деятельность - человек». И в этом случае мы можем говорить о роли философии образования для человека любой профессии.

Осознание своего профессионального предназначения, моральное/финансовое или иное удовлетворение от собственной работы, – то, что не хватает многим людям, живущим в наше время. Мировоззренческая функция философии образования способствует осознанию собственной образовательной траектории, пониманию необходимости профессионального становления и развития. Образование это способ достижения определенной формы жизни, выработка вкуса к жизни, выработка ее стиля.

6. Преобразовательная функция философии образования созвучна праксиологической функции, т.к. предусматривает изменения в сфере образования, улучшения традиционного и введение инновационного в образовательную действительность. Результаты Болонского процесса, обсуждаемые как теоретиками, так и практиками в области управления образованием, дидактики высшей школы – педагогами и, конечно же, философами отражает острую потребность в осмыслении сущности реформы университетов, преобразовании самого понимания «человек». Преобразовательная функция философии образования призвана ответить на первостепенные вопросы: «Что есть образование современного человека?», «Каким должен быть современный университет?», «Какой портрет настоящего студента?», «Каковы ключевые компетенции будущего выпускника вуза?», «Каким образом преобразовать общество средствами образования?».

Уже сейчас есть смелые эскизы будущего, обусловленные тем, что в новых социальных условиях возрастает потребность в человеке, как в субъекте образования – креативном, творящем будущее. Речь идет о появлении человека XXI века – «существа образованного»: с активной жизненной позицией, с определенными ценностями и целями жизни, с высокой степенью ответственности за происходящее в окружающей действительности, с высоким созидующим потенциалом.

Преобразовательная функция философии образования, безусловно, позволяет проанализировать новации в системе обучения: идею опережающего образования человека, идеи дистанционного образования и тьюторства.

7. Регулятивная функция. Особенности регулятивной функции заключаются, прежде всего, в установлении позитивных отношений между науками, изучающих проблемы или отдельные аспекты образования (педагогикой, философией, социологией, психологией, антропологией, статистикой, историей и пр.). Координация и регулирование новых знаний об образовании позволяет философии образования сориентироваться и остаться на собственном пути понимания противоречий образовательной действительности.

8. Прогностическая функция. Согласно В.Г. Торосяну, образование это не только приспособление к ситуации, но и определенная оппозиция ей, блокирование ее отрицательных тенденций. Задачей современной философии образования является прогностическое целеполагание, исходящее из реального прогноза, оценки перспектив, их сочетания с велением времени, духом культурной ситуации [11]. Именно поэтому прогностическая функция философии образования призвана помочь описать возможные сценарии развития образования, дать представление о том, каковы критерии «образованности» человека, какое общество сегодня можно считать образованным.

Прогностическая функция философии образования помогает понять, какова логика и социальная направленность современных образовательных реформ в России и других странах мира. Именно поэтому философия образования так необходима современным менеджерам сферы образования, административным работникам, занимающимся процессами реформирования и модернизации системы образования.

Таким образом, философия образования рассматривает сущность и природу всех явлений в образовательной действительности: что такое образование само по себе (онтология образования); каковы пути рационального познания образовательных стратегий и процессов (гносеология образования); каковы природа и источники целей и ценностей образования (аксиология образования); каким образом совершенствовать образовательную и профессиональную деятельность человека (праксиология образования); какую роль играет образование в системе отношений «мир - профессиональная деятельность - человек»; какие инновации образования ждут нас в будущем, и каковы их последствия; какова логика и социальная направленность образовательных реформ.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что все функции философии образования тесно взаимосвязаны между собой и играют важную роль в систематизации новой области знания. Предложенные функции отражают родство, как с философией, так и с педагогикой (таблица 1), и вместе с тем являются самостоятельными, обладая собственным содержанием и спецификой (таблица 2).

Таблица 2 – Функции философии образования

	Функция	Содержание
Функции философии образования	Онтологическая	рассмотрение сущностных характеристик содержания образовательного процесса в контексте социального бытия
	Гносеологическая	рациональное понимание системы образования
	Аксиологическая	обоснование приоритетных целей и ценностей образования
	Праксиологическая	повышение качества профессиональной деятельности человека в условиях модернизации образования
	Мировоззренческая	поддержание диалога в рамках системы «мир - профессиональная деятельность - человек»
	Преобразовательная	введение инноваций в образовательную действительность
	Регулятивная	установление конструктивных взаимоотношений между науками, изучающих отдельные аспекты образования
	Прогностическая	прогнозирование сценариев развития образования

В заключение следует отметить, что выделение определенных функций философии образования (как и отдельный анализ каждой из них) является достаточно условным,

поскольку в реальности они всегда тесно слиты друг с другом. Наряду с указанными основными функциями, могут быть выделены и другие функции. Это подтверждает тот факт, что процесс институционализации философии образования продолжается, и остаются вопросы для анализа и обсуждения.

Согласно В.В. Миронову, сегодня «у человека нет возможности держать в голове некую идейную конструкцию (как это было в классике), которая разворачивается посредством фабулы. Ему проще заглянуть в телевизор, как в чужое окно, зафиксировав сиюминутный событийный момент, не утруждая себя вопросами о сущности происходящих событий. Наблюдение вместо рассуждения — вот одна из установок современной культуры. Такое фрагментарное, «клиповое» сознание, пожалуй, в наибольшей степени выражает ее сущность» [7]. Так, большинству современных школьников и студентов становится привычным скопировать конспект, сочинение, эссе из Интернета, чем подготовить текст самостоятельно. Это быстро и легко по принципу «копируй-качай». Возможно поэтому, за последние годы наблюдается массовый бум выпускников сдающих ЕГЭ по обществознанию и другим гуманитарным предметам, чем по естественнонаучным. Это вполне понятно, т.к. готовые результаты последних сложнее найти в Интернете или в шпаргалках: химия, физика, математика требуют больше усилий, самостоятельной работы с книгами, таблицами, формулами.

Таким образом, в сегодняшней социокультурной ситуации зарождается острая проблема сущности и смысла философии образования. «Философствование присуще самой природе человека» [7], именно поэтому выделенные в статье функции философии образования еще раз подтверждают актуальность ее изучения (и как новой научной области, и как особого способа мышления) не только философами, педагогами, управленцами, специалистами любой профессиональной области, теоретиками и практиками, но и современными школьниками, студентами.

Литература

1. Булдаков, С.К. Социально-философские основания и логика образовательной революции: дис. ... док. филос. наук: 09.00.11 / Сергей Константинович Булдаков. Н.Новгород, 2000. – 438с.
2. Введение в философию: учебное пособие для вузов / Авт. колл.: И.Т. Фролов и др. – 3-е изд. – М.: Республика, 2004. – С.482.
3. Веселова, В.С. Сфера образования в постсоветской России: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Валентина Семеновна Веселова. Н.Новгород, 2010. – 176с.
4. Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа. Философия истории / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. М.: Эксмо, 2007. – С.25.
5. Ильин, Г.Л. Философия образования (идея непрерывности). – М.: «Вузовская книга», 2002. – С.7-9.

6. *Марон, А. Е.*, Педагогическая праксиология: структура знания и модели реализации в профессиональном обучении / Л.Ю. Монахова, В.С. Федотова // Человек и образование. 2012. – №2 (31). – С.27-31.
7. *Миронов, В.В.* Проблема образования в современном мире и философия // Отечественные записки. 2002. – №2 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2002/2/>.
8. *Паршиков, В.И.* Философия образования в России как объект комплексного исследования: дис. ... док. филос. наук: 09.00.11 / Владимир Иванович Паршиков. Новосибирск, 2002. – 287с.
9. *Пацация, Б.В.* Онто-гносеологический анализ образования как фактора становления личности: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 Бесики Велодиевич Пацация: Магнитогорск, 2003 – 152с.
10. *Сартр, Ж.П.* Экзистенциализм – это гуманизм. Сумерки богов. - М.: «Политиздат», 1989. – С. 319-344.
11. *Торосян, В.Г.* История образования и педагогической мысли. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2006. – С.11-15.

УДК 101

**ИДЕЯ НЕРАВЕНСТВА ЛЮДЕЙ И ПРОЯВЛЕНИЯ РАСИЗМА:
ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

IDEA THE INEQUALITY OF MEN AND RACISM: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Шубина М.М., Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории

Shubina, M.M., South-Russian State University of Economics and Service, PhD, an assistant professor of philosophy and history

e-mail: shubina-m@mail.ru

Аннотация: Дан философский анализ места человека в картине мира различных эпох, рассмотрено зарождение идеи качественного неравенства людей как источника расизма.

Annotation: A philosophical analysis of man's place in the world view of various ages, considered the birth of the idea of the quality of people as a source of inequality racism.

Ключевые слова: неравенство, расизм, человек, философия, раса

Keywords: inequality, racism, people, philosophy, race

Традиционное общество не рассматривало человека как некую самодостаточную и законченную категорию, как «меру всех вещей», как духовный и материальный полюс мира. Он рассматривался как удивительное (и неравновесное) сочетание человеческого элемента («души», «божественной искры», «божественного Я») и недочеловеческого элемента (животного, материального, социального механизма). Человек балансировал на грани двух нечеловеческих бездн, соскальзывая в которые он в любой момент мог пуститься в серии сложных метаморфоз – скитание по животным и ангелическим мирам. Часто сами «боги» древности изображались с зооморфными чертами, так как единство сакрального мира оставляли открытым все пространство от самых верхних регионов бытия до самых нижних — «что вверху, то и внизу», по выражению Гермеса Трисмегиста. Человек же находился «где-то посередине», как бог среди животных и животное среди богов. В такой антропологической картине собственно человеческими были только пропорции сочетания разных элементов, а не само их содержание. Все «духовное», разумное в человеке рассматривалось не как его собственный видовой атрибут, но как следствие его сопричастности объективному миру Божества. Все телесное и инстинктивное — как знак принадлежности к низшему животному миру. Содержательная часть человека, таким образом, была выражением (отражением) Божества, и изучение ее в человеке было не гуманистическим, но теологическим вопросом. Остальное же было вопросом зоологии,

которая интересовала в мире Традиции скорее авгуров, гадавших по внутренностям животных и приносивших их в жертву, нежели ученых и философов.

Такое отношение к человеку, естественно, приводило к мысли о качественном неравенстве людей между собой. Это неравенство было гораздо глубже и серьезнее, нежели все разновидности современного расизма (при нацизме) или социальной дифференциации людей по материальному признаку (при капитализме). Иерархия в рамках человеческого типа в традиционном обществе простиралась между двух крайних полюсов — между человеко-зверем (низшие касты) и человеко-богом (высшие касты). А в промежутке располагались разнообразные смешанные типы. Эта общая схема полностью применима лишь к архаическим обществам. В рамках авраамической традиции — иудаизма, ислама, а также в христианской цивилизации, которая вообще представляет собой уникальный тип традиционного общества, — картина была более нюансированной. Иудаизм проецирует такую видовую дифференциацию на этнический уровень, ислам стремится релятивизировать неравенство через обращение к абсолютной трансцендентности Божества, а христианство разводит социальную и церковную иерархии (что в определенные исторические периоды приводит к их противопоставлению). Но это в теории. На практике все традиционные общества предполагают качественное неравенство людей, заведомо предопределенное соотношением в человеке «божественных» и «звериных» элементов. Не случайно исторически гуманизм зародился именно на Западе, где была распространена та версия христианства, которая была ближе всего к семитскому авраамическому духу.

Но пока существовало полноценное традиционное общество эти тенденции к гуманизму оставались в потенции. На практике же доминировали иные антропологические установки[5].

Яснее всего это видно в сравнительном анализе восточного богословия, особенно исихазма и западной схоластики. В антропологической сфере (которая нас более всего здесь интересует) важно сравнить антропологию православного святого Григория Паламы с антропологией Фомы Аквинского. В случае Паламы мы видим человека,двигающегося внутрь духовным миром по сложнейшей лестнице обожающих метаморфоз, включающих в себя даже низшие, телесные пласты. Человек растворяется в Божественном нетварном свете, обожается, преображается, преодолевает все онтологические и антропологические пределы.

У Фомы Аквинского человек строго ограничен заведомо поставленными видовыми рамками. Он возвышается только намерением, верой и поступками, а также нравственными достоинствами. Его природа статична, и подлежит лишь количественному, но не качественному улучшению. Он может быть спасен (если постарается), но не может быть «обожен». Он ограничен своим видовым качеством и не способен на метаморфозы. И при жизни и после смерти, он остается лишь человеком. Фактически, это и есть гуманизм, только в схоластическом, утяжеленном развитой догматикой виде. Конечно, Палама не вся Византия, а Фома Аквинский не весь Запад.

Таким образом, расизм имеет достаточно глубокие исторические корни, и в определенные исторические периоды общество не видело в расизме проявления зла, ограниченности мышления и аморальности.

На сегодняшний день существует достаточно много теорий происхождения человеческих рас, но, к сожалению, существование и доминирование многих концепций зависело и зависит не столько от аргументированности научных разработок, сколько от наличия в обществе той или иной идеологии. Исторически так сложилось, что антропология является одной из самых идеологизированных наук.

В древнем Египте все расы было принято делить на две группы: египтян (белых), которых считали непосредственно людьми, и остальные, низшие расы, часть из которых людьми вообще не считалась. Вот как описывает этот процесс академик И.В.Рака: «Высшая раса – это египтяне (европеоиды). Только они настоящие люди. Вторая раса – это ливийцы (смесь европеоидов), третья – желтые, азиаты. Низшая раса – чернокожие нубийцы (негроиды, считающиеся видом тягловых животных). Египтяне считают себя превыше всех народов. Учение о превосходстве в то время египтян (белой расы) над всеми расами было основано, по мнению И.В.Рака, в первую очередь, на их полном культурном превосходстве над всеми окружающими народами. Древние египтяне были длинноголовы, стройны, отличались тонкими и гармоничными чертами лица, выступающей вперед челюстью. 3500 лет назад в азиатских степях и в возникших в последствие трех могущественных Иранских империях был распространен полигенизм: зороастрийцы верили, что все человечество возникло от двух самостоятельных рас – северной и южной. Первая из них – арийские народы – была создана Ахурамаздой (светлым началом), а вторая – Анхра-Майнью (темным началом). К последним зороастрийцы относили негров, горилл и шимпанзе. Любая попытка нарушить выработанную веками концепцию признавалась происками девов и жестоко пресекалась как действие злых сил, направленное против человека.

В средневековой Европе с принятием христианства, напротив, господствовала моногеистическая теория происхождения человеческих рас и основанный на библейских сюжетах моноцентризм (происхождение и расселение различных рас из одной области). Все научные труды могли лишь оправдывать эту концепцию. Попытка предложить другие гипотезы считалась ересью и могла, как известно, закончиться костром. И чем более убедительной была доказательная база, тем больше шансов было на этот костер попасть.

В противовес учению Церкви о единстве происхождения человеческого рода язычник Юлиан Отступник в IV веке, пантеисты Бруно и Ванини в XVI веке утверждали, что различные человеческие расы возникли из различных источников и поэтому не могут считаться равноценными. Открытие Америки вызвало горячие споры в этом отношении, ибо многие не хотели считать туземцев Нового света настоящими людьми; многим казалось, что нет даже надобности доказывать, что они произошли не от общих с жителями Старого света прародителей. Это мнение успокаивало совесть тех, кто с отвращением смотрел на «подвиги» первых колонизаторов Америки, а для самих конквистадоров признание

аборигенов Америки за низшие существа, играло роль оправдания их бесчеловечной жестокости[3].

Европейская «расовая наука» имеет своими истоками генеалогические исследования того времени, которые вела целая армия специалистов по проверке родословных линий. Спецификой европейского феодализма было требование генетической исключительности дворянского сословия. В Испании понятие «чистоты крови» стало центральным к к. XV и на протяжении XVI вв. дворянства нельзя было достигнуть ни богатством, ни заслугами.

Особенно большое значение имела теория «раздельного и неравного происхождения», выдвинутая известным швейцарским медиком и философом Парацельсом к 1520 г. По этой теории африканцы, индейцы и другие нехристианские «цветные» народы произошли не от Адама и Евы, а от других низших прародителей. Идеи Парацельса получили широкое распространение в Европе накануне вторжения европейцев в Мексику и Южную Америку. Эти идеи были ранним выражением так называемой теории полигенизма, ставшей неременной частью псевдонаучного расизма в XIX в. Но еще до опубликования писаний Парацельса, сходные идеологические оправдания геноцида появились в Испании (1512 г.) и Шотландии (1519 г.). Испанец Бернардо де Месса (впоследствии епископ Кубы) и шотландец Иоганн Мейджер пришли к одинаковому заключению, что коренные обитатели Нового Света были особой расой, которую Бог предназначил быть рабами европейских христиан. Разгар теологических диспутов испанских интеллектуалов на предмет, являются ли индейцы людьми или обезьянами, приходится на середину XVI в., когда миллионы жителей Средней и Южной Америки гибли от страшных эпидемий, зверских массовых убийств и каторжного труда[1].

В XVI в. принято было ссылаться на принадлежность к «доброй расе», а также объявлять себя человеком хорошей «породы», «дворянином». Подчеркивание своего происхождения было способом выделиться, показать свою значимость, что было также своеобразной формой социальной дискриминации. Простолудин, мечтавший о «благородной крови», старался не упоминать имя своих предков. Постепенно «заслуга происхождения» меняет содержание, и в конце XVII в. слово «раса» употребляется уже для разделения человечества на несколько крупных родов. Новая трактовка географии представила Землю не только разделенной на страны и регионы, но и населенной «четырьмя или пятью родами или расами, различие между которыми настолько велико, что может служить основанием для нового разделения Земли».

В XVIII-XIX вв. в связи с либерализацией общественных отношений в науке постепенно начинает укрепляться теория полицентризма. Стронниками этой концепции были Вольтер, Дж.Аткинс, Д.Юм, Э.Лонг, глава французской антропологической школы А. де Котрефаж, немецкий философ и антрополог К.Майнерс, автор книги «Естественная история человеческого рода» Ж.-Ж. Вирей и др. В XVIII в. наряду с другими значениями термина, при которых он может иногда означать (например, у аббата Сьейеса) социальный класс, Бюффон в своей «Естественной истории» проводит идею, что расы – это разновидности человеческого рода, в принципе единого. Эти разновидности «являются

результатом мутаций, своеобразных искажений, которые передаются от поколения к поколению».

Расовая теория зародилась в начале XIX в. на почве европейского национализма и сопутствующего ему романтизма, когда расизм обрел политическое и культурное значение. Первоначально эти теории не воспринимались всерьез. К концу века они стали вызывать уважение. У колыбели национализма стояли Руссо, Бурке, Джефферсон, Фихте, Локк, Мадзини. В центре их учений стоял человек как подданный национального государства – в противоположность человеку – подданному всенационального Бога[4].

Представление о человеке без нации с трудом укладывается в современном сознании. Шамиссо, француз, эмигрировавший в Германию в наполеоновский период, написал роман о человеке, потерявшем свою тень: хотя воздействие этого романа во многом основывается на умышленной двойственности иносказания, нельзя не догадаться, что для автора Человек без Тени – это Человек без Нации. Когда его приверженцы и друзья замечают это ненормальное отсутствие тени, они отворачиваются от главного героя, несмотря на его прочие преимущества. Человек без нации бросает вызов общепринятым нормам и потому вызывает отвращение. С точки зрения Шамиссо, у человека должна быть национальность. Это то, что внедрилось в сознание как самоочевидная истина и представляет собой важнейший аспект или даже суть национализма[2].

Проповедники расизма заменили гуманизм, основанный на равноправии, национализмом, замешанным на расовых предрассудках, провозгласили «кровь» основой всех человеческих качеств. Культ «высшей» расы сменил культ Евангелия.

Чтобы обустроить жизнь на основе научного знания надо было решительно сбросить вериги «пережитков прошлого»: отказаться от веры в Бога, принципов морали, традиционных устоев жизни и менталитета родной страны, «освободить» сначала свою страну, а затем весь мир от классово- и социально-вредных элементов – либо с помощью элитарного расового учения, либо «очистить» страну и мир от элементов, идентифицированных по расовым признакам как вредные с евгенистической точки зрения. Тем самым складывается мифологическая и квазирелигиозная вера в науку как инструмент, с помощью которого можно перевернуть мир, ритуальная апелляция к научному знанию, культ полезности, точности и стерильной чистоты получаемых с его помощью результатов.

До своего превращения в политический лозунг расовые теории в середине XIX в. были не только составной частью мировоззрения, но и входили в научные труды, где учения о природе и человеке интенсивно объединялись. Различные расовые теории – многочисленные и часто противоречащие друг другу – были движимы общим стремлением создать систему объяснений, способную охватить развитие и эволюцию цивилизаций. Пытались, таким образом, изучить и классифицировать языки общества, религии, все культурные и политические, а также военные и юридические учреждения. В музее понятий колониального Запада, на который Провидение возложило двойную – христианскую и технологическую миссию, идет поиск новых знаний, позволяющих изучать естественный мир, видимый и невидимый, рассказывая историю прогрессирующего человечества.

Литература

1. Баумгартен, А. Американский геноцид. Ч. 1.: Эпоха Колумба./А. Баумгартен. – М.: НОРМА, 2001. – 233 с.
2. Гелнер, Э. Нации и национализм. // Вопросы философии. – 1989. – № 7. – с. 43-48.
3. Мень, А. Расизм перед судом христианства. // Журнал Московской патриархии. – 1962. – № 3. – с. 65-67.
4. Биологические течения в этнографии. Расизм // С.А. Токарев. История зарубежной этнографии: Учебное пособие. — М.: Высшая школа, - 1978. – 256 с.
5. Шубина М.М. Зарождение идеологии расизма из культурно-исторической неравноценности народов // Альянс наук: вчений вченому: матеріали V Міжнар. наук.-практ. конф., 18-19 лют. 2010 р.: В 5 т. – Д.: Біла К.О., 2010. – с. 35-41.

УДК 130.3

ПРОБЛЕМА ДУХОВНОСТИ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ
SPIRITUALITY PROBLEM IN POSTINDUSTRIAL SOCIETY

Миронова Е.Н., ФБГОУ ВПО «Российский государственный социальный университет» в г. Ставрополе, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы и социального права

Mironova E.N., "Russian State social University" in the Stavropol, Candidate of Philosophy, associate professor, Docent of the Social work and social law department
e-mail: mironovbor@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема духовности с точки зрения новых информационно-экономических общественных отношений.

Annotation: Discusses spirituality from the point of view of the new economic and social relations.

Ключевые слова: духовность, постиндустриальное общество, информационно-экономические отношения,

Key words: spirituality, postindustrial society, information and economic relations.

Современные ученые констатируют тот факт, что современное общество совершило постепенный переход от социал-капиталистических отношений к информационно-экономическим, в основе которых лежит научно-техническая (информационная) революция. Если использовать формационную периодизацию, то это своего рода смешанная формация, в которой базисом общества является экономика, информатика, СМИ. При этом роль собственности на средства производства материальных благ, значительно падает. Наряду с этим возрастает роль собственности на информацию, и что особенно важно, на интеллектуальную собственность. Эти виды собственности являются товарами, имеют денежное выражение, обращаются на рынке услуг. В связи с этим, возникает новый антагонизм между собственниками информации и ее пользователями. В результате этого противоречия возникают классы, которые являются одновременно и экономическими, и информационными, так как знание является информационной властью независимо от его стоимости. В информационной экономике громоздкая, требующая множества людей с разными иерархическими и дополняющими функциями материально-техническая база заменяется системой компьютеров, глобальными информационными сетями, находящимися в пользовании общества и непосредственных производителей информации. Финансовые собственники информации и ее средств становятся настоящими собственниками материальных ресурсов и превращаются в подлинных хозяев в ситуации принятия решений, управления людьми и вещами, формирования духовных ценностей. В информационно-экономическом обществе истинными хозяевами становятся финансовые олигархи. Происходит преодоление старого отчуждения работников от средств производства своего труда и его продукта и возникновение нового - информационно-финансового. В ходе этого

процесса меняется и мотивация нового вида деятельности: степень самореализации работников значительно повышается, возрастает и духовность их мотивов.

Сильное демократическо-правовое государство является важнейшим элементом постиндустриального общества. Политическая власть здесь превращается во власть наиболее одаренных ее членов. Она довольно часто представлена работниками научной сферы, способными выражать интересы всего общества, а не какого-то класса или слоя. Идеология постиндустриального общества содержит общечеловеческие ценности, что скрывает агрессивную сущность данной формации. В этих ценностях происходит отказ от революционного переустройства обществ и признание эволюции магистральным путем общественного развития, который тоже маскирует новое информационно-экономическое господство.

В основе постиндустриальной формации лежит неразрывное единство науки и производства, внедрение последней во все производственные процессы, основанные на распределении, обмене и потреблении информации.

Постиндустриальную общность можно представить в виде следующих составляющих: элита финансовая и технократическая, информационно-техническая и инженерно-техническая интеллигенция, Интернет пользователи. Эти элементы объединяет использование информационных технологий, создание новых знаний, вера в могущество информатики, стремление к самоутверждению: научному, информационному, финансовому. Потребность в самоутверждении, согласие с самим собой или осознание своей внутренней свободы становятся ведущими среди прочих мотивов, определяют современную духовность. Но не менее важными для каждого индивида являются проблемы богатства, выживания человечества в условиях глобализации и экологической катастрофы, т.е. происходит разрушение прежних отношений, что может быть отмечено в качестве первого и основного направления постэкономической трансформации духовности[1].

Так в постиндустриальном обществе главным субъектом развития, полагает В. Иноземцев, становится не общество, не общность людей, связанная общими интересами, а совокупность индивидов, неповторимых в своих мотивах и поступках. «Основным источником прогресса является уже не взаимодействие человека и природы, а внутреннее развитие личности, ее возможность самосовершенствоваться, генерировать знания, способные изменить не только окружающий мир, но, что гораздо важнее, окружающих людей» [1].

Таким образом, согласие с самим собой, осознание внутренней свободы уже становятся основными движущими силами прогресса.

В постиндустриальном обществе сохраняются и смешанная собственность на информацию, и информационные сети, и информационно-товарный обмен, и эксплуатация творческого труда, и богатые и бедные, и прежние мотивы (богатство, независимость, власть, творчество), только их роль в мотивационной структуре меняется. При этом верхушка общества, ориентированная не на обретение несметных материальных благ, а на получение нового знания, стремящаяся к достижению внутренней удовлетворенности своей деятельностью, будет, тем не менее, распоряжаться основной частью общественного

богатства; в то же время представители низших классов, стремящиеся к обеспечению достойного качества жизни через присвоение материальных благ, будут лишены возможности достижения уровня благосостояния, к которому они стремятся [1].

В связи с этим на современном этапе развития человечества проблема духовности на уровне общества и отдельной личности остается как и прежде актуальной. Однако современную духовность можно определить и как «... интегральное качество, относящееся к сфере смысложизненных ценностей, определяющих содержание, качество и направленность человеческого бытия и образ человеческий в каждом индивиде» [2]. Но нельзя не учитывать и тот факт, что каждый человек с момента рождения попадает в определенную духовную среду. При этом любое сколько-нибудь цивилизованное общество имеет свою духовную жизнь и духовные ценности. Просто уровень духовности в одних социальных слоях общества, где люди могут жить полноценной духовной жизнью будет выше, а в других ниже. Решение проблемы духовности состоит в том, чтобы выяснить, как общество, то есть организация совместной жизни людей, производит духовные ценности, их хранит и распространяет среди людей, как люди потребляют духовные ценности для удовлетворения своих духовных потребностей, и как последние формируются в них. И, наконец, почему в обществе постоянно меняется духовная ситуация, почему одни ценности девальвируются, падают в цене, другие вдруг начинают доминировать в сознании большинства людей, определять настроения и мотивы их поведения.

Прежде чем человек становится тем, кто он есть, его долго «возделывают» другие люди, то есть общество в целом. Оно учит его читать и писать, дает образование, одним словом, социализирует его, делает его полноправным членом общества. Иными словами, духовность носит общественно-личностный характер.

Человек как целостность проявляется в диалектическом единстве биологического, социального и духовного, где каждая из ипостасей имеет «свой» характер количественных и качественных изменений. Вместе взятые, они образуют отличное от них интегральное целостное образование, каким является человек. В то же время изменения каждой из них ведут к изменениям, как отдельных связей, так и всего человека. Например, если общество недостаточно «воспроизводит» и развивает духовное в человеке, то это негативно скажется на его социальном и биологическом развитии. То же самое можно сказать по отношению к социальному и биологическому. А вместе с ними может идти усиление или ослабление способностей и возможностей человека к целостному существованию.

Это относится к изучению каждой сферы жизнедеятельности человека и общества, где также нельзя «заведомо» противопоставлять как части целостности друг другу, так и каждую из них целому. Например, духовное – материальному, общественное – индивидуальному, экономическое – политическому и т.д. Это имеет особое значение, прежде всего, для субъектов управления всех уровней. Первенствует «экономизм во всем» – в обществе воцаряется дух наживы и насилия; преобладает политический плюрализм общественных групп и группировок – складывается анархическая система индивидуализма личностей и экономических «элит» и т.д.

Отсюда, можно с должным основанием утверждать, что духовное занимает одно из важнейших мест в существовании человека, во всех видах и формах его социальной адаптации и самоутверждения. И это становится на сегодня все более общепризнанным фактом.

Современная же духовность постиндустриального общества может формироваться через реализацию ряда принципов управления людьми: принятие в обществе неких формальных отношений между людьми на уровне постоянного закона, общего для каждого члена общества, позволяющего людям проводить различие между тем, что можно и что нельзя, что мое, а что твое и государственное; семья, образование, СМИ и правительство обязано информировать, воспитывать и контролировать соблюдение этих отношений; расширение роли гражданского общества, образования, СМИ в деле соблюдения этих правил и уменьшение роли государственной власти в этом вопросе. В таком обществе духовность в большей мере интегрируется общностью ценностей, чувств, мыслей, принципов, которые все знают и соблюдают, а не только силой государственного принуждения, экономической необходимости или официальной моралью.

Именно через духовность осуществляется глобальное опосредование производственной деятельности, ее гуманизация, ориентация на общечеловеческие ценности; способность человека сознательно управлять собой и своим поведением осмысленно регулировать свою жизнедеятельность. Это управление собой с целью достижения максимальной независимости от этих условий, с целью сопротивления и активизации воздействия на них с помощью смыслообразующих ценностей и идеалов; фактора социализации личности; способности понимания взаимодействия между людьми и природой; степени представленности в структуре мотивов данной личности двух фундаментальных потребностей человека: потребности познания, не довольствующейся только ныне имеющимся знанием, и социально-альтруистической потребности («для других»); способом деятельности; духовное производство; и т.д., и т.п. Духовное может идентифицироваться с духовно-практическими формами деятельности - с эстетической, этической, теоретической.

При этом необходимо понимать, что в настоящее время нельзя не учитывать важнейшего обстоятельства: сегодня формируются новые социальные контексты жизни и деятельности человека, его идеалы и эталоны поведения. Происходит смена устоявшихся традиций, ментальных характеристик образа жизни, стиля общения и взаимодействия людей во всех сферах общества. Претерпевают существенные изменения социальные институты и транслируемые с их помощью ценности и социально одобряемые стереотипы индивидуального и массового сознания.

Вопросы осмысления и реализации различных модификаций духовного в той или иной деятельности социума и человека всегда занимали одно из ведущих мест в философском познании общественной жизни в самых различных видах и формах ее проявления. В переломные эпохи тематика духовного закономерно приобретает обостренный характер: от выбора направлений и содержания духовных ценностных

ориентаций общества и человека во многом зависит качество проводимых социальных модернизаций, а в определенной мере и будущее цивилизации.

Мы рассматриваем духовность как комплекс существенных качеств человеческой психики (души), выражающий ее нравственное, эстетическое, интеллектуально-когнитивное и экологическое (природозащитное) содержание, направленный на утверждение подлинно человеческого в людях, т.е. принципов гуманизма а также на преодоление элементов бездуховности в мировоззрении и культуре; ее квинтэссенцию составляют понятия: Вера, Надежда, Любовь, София (мудрость), Красота, Справедливость, Гармония. Но в наш век, который нередко именуют веком не просто науки и техники, но и более конкретно, веком информатики, кибернетики и моделирования, использование такой идеальной модели, думается, не будет воспринято как нечто непозволительное и в попытке осмыслить роль сакрального начала в жизни общества. Тем более что она (модель) может, на наш взгляд, распространяться не только на индивидуальное, но и на общественное сознание. Для человечества в конечном итоге важен результат, т.е. присутствие у людей той или иной положительной духовности (сакральной или светской), содействующей установлению социального согласия и материального благополучия всего человечества. Отсюда настоятельная необходимость сначала ослабления, а затем и преодоления разжигавшихся в недавние годы идеологических конфронтаций между сторонниками различных типов духовности. Требуется если не дружная, то, по крайней мере, толерантная совместная работа представителей всех типов по широкому распространению и практической реализации заложенных в духовности морально-психологических, социально-экономических, интеллектуально-эстетических и глобально-экологических качеств. Они-то и будут определять в XXI в. и в последующих веках судьбы мира и человечества! Качественное состояние общества, ход и направление его дальнейшего прогресса во многом детерминируются его духовностью. Другими словами, духовность — не только индикатор характера общества, но и один из факторов его развития. [3].

Российское общество сегодня не является исключением. Оно находится на этапе сложной социальной трансформации всех основных сфер ее жизни. В особой мере происходящие изменения в стране отражаются на духовной сфере, которая «наполняется» все более противоречивыми состояниями, как на уровне деятельности социальных общностей и профессиональных групп, так и на личностном уровне.

Таким образом, духовное можно рассматривать как высшую форму социального отражения. Оно есть интегральный результат универсально развивающегося деятельного социализирующегося человека в ходе его взаимодействия с окружающим миром и самим собой. Содержание духовного выражается через доминантные смыслы самосознания и самоопределения человека, на основе и с помощью которых человек определяется в отношении к миру и самому себе.

Громадную роль в становлении и развитии духовности играет образование и воспитание: в семье, в дошкольных учреждениях, в школах (начальной, средней, высшей). В настоящее время во всем мире осуществляется широкий спектр реформ в области

образования. Их основные направления: демократизация, гуманизация (включая гуманитаризацию), интенсификация (в частности, более полное использование проблемного метода обучения), фундаментализация, компьютеризация, интеграция учебного процесса. Первостепенную роль в формировании духовности играют первые два направления, но свой специфический вклад вносят в него и все остальные. Особое значение здесь имеет преподавание этики и эстетики, общетеоретической и социальной философии, социологии, культурологии и психологии, антропологии и экологии. При этом главным вектором в развитии любой страны и на всех уровнях образования должны стать интернационализм и толерантность, не противостояние с мировым сообществом, а единение, дружба с ним. Только тогда человечество может обеспечить свое спасение от апокалипсиса [3].

В этих условиях становится все более необходимым разработка основополагающих подходов, условий и направлений реализации ценностей духовного потенциала общества в деле формирования и развития духовности как основы развития качественно новых отношений на всех уровнях социального развития.

Литература

1. Иноземцев В. За пределами экономического общества. - М.: Наука, 1998.
2. Буева Л.П. Духовность и проблемы нравственной культуры // Вопросы философии. 1996. № 2. С. 5.
3. Платонов Г.В., Косичев А.Д. «Проблема духовности личности» Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №3. 1998. С. 16-33.

УДК 316.621

**ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПРАВОВОЙ
КУЛЬТУРЫ КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ**

**FORMING OF RUSSIAN IDENTITY AND LEGAL CULTURE AS A CONDITION OF
ENSURING OF HUMANITARIAN SECURITY IN MULTIETHNIC REGION**

*Иванова С.Ю., Главный научный сотрудник ЮНЦ РАН, доктор философских наук,
профессор*

Ivanova S.U., Major researcher UNC RAN PhD, professor.

e-mail: ethnos@stavs.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы обеспечения гуманитарной безопасности в полиэтничном регионе на примере Северного Кавказа. Анализируется роль системы образования, семьи, средств массовой информации в этом процессе.

Annotation: The article deals with the problems of ensuring of humanitarian security in multiethnic region with example of North Caucasus. The role of educational system, family, media in that process are analyzed.

Ключевые слова: общероссийская идентичность, гуманитарная безопасность, угрозы и риски

Key words: Russian identity, humanitarian security, threats and risks

В современных обществоведческих научных исследованиях актуализировался интерес к новому феномену – политике гуманитарной безопасности. По мнению исследователей, употребление термина «гуманитарный» относительно безопасности имеет двойную содержательную нагрузку: 1) социологическое, то есть связанность с человеком и обществом, где такой термин употребляется как базовое понятие междисциплинарного характера; 2) политологическое – как антоним или противопоставление технико-технологической сфере (подобно тому, как в английском языке разведено понятие «security» и «safety»). Вместе с этими исследователями в первом приближении гуманитарную безопасность можно определить как систему способов и процедур обеспечения безопасности человека, структур его жизнеобеспечения в условиях кризисно-конфликтных ситуаций (чрезвычайные ситуации, военные действия, внешне-манипулятивные действия и тому подобное), а также в период стабилизации и реабилитации после выхода из кризиса (пост-конфликтное миростроительство) [1]. Эта общемировая парадигма имеет несколько ключевых измерений, среди которых принципиальное место занимают региональные аспекты, так как после разрушения двухполюсного мира силовое противостояние

сверхгосударств ушло в прошлое, военно-политическая нестабильность и конфликтность «опустились» на региональный и локальный уровни. Вероятность и военно-политические масштабы глобальных и межрегиональных вооруженных столкновений минимизировались, вместо этого на передний план вышли проблемы локально-региональной напряженности.

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» большое место занимают вопросы региональной безопасности, или, как говорится в документе, «регионального уровня национальной безопасности», «национальной безопасности на региональном уровне» [2]. Достаточно сказать, что в нем более 20 раз употреблены термины «регион» и «региональный» в контексте административно-территориального устройства страны и еще более десяти раз «субъекты Российской Федерации» [3].

В ряде регионов страны, в первую очередь на Северном Кавказе, актуализировались проблемы социально-гуманитарного характера: борьба с терроризмом, нелегальной торговлей оружием (которое используется против мирного населения), наркотиками, нелегальной миграцией и тесно связанной с ней торговлей людьми. В связи с этим на Юге России особенно остро встала проблема совместных усилий институтов гражданского общества, государства по предотвращению и решению локально-региональных конфликтов, поиска новых средств поддержания региональной стабильности, миротворчества, разоружения и посредничества между противоборствующими сторонами и предоставления гуманитарной помощи населению в конфликтных зонах.

Важнейшей составляющей национальной безопасности в России является безопасность гуманитарная, более того, гуманитарная безопасность – это та составляющая, которая способна цементировать национальную безопасность вообще. Как известно, безопасность – это соотношение защищенности и состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, государства от внешних и внутренних угроз.

Во времена Советского Союза существовавшая идеология и система безопасности предполагали, прежде всего, защиту существующих социальных отношений и общественного строя. В современных радикально изменившихся условиях, условиях рыночных отношений и либерализации всех сфер жизни на первое место выходят интересы человека, личности как таковой, защита ее интересов. Очевидно, что данный вопрос – вопрос гуманитарный. И он выходит на первое место, поскольку безопасность национальная – это защита интересов человека, личности; т.е. безопасность существования самого человека. Конечно же, важнейшим условием этой безопасности является безопасность социума, нации, общества, государства, которые создают условия для всестороннего развития личности. Но вместе с тем и безопасность конкретного человека является основой безопасности и условием безопасности социума, нации, касается каждого человека, каждой семьи. Более того, человек, пребывающий вне системы гуманитарных ценностей, также представляет собой определенную угрозу безопасности. Таким образом, вырисовывается некая гуманитарная окраска всей системы безопасности [4].

Дать четкую дефиницию понятию гуманитарной безопасности достаточно сложно. Даже при обращении к лексическим формам возникает сложность. Гуманитарная происходит от латинского слова homo – человек. Как можно однозначно определить, что такое человек? Человек – это понятие многогранное: и разум, и быт, культура и экономика. Следовательно, понятие гуманитарной безопасности должно включать все эти аспекты. «Гуманитарная безопасность – это состояние общественных отношений внутри страны и на международной арене, гарантирующее защищенность целей, идеалов, ценностей и традиций, образа жизни и культуры человека, семьи, народа, обеспечивающее тем самым их нормальную жизнедеятельность, устойчивое функционирование и развитие прав и обязанностей, основных свобод для всех без различия расы и пола, этнической принадлежности, языка и религии» [5]. Под гуманитарной безопасностью, под ее сущностью понимается, прежде всего, защищенность традиционной культуры, веры, традиций, образования, духовности, нравственности и т. п., а далее – это обеспечение свобод и прав каждой личности (с учетом конкретных обязанностей гражданина), что особенно актуально в нашей многонациональной стране.

Брюс Шнайер, американский специалист по компьютерной безопасности, по этому поводу пишет: «Безопасность – это и ощущение, и реальность. ... Реальность безопасности лежит в области математики, она основана на вероятности различных рисков и эффективности различных контрмер. ... Но безопасность также является ощущением, которое основывается не на вероятностях или математических вычислениях, а на ваших психологических реакциях на риски и контрмеры. ... Или, в более общем смысле, вы можете быть в безопасности, даже когда вы этого не чувствуете. И вы можете чувствовать себя в безопасности, когда в действительности это не так» [6]. Если гуманитарная безопасность есть определенное состояние защищенности, то, наверное, существует угроза этой защищенности? Откуда исходят эти угрозы культуре, вере, образованию, свободам, правам и так далее? Если говорить о гуманитарной безопасности, то в первую очередь следует раскрыть, что за опасности она подразумевает. При игнорировании подобной постановки вопроса из научного анализа полностью исключается и источник опасности, и объект, безопасность которого требуется обеспечить.

Следовательно, в первую очередь необходимо выделить объективные причины снижения уровня гуманитарной безопасности, к числу которых относятся:

- экономические (рынок, рыночные отношения приводят к коммерциализации культуры, что негативно влияет на духовность и нравственное состояние населения);
- клерикализация различных сфер жизни общества (политики, образования, быта);
- вызовы глобализации (нивелировка культуры, образования);
- состояние информационного или массмедийного пространства;
- глубокие объективные цивилизационные изменения (столкновение новых и развивающихся, старых и традиционных цивилизаций. Россия традиционно оказалась в эпицентре этих столкновений, что приводит к размыванию некоторых культур, к активизации терроризма.

Как управлять сложными и динамичными гуманитарными процессами? Есть ли возможность в принципе противодействовать этим угрозам? Какими силами, средствами? В основе безопасности гуманитарной (духовной) должна лежать национальная идея как объяснение того, что ожидает народ, проживая в этом государстве, чувствуя это государство. В Конституции РФ записано, что ни одна идеология не может быть в государстве обязательной, тем самым признается идеологическое многообразие. Но в критические переломные моменты, как истории государства, так и отдельной человеческой судьбы поливариантность подходов в идеологии приводит к затруднениям. На практике нужны конкретные идеи, образы, смыслы, цели для того, чтобы их материализовать в конкретную жизнь. На каких основах, на каких идеях консолидируется российское общество, которое до опасной степени стратифицировано по имущественным основаниям, когда полярность интересов, социальная и межэтническая напряженность достигают высоких пределов? Общественная система не может эффективно функционировать без идеологических ориентиров скрытых или открытых. Следовательно, есть они и в современной России. Но насколько эти идеологические основы соответствуют задачам гуманитарной безопасности? Как они формируются, транслируются? Какие субъекты принимают участие в их сохранении и воспроизводстве? В данном контексте наиболее важна проблема безопасности образования.

В свое время на вопрос государя Николая Павловича: «С чего бы ты начал реформы?» А.С. Пушкин ответил: «С образования, ибо неокрепшие души пойдут за любым водителем». В числе угроз системе образования можно назвать кардинальное реформирование, осуществляемое без серьезных научных и общественных дискуссий и прогнозирования последствий, обоснованности принимаемых решений. Важно помнить, что образование - это не только конвейер по созданию узкого специалиста, а если идти от смысла, от значения слова - то это - придание определенного «образа» тому человеку, который формируется и развивается, начиная от его рождения. Человек формируется образованием, а не просто обучением, потому что образование включает и вопросы воспитания, духовности, нравственности.

После разрушительных для духовности перестроечных лет, только в последние годы воспитательная работа стала одним из стержневых направлений работы высших учебных заведений страны и региона. И если несколько лет назад актуальной была задача воссоздания системы воспитания в вузах, то сегодня большинство университетов, академий и институтов наработали значительный опыт воспитательной работы в современных условиях. Вместе с тем, воспитания никогда «не бывает много». Сегодня политикам, научно-педагогическому сообществу и обществу в целом стало ясно, что духовность, патриотизм, проблемы идентичности не решаются сами собой в зависимости от успешности или неуспешности экономических реформ, а требуют кропотливой, целенаправленной и научно обоснованной работы.

Именно в сфере образования развернутся главные битвы между культурой солидарности, компетентности людей и массовой социальной и культурной деградацией.

Образование переводится от модуса традиционного института социализации и трансляции опыта к модусу социокультурного конструирования.

Система образования на Северном Кавказе имеет дело со сложным, этнически многообразным в языковом, культурном и ментальном отношении контингентом учащихся. Следовательно, в русле своих основных образовательных функций она должна решать двоякую задачу. С одной стороны, для обслуживания этого разноязычного, «разнокультурного» и «разноментального» контингента учащихся необходима организация учебно-воспитательного процесса с опорой на конкретную национальную культуру. С другой стороны, необходимо обеспечение организационного и содержательного единства образования и воспитания и целостности государственной образовательной системы в масштабах всей страны. В этом заложено основное объективное противоречие организации единого культурно-образовательного пространства при полиэтничности, многоязычности и поликультурности общества.

В содержательном плане роль образования в консолидации общества связана с тем, что образованность и профессиональные умения людей расширяют их кругозор, увеличивают потребность и возможность расширения социальных связей, повышают социальную мобильность и, тем самым, становятся необходимыми условиями достижения социального согласия и повышения уровня гражданской ответственности. В этом состоит социальный смысл образовательной политики государства, которая, как говорится в национальной доктрине образования в Российской Федерации, «призвана создать в стране условия для всеобщего образования населения, обеспечить реальное равенство прав граждан и возможность каждому повышать образовательный уровень в течение всей жизни» и гарантирует доступность образования всем гражданам Российской Федерации. Плохо образованные люди, как правило, не способны ни осознать свои права, ни соотнести их с правами других [7].

Следует подчеркнуть, что образование обеспечивает, с одной стороны, ликвидацию функциональной неграмотности индивидов по отношению к среде обитания, производству и социуму, а, с другой стороны, формирует общественно-необходимый запас знаний, умений, навыков с соответствующим набором нравственных норм. И если, как констатируется в Доктрине информационной безопасности РФ, современное гражданское общество России неспособно обеспечить формирование у подрастающего поколения и поддержание в обществе общественно необходимых нравственных ценностей, патриотизма и гражданской ответственности за судьбу страны, то значительная доля вины за это лежит и на школе. Национальная образовательная политика служит развитию толерантного сознания граждан, формированию ценностных мировоззренческих основ и обеспечению преемственности между поколениями россиян на основе общественно го согласия в духе формирования культуры мира и терпимости [8].

Важно отметить, что социальная сплоченность немыслима без плотных коммуникационных связей между индивидами, составляющими сообщество. Между тем, важнейшим средством коммуникации служит язык. В многонациональной и многоязычной

стране, какой является Россия, принципиальное значение имеет наличие языка межнационального общения. Без него различные группы окажутся отчужденными друг от друга, а население в целом – разобщенным по языковому признаку. В нашей стране исторически эта функция закрепилась за русским языком [9].

В качестве угрозы гуманитарной безопасности следует рассматривать деградацию человеческого капитала. В области образования, науки в области здравоохранения, в области качества жизни.

Несмотря на то, что на Юге России уделяется определенное внимание вопросам этнокультурного и гражданского образования молодежи, в целом в регионе культурная политика в этой сфере находится еще на стадии разработки. Фактическая нерегулируемость межэтнических отношений на государственном и региональном уровне поддерживается конъюнктурно-политическими устремлениями правящих элит, которые используют «этническую карту» и в борьбе за власть, и для укрепления своего положения, и для прикрытия этой «картой» целого комплекса культурных, социальных и экономических проблем.

Стихийные процессы после развала СССР, выразившиеся в массовой миграции, в том числе нелегальной, на всем постсоветском пространстве и в депопуляции русского населения, привели не только к структурным, но и к качественным изменениям состава жителей региона. Одной из характерных особенностей его стала резкая поляризация от полной пассивности людей, равнодушно наблюдающих сцены насилия, до жестоких форм проявления агрессивности. Возник культурный разрыв не только между «старым» и «новым» населением, но и между носителями истинно советских традиций толерантности, образованности и культуры и выживающим населением, как старым, так и новым, которое уже не способно поддерживать культурный статус южного региона, поскольку парализовано нуждой и грузом проблем общероссийского масштаба.

Естественно, что весь этот груз нерешенных проблем (экономических, социальных и культурных) обрушился, прежде всего, на семью – ячейку общества, обеспечивающую его стабильность и развитие. Обнищание населения России стало преградой доступности образования и культурного развития молодежи. Отсутствие социально-позитивных жизненных перспектив привело к массовому росту брошенных родителями детей, беспризорности не только в прямом, но и в морально-психологическом смысле.

Проводившийся в 2006 году опрос, посвященный социальному самочувствию населения региона, показал следующее:

- вполне удовлетворены своим материальным положением – 6%;
- не удовлетворены – 42,1 %;

С какими трудностями вы сталкиваетесь, стремясь улучшить свое материальное положение?

- налоговая система – 10,3 %
- бюрократизм и взяточничество чиновников – 22,4 %
- низкая заработная плата у работ, которые предлагают – 26,8 %
- система «связей», коррупция – 4,9 %

Уверенность в получении государственной защиты и помощи в трудной жизненной ситуации

- высокая – 8
- средняя – 19,5
- низкая – 53,4

Полностью удовлетворены уровнем социального обеспечения только 2%.

Считают, что здоровье за последние 2-3 года ухудшилось – 50,2%.

Экологической ситуацией не удовлетворены – 34,3 %

Медицинскими услугами не удовлетворены - 52,7%

Страхи время от времени испытывают – 61,1%

Отношение к межнациональному диалогу характеризуют следующие ответы:

При столкновении с людьми другой национальности Вы чаще всего испытываете:

- раздражение – 16,2 %
- безразличие - 50,5 %
- интерес 20,5 %.

Важно ли для Вас поддерживать связь с представителями других культур?

- да - 46,6 %
- нет – 36,1 %

Важно ли для Вас поддерживать те культурные традиции, где Вы живете?

- да – 78,6 %
- нет – 10,2 %

Участвовали ли Вы в конфликтах?

- в трудовых – 31,1 %
- в межнациональных – 11, %
- в криминальных – 4,8 %

О путях выхода из трудного социального положения мнение у опрошенных следующее:

- выходить из трудностей самому – 60,8 %
- найти государственные и общественные организации, которые могут оказать помощь – 4,1 %

Как Вы оцениваете свою уверенность в завтрашнем дне?

- вполне уверен – 16,1 %
- не в полной мере уверен – 48,5 %
- совсем не уверен – 24,6 %

Все эти и многие другие причины послужили тормозом развития гражданской идентичности личности.

Были получены следующие ответы на вопрос: «Вы предпочитаете считать себя, прежде всего:

- гражданином России – 67,2 %
- жителем Юга России, южанином – 10,2 %
- представителем своего края, республики – 7,1 %

- гражданином мира 2,7 %

Гордятся своей национальностью – 77,3 %.

Предпочитают образ жизни своего этноса – 35,3 %

Оценивают состояние межнациональных отношений в регионе как нормальное – 19,5 %; внешне спокойные, но напряжение ощущается – 50,6 %; отношения напряженные, случаются конфликты – 18,2 %. Считают, что межнациональные отношения: улучшатся – 6,6 %; останутся без изменений – 38,2 %; ухудшатся – 23,1 %

При этом постоянно продолжается демонстрация сцен насилия в СМИ, нагнетая настроение страха, ксенофобии, неприязни к чужим, что в целом провоцирует поиски «врага», которого в современных условиях легче всего идентифицировать по этническому признаку [10].

Какое общество, какую цивилизационную ветвь мы развиваем, какой хотим видеть нашу Россию, в какой цивилизации? Какую модель развиваем? Но цель нигде не провозглашена, нигде не сформулирована. Нет национальной идеи, нет и идеологии. А если нет цели развития общества, то можно ли говорить о безопасности? Невозможно. Все эти понятия должны быть сформулированы, осмыслены и поняты. А как будут они осмыслены и поняты, если эти проблемы плохо освещаются?

Между тем решение проблемы разработки мировоззренческо-идеологических основ воспитания становится все более насущной и необходимой. Мировоззрение определяет идеологию общества, в том числе и идеологию воспитания новых поколений. Только выражающая важнейшие интересы общества, государства, направленная на решение его насущных проблем идеология может избавить наше сознание от тревожных сомнений, внутренних противоречий, социального и политического противостояния между людьми. Государственная идеология должна представлять собой совокупность официально признанных доктрин во всех ключевых сферах жизнедеятельности общества, основанных на его интересах и ценностях, традициях и перспективах, достижениях, трудностях и проблемах.

Таким образом, совокупность ценностей либерально-демократической идеологии представляет собой типичный образец подавления, вытеснения идеологии поверженного противника с целью создания условий для интеграции «постсоветского пространства» в международные структуры «нового мирового порядка». На фоне очевидного провала «радикальных реформ», «невиданного национального унижения могучей прежде державы и мощного всплеска радикально-националистических настроений в массах» [11] выявилась несостоятельность этой антироссийской по существу идеологии. Не удивительно, что она не стала и не могла стать основой для разработки хоть сколько-нибудь приемлемой и жизнеспособной концепции воспитания в условиях реформируемого общества.

Либерально-демократическая идеология потерпела поражение уже к середине 90-х годов. С этого времени борьба различных политических сил России (в том числе и либерально-демократических) ведется за то, чтобы олицетворять собой наиболее полное и точное выражение «русской идеи». Произошел быстрый и неконтролируемый подъем в

обществе русского державного патриотизма, который является неотъемлемым компонентом программ и предвыборных платформ большинства политических партий России. В этой связи правомерно обратиться к набирающей силу идеологии государственного патриотизма, взятой на вооружение целым рядом влиятельных политических партий и общественных движений, пользующихся широкой поддержкой граждан России.

По мнению теоретиков идеологии государственного патриотизма, «общенаучная доктрина должна основываться на национальной идее, которая, в свою очередь, является важнейшим условием всех преобразований» [12]. При этом возрождение русской идеи, формирование научно обоснованной идеологической основы сплочения русского народа связано, прежде всего, с решением наиболее важной жизненной политической проблемы – предотвращения ослабления и развала Российского государства.

По мнению сторонников государственно-патриотической идеологии, борьба за российскую государственность сегодня неизбежно ставит каждого политика и каждого гражданина перед выбором: либо он, разделяя ее, выступает за общенациональные интересы и укрепление государственных институтов, либо воспринимает чуждую России либеральную модель развития «в никуда» и содействует процессам ослабления и разрушения государства [13].

Таким образом, возрождение национального самосознания России, реализация созданного многими поколениями духовно-нравственного и патриотического потенциала нашего общества является доминирующей тенденцией его современного развития и по всем параметрам тяготеет к возможно более полному восстановлению исторической преемственности, прерванной в XX веке серией разрушительных военных столкновений и мощных социальных катаклизмов.

Вместе с тем нельзя не отметить, что концепция государственно-патриотической идеологии, страдающая некоторыми недостатками (слабая выраженность духовного и идеологического компонента, декларированность или даже отсутствие национальных интересов России, недооценка роли и значения принципа взаимосвязи и неразрывности духовности, Православия, национализма и патриотизма и т.д.), еще далека от совершенства и находится в процессе формирования. Этот процесс поиска и обретения подлинно патриотической идеологии, основанной на российской духовности, истории, культуре, отражающей проблемы современного развития, особенности национального самосознания и менталитета, гармонизирующей интересы общества и личности, еще ждет своего относительного завершения, в том числе и в области педагогической теории и практики.

Российская идеология воспитания может рассматриваться как система формирования важнейших духовных, этнокультурных и патриотических ценностей, официально имеющих национальный статус, поддерживаемых гражданами общества и которые интерпретируются через систему идей в ходе общественного развития, охраняясь при этом как исходное начало интеграции и сохранения целостности России, российского государства, как главные ориентиры развития личности и движения в будущее.

Социальный заказ государства на воспитание человека современно образованного, нравственного, предприимчивого, готового самостоятельно принимать решения в ситуации выбора, способного к сотрудничеству и межкультурному взаимодействию, обладающего чувством ответственности за судьбу страны нашел отражение в ряде документов – Национальной доктрине образования России, Концепции модернизации российского образования на предстоящее десятилетие, Государственной программе патриотического воспитания граждан России.

До сих пор не разработана и общепринятая концепция воспитания в средней и высшей школе [14]. Между тем актуальность проблемы воспитания еще более возрастает в связи с проведением реформы системы образования в России. Одной из функций учебных заведений становится формирование ценностных ориентаций и развитие нравственных качеств личности, являющихся основой гражданского самоопределения и самореализации молодого человека.

Таким образом, основными факторами риска в образовательной среде региона являются: снижение числа образовательных учреждений в регионе (особенно в сельской местности), ухудшение из материальной базы, коммерциализация образования, снижение престижности педагогического труда, низкий уровень воспитательной работы с уклоном в развлекательную сферу, технократизация содержания образования. Угрозы в сфере образования опасны тем, что они носят латентный характер. В данном контексте, обеспечение региональной безопасности требует комплексных реформ в сфере образования, направленных на рационализацию существующих рисков.

По оценкам специалистов, накопление в регионе за последние два десятилетия этих негативных явлений до определенной критической массы привело к системному кризису общества, одним из симптомов которого и является актуализация проблем формирования гражданской идентичности.

Образование в этих условиях рассматривается не только как национальный институт, отражающий все характеристики современного общества, но и как реальная сила, обладающая потенциалом конструктивного содействия процессу межнациональной интеграции, что особенно важно для поликультурной среды Юга России.

Вместе с тем нельзя не видеть негативные явления и тенденции в сфере образования на Юге России, представляющие определенную угрозу стабильному развитию региона. Назовем лишь некоторые из них:

- сокращение учебного времени, отведенного на изучение русского языка на второй ступени школьного образования и на изучение литературы в старших классах, что на практике может повредить процессу формирования коммуникативной культуры и воспитанию учащихся;
- ставка на элитарное образование с пренебрежением к развитию массовой школы;
- попытки создать всеохватные программы безотносительно к возрастным интересам и возможностям учащихся, что ведет к снижению общего культурного уровня;

- значительное сокращение количества учебных заведений профтехобразования.

К числу субъектов, как обеспечения гуманитарной безопасности, так и создания угроз ее достижению можно отнести СМИ. Силовой компонент в современном мире в эпоху информационных войн, занимает лишь пятое место. На первом месте идут организационно-концептуальные рычаги, на втором – идеологические или традиционные, это то, что существует на уровне архетипов или генотипов, память предков (это самое трудное для поражения противником), на третьем – информационные, на четвертом – финансово-экономические рычаги, которые идут впереди силовых. И только за ними следует политика и внешнеэкономический инструментарий. Не меньшую угрозу представляет Интернет, потому что эта сфера быстро развивается и по сути своей не подвержена тотальному контролю.

В правовой сфере понятие «информационная безопасность» впервые появилось в Федеральном законе «Об участии в международном информационном обмене», а широкое распространение получило после принятия «Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», в которой было дано определение информационной безопасности РФ, угроз информационной безопасности, методов ее обеспечения и т.д. Информационная безопасность с необходимостью включает в себя соблюдение интересов личности в информационной сфере, защиту национальных духовных ценностей, норм морали и общественной нравственности и характеризуется «степенью защищенности общества и государства, а, следовательно, и устойчивостью основных сфер жизнедеятельности по отношению к опасным дестабилизирующим, ущемляющим интересы страны информационным воздействиям на уровне как внедрения, так и извлечения информации» [15].

В отечественной научной литературе распространено мнение, что «средства массовой информации продолжают искажать политику Российского государства, участвовать в информационных войнах, разными способами злоупотреблять свободой массовой информации. Наблюдаются случаи преднамеренного нарушения информационной безопасности со стороны журналистов – противозаконный сбор, распространение информации, манипулирование данными, дезинформация, сокрытие, искажение информации с целью получения выгоды, а также и непреднамеренные ошибки средств массовой информации, приводящие к потере материальных или психологических ресурсов. Кроме того, активизируется деятельность российских и иностранных коммерческих структур по созданию монополий на рынке СМИ. Угрожающие масштабы принимает проблема девальвации духовных ценностей и распространения культа насилия и жестокости» [16].

Актуальность постановки задач обеспечения информационной безопасности в России объясняется также современной ситуацией в мире, которую можно охарактеризовать как глобальное информационное противоборство, главной целью которого является информационное доминирование, превосходство. По мнению ряда исследователей, информационное противоборство направлено на «нарушение информационной безопасности враждебного государства..., целостности (устойчивости) системы государственного и военного управления иностранных государств, эффективное информационное воздействие

на их руководство, политическую элиту, системы формирования общественного мнения и принятия решений» [17].

Понятно, что в этих условиях сегодня будет ошибочным и даже губительным непонимание роли целостной, достоверной, объективной информации в выработке и принятии управленческих решений стратегического и тактического характера. Очевидно, что средства массовой информации, являясь основным поставщиком информации для широких слоев населения, являются сегодня той площадкой, которую используют, прежде всего, для ведения информационных операций, направленных на дезориентацию аудитории, формирование определенного общественного мнения, способного воздействовать на принятие решений властными структурами. Таким образом, именно СМИ объективно занимают приоритетное место в обеспечении информационной безопасности в регионе и должны находиться в поле зрения исследователей, изучающих этот аспект.

Говоря об информационной безопасности региона, нельзя обойти вниманием проблему информационной войны. В последнее время о ее ведении разными государствами все чаще говорят не только ученые, но и публицисты. Этот термин стал особенно распространенным в отечественной журналистике в связи с информационным сопровождением военного конфликта Грузии и Южной Осетии (август 2008 г.) в западных средствах массовой информации, которые достаточно активно формировали негативный образ России в этом конфликте, представляя ее как агрессора, а не как защитника и миротворца.

Первостепенными целями и основными результатами разработки и ведения информационной войны являются дезинформация и деморализация населения и непосредственно руководства страны-противника. При этом опасность этого типа войны заключается в том, что население и политическая элита не осознают, что подвергаются целенаправленному воздействию со стороны.

Характерными чертами информационной войны, обеспечивающими ее эффективность, сегодня называют:

- Незначительность финансовых затрат и количества привлекаемых специалистов для разработки и ведения информационных операций против страны-противника;
- Значительное понижение значимости традиционных государственных границ для вмешательства в информационную структуру и навязывания дезинформации управленческим структурам и широким слоям населения, что связано в немалой степени с развитием Интернета, спутникового телевидения и других технических средств, делающих возможным оперативное и повсеместное распространение массовой информации;
- Масштабность управления восприятием, играющего исключительно важную роль для дезорганизации предполагаемого противника;
- Трудность выявления постороннего вмешательства в действие внутригосударственных информационных сетей и функционирование информационных потоков, что значительно усложняет обеспечение информационной безопасности страны и отдельных регионов;

- Важность тактического предупреждения информационной войны, обеспечивающего защиту информационного пространства страны и соответственно направленного на информационную безопасность граждан, общества и государства, и т.д. [18].

Очевидно, что в этой связи актуализируется проблема социальной ответственности журналистов и – подчеркнем – руководителей средств массовой информации: «Созидание реальности через воздействие на сознание и поведение – самый глубокий вопрос теории журналистики, поскольку в данном случае журнализм как бы продолжает дело миротворения и несет за него колоссальную ответственность перед человечеством, перед цивилизацией, перед потомками» [19].

Экстраполируя ситуацию на региональный уровень, отметим, прежде всего, что информационное пространство на местах не существует изолированно от общероссийского и даже общемирового, поскольку любой регион включен в зону действия федеральных СМИ и через Интернет и спутниковое телевидение имеет выход к зарубежным информационным ресурсам. Соответственно возможности воздействия, в том числе негативного, на население определенной местности сегодня значительно возрастают.

Сопоставление места и роли электронных и печатных средств массовой информации в регионах позволяет утверждать, что информационные потоки, циркулирующие в них, обеспечиваются, в первую очередь, за счет общероссийских телевизионных программ. Однако следует учитывать, что ряду местностей (к примеру, в Карачаево-Черкесии) телесигнал без спутниковой связи недоступен, что существенно меняет ситуацию с информированием населения в этих районах. А в условиях отсутствия местных периодических изданий возрастает роль любого источника информации, что позволяет считать подобные территории зонами повышенного риска для ведения информационных операций разрушающего характера.

В системе местных СМИ на современном этапе по-прежнему существенное место занимает периодическая печать, обладающая к тому же типологическим разнообразием и занимающая существенное место в структуре подписки в регионе. Подобная тенденция, по наблюдениям отечественных исследователей, сформировалась в целом в России в конце XX века [20]. Положение периодической печати на Северном Кавказе в полной мере соответствует в этом отношении общей ситуации в стране, где печать остается одним из ведущих коммуникаторов в системе СМИ. Процесс насыщения информационного пространства местными печатными средствами массовой информации разной типологической модели продолжается, в том числе активное развитие в последние несколько лет получила журнальная периодика, прежде всего в форме глянцевого журналов.

Анализ информационного пространства субъектов Северо-Кавказского федерального округа показывает, что в XXI веке сформировалась тенденция сокращения роли местных электронных средств массовой информации в информационном пространстве северокавказских регионов. Это связано, в первую очередь, с их уходом из ниши аналитической и публицистической журналистики, сокращением сетки вещания, ориентированностью на

информационное и развлекательное вещание, вытеснением программ культурологического характера и чрезмерным увлечением местного ТВ и радио пиар-акциями и рекламными проектами. При этом увеличение количества местных теле- и радиокompаний, как правило, не изменяет ситуации в целом.

На Северном Кавказе сформировалась и определенная база интернет-СМИ (версии существующих печатных изданий, сайты электронных СМИ, сетевые информагентства и т.д.), которые, тем не менее, достаточно ограничены в своих возможностях информирования местного населения (в немалой степени из-за его недостаточной компьютеризированности и интернетизации).

Таким образом, при разработке мер для обеспечения информационной безопасности в регионе, следует учесть, что для ведения информационной войны в качестве первоочередных объектов воздействия могут быть избраны общенациональные телевизионные каналы, а также имеющие в регионе устойчивую репутацию надежных источников Интернет-ресурсы и местные газеты. В структуре региональной прессы таковыми, как правило, являются краевые (областные), городские и районные общественно-политические издания, которые сохраняют тенденцию к универсализации, адресуясь «всем» в пределах своего ареала распространения и рассказывая «обо всем».

Подводя итоги, можно утверждать, что сохранение информационной безопасности в регионе невозможно без учета роли средств массовой информации в этом процессе.

Общественно-политическая пресса по своему назначению призвана отражать процессы, происходящие в обществе, поэтому в поле ее внимания зачастую попадают те или иные конфликтные ситуации. Как правило, журналисты избирают для этих материалов хлесткие заголовки, четко позиционирующие их отношение к ситуации.

Задачу обеспечения гуманитарной безопасности и стабилизации межнациональных отношений и формирования установок на формирование общероссийской идентичности невозможно эффективно решить без восстановления единого информационного и культурно-образовательного пространства – основной предпосылки для осуществления реального диалога культур, способствующего укреплению мира и стабильности в регионе.

Эта задача может быть решена только при целенаправленном и комплексном использовании основных каналов информационного воздействия на массовое сознание.

Еще один важный для гуманитарной безопасности вопрос - межнациональные отношения. В 2011 году, отдавая дань погибшим героям Великой Отечественной войны, практически все ученые, политики, публицисты признавали, что важнейшим фактором победы была дружба народов. Но в современной России сегодня даже нет министерства по делам национальностей. По существу – нет национальной политики. А это важнейшие вопросы гуманитарной или духовной безопасности – межнациональные отношения. Единство российского общества, единство народа – это важнейший фактор эффективного развития региона и страны.

Для преодоления угроз гуманитарной безопасности необходимо, прежде всего, обозначить точку, в которой находится северокавказское сообщество в данный исторический

момент, дать научно обоснованную характеристику современной ситуации. Очевидно, что решение представленного комплекса проблем требует разработки целого ряда региональных программ, ориентированных на:

- признание решающей роли семьи, повышение ее социального статуса и укрепление материального положения как фундаментального условия социализации личности, обеспечивающего социально-позитивную направленность ее этнической и гражданской идентификации;
- формирование нового позитивного восприятия полиэтничности в регионе как источника динамичного развития, как импульса познания других культур, способствующих собственному культурному самоопределению и толерантности;
- сохранение этнокультурного разнообразия региона как исторически сложившейся основы многонационального государства, без которой невозможно в современных условиях глобализации развитие общероссийской гражданской идентичности;
- возрастание роли и институциональной ценности системы образования как основы социально-политической самоорганизации этнических сообществ, как информационно-коммуникативного механизма эффективного включения этносов в процессы общероссийской интеграции;
- воспитание молодых высокообразованных лидеров северокавказских этносов, обладающих этнической и гражданской идентичностью, высокой правовой культурой и способных к развитию и расширению пространства межэтнических коммуникаций.

Литература

1. Сухарев А.И. Политика гуманитарной безопасности (К вопросу о теории политики и практике безопасности) // Безопасность Евразии. – 2000. – №1.
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // <http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html>
3. Полосин А.В. Региональная безопасность: проблемы институционализации // Вестник Военного университета. – 2009. – № 3.
4. Стенограмма «круглого стола» Фонда «Национальная безопасность Российской Федерации в гуманитарном измерении» // Проблемы безопасности. – 2009. – № 6.
5. Там же.
6. Шнайер Б. Психология безопасности. – Ч.1. // <http://www.securitylab.ru/analytics/350909.php>
7. Национальная доктрина образования в Российской Федерации // <http://dvgu.ru/umu/ZakRF/doktrin1.htm>
8. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // http://www.rg.ru/oficial/doc/min_and_vedom/mim_bezop/doctr.shtm
9. Нестеров В.В. Образование как фактор социальной сплоченности и политической стабильности общества // Вестник Военного университета. – 2009. – № 3.

10. Шульга М.М. Социальное самочувствие населения КМВ // II Международный конгресс: Проблемы и перспективы развития рекреационных территорий: инновационные факторы их устойчивого развития. Материалы конгресса. – Ессентуки: Изд-во СКНЦ ИПрЭ РАН, 2007.
11. Зорькин В. Прощание с мифами // Наш современник. – 1994. – № 9. – С. 136.
12. Современная Русская Идея и государство. – М., 1995. – С. 39.
13. Там же.
14. Бабочкин П.И. Воспитание в школе и вузе: учащаяся молодежь о проблемах воспитания (социологические данные) / Стратегия воспитания в образовательной системе России. – М.: Издательский сервис, 2005. – С. 383.
15. Лабуш Н.С. Информационная безопасность и сетевая журналистика // СМИ в современном мире: Тезисы научн.-практ. конф., 24 апреля 2004 г. – СПб., 2004. – С. 326.
16. Богдадьев А.С. Политико-правовой статус СМИ в системе информационной безопасности России: Дис. ... канд. полит. наук : 10.01.10. – СПб., 2005. – С. 3.
17. Панарин И.Н. Информационная война, PR и мировая политика. – М.: Горячая линия - Телеком, 2006. – С. 178.
18. Воронцова Л.В., Фролов Д.Б. История и современность информационного противоборства. - М.: Горячая линия - Телеком, 2006.
19. Свитич Л.Г. Феномен журнализма. – М., 2000. – С. 222.
20. Система средств массовой информации России / Под ред. Я.Н. Засурского. – М.: Аспект Пресс, 2001. – С. 56.

УДК 316.621

**МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ
В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ**

MULTICULTURALISM AND SECURITY PROBLEMS IN MULTIETHNIC REGION

Шульга М.М., ФГБОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и политологии

Shulga M.M., FGBOU VPO "North-Caucasian Federal University", doctor of social sciences, professor, head of the department of general sociology and political science

e-mail: skgi_institut@mail.ru

В статье анализируется конфликтогенный потенциал мультикультурализма в современном мире и интеграционные возможности мультикультурных практик в образовании в полиэтничном российском обществе.

The paper analyzes the potential for conflict in the modern world of multiculturalism and integration capabilities of multicultural practices in education in multiethnic Russian society.

Ключевые слова: поликультурный, мультикультурализм, мультикультурализм в образовании

Keywords: polycultural, multiculturalism, multiculturalism in education

Поликультурность пространства жизнедеятельности человека стала неотъемлемой чертой современного индустриально развитого мира. Основой поликультурной среды является полиэтничность и поликонфессиональность населения. Особенно это актуально для российского общества, в котором исторически совместно проживали и развивались самые разнообразные этносы. Логика поликультурного развития состоит в движении от восприятия культуры собственного народа через родной язык – к культуре соседних народов, а затем – к пониманию мировой культуры. Глобализация актуализирует проблему готовности человека к жизни в открытом обществе, в условиях многонациональной и поликультурной среды, формирования умений общаться и сотрудничать с людьми разных национальностей, рас, вероисповеданий.

В любом полиэтничном социуме этносы ищут свою социальную нишу, где они могут поддерживать свой демографический состав и воспроизводить свою этничность (язык, культуру, традиции, образование и т.д.). В то же время в условиях глобализации неизбежно происходит размывание традиционных этнических связей, преодоление обособленности этнических общностей, ассимиляция людьми инокультурных ценностей, норм и образования. Такая ситуация артикулируется как тенденции этнического парадокса: с одной стороны, растет популярность проблемы общечеловеческих ценностей, планетарного

мышления с тенденцией к сближению народов; с другой, фактом является углубление кризиса межнациональных отношений, связанного с распадом федеративных государств, противодействием этнических групп, потерей национальных языков, снижением статуса малых народов [1].

Следует отметить, что сами по себе религиозные, этнические и культурные различия не конфликтогенны, но они играют стержневую роль в так называемых конфликтах ценностей, их конфликтогенность обусловлена ситуацией отрицания или открытого пренебрежения этими различиями.

Осознание этого противоречия началось в 80-х гг. и привело к разработке концепции мультикультурализма «...как особой формы интегративной идеологии, посредством которой поликультурные национальные сообщества реализуют стратегии социального согласия и стабильности на принципах равноправного сосуществования различных форм культурной жизни» [2]. Действенных рецептов для примирения культурных различий и унификации на ценностном уровне мультикультурализм не выработал, т.к. он фундаментально противоречив: с одной стороны, он поддерживает и сохраняет культуру меньшинств, с другой – их обычаи и традиции все равно воспринимаются как потенциальная угроза и как пережиток прошлого – некое клеймо выключенности из модерности, которое надо преодолевать, причем именно в ценностной сфере.

В конце 1990-х – 2000-е годы проявились негативные последствия воплощения в жизнь доктрины мультикультурализма. Среди них: распространение экстремистских настроений в среде мигрантов; формирование социально, культурно и экономически замкнутых диаспоральных анклавов; отсутствие у мигрантов желания, возможностей и необходимости усваивать принципы сосуществования, нормы правовой культуры, язык страны проживания; превращение мигрантов в самостоятельную политическую силу; рост влияния среди коренного населения крайне правых политических сил, использующих антииммигрантские лозунги.

В 2008-2011 годах европейские политические элиты поставили под сомнение эффективность практики мультикультурализма. Председатель Бундесбанка Тило Сарацин выпустил книгу «Германия самоликвидируется», где предрек скорую гибель государства в результате неконтролируемой иммиграции [3]. Совет Европы попытался предложить новую интеграционную доктрину – «межкультурный диалог». Эта доктрина была сформулирована в «Белой книге по межкультурному диалогу», представленной СЕ в 2008 году. Европейские чиновники предложили видоизменить мультикультурализм, не отказываясь от его гуманистической основы, но добавив к этой концепции необходимость интеграции не просто групп, а каждого конкретного иммигранта в принимающее сообщество [4].

В конце 2010 – начале 2011 годов серия заявлений с критикой мультикультурализма прозвучала из уст европейских лидеров: федерального канцлера Германии Ангелы Меркель, премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона, президента Франции Николя Саркози и других. «Следуя доктрине государственного мультикультурализма, мы способствовали тому, чтобы различные культуры жили самостоятельной жизнью, отдельно друг от друга и

вне магистрального направления культуры. Мы не предложили им видение общества, к которому они хотели бы принадлежать. Мы относились толерантно к этим изолированным сообществам, поведение которых полностью противоречило нашим ценностям», – заявил Дэвид Кэмерон [5].

Единственным местом, где мультикультурализм не сдает своих позиций, остается культура и образование.

Культурные практики предполагают превращения модных сегодня различий в безопасную, предсказуемую, контролируемую музейную форму (выставки, фестивалей, мультикультурной антологии и т.д.), основанную на консервации и запирающую меньшинства в раз и навсегда данные этнические ячейки.

Основная задача мультикультурного образования – формирование мультикультурной компетентности, которая, по мнению М. Класа, есть знание культуры собеседника, шкалы ценностей, которых он придерживается [6].

Когнитивный компонент мультикультурной компетентности предполагает знания личности о культуре, нормах, традициях, обычаях, образе жизни и соотносимых с ним социальных ценностях своего этноса, а также знания о многообразии мультикультурного общества и проблемах взаимосвязи представителей различных культур, об особенностях национального характера и менталитете соизучаемых народов.

Мотивационный компонент – формирование определенного ценностного отношения к миру. Сущность мультикультурного воспитания заключается в том, чтобы помочь индивиду сделать осознанный выбор общественных ценностей и на их основе сформировать устойчивую, непротиворечивую систему ориентаций, способную мотивировать ее поведение и деятельность, во взаимодействии с представителями других культур.

Личностный компонент реализуется как проявление интереса, симпатии, одобрения, привязанности, и предполагает высокое развитие межкультурной толерантности, бесконфликтности. При функционировании мультикультурной компетентности образ «Я» самой личности вступает во взаимодействие с образом другого, то есть представителя иной культурной группы.

Деятельностный компонент мультикультурной компетентности предполагает сформированность определенных умений и навыков общения с представителями иноязычной культуры: следовать правилам речевого этикета; проявлять уважение, такт, толерантность к собеседнику с учетом его национальной и культурной принадлежности; умений решать проблемы межкультурного общения путем согласия, бесконфликтно, без насилия и агрессии.

Мультикультурное образование, таким образом, – особый вид целенаправленной социализации, обеспечивающий:

- на когнитивном уровне – освоение образцов и ценностей мировой культуры, культурно-исторического и социального опыта различных стран и народов;
- на ценностно-мотивационном уровне – формирование социально-установочных и ценностно-ориентационных предрасположенностей к межкультурной коммуникации и

обмену, а также развитие толерантности по отношению к другим странам, народам, культурам и социальным группам;

- на деятельностно-поведенческом уровне – активное социальное взаимодействие с представителями различных культур при сохранении собственной культурной идентичности.

Позитивным потенциалом мультикультурализма в образовании является аккультурация личности в свою национальную культуру, знакомство и формирование толерантного отношения к «другой» национальной культуре, формирование навыков работы и жизни в поликультурной среде. Риском мультикультурного образования является отсутствие в поликультурном многообразии «общего знаменателя», способного объединить людей, независимо от их этнической, конфессиональной, другой социокультурной принадлежности.

На сегодняшний день наиболее жизнеспособную, разработанную и соответствующую конкретным условиям, модель представляет собой американское мультикультурное образование, предусмотренное стандартами специальной педагогической подготовки – Национального совета по аккредитации учительского образования (NCATE). Национальный совет настаивает на «дифференцированном подходе в обучении представителей разных национальностей, этнических групп» и требует разработки разнообразных программ обучения, утверждая, что мультикультурализм станет основой любых профессиональных программ. В стандартах NCATE есть раздел «Многообразие», в котором сформулированы следующие условия профессионального обучения: учёт расового, этнического многообразия студентов и преподавателей, наличие в студенческом коллективе и преподавательском составе различных этнических, языковых и культурных групп; отражение культурного многообразия в учебных планах, в действиях профессорско-преподавательского состава, в процедурах оценки знаний; создание в учебных заведениях климата взаимопонимания, поддержки всех этнических групп, представленных в студенческом и профессорско-преподавательском коллективах [7].

В настоящее время в мировой практике сложилось несколько подходов к пониманию сущности мультикультурного образования и стратегии его реализации: моноэтнический, диалоговый и социально-психологический.

Моноэтнический подход в мультикультурном образовании имеет несколько направлений:

- аккультурационное сводится к тому, что мультикультурное образование должно ориентироваться на культуру переселенцев. В рамках данного подхода центральное место занимает вопрос о культурной идентичности (наборе культурных форм, черт, характеристик) человека;
- бикультурное предполагает становление «билингвально бикультурной» идентичности с постоянным сравнением двух культур. Данный подход предполагает развитие способности выделять и критически осмысливать ценности каждой культуры и формировать свою собственную культурную идентичность;

Диалоговый подход в мультикультурном образовании также включает в себя несколько парадигм:

- концепция диалога культур предполагает развитие идеи открытости, культурного плюрализма. Основная идея его сводится к приобщению развивающегося человека к различным культурам, формирование общепланетарного сознания, позволяющего тесно взаимодействовать с представителями различных стран и народов и интегрироваться в мировое и общеевропейское культурно-образовательное пространство;
- деятельностная концепция провозглашает целью воспитание подрастающего поколения в духе мира и разрешения межкультурных конфликтов. Данный подход пронизан идеей признания индивидуальных особенностей каждой личности, идеей «переформатирования» чуждой культуры в терминах собственного лингвокультурного опыта;
- концепция мультиперспективного образования артикулирует необходимость развития способности к межкультурной коммуникации, формирования представлений о происходящих в мире разносторонних культурных обменных процессах и многоуровневой структуре каждой культуры. В основе этой концепции лежит идея преодоления монокультурной ориентации, идея переориентации процесса обучения от событийной истории к социальной.

Социально-психологический подход в мультикультурном образовании включает в себя:

- концепцию антирасистского воспитания, основными принципами которой являются идеи равенства и справедливости, задающие вектор формирования активной позиции по отношению к неравенству; развитие способности критически воспринимать стереотипы, относящиеся к другим людям и их культуре;
- концепцию социального научения, ориентированную на развитие эмпатии, солидарности, способности решать конфликты [8].

В современной России мультикультурное образование существует преимущественно в виде моноэтнического аккультурационного (национальные школы). Наиболее наглядно в этом отношении выглядит история становления образования на Кавказе.

Спецификой образовательной системы, формируемой Россией на Кавказе, была ее ориентация на потребности края и учет этнокультурных особенностей местных жителей. Например, в первом светском учебном заведении – Ставропольской гимназии – обязательным было изучение хотя бы одного из местных языков, а латинский язык, который был обязательным во всех школах России, получил статус факультативного. Выпускниками гимназии стали известные просветители Кавказа, внесшие неоценимый вклад в развитие просвещения и культуры в регионе и ставшие частью культуры российского Кавказа. – Адиль-Гирей Кешев, К. Хетагуров и др.

По инициативе попечителя К.П. Яновского в Кавказском учебном округе особое внимание уделялось изучению этнографии горских народов. Преподаватели и учащиеся Ставропольской гимназии собирали фольклорный материал, сведения об истории края, археологии, лингвистике. Результаты исследовательской работы публиковались в «Сборнике

сведений о Кавказе», являющимся сегодня ценным источником информации об истории и культуре народов Северного Кавказа. Таким образом, влияние образовательных учреждений на этнокультурную среду следует рассматривать в контексте оптимизации взаимодействия этнических культур кавказских народов.

Наместник Кавказа М.С. Воронцов предпринял также попытку создать сеть государственных школ для мусульман для обучения детей русскому языку. Первая такая школа была открыта в Дербенте в 1849 г. Кроме того, наместник способствовал отправлению детей знатных горцев на обучение в кадетские корпуса. В условиях продолжающейся Кавказской войны школы также открывались при армии. Новый наместник Кавказа, А.И.Барятинский, открывает новый тип учебных заведений – горские школы. Их цель четко определяется как распространение гражданственности и грамотности между покорившимися мирными горцами. Обучение велось на русском языке учителями, владевшими одновременно несколькими кавказскими языками.

Таким образом, можно сказать, что становление системы образования на Кавказе идет фактически в форме национальной школы.

После революции основной тенденцией развития образования является ликвидация безграмотности. Национальная школа в этот период выполняет, прежде всего, функцию адаптации к новым условиям. Ее необходимость на Северном Кавказе была обусловлена тем, что большая часть населения не знала русский язык, не имела своей письменности, не было достаточного количества подготовленных специалистов-педагогов. Создание во второй половине 20-х гг. собственной письменности большинства кавказских народов способствовало расширению преподавания родных языков (составлению учебников, подготовки учителей и пр.). Например, к 1925 г. сеть школ только в Кабарде и Балкарии увеличилась в 3,5 раза, а количество учеников – в 5.

В 1932/33 г. на Северном Кавказе вводится всеобщее обязательное обучение, а к началу 40-х гг. – осуществлен переход на всеобщее семилетнее образование. В 30-е гг. на Северном Кавказе начинается подготовка собственных кадров учителей. В эти годы, по замечанию кавказских педагогов, перед школой ставились в первую очередь социально-производственные задачи: она должна была давать учащимся объем знаний, необходимый для участия в индустриальной сфере производства. В 1936 - 37 гг. осуществлен перевод письменности кавказских языков на русскую графическую основу. В марте 1938 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) об изучении русского языка в нерусских школах страны, которое определяло единые требования к объему знаний и навыкам по русскому языку. Начинается процесс унификации российской школы, интеграция учебных заведений различного уровня в единое образовательное пространство.

В послевоенный период проблема национальной школы рассматривается через призму недостаточного количества среди специалистов, работающих на Северном Кавказе, представителей коренных национальностей. Так, например, в 1948 г. в Кабардино-Балкарском педагогическом институте из 599 студентов насчитывалось только 56 кабардинцев, а в Нальчинском сельхозтехникуме кабардинцы составляли 7% от общего

количества студентов, среди учителей с высшим образованием было только 7% кабардинцев [9].

Таким образом, анализ истории развития образования на Северном Кавказе в советский период показывает, что первоначально введение национального образования являлось необходимой ступенью в подготовке населения к овладению индустриальными профессиями и формированию единого гражданского сознания населения страны. Национальное образование, которое понималось как обучение на родном языке, распространялось сначала только на начальную школу, а в последующем было вытеснено и из этой области. Эта тенденция реализовывалась по мере освоения русского языка как государственного взрослым населением этнических регионов страны.

Проблема национальной школы вновь актуализируется в 90-е годы, в связи с ростом этнополитического сознания населения поликультурной России. В Министерстве образования РФ разрабатывается концепция национального образования, в соответствии с которой в содержании образования помимо общероссийского стандарта должен быть весомо представлен национальный компонент: под которым имеются в виду родной язык и литература, история народа и края («родиноведение»), включая знакомство с традиционным укладом жизни, искусством, народными промыслами и видами спорта.

В отличие от предшествующих десятилетий национальное образование имеет не столько утилитарно-практическую нагруженность, сколько выступает в качестве самоценности. Оно направлено на формирование этнической идентичности и трансляцию этнической культуры, понимаемой как совокупность соционормативных и художественно-эстетических элементов. Вместе с тем такое понимание содержания национального образования применительно к современным реалиям Северного Кавказа таит в себе и определенные угрозы.

Во-первых, реальной проблемой являются неравные шансы выпускников национальных школ на продолжение образования. Особенно актуализировалась она с девяностых годов, когда в субъектах Российской Федерации были приняты законы о государственных языках, благодаря которым среднее образование на языках титульных этносов получило мощный импульс для развития. Перемены, естественно, затронули и высшее образование, которому теперь приходится иметь дело с выпускниками средних школ, где обучение осуществляется на нерусском языке.

В последние годы практически произошло разрушение выстроенной в советское время системы образования, что привело к массовому снижению культурного уровня населения. Система высшего образования стала коррумпировано-формальной, получение знаний заменяется получением дипломов с помощью финансового или «кланово-родственного» ресурса. Значительная часть молодежи (русская практически вся) выезжает для получения реального (и дешевого) образования в другие регионы и назад уже не возвращается. Разрушение системы высшего образования порождает кризис среднего и начального образования: полноценно образованных учительских кадров становится все меньше. Система среднего образования продолжает держаться на учителях получивших

образование в советский период. Особенно остра данная проблема для сельских (особенно горных) районов, где образовательная система становится все более символической. Например, если в городских школах обучение русскому языку еще хоть как-то ведется, в сельских школах зачастую сам учитель-русист не может говорить и читать по-русски.

Недостаточное владение горцев русским языком приводит к ситуации «духовного голода»: русские книги, телевидение и радио становятся малодоступны, а культурный продукт на национальных языках недостаточен, как правило, создавался в советское время и устарел. На Кавказе стремительно растет разрыв в уровне культурного развития между сельским и городским населением. Этот разрыв доходит, чуть ли не до внутринационального разделения на своеобразные «субэтноты» с разными социальными установками и ценностями.

Фактически, от культурной (и как следствие социально-политической) катастрофы Кавказ спасают только духовно-культурные основы сохранившиеся от прежнего времени. Пушкин, даже в национальных переводах, в настоящее время это лучшая защита от ваххабизма. Но паразитирование на культурно-просветительском заделе советской эпохи, рано или поздно (хотя бы в силу естественного ухода людей старшего возраста – главных хранителей общей с Россией культуры и языка) закончится и что тогда произойдет с Северным Кавказом, предсказать сложно.

Во-вторых, как показывает история, культурный аргумент (этнические, языковые, религиозные и прочие различия) нередко становится основным в производстве насилия. С опорой на культурные аргументы рождаются ксенофобия, нетерпимость и, в конечном итоге, открытое физическое насилие. Стремление «замкнуть» личность в монокультурном пространстве неизбежно обернется дальнейшим культурным шоком, который в социальном плане представляет собой конфликт различных культур на уровне индивидуального сознания, культурных норм и ориентаций. Необходимо создавать условия, которые бы выступали реальной основой формирования поликультурной личности, способной на конструктивное сотрудничество с носителями различных этнокультурных ценностей.

Россия – крупнейшее в мире многонациональное и многоконфессиональное государство, на протяжении многих столетий органично вбирившее в себя все разнообразие народов, языков, религий, нравов и обычаев. В отличие от иммигрантских европейских обществ значительную часть населения страны составляют не группы, сформировавшиеся в результате различных миграций, а народы, имеющие исторические этнические территории, язык, культуру и особое видение перспектив своего развития в рамках российской территории [10]. В этих условиях ложно понятая идея мультикультурного общества не обеспечивает его необходимого согласия и консолидации, сохраняя разобщенность. Интеграция общества должна быть основана на некоторых общих идентичностях. Такова гражданская идентичность, которая, в отличие от национальной, государственной и, этнической идентичности, не подразумевает исторической общности, единой культуры, одной ценностной ориентации или мифической национальной территории. Именно гражданская идентичность фиксирует единство интересов индивида с данной социальной

общностью, позволяет ему преодолеть страх и тревогу, чувствовать себя более уверенно в новых социальных условиях.

Система образования в России имеет дело со сложным, этнически многообразным в языковом, культурном и ментальном отношении контингентом учащихся. В таких условиях учебные заведения должны играть двоякую роль. С одной стороны, необходимо конструирование специального социокультурного, образовательного пространства с опорой на национальную культуру, на свободу выбора национально-этнической и религиозно-мировоззренческой идентичности. Но с другой стороны, необходимо обеспечение организационного и содержательного единства образования и целостности государственной образовательной системы в масштабах всей страны. На смену эйфории от создания «национального образования» должно прийти осознание того непреложного факта, что образование призвано отвечать интересам государства, народа, всего мирового сообщества и каждой отдельной личности. «Погружение в этничность», по мнению экспертов, часто сопровождается стремлением слить воедино этническую и политическую единицы, что, в конечном счете, и ведет к межэтническим конфликтам.

Литература:

1. Духовная культура и этническое самосознание наций. Вып.1. / Отв.ред. Дробижева Л.М. – М. : Тип *Краснознаменного* института, 1991. – С.16.
2. Habermas J. Struqqles for Recognition in the Democratic Constitutional State // Multi culturalism / J. Habermas Examining the Politics of Recognition. – Princeton, New Jersey, 1994. – P. 37.
3. Sarrazin T. Deutschland schafft sich ab. WiewirunserLandaufs Spiel setzen / T. Sarrazin. – München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2010. – S. 325.
4. Информационный центр Совета Европы. Белая книга по межкультурному диалогу: Жить вместе в равном достоинстве // http://www.coe.ru/publication/epublication/ebook/whitepaper_russian.pdf.
5. The official site of the Prime Minister's Office. PM's speech at Munich Security Conference // <http://www.number10.gov.uk/news/speeches-andtranscripts/2011/02/>
6. Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире. – М.: Аспект Пресс, 2003. – С. 88.
7. Джуринский А.Н. Воспитание в России и за рубежом // <http://www.prosv.ru/metod/dgur/index.html>
8. Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г., Мартынова М.Ю. Тренинг этнокультурной компетентности. – М.Изд-во РУДН, 2003. – С. 25-28.
9. Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология. – Ростов-на-Дону, Изд-во ООО «ЦВВР», 2000. – С. 311-313.
10. Куропятник А. И. Мультикультурализм, нация, идентичность (перспективы мультикультурного развития России) // Глобализация и культура: аналитический подход. – СПб.Янус, 2003. – С. 126–150.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
SOCIOLOGICAL SCIENCE

УДК 314

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
THE STATE POLICY IN THE SPHERE OF HEALTH CARE

Ляпанов А.В., Владимирский юридический институт ФСИИ России, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин

Lyapanov Artem V., Federal state educational institution of higher professional education Vladimir Institute of Law FSIN Russian Federation, PhD in historical sciences, sr. instructor

e-mail: Lyapanov@mail.ru

Аннотация: Статья раскрывает проблему здравоохранения и общественного здоровья в России. Характеризуются показатели в данной сфере, выявляются проблемы и шаги по их решению.

Annotation: the Article reveals the problem of health care and public health in Russia. Are characterized by the indicators in this sphere, reveals the problems and steps to address them.

Ключевые слова: здравоохранение, заболеваемость населения, расходы на здравоохранение, медицинское страхование.

Key words: health, morbidity of the population, the expenses on healthcare, medical insurance.

Состояние здравоохранения и общественного здоровья в научной литературе традиционно принято рассматривать через характеристику ряда показателей [8]. Наиболее значимыми из них являются: демографическая ситуация; состояние заболеваемости населения; состояние санитарно-эпидемиологического благополучия населения; состояние сети лечебных учреждений, оказывающих медицинскую помощь, их деятельность.

Также используются критерии экономического характера, такие как: доля расходов от валового внутреннего продукта (ВВП), направляемая на здравоохранение; структура данных расходов.

Данные анализа демографической ситуации и политики народонаселения в стране свидетельствуют о существовании негативных тенденций [2], что оказывает значительное влияние на систему российского здравоохранения.

В период 2000-2010 гг. общая заболеваемость в России возросла на 18.2% (с 191304,4 до 226159,6 тыс. чел. соответственно). В структуре общей заболеваемости традиционно

первое место занимают болезни органов дыхания, затем системы кровообращения, костно-мышечной и соединительной ткани, органов пищеварения.

На территории Российской Федерации в 2011 г. по сравнению с 2010 г. эпидемиологическая обстановка характеризовалась ростом заболеваемости населения по ряду инфекционных заболеваний таких, как грипп, болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека, острые инфекции верхних дыхательных путей, бессимптомный инфекционный статус, вызванный вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ).

Особое опасение вызывает динамика социально-значимых болезней. Так, наблюдается стабильное увеличение числа заболеваемости сахарным диабетом, злокачественных новообразований и ВИЧ инфицированных. Сложной остается ситуация с туберкулезом. Самые высокие показатели заболеваемости туберкулезом в 2011 г. имели место в Республике Тыва (в 2,8 раза выше, чем в среднем по России), в Еврейской автономной области, Приморском крае, Ненецком автономном округе и Чукотском автономном округе (в 2,6-2,1 раза выше).

Влияние состояния санитарно-эпидемиологического благополучия населения обусловлено тем, что более двух третей населения России живет в условиях загрязнения атмосферного воздуха, некачественной питьевой воды, необратимых процессов деградации природной среды.

Так в 2010 г. не соответствовало гигиеническим нормативам по санитарно-химическим показателям 23,3 % водоемов первой категории и 26,5% водоемов второй категории; по микробиологическим показателям 18,2 % и 25,9% соответственно. 38304,2 тыс. чел. обеспечено условно доброкачественной питьевой водой, 13309,0 тыс. чел. недоброкачественной. 7,7% исследованных в 2010 г. проб почвы не отвечали санитарным нормам и гигиеническим нормативам по санитарно-химическим показателям и 8,9 % по микробиологическим показателям [1].

Налицо очевидное влияние неблагоприятных условий обитания на состояние здоровья большинства населения России. Такая ситуация усугубляет и без того достаточно напряженную обстановку, связанную с уровнем заболеваемости и смертности населения Российской Федерации.

Еще одним фактором, влияющим на состояние общественного здоровья, является состояние ресурсов здравоохранения - сети лечебных учреждений и их деятельность. Количество больничных учреждений продолжает сокращаться, также как и амбулаторно-поликлинических. В 2010 г. на 10 000 человек населения приходится всего 93,7 больничных койки. При этом количество посещений в смену в амбулаторно-поликлинических учреждениях продолжает увеличиваться (с 235,1 в 1995 г. до 258,6 в 2010 г.) [1].

К сожалению, продолжает сокращаться и удельный вес расходов на здравоохранение в общем объеме расходов консолидированного бюджета Российской Федерации на социально-культурные мероприятия. Если в 1995 г. на здравоохранение, физическую культуру и спорт было выделено 31,7 %, то в 2000 г. - 28,6 %, 2005 г. - 21,9 %, 2009 г. - 19,5 %, 2010 г. - 16,9%.

Если сравнить данные по государственным расходам на здравоохранение по отдельным странам мира, то мы увидим, что конкуренцию с Европой и США по данному показателю мы проигрываем.

Приведенные выше показатели свидетельствуют о серьезных проблемах системы здравоохранения России и необходимости реформирования данной сферы.

Современная социальная медицина выделяет три типа систем здравоохранения - государственную, частную, страховую [7]. Критериями такого разделения являются собственность, право распоряжения ею, механизмы регулирования и управления системой, источник используемых здравоохранением финансовых ресурсов. Целесообразно выделить еще и смешанную систему здравоохранения, использующую все возможные источники финансирования, предусмотренные существующей в обществе законодательной базой.

В СССР была сформирована государственная система здравоохранения, которую на Западе называют «моделью Семашко». Ее суть состояла в обеспечении равного доступа к услугам здравоохранения всего населения. Платными являлись только лекарства, и то, получаемые вне больниц.

Советская система добилась серьезных успехов в борьбе со многими инфекционными заболеваниями. Диспансеризацией было охвачено порядка трети населения. В целом средняя продолжительность жизни увеличилась за 1926-1972 гг. на 26 лет. В стране развивалась целостная сеть санаториев и профилакториев.

Бесспорно, у государственной системы есть свои достоинства. К ним можно отнести профилактику заболеваний, оказание помощи незащищенным слоям населения и другие направления охраны здоровья граждан. Вместе с этим в системе здравоохранения существовал ряд недостатков и проблем, которые требовали реформирования всей системы здравоохранения. Следует признать, что в советской медицине с начала 70-х годов шло постепенное снижение выделяемых бюджетных средств, которое к концу 80-х достигло порядка 40%, в то время как в высокоразвитых странах Запады такие расходы увеличивались. Значительное число больниц нуждалось в капитальном ремонте, оборудование физически и морально было изношено. Низкая заработная плата медицинских работников способствовала укоренению практики теневой оплаты услуг пациентами.

Частная медицина в России на данный момент только развивается. Причина ее слабости кроется в том, что в этой области нет четкой правовой и экономической базы. Сегодня деятельность частных клиник контролирует государство. В частности, руководство частных клиник высказывает претензии к тому, что пройти процедуру лицензирования клинике практически невозможно, поскольку стандарты разработаны для больших государственных больниц, и они не всегда соответствуют параметрам небольших клиник [4].

Итак, в России еще на рубеже 90-Х гг. в качестве реформаторской идеи возобладала идея перехода российского здравоохранения к модели медицинского страхования.

Медицинское страхование осуществляется в двух видах: обязательном и добровольном. Обязательное медицинское страхование (ОМС) - государственное социальное страхование, обеспечивающее всем гражданам равные возможности в получении медицинской и лекарственной помощи, предоставляемой за счет средств обязательного медицинского страхования в объеме и на условиях, соответствующих программам ОМС. Ст. 41 Конституции РФ гарантирует бесплатную медицинскую помощь гражданам России. Добровольное медицинское страхование (ДМС) обеспечивает гражданам получение дополнительных медицинских или иных услуг сверх установленных программами ОМС.

Та система, которая стала создаваться, имела множество недостатков, многие из которых не изжиты и сегодня. Так, Программа государственных гарантий оказания гражданам бесплатной медицинской помощи во многом носила декларативный характер, так как не была обеспечена в полном объеме финансовыми средствами. Дефицит средств по программе составлял 30-40% от потребности и покрывался вынужденными расходами пациентов на оплату лекарств и медицинских услуг.

Не была решена проблема равнодоступности медицинской помощи для жителей различных территорий страны, а также сельского и городского населения. Расходы бюджетов и средств ОМС отдельных районов и городов регионов на одного жителя различались в десятки раз, что нарушает принципы социальной справедливости.

Еще одна проблема заключается в плохом состоянии первичной медико-санитарной помощи.

Помимо вышеперечисленного также необходимо отметить несбалансированность программ ОМС по видам и объемам медицинской помощи с размерами финансирования; невыполнение субъектами РФ своих обязательств по уплате страховых взносов на неработающее население в полном объеме; отсутствие механизмов реализации этих обязательств, низкая управляемость системы ОМС и так далее [5].

Все это вызвало необходимость в продолжение реформ здравоохранения. С начала 2006 года в стране стартовал приоритетный национальный проект «Здоровье», направленный на модернизацию российской системы здравоохранения. Основными задачами данного проекта были провозглашены: приоритетное развитие первичной медико-санитарной помощи; укрепление материально-технической базы медицинских организаций; удовлетворение потребностей населения в высокотехнологической помощи; усиление профилактической направленности здравоохранения.

29 ноября 2010 г. был принят Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации». Основная идея данного закона заключается в том, что центральной фигурой системы ОМС должен стать человек. Медицинские учреждения должны получать деньги в зависимости от результата. То есть финансируется оказанная услуга, а не учреждение.

21 ноября 2011 г. был принят Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Новый закон, заменяя «Основы законодательства РФ

об охране здоровья граждан» от 1993 г., направлен, в первую очередь, на конкретизацию конституционных прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также на закрепление гарантий и механизмов их реализации в современных условиях в рамках сложившейся структуры системы здравоохранения.

Предусмотрено утверждение порядков оказания и стандартов медпомощи. Четко разграничены бесплатные виды медпомощи и платные услуги. При этом законодатель гарантирует, что сокращения бесплатной медицины не произойдет.

Одним из основных источников выделения дополнительных инвестиций на развитие системы здравоохранения является реализация федеральных целевых программ, финансируемых из средств федерального бюджета. Так в 2007 г. начала работать Федеральная целевая программа «Предупреждение и борьба с социально значимыми заболеваниями (2007 - 2011 годы)», которая включала в себя следующие подпрограммы: «Сахарный диабет», «Туберкулез», «Вакцинопрофилактика», «ВИЧ-инфекция», «Онкология», «Инфекции, передаваемые половым путем», «Вирусные гепатиты», «Психические расстройства», «Артериальная гипертония». Активными темпами идет строительство медицинских центров по оказанию специализированной медицинской помощи в области акушерства, гинекологии и неонатологии (перинатальных центров).

Таким образом, можно констатировать, что в России полным ходом идет модернизация системы здравоохранения, увеличивается финансирование, создается новая нормативная база. Однако предела совершенству нет, многие проблемы приобретают хронический характер, появляются новые недостатки.

Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации обнародовало сведения о параметрах реализации приоритетного национального проекта «Здоровье» по состоянию на 01.01.2012 г. по этим данным доля граждан, удовлетворенных доступностью медицинской помощи составляет 44,1 % от общей численности, доля граждан, удовлетворенных качеством медицинской помощи - 35,8 %. Продолжают оставаться высокими показатели общей смертности – 13,5 чел. на 1000 чел. населения, младенческой смертности – 7,3 чел. на 1000 родившихся живыми и т.п. [6].

В современных условия развития медицинское сообщество настаивает на разработке базовой модели российского здравоохранения, без которой все упомянутые выше законы будут напоминать лоскутное одеяло. Разработка концепции здравоохранения в России действительно становится насущной проблемой.

Литература

1. Здравоохранение в России. 2011: Стат.сб. / Росстат. - М., 2011. - 326 с.
2. Ляпанов А. В. Проблемы демографии и политика народонаселения в РФ // Международное научное издание «Современные фундаментальные и прикладные исследования» - №1(4) - 2012 г. - Кисловодск, 2012 г. - С. 24-29.
3. Ляпанов А. В. Социальная политика современной России: теория и практика – Владимир:

ВИТ-принт, 2012. – 156 с.

4. Медицина: от советской к российской / РосМедСтрах: медицинское страхование в России. - Режим доступа: <http://www.rosmedstrah.ru/articles.php?show=1&id=629&offset=0&theme=26>

5. Основные направления государственной политики в сфере здравоохранения в РФ / РосМедСтрах: медицинское страхование в России. - Режим доступа:

<http://www.rosmedstrah.ru/articles.php?show=1&id=629&offset=0&theme=26>

6. Отчет от 14 марта 2012 г. Сведения о параметрах реализации приоритетного национального проекта «Здоровье» Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации на 1 января 2012г. - Режим доступа: <http://www.minzdravsoc.ru/docs/mzsr/spa/124>

7. Поляков И.В. и др. История вопроса: медицинское страхование и обоснование выбора путей развития здравоохранения в России // Медицинское страхование. - 1995. - № 2.

8. Социальная политика : учебник / под общ. ред. Н. А. Волгина. - М., 2003. – 737 с.

УДК 304.2

МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР
MIGRATION AS A FACTOR OF INTERACTION OF CULTURES

Соломеина Ю.Н., Забайкальский государственный университет, аспирантка
Julia Solomeina, Chita, Zabaikalsky State University, postgraduate
e-mail: sollomeya@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается миграция как фактор межкультурного взаимодействия, а так же особенности вхождения мигранта в новую культурную среду.

Annotation: The article considers migration as a factor of intercultural interaction, as well as features of migrants entering into a new cultural environment.

Ключевые слова: миграция, межкультурное взаимодействие, культурная среда.

Key words: migration, intercultural, cultural environment.

Миграция – один из основных способов распространения культурных форм за пределами ареала их происхождения. Примеры миграций, изменивших культурный облик, этнический состав населения регионов, многочисленны, сюда можно отнести великое переселение народов в IV – IX вв. н.э., перекроившее этническую карту и предопределившее ход истории Европы, Северной Африки и Азии или несколько ранее – перемещения скифских племен с Северного Причерноморья в VIII – VII вв. до н.э. на Кавказ и позднее – массовые миграции сарматских и аланских этнических образований, осуществлявшиеся в том же направлении; перемещение тюркских племен в Центральную и Среднюю Азию, Южную Сибирь во второй половине I тыс. н.э., а также длившуюся в течение трех веков, начиная с Нового времени, эмиграцию из стран Западной Европы в Америку, Австралию и Новую Зеландию и т.д.

Миграционные процессы имеют сложный и неоднозначный характер, оказывая как позитивное, так и негативное воздействие на социально-экономическую и политическую обстановку в мире. Миграция является доминирующим фактором изменения национальной картины многих регионов. Миграционные волны, порождая проблемы социального характера, в большинстве случаев, видоизменяют культурное пространство: неизбежная трансформация местных культур (включение инокультурных элементов, интерпретация культурных форм) – с одной стороны; дефицит человеческих ресурсов, обнаруживающий разрыв между экономически развитыми и отсталыми или неблагоприятными регионами, – с другой.

Состояние миграционной обстановки в России сегодня, характеризуется несбалансированностью миграционных потоков на отдельных ее территориях, высокой динамикой нелегальной иммиграции в страну, массовыми нарушениями прав человека в

данной сфере отношений, определяемых несовершенством миграционного законодательства. Внешняя миграция приобретает все более выраженный негативный характер, что в первую очередь связано с активизацией вынужденной и незаконной миграции, захлестнувшей многие государства.

Внешние и внутренние миграции инициируют культурогенетический процесс, актуализируя многочисленные проблемы. В первую очередь, миграционные потоки порождают такие проблемы, как интеграция эмигрантов в другую культурную среду, адаптация к новому социальному и этническому окружению, как правило, сопровождающаяся ассимиляционными процессами – с одной стороны. С другой – при значительном количестве эмигрантских потоков, объединенных по конфессиональному, или культурному, этническому признакам, происходящих из одного историко-культурного ареала, разделяющих нормы и регулятивы одной культурной среды, или интегрирующихся по признаку культурной идентичности, адаптация к новому культурному пространству осуществляется более продолжительное время или вовсе не завершается, тем самым порождая феномены мультикультурализма – политической модели стабилизации поликультурных образований, сосуществующих в границах одного государства, и «диффузной институционализации» – возникновения «анклава» традиционной культуры и культуры смешанного, синтетического типа, выполняющих, в основном, функцию приспособления к новой этносоциальной среде, что является основными признаками глобализирующегося мирового пространства.

В современный период глобализация миграции осложняет проблему взаимодействия культур. Напряженность между принимающим населением и мигрантами провоцирует низкая способность этнических мигрантов к адаптации к окружающей социальной среде – их слабая включенность в повседневный социокультурный контекст принимающей стороны.

Мигранты являются носителями определенных культурных ценностей и норм. Проникая в новую социокультурную систему, они либо отказываются от прежних культурных ценностей и норм, растворяясь в ней (ассимилируются), либо образуют собственные общности (по религиозному, культурному или этническому признаку), сохраняющие приверженность традиционным ценностям.

Известно, что мигранты, переехавшие из своего прежнего места жительства в другой регион или страну, сталкиваются с необходимостью приспособления к новым социокультурным условиям существования. В этом случае в современной науке широко используется понятие «адаптации». В результате миграции человек из привычной для него природной и социальной среды перемещается в другую, таким образом, он разрывает множество прежних естественно-антропологических связей и искусственно создает их на новом месте. Проблемы преодоления этнокультурной дистанции коренного населения и этнических мигрантов усугубляются необходимостью приспособления последних к изменениям социально-территориального статуса нового места жительства, а также принятием новых форм социального и культурного поведения. От того, насколько успешно мигрант адаптируется к новой культуре, зависит степень эффективности его

функционирования в новой социокультурной системе связей, отношений и взаимодействий в данном обществе.

В контексте данной темы необходимо рассматривать проблему вхождения в иную культуру мигрантов как представителей определенной этнической общности с самобытными культурными и религиозными традициями. Мигранты являются носителями этнической культуры, которая воплощает в себе традиции и обычаи предков и является культурой традиционной. Поэтому для «нормального» культурного взаимодействия необходима успешная культурная адаптация. «Успешная культурная адаптация» это некоторый компромиссный процесс, в ходе которого меняются как сами люди, так и принимаются новые культурные стандарты (языковые нормы, способы общения, нормы внешнего вида и поведения и т.д). Критерием успешности адаптации выступает не отказ от своих культурных ценностей и полное принятие другой культуры, а способность соединить различные ценностные системы, освоив и приняв новые культурные нормы и ценности.

Полистилизм культурных форм, ценностей, норм, поведенческих императивов – манер целеполагания – предполагает возникновение межкультурных коридоров, то есть нейтрального пространства, снимающего противоречия взаимодействующих культур.

Большинство современных отечественных концепций аккультурации указывает на то, что если этнические меньшинства не ассимилируются в принимающем обществе и культуре, то в идеале они должны интегрироваться в новой культуре. Однако анализ современных социокультурных явлений и процессов, связанных с миграцией, показывает, что с конца XX в. и до настоящего дня наблюдается следующее явление: мигранты (даже если это мигранты, нацеленные на долгосрочный период пребывания в принимающем их сообществе) отказываются от ассимиляции или интеграции. Проблема решается в контексте дилеммы «диалог – конфликт культур». Дело в том, что этнические мигранты являются носителями определенной культуры, отличной от культуры принимающего сообщества. Отношения равенства или неравенства местного населения и мигрантских групп, как официальные – политико-правовые, так и ментальные – обыденно-повседневные, играют важную роль для процесса приобщения мигрантов к новой культуре (в частности, для заимствований культурных элементов принимающей культурой из культур мигрантов). Барьерами, которые автохтонное население выдвигает вновь прибывшим, являются, прежде всего, расовые, этнические и религиозные предубеждения.

Интенсивность взаимодействия культур, зависит от уровня мозаичности национального состава региона, которая, в свою очередь, в современных условиях определяется в большей мере состоянием миграционных потоков. Современные российские регионы представляют типологию социально-территориальных общностей, гетерогенных по своему составу, но консолидированных по ряду объективных признаков, среди которых, например, наличие тесных исторических, социально-экономических и культурных связей. Именно эти критерии сегодня во многом определяют процессы социокультурного развития страны и, конечно, являются основанием для самоидентификации общества. Наличие фактора неоднородности в социокультурных условиях определяет диспозиционные

отношения, которые способствуют самоопределению как индивидуальной культуры, так и культуры этнических групп.

Интенсивность взаимодействия культур, как и степень вероятности вступления национальностей в межкультурные контакты, является производственной от мозаичности национального состава. Доминирующим фактором, определяющим формы движения и состав населения по половозрастным, национальным, профессионально-правовым и другим критериям, является миграция. Таким образом, миграция, даже теоретически предопределяет возникновение процесса взаимодействия культур.

Межкультурный и межрелигиозный диалог становится очень важным в современном мире. Миграция выступает как один из важных элементов процесса межкультурного взаимодействия, результаты которого могут быть разнообразны: это и взаимопроникновение культур, способствующее межкультурному взаимообогащению, и взаимоотторжение культур, ведущее к межкультурным конфликтам.

Литература

1. Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности / под ред. Г.У. Солдатовой. – М.: Смысл, 2002. – 479 с.
2. *Маханько, Н.В.* Социокультурная адаптация в трансформационных процессах культуры: дисс. канд. филос. наук: 24.00.01. / Наталья Владимировна Маханько. – Краснодар, 2001. – 142 с.
3. *Бирюкова, М. А.* Глобализация: интеграция и дифференциация культур // *Философские науки*. – 2001. – № 1. – С. 33 – 42.
4. *Марков, В. И.* «Свое», «Чужое» и отчуждение в культуре / В. И. Марков. – Кемерово, 2002. – 176 с.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
HISTORICAL SCIENCE**

УДК 94 (47)

**ВОЕННАЯ РЕФОРМА ИВАНА ГРОЗНОГО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ
MILITARY REFORM OF IVAN THE TERRIBLE IN A DOMESTIC
HISTORIOGRAPHY**

*Боровиков С. В., Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова,
аспирант кафедры музеологии и краеведения*

*Borovikov S. V., P. G. Demidov Yaroslavl State University, department of history, chair of
museology and region study, postgraduate*

e-mail: sergey.borowikow@yandex.ru

*Аннотация: В статье показаны позиции историков и военных экспертов по поводу
проблемы форсированной попытки создания боеспособных вооруженных сил России в 1550-х
годах.*

*Annotation: The article shows the positions of historians and military experts to the problem
of forced attempt of creation efficient armed forces in Russia in the 1550s.*

Ключевые слова: Россия, военная реформа, Иван Грозный, историография.

Key words: Russia, military reform, Ivan the Terrible, historiography.

Среди важнейших преобразований, проводимых правительством Ивана IV, несомненно, была военная реформа – комплекс мер, направленных на достижение качественно нового уровня в развитии вооруженных сил Московского государства. Принято считать, что к этому власть вынудили неудачи в попытке взятия Казани в 1549 г. Однако следует учитывать очевидное отставание России от боеспособных армий западноевропейских государств, многократно превосходивших по стратегии и тактике ведения боя, имевших значительный опыт, в том числе континентальный и морской, когда начали создаваться первые колониальные империи. Кроме того, в 1514 г. русские потерпели тяжелое поражение под Оршей от польско-литовского войска, а в 1521 г. состоялось опустошительное вторжение крымского и казанского ханов, дошедших до Москвы и разоривших не только пограничные, но и центральные города. Изменения назревали в любом случае, иначе безопасность и даже независимость страны находились под постоянной угрозой.

О данной проблеме рассуждали многочисленные гражданские и военные специалисты в области отечественной истории. Как правило, они были убеждены в необходимости осуществления военной реформы, но по-разному оценивали ее характер, ход и результаты. То, что было позднее – Ливонская, Русско-шведская войны и борьба с Османской империей, Крымом, Ногайской ордой, Черемисскими восстаниями – зависело от политики Ивана IV и его окружения.

Так, М. М. Щербатов полагал, что, ограничив местничество, таким образом, царь учредил порядок, почтение к чинам и нужное повиновение в военной службе, не разрушая прежнего устройства государства, и В. Н. Татищев ошибочно думал, что этим Иван Грозный хотел унижить княжеские рода [1].

Н. А. Полевой подчеркивал, что воинская служба после реформы получила постоянные правила [2]. Н. С. Голицын считал: следствием всех мер Ивана IV было то, что вооруженные силы Руси были приведены в точное соответствие и почти удвоены, в случае необходимости, правительство впоследствии могло уже без особенных усилий выставлять до 300 тыс. войска, что значительно превосходило число, которое в то время имелось у западноевропейских государств: Германии (Священная Римская империя Германской нации), Франции, Польши [3]. Однако данная цифра ни разу не встречалась на практике ни в Казанских походах, ни при борьбе с мятежом черемисов и набегах Крымского ханства, ни в Ливонскую, ни в Русско-шведскую войны в XVI веке, поэтому она теоретическая.

А. И. Маркевич пришел к заключению, что приговор о местничестве не соблюдался, правительство признавало законность споров и разделяло взгляды служилого сословия на старшинство полков и полковых воевод, установленные обычаем и не совсем правильно регламентированные. Несмотря на указ, в казанский поход 1552 г., снова были, помимо ссор и беспорядков, и местничества. Приговор только выработал рациональные основания существования местнических порядков, сдерживал попытку того времени расширить их область до совершенно немыслимого размера. Ни один государь, как бы он ни сочувствовал, не мог допустить этого среди молодых князей и «детей боярских», служащих по полкам, со своими полковыми воеводами. Вот почему трудно согласиться с мнениями тех исследователей, которые, как например, Татищев, утверждают, что царь Иван IV враждебно относился к местничеству. Он находил эти притязания вполне правомочными, нередко покровительствуя и участвуя в них [4].

Позиция Н. П. Сильванского состояла в том, что указ 1550 г. не нарушал существенных оснований местничества. Обычный счет пяти полков в последовательном порядке старшинства (большой, правая рука, передовой, сторожевой, левая рука) брал верх над законом [5].

В сборнике «Столетие военного министерства 1802 – 1902» показано, что учреждением около 1550 г. стрельцов Иван IV положил в русском временном и почти исключительно конном войске первые начала постоянной пехоты на жалованье [6].

У А. К. Байова имеется свое видение ситуации – не представляется возможным, ввиду местничества, установить правильное управление войсками. Поместная система давала

возможность московскому правительству в любой момент на время войны или в ожидании нашествия неприятеля собирать временные конные ополчения из дворян и детей боярских, численностью от 80 до 100 тыс. чел. Осознание необходимости иметь постоянно наготове хотя бы небольшую часть войск для отражения внезапных вторжений противника, усмирения внутренних мятежей, охраны государя и его двора и, наконец, для представительства, привело Ивана IV к созданию постоянной пехоты [7].

М. Н. Покровский указывал, что в 1550 г. кругом Москвы была помещена тысяча лучших дворян и «детей боярских» из провинции, образовавших своего рода царскую гвардию. Раздача, конечно, мотивировалась военными соображениями, но нетрудно увидеть, что именно этих оснований сажать огромную часть войска около столицы не было. Момент наибольшего напряжения казанских войн, и со стратегической точки зрения можно ожидать сосредоточение лучшей части как раз где-нибудь около Нижнего Новгорода. На самом деле это подачка помещичьим верхам, причем не обделена и боярская молодежь [8].

Р. Ю. Виппер делал акцент на том, что среди «тысячи», размещенной вокруг Москвы в 1550 г., были дети испытанных воевод, сыновья пленников Оршанской битвы 1514 г. Были приняты во внимание старые заслуги, дела отцов. В походе «тысячники» составляли штаб и гвардию войска. Занятое развитием подвижности и гибкости армии, правительство было озабочено охраной рядового воинства от притеснений со стороны командиров, крупных землевладельцев, и вспоминаются вавилонские цари и византийские императоры, которые опекали своих солдат от вельмож [9].

Г. В. Вернадский объяснял, что введение «Уложения» было обусловлено фактом того, что многие вельможи и другие воины, которые имели крупные земельные владения, неадекватно были представлены на военной службе. Это было очень важным документом в русской социальной и военной истории и соответствовало потребностям как дворян, так и «сынов боярских» – главной опоры русской армии с середины XVI до середины XVII столетия. Подчеркивая связь между земельными владениями и военной службой, уложение давало адекватное определение юридической природе поместья, содержало также формулировку роли дворянских районных объединений при мобилизации. Тем не менее, дворянское войско не было постоянной армией [10].

Е. Ф. Шмурло обращал внимание, что потребность в военных людях побудила правительство обязать и вотчинника наравне с помещиком нести военную повинность [11].

Историография Российской империи занималась государственно-правовыми, экономическими и социальными аспектами военной реформы. Главным в этих изысканиях было установление преобладающей роли верховной власти в принятом порядке тех времен. В советское время упор был сделан на доминанту общественно-экономических формаций и тезисов классовой борьбы в соответствии с принципами философии марксизма-ленинизма, в результате чего возникли явные заблуждения и догматизм, граничившие с псевдо-наукой. Однако имелись труды, в которых авторы пытались или продвигали совершенно иные от официальной доктрины («Краткий курс истории ВКП (б)», возвеличивание Сталиным Ивана Грозного и опричнины) взгляды, но их было недостаточно, особенно после политических

репрессий 1930-1940 годов. Советская историография в значительной мере попала в ловушку собственной идеологии, став инструментом ее воли, при этом критикуя и отвергая достижения специалистов прошлого.

Ошибку преобразований называл А. А. Свечин. Стрельцы – упорядоченная пехота Ивана Грозного – получали вознаграждение не столько жалованием, как торговыми привилегиями и быстро сложились в особую вооруженную часть мелкой буржуазии, весьма малоспособную освоить новое военное искусство (сомкнутый удар) [12].

Е. А. Разин отмечал следующее: «Избранная тысяча» «московских дворян», размещенных в 1550 г. вокруг Москвы, составила основные командные кадры. Лучшей частью поместной конницы был царский полк. Стрельцы, которые содержались не только во время войны, но и в мирное время, являлись началом организации постоянного русского войска. В целом в XVI веке качественный и количественный удельный вес пехоты был значителен. Местнические счеты между воеводами не упразднялись, был только определен порядок подчинения. Имелись четкие формы организации: иерархия командного состава с точным определением подчинения, порядок материального обеспечения и система управления. Упорядочение поместной системы комплектования войск способствовало их количественному и качественному росту [13].

И. И. Смирнов доказывал, что приговором о местничестве ломалась монополия княжеско-боярской знати на занятие высших постов, и правительство получало возможность назначать воеводами того, кого считало нужным. Уложение 1556 г. разрешало проблему создания массовой армии при сохранении руководящей роли за дворянами [14].

А. В. Чернов утверждал, что выборные конные и пешие отряды, созданные Иваном Грозным, были предшественниками русской гвардии. Стрелецкое войско по своему устройству приближалось к регулярному. Отмена местничества между рядовыми воинами и ратников со своими воеводами способствовала укреплению дисциплины, повышала авторитет командиров, особенно незнатных, и в целом улучшала боеспособность войска. Образование «избранной тысячи» имело крупное политическое значение. Расширилась и укрепились связь правительства с местными дворянами и «детьми боярскими», составлявшими основную массу поместного ополчения. «Уложение о службе» 1556 г. создавало заинтересованность помещиков и вотчинников и вело к росту численности дворянского ополчения путем привлечения новых землевладельцев [15].

В «Очерках истории СССР» отмечалось, что приговор 1550 г. об ограничении местничества носил компромиссный характер, но являлся большим шагом вперед на пути укрепления боеспособности русской армии. «Уложение о службе» являлось важным мероприятием, значительно улучшившим дело комплектования и материального обеспечения дворянского войска. В мирное время центральное военное управление было расплывлено между несколькими приказами, которые являлись самостоятельными органами и подчинялись непосредственно верховной власти. В военное время руководство всем войском передавалось Разряду, приобретавшему значение главного центра. Страшным бичом поместного ополчения была слабость дисциплины, неявики на службу и побегии с нее.

Стрельцы были поголовно вооружены огнестрельным оружием и, таким образом, в боевом отношении превосходили не только поместную конницу, но и пехоту Запада (копейщиков) [16].

А. А. Зимин рассуждал: военные реформы начала 50-х годов XVI в. были только первым приступом к преобразованиям в армии. После событий 1553 г., когда в составе правительства Алексея Адашева усилилась дворянская группировка, оказалось возможным углубить и расширить уже намеченное раньше. Центральным моментом было «Уложение о службе», которое отвечало интересам среднепоместного дворянства, отсюда и рост поместной армии. Реформа не была доведена до своего логического конца [17].

М. Я. Геллер делал вывод о том, что военная была важнейшей из реформ своего времени. Вооруженные и экипированные по западноевропейскому образцу огнестрельным оружием стрельцы составляли ударное подразделение московского войска. Организация войска, непосредственно и крепко зависимого от центральной власти, давала царю новые возможности усиления самодержавного могущества. Теряя значение в армии, боярство утрачивает свое государственно-политическое влияние. Возрастает роль среднего и мелкого служилого землевладения. Военная реформа давала средства для осуществления цели — широкой внешнеполитической программы, разработанной «Избранной Радой» [18].

В. Б. Кобрин размышлял, что было принято великолепное решение: для знатных людей их служба на малых должностях, пока они не стали воеводами, не считается прецедентом. Удачно: считаются находящимися на совместной службе все первые полковые воеводы, затем — все вторые и, наконец, каждый первый со своим вторым [19].

Д. Н. Альшиц констатировал, что с середины 50-х гг., вскоре после проведения важнейших реформ, заработала мощная военная машина Московского государства. Для ведения Ливонской войны, а также борьбы со степняками на юге и востоке страны правительство получило возможность постоянно держать под своими знаменами многие десятки тысяч вооруженных воинов, хорошо экипированных, снабженных лошадьми и продовольствием. Иван Грозный позднее отнял у Адашева заслугу создания могущественного русского войска централизованного подчинения [20].

В труде «Россия времени Ивана Грозного» сказано, что ограничение местничества и создание стрелецкого войска подняли его боеспособность. Под руководством И. Г. Выродкова Разрядная изба превращалась в постоянно действующее учреждение, являвшееся как бы генеральным штабом. Слабое звено военной реформы заключалось в увеличении роли отрядов аристократии в составе дворянской конницы. Способствуя наведению порядка в отношениях знати и признав тем самым местничество, «Государев разряд» отразил противоречивый, компромиссный характер деятельности «Избранной Рады» [21].

Р. Г. Скрынников был уверен: военная реформа Адашева упорядочила дворянскую службу и повысила боеспособность армии накануне решающих сражений Ливонской войны [22].

Задачей современного этапа исследований данного вопроса является осмысление накопленного за столетия историографического материала, его анализ, сравнение концепций

и выработка на их основе нового научного подхода, основанного на многомерности, к происходившему в российской истории.

Г. Э. Введенский описывал, что появление форменного военного костюма в России справедливо приурочивают к середине XVI столетия. Можно предположить, что за основу организации стрелецкого войска была взята структура римских легионов эпохи Цезаря. Немного напоминает и конфигурация батальона, предложенная Макиавелли. Нельзя не отметить, что одежда стрельцов очень похожа на форму турецкого янычарского корпуса, случайность практически исключена [23].

В итоге можно прийти к следующему суждению. Реформа не внесла кардинальных изменений. Попытки создать регулярную армию, соответствовавшую потребностям времени, провалились не без участия правителей государства, и она появилась только в XVIII веке. Местничество, тормозившее развитие вооруженных сил, было ликвидировано только в 1682 г., до этого способствуя многим неудачам и поражениям русских войск. Стрельцы проблему кадрового комплектования не решили. Элитой с 1565 до 1572 гг. считались опричники, которые значительных заслуг на поле брани не показали, кроме тех, что вписали их в историю как карателей на родной земле. Милитаризация дала сбой. Большинство опытных полководцев погибли в сражениях или казнены по приказу царя. Военная машина, созданная Иваном Грозным, потерпела крах в Ливонской войне, и к Смутному времени Россия подошла с утратившими боеспособность соединениями, неспособными противостоять европейским армиям и их наемным отрядам. Цена за неудачу являлась в потере огромных территорий, которые были завоеваны большой кровью.

Литература

1. *Щербатов, М.* История Российская от древнейших времен / М. Щербатов. Т. 5. Ч. 1. – СПб.: Императорская Академия наук, 1786. – 557 с.
2. *Полевой, Н.* История русского народа / Н. Полевой. Т. 6. – М.: Типография А. Семена, 1833. – 532 с.
3. *Голицын, Н. С.* Русская военная история / Н. С. Голицын. Ч. 2. – СПб.: Типография товарищества «Общественная Польза», 1878. – 699 с.
4. *Маркевич, А. И.* История местничества в Московском государстве в XV-XVII веке / А. И. Маркевич. – Одесса: Типография «Одесского Вестника», 1888. – 758 с.
5. *Павлов-Сильванский, Н. П.* Государевы служилые люди / Н. П. Павлов-Сильванский. – М.: Крафт+, 2000. – 288 с.
6. Столетие военного министерства 1802-1902. Главный штаб. Исторический очерк. Вып. 4. – СПб.: Типография Поставщиков Двора Его Императорского Величества Товарищества М. О. Вольф. – 306 с.
7. *Байов, А.* Курс истории русского военного искусства / А. Байов. Вып. 1. – СПб.: Типография гр. Скачкова, 1909. – 168 с.

8. *Покровский, М. Н.* Русская история / М. Н. Покровский. Т. 1. – СПб.: Изд-во Полигон, 2002. – 346 с.
9. *Виппер, Р. Ю.* Иван Грозный / Р. Ю. Виппер. – М.: Изд-во Дельфин, 1922. – 115 с.
10. *Вернадский, Г. В.* История России / Г. В. Вернадский. Т. 5. – М.: Аграф, 2000. – 512 с.
11. *Шмурло, Е. Ф.* Курс русской истории / Е. Ф. Шмурло. Т. 2. – СПб.: Изд-во Алетейя, 1999. – 443 с.
12. *Свечин, А.* Эволюция военного искусства / А. Свечин. Т. 1. – М.-Л.: Госвоенлитиздат, 1927. – 386 с.
13. *Разин, Е. А.* История военного искусства / Е. А. Разин. Т. 2. – СПб.: ООО «Издательство Полигон», 1999. – 656 с.
14. *Смирнов, И. И.* Иван Грозный / И. И. Смирнов. – Л.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1944. – 109 с.
15. *Чернов, А. В.* Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. / А. В. Чернов. – М.: Воениздат, 1954. – 224 с.
16. Очерки истории СССР. Т. 5 / под ред. А. Н. Насонова, Л. В. Черепнина, А. А. Зими́на. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 961 с.
17. *Зимин, А. А.* Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. / А. А. Зимин. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. – 512 с.
18. *Геллер, М.* История Российской империи / М. Геллер. Т. 1. – М.: МИК, 2001. – 512 с.
19. *Кобрин, В. Б.* Иван Грозный / В. Б. Кобрин. – М.: Изд-во «Московский рабочий», 1989. – 175 с.
20. *Альшиц, Д. Н.* Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного / Д. Н. Альшиц. – Л.: Наука, 1988. – 245 с.
21. *Зимин, А. А.* Россия времени Ивана Грозного / А. А. Зимин, А. Л. Хорошкевич. – М.: Наука, 1982. – 184 с.
22. *Скрынников, Р. Г.* Иван Грозный / Р. Г. Скрынников. – М.: Наука, 1983. – 250 с.
23. *Введенский, Г. Э.* Пять веков русского военного мундира / Г. Э. Введенский. – СПб.: ООО «ТПГ „Атлант“», 2005. – 336 с.

УДК 908(471)+94(470)

**ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА ДОСУГА В УЕЗДНОЙ ЕЛАБУГЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ**
**THE URBAN CULTURE OF LEISURE IN THE DISTRICT YELABUGA
THE SECOND HALF OF XIX - EARLY XX CENTURIES**

Уткин А.А., Елабужский филиал Института социальных и гуманитарных знаний, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры юридических дисциплин

Utkin A.A., The branch of the Institute of social and humanitarian knowledge in Yelabuga, candidate of historical sciences, the senior lecturer, the senior lecturer, the department of sciences of law.

e-mail: aawatkins@list.ru

Руднева Л.Ш., Елабужский филиал Института социальных и гуманитарных знаний, преподаватель кафедры юридических дисциплин

Rudneva L.S., the branch of the Institute of social and humanitarian knowledge in Yelabuga, the teacher of chair of the department of sciences of law.

e-mail: rulejla@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены формы массовой повседневной культуры населения второй половины XIX – начала XX вв. на примере уездного города Вятской губернии.

Annotation: In the article we envisage the forms of the mass daily culture of the population of the second half of the XIX – early XX centuries on an example of a district city of Vyatka province.

Ключевые слова: Елабуга, российская провинция, массовая культура, повседневность.

Key words: Yelabuga, the Russian province, mass culture, daily occurrence.

Культура повседневной жизни является одним из актуальных направлений современных исторических исследований. В ней находят отражение не только традиции, нравы и быт населения, но и степень его просвещенности, уровень приобщения к нормам цивилизованного общества. Особенно это важно для рассмотрения повседневной жизни российской провинции, где долгое время продолжали сохраняться проявления традиционных обществ, патриархальности.

Уездная Елабуга XIX – начала XX вв. может рассматриваться как характерное проявление российской провинции, удаленная от столичных и крупных губернских центров, их непосредственного общественно-культурного влияния. В качестве основного источника и

своеобразного критерия для отбора материала была выбрана периодическая печать губернского центра – г. Вятки. На страницах вятских губернских изданий неоднократно печатались корреспонденции жителей Елабуги. Они отображали не только характерные черты культурной жизни данного уездного города, нередко критикуемые представителями местной интеллигенции, но и новые явления, свидетельствующие о сдвигах в развитии общественной жизни провинции, приобщении к массовой культуре крупных российских городских центров.

В первой половине XIX в. культурно-массовая жизнь в уездной Елабуге не отличалась разнообразием и, по-видимому, ограничивалась проведением празднований значимых государственных и религиозных событий. Их организация вполне отвечала традициям, заложенным в XVIII в. Так, например, празднование вступления в 1814 г. в Париж российских войск сопровождалось литургией в городском соборе, пальбой из пушек, данным в доме городничего обедом и концертом с пением религиозно-патриотических песен, сборе пожертвований для инвалидов военных действий. По данному случаю в здании уездного училища одним из учителей была произнесена торжественная речь. Для простого народа «во время празднества от духовенства выставлены были два чана с пивом и один с вином. При том бросали в народную толпу нарочито медные от протопопа деньги» [1].

Одним из традиционных мест летнего отдыха горожан была расположенная за городом березовая роща. В 1856 г., в год коронации Александра II на этом месте был разбит городской сад, названный в честь императора Александровским. В планировке газонов и аллей, преимущественно липовых, были использованы принципы английской парковой архитектуры [2]. Елабужский корреспондент вятской губернской газеты в 1899 г. сообщал: «Скоро [на летнее время] пыльная Елабуга опустеет, а оставшаяся публика будет добросовестно фланировать в городском саду, и слушать музыку, к слову сказать, теперь уже довольно порядочную» [3]. В Александровском саду уже во второй половине XIX в. устраивались летние гулянья с оркестровой музыкой и танцевальными вечерами. Для гуляний использовался также городской бульвар, который тянулся вдоль Набережной улицы, южной стороной выходящей на спуск к реке Тойме.

В целом, современники отмечали, что культурная жизнь в уездной Елабуге второй половины XIX в. оставляла желать лучшего. Как писал в середине 90-х гг. XIX в. елабужский корреспондент газеты «Вятский край», в деятельности на пользу общества «Елабуга буквально спит» [4]. Другой корреспондент в 1862 г. отмечал: в Елабуге «уездная жизнь ограничивается исполнением праздничных и очередных визитов с их обыкновенными закусками, кофе и разговорами о службе, о своих и чужих семейных обстоятельствах, о нарядах и т.п. и вечерними собраниями знакомых с обычными же угощениями, скукою, иногда с танцами и непременно картами...» [5]

Некоторым разнообразием в повседневной жизни уездной Елабуги можно считать наличие городского клуба. Корреспондент газеты «Вятская речь» в 1911 г. отмечал: «Единственное развлечение – это пойти в клуб, где можно послушать музыку и почитать

свеженькую газетку...» [6] Состав его участников ограничивался количеством до 50 человек «избранной публики» [4]. Располагался клуб в здании Купеческого собрания [7].

Елабужский клуб, по всей видимости, был организован по примеру столичных клубов [8]. «Клубная публика наша, – сообщал елабужский корреспондент газеты «Вятский край» в 1895 г., – разделена на четыре кружка и каждый из них живет собственной своей жизнью». Отмечаются такие группы по интересам, как «волкодавы», которые появляются в клубе исключительно за тем, чтобы повоевать на зеленом поле», т.е. для карточной игры, «плясуны», «певцы», чтобы «спеть дуэт или трио», «философы», чтобы «провести время около привлекательных яств в буфете и воздать должное Бахусу и Мамоне». В целом, жизнь елабужского клуба отличалась разнообразием: «Поют в клубе, можно сказать, на славу; играют в карты почти непрерывно». Автор корреспонденции заметил, что одних только колод карт продается в течение года более одной тысячи [4]. Иногда в елабужском клубе происходили драки. На одну такую, устроенную клубным старшиною, провизором земской аптеки Гедройцем, указывал в своем сообщении корреспондент газеты «Вятская речь» в 1911 г. [6]

Оживление общественно-культурной жизни Елабуги приходится на начало 1860-х гг. Под влиянием «оттепели» начала царствования императора Александра II, в целом либерализации внутривластного курса, складываются условия для активизации деятельности демократической интеллигенции. В 1862 г. «Вятские губернские ведомости» отмечали, что в Елабуге было устроено несколько литературных вечеров [5]. Они являлись формой просветительской деятельности передовых слоев общества, развивали интерес к чтению, служили развитию умственного кругозора, повышали образованность присутствующих. В их организации и проведении принимали активное участие либеральные и радикальные деятели общественного движения.

Заслуга в проведении литературных вечеров в Елабуге принадлежит представителям демократической интеллигенции, связанной, прежде всего, со сферой образования. Литературные вечера в Елабуге проводились в здании уездного училища [9]. Их содержание отличалось разнообразием. На первых трех вечерах городским врачом Н.А. Иозефовичем были прочитаны его заметки «О кофе», «О чае», «О табаке» [5]. В дальнейшем на литературных вечерах в Елабуге в 1862 г. отдавалось предпочтение классикам русской литературы. Были прочитаны отрывки из произведений И.С. Тургенева, Н.В. Гоголя, несколько басен И.А. Крылова, стихотворения М.Ю. Лермонтова «Поэт» и «Молитва» и их разбор В.Г. Белинского, стихотворения Т.Г. Шевченко. Всего зимой – весной 1862 г. в Елабуге было проведено 12 литературных вечеров [9,10].

Проведение литературных вечеров в Елабуге вызвало живой интерес у общественности. В «Вятских губернских ведомостях» указывалось, что «на первом вечере посетителей было человек 25, на втором более 50, а на последующих еще более» [5]. Вечера проводились бесплатно. В дальнейшем на страницах «Вятских губернских ведомостей» еще несколько раз упоминается о проведении литературных вечеров – зимой 1862-63 гг. [11] и литературно-музыкальный вечер с благотворительной целью в 1876 г. [12]

Можно предположить, что проведение литературных вечеров в Елабуге дало импульс другому важному начинанию в сфере массовой культуры. В 1863 г. вятская губернская газета рассказывала о начале проведения в Елабуге любительских спектаклей, которые дали начало появлению елабужского театра.

Зимой 1862-1863 гг. было «любителями дано пять спектаклей». Нельзя не отметить следующего важного факта: «Декорации для здешней сцены написали художники Императорской Академии художеств Карл Федорович Гун и Василий Петрович Верещагин... работающие в Елабуге [над росписью] иконостас[а] для Покровской церкви» [11].

Театральное начинание в уездной Елабуге имело большой общественный резонанс. «Посетителей собиралось иногда столько, что опоздавшим заpastись билетами приходилось отказывать за недостатком места» – отмечал корреспондент из Елабуги [11]. В дальнейшем, периодические издания г. Вятки будут упоминать о проведении любительских спектаклей в Елабуге в 1867, 1876, 1894-1902, 1910-1914 гг. Первоначально, на протяжении второй половины XIX в. для проведения любительских спектаклей был «устроен временный театр в здании манежа» [13], затем, в начале XX в. для этого было отведено мало приспособленное для театральных целей здание, где ранее находился склад соли [14].

Сообщения из Елабуги дают возможность сделать заключение о качестве любительских спектаклей и определить состав их исполнителей. В корреспонденции «Вятских губернских ведомостей» за 1902 г. отмечалось: «Здесь существует уже давно один кружок любителей под руководством провизора г. Полякова, хотя только с несколькими постоянными членами. Организовался, было и второй кружок. Явились недурные исполнители даже таких пьес, как, например, «Ревизор», но вскоре от этого кружка осталось 2-3 человека, которые и примкнули к первому кружку» [15]. Памятные книжки Вятской губернии начала XX в. регулярно упоминают о наличии в Елабуге «Общества изящных искусств», под председательством представителя известной елабужской купеческой династии Прохора Федоровича Гирбасова. В целом, характеризуя состав елабужских любителей театрального искусства, все тот же корреспондент «Вятских губернских ведомостей» в 1902 г. заключает: «Участие в спектаклях с репетициями вносило большое разнообразие, особенно в жизнь канцеляристов и других мелких служащих» [15].

Любительские спектакли устраивались в основном в зимний период. За сезон нередко проводилось до 6-7 любительских спектаклей [15]. По-видимому, елабужские любители еще в полной мере не осознали роль театрального искусства в нравственном и общественно-политическом воспитании широких народных масс. Характеризуя цель создания в Елабуге «Общества любителей драматического искусства», вятская губернская газета писала, что она состоит в том, чтобы «доставить развлечение себе и интеллигентной публике, которая вполне это понимает, потому что, при скучной и однообразной уездной жизни, подобное развлечение является очень желательным...» [3] Такое понимание предназначения театра нашло свое выражение в репертуаре любительских спектаклей. Ставились в основном одноактовые пьесы – комедии и водевили. Елабужский корреспондент в 1910 г. писал:

«Елабужская публика, кажется, любит поохотать, посмеяться; не ошибусь, если скажу, что добрая часть идет в театр именно с этой целью. Не удивительно, что какой-либо фарс или водевиль привлекает больше публики» [16]. На елабужской сцене ставились комедии и водевили с выразительными названиями: «Капризница», «Простушка и воспитанная», «Польза заграничного лечения», «Крепость взята» [17, 18]. Иногда здесь исполняли более серьезные произведения классиков русской и зарубежной литературы, пропагандирующие общечеловеческие ценности – А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, Ф. Шиллера [14,15, 19].

Любительские спектакли неизменно устраивались с благотворительными целями. Очевидно, в этом проявлялось понимание значимости проблем общественной жизни и искреннее желание помочь в их разрешении. Наряду с любительскими спектаклями с 1875 г. в Елабугу неоднократно приезжали иногородние частные антрепризы.

Вятская периодическая печать сохранила указание на проведение других форм культурно-массовой жизни елабужан второй половины XIX – начала XX вв. Устраивались в Елабуге концерты, в основном силами приезжих музыкантов. Зимой 1896-97 гг. вятская губернская газета сообщала, что «кроме повторяющихся ежегодно балов и маскарадов в общественном клубе», в здании городского театра была устроена «кружком барынь елка для бедных детей елабужских обывателей» [18]. Газета «Вятская речь» в конце 1910 г. сообщала, что в Елабуге «открылся каток, главными посетителями которого являются по преимуществу учащиеся. По праздникам играет музыка. Каток большой и освещается электричеством» [20].

На рубеже XIX-XX вв. в уездной Елабуге появляется кинематограф. Первые киносеансы стали устраиваться, начиная с 1896 г., а в 1910 г. в Елабуге был открыт первый кинотеатр [19, 20]. С открытия в 1896 г. в Елабуге первой городской публичной библиотеки [21] начинает развиваться библиотечная сеть; с 1910 г. организуются общественные чтения «религиозно-нравственного» и «церковно-исторического характера» [20], которые также вносят разнообразие в культурную жизнь уездной Елабуги.

Таким образом, несмотря на отмечавшуюся современниками провинциальную монотонность, культурно-массовая жизнь населения уездной Елабуги во второй половине XIX – начале XX вв. отличалась известным разнообразием. Наряду с народными гуляниями в общественном саду и на бульваре, посещением клуба, спектаклей приезжих актеров, катком, кинематографом, проводились различные общественные мероприятия с благотворительной целью. Важным показателем стремления демократической интеллигенции в деле просвещения широких народных масс были организации литературных вечеров и любительских спектаклей. Все это свидетельствовало о постепенном проникновении в провинциальный уездный город элементов столичной культурной жизни, признаков цивилизованного общества, осознания вклада культуры в развитие общественной жизни.

Литература

1. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1912 г. – Вятка, 1911. – С. 25.
2. Бобкова, С. Достопримечательности Елабуги и ее окрестностей // Уездная Елабуга. – М.: «Уходящие образы», 1993. – С.45.
3. Приложение к Вятским губернским ведомостям. – 1899. – 21 декабря (№150). – С.3.
4. Вятский край. – 1895. – 16 марта (№7). – С.2.
5. Вятские губернские ведомости. – 1862. – 31 марта (№13, ч. неофиц.). – С.100.
6. Вятская речь. – 1911. – 9 октября (№215). – С.3.
7. Республика Татарстан: памятники истории и культуры. Каталог-справочник / редкол. Р.А. Айнутдинов, Е.В. Липаков, Р.Р. Хайрутдинов. – Казань: Изд-во «Эйдос», 1993. – С.318; Бобкова, С. Достопримечательности Елабуги и ее окрестностей // Уездная Елабуга. – М.: «Уходящие образы», 1993. – С.48.
8. Розенталь, И.С. «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX вв. / И.С. Розенталь. – М.: Новый хронограф, 2007. – 400с.
9. Вятские губернские ведомости. – 1862. – 12 мая (№19, ч. неофиц.). – С.146.
10. Вятские губернские ведомости. – 1862. – 5 мая (№18, ч. неофиц.). – С.137 – 138.
11. Вятские губернские ведомости. – 1863. – 9 марта (№10, ч. неофиц.). – С.94.
12. Вятские губернские ведомости. – 1876. – 1 мая (№35). – С.3.
13. Вятские губернские ведомости. – 1863. – 20 ноября (№47, ч. неофиц.). – С.378.
14. Вятская речь. – 1914. – 5 января. (№4). – С.3.
15. Приложение к Вятским губернским ведомостям. – 1902. – 14 мая (№57). – С.1.
16. Вятская речь. – 1910. – 4 декабря (№260). – С.3.
17. Вятские губернские ведомости. – 1867. – 30 декабря (№52). – С.416.
18. Вятские губернские ведомости. – 1897. – 18 января (№6). – С.7.
19. Вятский край. – 1897. – 15 июля (№81). – С.3.
20. Вятская речь. – 1910. – 15 декабря (№268). – С.3.
21. Вятский край. – 1896. – 15 февраля (№19). – С.2.

УДК 930.85

**РОЛЬ СПАСО-ЕВФИМЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ КАК МЕСТА ЗАКЛЮЧЕНИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

**THE ROLE OF THE SPASO-EVFIMIEV MONASTERY AS A PLACE OF DETENTION:
HISTORY AND MODERNITY**

Назарова М.Г., Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин.

Калинин В.С., Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, курсант 4 курса

Nazarova M.G., Tutor at the chair of humanities of Vladimir Institute of law.

Kalinin V.S., cadet 4 courses of Vladimir Institute of law

e-mail: mari@nazarmari.elcom.ru, k.v.s92@mail.ru

Аннотация: рассмотрена история Спасо-Евфимьевского монастыря, его значение в прошлом и современном мире.

Annotation: the approaches history of the Spaso-Evfimiev monastery, its value in the past and the modern world.

Ключевые слова: монастырь, тюрьма, арестанты, арестантское отделение, политизолятор.

Key words: a monastery, the jail, the prisoners, prisoners branch, the political isolator.

Некоторые монастыри русской православной церкви еще в средние века, превращенные в тюрьмы, вошли в государственную систему исполнения наказаний. Одним из таких мест исполнения наказаний стал в 1766 году Спасо-Евфимьевский монастырь, основанный в 1352 году князем суздальским и нижегородским Константином Васильевичем как мужская обитель Святого Спаса, к началу XV века входивший в число пяти крупнейших монастырей Руси, где по Указу Екатерины II была учреждена тюрьма. Она стала третьей в России тюрьмой (кроме Петропавловской крепости и Шлиссельбургского замка) общегосударственного значения. Указанный монастырь предназначался для заключения только душевнобольных преступников.

В 1764 году Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь приобрел печальную для России славу: в нем была организована секретная с одиночными камерами тюрьма, как ее официально называли, – «арестантское отделение». Так, монастырь был превращен в место заточения.

С XIX века в этой тюрьме стали содержаться религиозные и политические преступники: опальные духовные лица и сановники, сектанты, старообрядцы, участники восстаний. Нередко в монастырь под строгий надзор направляли обвиненных в ереси, богохульстве и других религиозных преступлениях. Сюда же попадали и те, чью вину, подлинную или мнимую, знали очень немногие – монастырские стены умели хранить тайны своих узников [1].

Согласно Инструкции 1766 года, регламентировавшей порядок отбывания наказания в монастыре, заключенных надлежало не выпускать «вплоть до исправления» [2]. Сроки лишения свободы в документации не оговаривались, и поэтому были, как правило, очень длительными. Так, узники, направленные в тюрьму за период с 1772 по 1835 годы, провели здесь в общей сложности 932 года, из них 39 человек умерло в заточении [3]. Основанием для ссылки могло послужить высочайшее повеление императора, постановление Святейшего Синода, а также решение владимирского губернатора или Владимирской духовной консистории [4]. Необходимо отметить, что Святейший Синод часто приговаривал к заключению в монастыре не за преступления против веры, а за критику в адрес государственной власти. Император же во многих случаях наказывал ссылкой в монастырь за вероотступничество.

Самую многочисленную группу заключенных составляли духовные лица православной церкви, которым ссылка в монастырь назначалась в качестве исключительной меры наказания. Среди узников монастыря были представители православного духовенства, наказанные за аморальный облик в быту или совершившие грубые нарушения по службе.

Другую категорию заключенных составляли те, кто был обвинен в измене вере и церкви. Это были сектанты, как правило, из числа раскольников, а также те духовные лица православной церкви, которые решили примкнуть к старообрядчеству либо отказывались признавать над собой власть Святейшего Синода [5].

В третью группу входили заключенные, наказанные за измену государственной власти. Основными политическими мотивами ссылки в монастырь были самозванство и нелестные отзывы о нравственных качествах очередной императрицы. Встречались среди арестантов и «правдоискатели», писавшие челобитные царю, в которых изобличались бесчинства судов и злоупотребления чиновников, содержались предложения осуществить те или иные государственные преобразования, в частности, отмену крепостного права [6].

В казематах Спасо-Евфимьевского монастыря отбывали наказание и известные лица. В тюремной келье закончился жизненный путь декабриста князя Федора Петровича Шаховского и монаха-прорицателя Авеля.

Инструкцией 1766 года предписывалось содержать арестантов без использования оков. Запрещалось давать им орудия, которыми они могли причинить вред себе и другим. В число запрещенных предметов входили также письменные принадлежности. В качестве мер дисциплинарного воздействия применялось одиночное заключение и лишение пищи.

Смирных арестантов разрешалось выводить в церковь на богослужение, но под надзором караульных. Питание заключенным полагалось выделять такое же, как и монахам

монастыря. В целом солдатам надлежало обращаться с заключенными «сколь возможно без употребления строгости», учитывая, что это были психически больные люди [7].

Однако на практике все выглядело иначе. В частности, ревизор, посетивший монастырь в 1773 г., обнаружил, что в тюрьме широко применялись телесные наказания, наказания голодом, арестантов сажали на стенную цепь, надевали наручники [8].

Необходимо указать, что условия пребывания в монастырской тюрьме были разными. На малоимущих арестантов, содержащихся за казенный счет, выделялось очень мало средства, а более состоятельные заключенные имели возможность улучшить свое пропитание, посылая караульных в город за продуктами, могли даже иметь при себе прислугу.

Одной из самых тяжелых сторон режима было содержание в тюрьме душевнобольных заключенных вместе со здоровыми. Буйство и крики сумасшедших доставляли остальным заключенным не только беспокойство, но и ежедневные мучения. При этом перевод в больницы был редким явлением и обставлялся разными предосторожностями, т.к. царское правительство считало, что в здоровом состоянии узники опаснее. Вот почему их обрекали на безумие за тюремными стенами [9].

Тюрьма в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре была закрыта в 1905 году. Закрытие арестантского отделения в монастыре можно рассматривать как своеобразную уступку обществу, которую самодержавие сделало в условиях начавшейся в стране революции [10].

Но на этом история тюрьмы Спасо-Евфимиева монастыря не закончилась, о ней вспомнили в первые годы Советской власти. В 1923 году в монастыре разместился Суздальский лагерь особого назначения (политизолятор), ему также отвели значимую роль. В июне – августе 1926 года в политизоляторе содержался митрополит Крутицкий Петр (Полянский).

В 1934 году лагерь был реорганизован в Суздальскую тюрьму особого назначения НКВД, которая в 1939 году была закрыта.

23 июня 1939 года постройки монастыря перешли во владение Суздальского музея, но вскоре, 20 июня 1940 года, в обители разместился лагерь для солдат интернированного чешского легиона польской армии. Среди легионеров в корпусах монастыря находился Людвик Свобода (с 1968 по 1975 год был Президентом Чехословакии).

С конца 1941 года в монастыре размещался специальный лагерь НКВД № 160: проверочно-фильтрационный лагерь для бойцов Калининского и Западного фронтов, находившихся в плену и в окружении противника, в нем прошли проверку 8232 человека [11].

С 1943 года в бывшем монастыре был образован лагерь для военнопленных офицеров (немцев, итальянцев, венгров и румын). Несколько месяцев в нем находились командующий 6-й немецкой армией фельдмаршал Фридрих Паулюс, начальник штаба генерал-лейтенант Артур Шмидт, а также большая группа немецких офицеров и генералов, взятых в плен под Сталинградом, – всего 560 чел.

В 1945 году в Успенской трапезной церкви на территории монастыря проводились католические богослужения пленным священником Вильбергом. Один из военнопленных, Джузеппе Баси, оставил альбом рисунков с видами монастыря, который с 90-х годов XX века находится в фондах музея.

В 1946 году лагерь был упразднен в связи с начавшимся процессом репатриации военнопленных, а монастырь передан отделу МВД СССР по борьбе с детской беспризорностью. 1 сентября 1946 года в зданиях монастыря открылась детская мужская трудовая колония для несовершеннолетних преступников. С весны 1948 года она была перепрофилирована в трудовую колонию со швейным производством для девушек, с 1964 года – в воспитательную колонию для несовершеннолетних, не осужденных судом, подчинявшаяся Министерству профессионально-технического образования [12].

В 1958 году архитектурный ансамбль монастыря был передан Государственному Владимиро-Суздальскому музею-заповеднику, однако воспитательная колония оставалась в нем вплоть до 1967 года.

Таким образом, тюрьма Спасо-Евфимьевского монастыря на протяжении 200-летней истории своего существования являлась специальным местом изоляции в общегосударственной системе исполнения наказаний. В дореволюционной России Суздальская монастырская тюрьма действовала наряду со знаменитым Соловецким острогом. Она всегда являлась монастырской тюрьмой государственного значения. В ее стенах содержались в основном инакомыслящие. Во время Советской власти монастырь как место заключения не потерял своего значения, но особую роль приобрел в годы Великой Отечественной войны. После ее окончания тюрьма Спасо-Евфимьевского монастыря окончательно потеряла свое значение, как специальное место заключения.

В 1967 году в монастырских зданиях начались реставрационные работы.

Территория монастырского комплекса – место погребения известных князей: здесь похоронены князь Иван Васильевич Стрига-Оболенский, некоторые из князей Хованских, весь род князей Пожарских, в том числе и национальный герой России, великий полководец, руководитель народного ополчения, освободившего в 1612 году Москву от захвативших ее поляков, князь Дмитрий Михайлович Пожарский, которого похоронили в 1642 году в родовой усыпальнице. Какой была усыпальница первоначально, неизвестно. Со временем она обветшала и была разобрана. О могиле защитника Отечества вспомнили лишь в середине XIX века. Работы по строительству мавзолея были начаты по решению императора Александра II в 1858 году. В 1885 году на народные средства, собранные по всей России, на могиле Пожарского по проекту академика архитектуры Алексея Максимовича Горностаева был сооружен достойный памятник – беломраморный мавзолей, украшенный бронзовыми рельефами и мозаичной иконой Спасителя на фронте.

Долгие годы мемориал был местом паломничества и поклонения россиян, не равнодушных к истории своей Отчизны. Но эту часовню-усыпальницу в Спасо-Евфимиевом монастыре разрушили в 1933 году, увидев написанное на ней слово «князь».

В 1963 году усилиями Владимиро-Суздальского музея-заповедника и Владимирской реставрационной мастерской на месте разрушенной в 1933 году часовни над могилой Пожарского был установлен скромный памятник по проекту архитектора-реставратора Ольги Гавриловны Гусевой. А через 11 лет, в 1974 году, над могилой полководца установили монумент работы скульптора Николая Андреевича Щербакова и архитектора Игоря Анатольевича Гунста. В мае 2008 года он был демонтирован и передан кадетской школе-интернату «Кадетский корпус имени Д.М. Пожарского» в г. Радужный Владимирской области. Он был установлен на центральной площади кадетского корпуса, где выставляется Почетный караул. С тех пор каждый год возле памятника Дмитрия Пожарского воспитанники кадетского корпуса принимают Присягу на верность Родине.

На месте могилы народного героя в Спасо-Евфимиевом монастыре был восстановлен по сохранившимся документам мавзолей 1885 года и 4 ноября 2009 года был торжественно открыт Президентом Дмитрием Анатольевичем Медведевым.

С конца XX века ежегодно в праздник Воскресения Господня совершается крестный ход из городских храмов на территорию Спасо-Евфимиева монастыря, завершающийся литургией в Преображенском соборе.

Сегодня на территории Спасо-Евфимиева монастыря открыта выставка «наивной живописи», организованы экспозиции «Книжные сокровища 6 столетий: XV – XX века», «Русская икона XVIII – начала XX века», демонстрируются сокровища «Золотой кладовой» (иконы, церковная утварь, облачения, предметы декоративно-прикладного искусства), открыт уникальный Музей реставрации, проходят прекрасные экспозиции и выставки, одна из которых посвящена Дмитрию Михайловичу Пожарскому.

В Спасо-Преображенском соборе (построенном в 1511 году) на территории Спасо-Евфимиева монастыря в серебряной раке, сооруженной в 1823 году, находятся мощи преподобного Евфимия (первого архимандрита монастыря). Здесь же представлена древняя Корсунская икона Божией Матери. В ризнице между множеством богатых вещей, жертвованных князьями Пожарскими, хранятся: Евангелие с собственноручною надписью князя Д.М. Пожарского и шитая плащаница, митра преподобного Евфимия, его же медный крест и рукописное Евангелие. В Преображенском соборе экспонируются фрески XVII в., раскрытые в процессе реставрации 1968 – 2000 годов. В соборе организуются концерты церковных распевов. Иконостас, демонтированный в 30-х годах XX века, в 1954 году был передан в Центральный музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева (г. Москва). При монастыре сегодня находится школа имени князя Д.М. Пожарского.

Таким образом, комплекс зданий и сооружений Спас-Евфимиевского монастыря в городе Суздаль Владимирской области – уникальный памятник истории и культуры мирового значения. Монастырь, расположенный на высоком левом берегу реки Каменки, своими размерами, большим количеством сооружений и сохранившимися каменными постройками XIV–XVI веков представляет собой классический архитектурный ансамбль монастырского типа.

Сегодня Спасо-Евфимиев монастырь – это крупный центр туризма, также является частью Владимиро-Суздальского музея-заповедника. В 1991 году Спасо-Евфимиев монастырь решением ЮНЕСКО включен в список всемирного культурного наследия.

Литература

1. *Большакова, Н.В.* Спасо-Евфимиев монастырь как место ссылки лиц духовного звания // Рождественский сборник. – 2000. – Вып. 7. – С. 57.
2. *Курганова, Н.М.* Из истории тюрьмы Спасо-Евфимиевского монастыря (1766-1829 гг.) // Суздалью – 950 лет. – Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1977. – С. 76.
3. *Гернет, М.Н.* История царской тюрьмы / В 5 т. Т. 2. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1951. – С. 480.
4. Пругавин А.С. В казематах: Очерки и материалы по истории русских тюрем. СПб., 1909. С. 202.
5. *Большакова, Н.В.* Указ. соч. С. 58–59.
6. *Курганова, Н.М.* Указ. соч. С. 72–74.
7. *Большакова, Н.В.* Указ. соч. С. 57.
8. *Курганова, Н.М.* Указ. соч. С. 74.
9. *Гернет, М.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 470; Из истории Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря (По данным монастырского архива). – Владимир: Скоропечатня И. Коиль, 1912. – С. 27.
10. *Гернет, М.Н.* Указ. соч. Т. 3. С. 336.
11. Приказ Народного комиссара Внутренних дел СССР № 001735 от 28.12.1941 «О создании специальных лагерей для бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении противника» (отменен приказом № 0234-1955 года). [Электронный ресурс] // ...для бывших пленных и окруженцев. – 2011. – Режим доступа: <http://d-v-sokolov.livejournal.com/331158.html>. – Загл. с экрана.
12. Суздальская тюрьма. Летопись двухвековой истории [Электронный ресурс] // Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник – Владимир, 2011. – Режим доступа <http://www.museum.vladimir.ru/exhibition/suzdal/prison?menu=suzdal>. – Загл. с экрана.

УДК 930.85

**ИЗМЕНЕНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ УСТАНОВОК В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ
ЭКОЛОГИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ КАМЕННОГО ВЕКА**
**CHANGE OF BEHAVIOURAL INSTALLATIONS DURING AN ERA OF GLOBAL
ECOLOGICAL CRISES OF THE STONE AGE**

*Пикалов Д.В., НОУ ВПО «Северо-Кавказский гуманитарный институт», доцент
кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин.*

*Pikalov D. V., North Caucasus Institute for the Humanities, Ph.D., associate Professor,
Associate Professor of humanities, social and economic disciplines.*

email: SWAROMIR@mail.ru

Аннотация: Глобальные кризисы, периодически происходящие на планете, ставят перед человечеством серьезные вызовы. И в каждую эпоху, человечеству приходилось перед угрозой вымирания вырабатывать новые поведенческие модели. Нам хотелось бы подробно рассмотреть ответы человечества на вызовы экологических кризисов эпохи палеолита.

Annotation: The global crises which are periodically occurring on a planet, put serious calls before mankind. And during every era, to mankind it was necessary before threat of extinction to develop new behavioural models. We would like to consider in detail answers of mankind to calls of ecological crises of an era of a paleolith.

Ключевые слова: глобальные экологические кризисы, неолитическая революция, культ предков.

Keywords: global ecological crises, neolytic revolution, cult of ancestors.

Первый глобальный кризис в истории человечества произошел приблизительно 74-73 тыс. лет назад. Причиной его стало сверхизвержение вулкана Тоба на острове Суматра, приведшее к изменению климата на планете. По словам исследователей, извержение вулкана Тоба вызвало «мгновенный ледниковый период» - резкое похолодание из-за отражения солнечных лучей от поверхности суши, покрытой пылью, а также поглощения солнечной радиации аэрозольными частицами соединений серы, оказавшимися в верхних слоях атмосферы.[2] Как утверждают ученые, средняя температура воздуха на планете снизилась приблизительно на 16 градусов. Это похолодание, по их мнению, продолжалось почти 2 тысячи лет.

Последние исследования показывают резкое снижение генетического разнообразия среди представителей людей современного типа 100-50 тысяч лет назад. Феномен в науке получил название «бутылочного горлышка». Это указывает на то, что человечество было поставлено на грань вымирания. По мнению ученых, популяция людей уменьшилась с

приблизительно одного миллиона до нескольких тысяч. «Эта климатическая катастрофа, практически лишившая тропики растительности, вероятно, отразилась и на наших предках, которым, по всей видимости, пришлось в большей степени полагаться друг на друга, чтобы выжить. Эти зачатки кооперативного поведения могли помочь им позже вытеснить другие виды людей с лица планеты», - сказал соавтор публикации профессор Стэнли Амброзе.[6] Действительно, в этот период начинают исчезать иные виды человека: неандерталец, денисовский человек, *Homo floresiensis* (хоббит). Так что версия о том, что экологический кризис после извержения вулкана Тоба, смогли пережить только те, кто был способен к изменению поведенческих установок, а именно к взаимодействию и кооперации, остается актуальной и заслуживающей внимания. Особенно после последних данных о строении тела неандертальца. Выяснилось, что у него нет системы полостей (гортани, ларинкса и фаринкса), которая у нас формирует гласные. У неандертальца нет нашего подбородка, это тоже важный элемент формирования полости рта. Согласные он мог произносить. У него мог быть язык из согласных с малым количеством гласных, что встречается и в человеческих языках. [5] То есть способность неандертальцев к общению, и следовательно, к передаче информации и опыта была существенно ниже, чем у кроманьонца.

Особенности строения тела неандертальца были более приспособлены к существованию в окружающей среде ледникового периода. Об этом косвенно говорят раскопки в израильских пещерах Схул и Кафзех, которые периодически «переходили из рук в руки». До 130 тыс. лет назад там жили неандертальцы, между 130 и 80 тыс. лет — кроманьонцы, между 65—47 тыс. лет — снова неандертальцы, затем вновь люди современного типа. Вероятно, первая попытка кроманьонцев закрепиться в этом районе закончилась неудачей, что свидетельствует о паритете двух групп людей в технологиях. Учёные предполагают, что движущей силой мог быть климат, изменения которого накладываются на смену популяций первого человека: при похолоданиях одерживали верх неандертальцы, при потеплениях — более теплолюбивые *Homo sapiens*.

Мышечная масса неандертальца была на 30-40% больше, чем у кроманьонца, скелет тяжелее. Неандертальцы были лучше приспособлены к субарктическому климату, поскольку большая носовая полость лучше подогревала холодный воздух, тем самым снижая риск простуды. Как считают ученые, неандертальцам были незнакомы многие наследственные болезни современного человека.

Карен Штейдель-Намберс из Висконсинского университета в Мадисоне определила, что вследствие плотного телосложения и укороченной берцовой кости, сокращающей шаг, энергетические затраты на передвижение у неандертальцев были на 32% выше, чем у современного человека. [7] В условиях экологического кризиса, способность к менее энергетически затратному передвижению в поисках пищи становится немаловажным преимуществом человека современного вида.

К тому же, неандертальцы не обладали дистанционным оружием, их деревянные копья были предназначены для ближнего боя, что в условиях «мгновенного ледникового периода» и массового вымирания животных и растений, существенно снижало их шансы на

выживание. Мы не можем утверждать, но вполне вероятно, что появление у кроманьонца дистанционного оружия было следствием извержения вулкана Тоба и наступившего вслед за этим экологического кризиса. Последние исследования показывают, что древнейшие кремневые наконечники стрел, найденные в Пещере Сибуду (Африка), имеют возраст 64 тыс. лет.

При помощи модели Эндрю Фрейля из Калифорнийского Университета в Сан-Диего и Стивена Черчилля из Университета Дьюка уточнено, что ежедневная потребность в пище неандертальца по сравнению с кроманьонцем, обитающим в тех же климатических условиях, была больше на 100—350 килокалорий. А специальные химические исследования костной ткани показали, что неандертальцы если в основном мясо, в отличие от кроманьонцев, диета которых была более разнообразной, что немаловажно в моменты экологических кризисов.[7] Современный человек, обладая преимуществом в эффективности энергопотребления, смог обойти неандертальцев, он расходовал меньше ресурсов для выполнения основных функций, а, следовательно, мог себе позволить уделить больше сил репродукции и сохранению потомства.

Все это в купе с увеличением в этот период продолжительности жизни кроманьонцев, приведшим к удлинению репродуктивного периода и самое главное появлению большего времени для усвоения и передачи социального опыта и специальных знаний. Короткий же период жизни неандертальцев (порядка 20-23 лет), по мнению ученых часто приводил к безвозвратной утрате социальных навыков. Скорее всего, именно эти факторы и определили видовое доминирование кроманьонца, наступившее после извержения вулкана Тоба.

Второй экологический кризис, произошедший в конце верхнего палеолита», привел на наш взгляд к еще большей поведенческой трансформации. Его причиной были не столько климатические изменения, сколько деятельность самого человека. Конец верхнего палеолита ознаменован беспрецедентным развитием «охотничьей автоматики» и дистанционного оружия. Люди научились рыть хитроумные ловчие ямы, изобрели копья, дротики, копьеметалки. Это создало весьма благоприятные условия для демографического роста и распространения человечества по территории Земли. Население достигло 4 – 7 млн. человек, не знавших иных способов хозяйствования кроме охоты и собирательства. Поскольку же для стабильного прокорма одного охотника-собирателя требуется территория в среднем 10 – 20 кв. км, то ресурсы планеты приближались к исчерпанию.

Но дело не только в быстром демографическом росте. Археологам открываются следы настоящей охотничьей вакханалии верхнего палеолита. Если природные хищники, в силу установившихся естественных балансов, добывают, прежде всего, больных и ослабленных особей, то оснащенный охотник убивал самых сильных и красивых животных, причем в количестве, далеко превосходящем биологические потребности. Обнаружены целые «антропогенные» кладбища диких животных, большая часть мяса которых не была использована людьми.[1] Аналогичный процесс ученые наблюдали в XX в. в Центральной Африке, когда среди племен охотников и собирателей стало распространяться современное

огнестрельное оружие. Это привело как к уничтожению фауны, так и к более ожесточенным и кровопролитным схваткам между племенами за охотничьи угодья.

Жилища из мамонтовых костей строились с превышением конструктивной необходимости, с претензией на то, что теперь называется словом «роскошь». В Сибири на строительство одного жилища расходовались кости от 30 до 40 взрослых мамонтов плюс множество черепов новорожденных мамонят, которые использовались в качестве подпорок и, видимо, в ритуальных целях. На территории Восточной Европы археологи находят около жилища ямы-кладовые мамонтовых костей с не всегда понятным назначением. Загонная охота приводила к ежегодному поголовному истреблению стад.

В течение плейстоцена и в особенности в плейстоцене древние охотники оказывали существенное давление на природу. Представление о том, что вымирание мамонта, шерстистого носорога, пещерного медведя, пещерного льва связано с потеплением и концом ледникового периода, впервые было подвергнуто сомнению украинским палеонтологом И.Г. Пидопличко, высказавшим смелую для своего времени гипотезу о том, что в вымирании мамонта был повинен человек.[8] Позднейшие открытия подтвердили справедливость этих предположений.

Палеолит около 15 тыс. лет назад начал постепенно сменяться мезолитом. Изобретение лука и стрел в мезолите способствовало расширению числа охотничьих видов, привело к возникновению новых форм охоты с использованием собак при загоне. На рисунках мезолита впервые появляются сцены сражений. В жизнь человечества вошли войны.

Заметим, беспощадное уничтожение видов интенсифицировалось с приближением голоцена, т.е. послеледникового периода, который мог бы способствовать расцвету присваивающего хозяйства. На деле же именно в это время присваивающее хозяйство зашло в тупик. Природа не могла бесконечно выдерживать давление со стороны столь бесконтрольного агрессора. Ничем не регулируемая эксплуатация ресурсов привела к их истощению, разрушению биocenозов и обострению межплеменной конкуренции. За последние тысячелетия верхнего палеолита население средних широт планеты сократилось в несколько раз. Человечество вымерло на 90%. Это не могло быть климатическое вымирание – климат улучшался.

Ответом на этот кризис стало появление оседлого доземледельческого населения в районе Плодородного полумесяца – натуфийцев. Несмотря на то, что основным видом деятельности натуфийцев была охота, рыболовство и собирательство, эти племена предпочли оседлый образ жизни. Вполне вероятно, что причиной этого были не только благоприятные климатические условия района Плодородного полумесяца, но и серьезная смена идеологических и поведенческих установок. Натуфийцы первые из людей стали селиться рядом с могилами своих предков. Погребения, расположены прямо среди домов, а очень часто и непосредственно под полом. Под полами чаще хоронили детей и подростков, а взрослых сородичей — между домами в специальных обмазанных глиной колоколовидных ямах. Большинство захоронений — вторичные. Видимо тела сначала выносили из поселения,

помещая их во временные могилы или оставляя на открытом воздухе. После распада мягких тканей кости вновь вносили в поселение и предавали окончательному захоронению.

Погребального инвентаря в могилах практически нет. Обычны только средиземноморские раковины денгалии, формой напоминающие клыки, возможно, они являлись распространенным элементом погребальной одежды. Но бедность погребального инвентаря отнюдь не говорит о равнодушии натуфийцев к своим усопшим. Внимание теперь сосредоточено не на заупокойных дарах и «откупе» ими от покойника, а на приближении умерших к живым. В эпоху палеолита дома смерти и дома жизни редко совпадали. И неандерталец и кроманьонец, и кочевник в более позднее время, избегали жить рядом с их могилами. Натуфийцами овладевает совершенно иное представление — род должен быть связан воедино и топографически.[4] Что лежало в основе этой трансформации представлений, мы можем только догадываться, так как «каждая первобытная культура – это мир для себя»[3. С. 26.]. Был ли это коллективный или индивидуальный трансперсональный опыт племени, жрецов или старейшин, мы не можем этого знать. Но тот факт, что столь глобальная поведенческая трансформация коснулась самого консервативного социального ритуала (погребального), позволяет предположить серьезные причины, лежащие в ее основе.

Покойник для натуфийцев и в последствии земледельцев, становится посредником между живыми сородичами и духами растений, земли и плодородия. Его уже не отдалают от мира живых, как это было в культурах охотников и кочевников, а наоборот хоронят рядом с жилищем или вообще под полом дома. Могилы предков были максимально приближены к живым, стали частью мира живых. Потомки должны были зачинаться и рождаться буквально «на костях» праотцов, захоронения часто находят под теми глинобитными скамьями неолитических домов, на которых сидели и спали живые.[4]

То есть, желание жить рядом с местом погребения предков и было основным движущим фактором перехода к оседлому образу жизни. Не земледелие привело к оседлости как утверждалось наукой ранее, а оседлый образ жизни привел к поиску новых форм хозяйствования и зарождению земледелия. Оседлость явилась не следствием смены хозяйственных форм и утилитарно-бытовых нужд, а продуктом новой религиозной парадигмы, суть которой создание единого семантического поля между живыми, мертвыми и землей, в которой они покоятся.

Если такой серьезной трансформации был подвергнут самый консервативный из всех социальных ритуалов, как погребальный, то можно предположить, что в эпоху мезолита, в доземледельческих культурах Плодородного полумесяца шла тотальная ломка старых поведенческих стереотипов и зарождение новых. Это и новая картина мира и человека в нем, модели времени, социальные ритуалы, все то, что позже фиксируется в земледельческих культурах неолита. [9] Только в этом случае стремление к взаимодействию и кооперации было направленно не на иноплеменников, как это было после извержения вулкана Тоба, а на умерших предков и сородичей, ставших «духами хранителями», «духами предками». Погребение умерших рядом с жилищем или вообще под полом домов, должно было связать воедино живых и мертвых. Могилы предков, нужно было максимально приблизить к живым,

сделать частью мира живых. Кочевой образ жизни, характерный для палеолита, вступал в столкновение с новыми религиозными ценностями. Если могилы предков должны быть как можно ближе к дому, тогда или дом должен быть недвижим или кости переноситься с места на место. И поэтому единственное, что оставалось человеку мезолита — это осесть на землю. Новый строй жизни был труден и непривычен, но тот духовный переворот, который произошел в сознании людей около 12 тысяч лет назад, требовал выбора — или пренебречь родом, общностью с предками ради более сытой и удобной бродячей жизни, или связать себя навсегда с могилами предков нерасторжимыми узами единства земли.[4] А хлеб, созданный из растущих из земли зерен, осмысливался как часть тела предков, вкушение которого доводило эту связь до наивысшей точки религиозного напряжения.

Таким образом, экологические кризисы эпохи палеолита заложили как основы для доминирования человека современного вида, так и позднее, оседлого образа жизни, смене хозяйственных форм и в конечном итоге, зарождению цивилизации.

Литература

1. Аникович М.В. Повседневная жизнь охотников на мамонтов. М., 1989.
2. Википедия – [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/Тоба> (вулкан)
3. Дуглас М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. - М. 2000.
4. Зубов А.Б. История религий. Книга 1. [Электронный ресурс] / Зубов А.Б. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Zubov/04.php
5. Иванов В.В. Целесообразность человека. Часть 2. Новая газета. №92 от 17.08.2012. [Электронный ресурс] / Иванов В.В. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/society/53995.html>
6. Извержение вулкана Тоба чуть не уничтожило людей 73 тысячи лет назад [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://eco.ria.ru/natural/20091124/195205261.html>
7. Вонг К. Закат неандертальцев [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rnns.ru/hitech/126550-zakat-neandertalcev.html>
8. Пидопличко И.Г., Макеев П.С. О климатах и ландшафтах прошлого, М., 1959.
9. Пикалов Д.В. Модель времени неолитического человека // Социально-гуманитарные знания - М.: Минобрнауки. - 2010. - № 7.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ
POLITICAL SCIENCE

УДК 323.172

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕОЛОГИИ И ПРАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЭКСТРЕМИЗМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

**THE HISTORICAL EVOLUTION OF THE IDEOLOGY AND PRACTICE OF
POLITICAL EXTREMISM IN THE NORTH CAUCASUS**

Клещарь Е.А., кандидат политических наук

Kleshchar EA, Candidate of Political Sciences

e-mail: kleshchar@mail.ru

Аннотация: В статье определена историческая эволюция политического экстремизма на Северном Кавказе, заложенная в истоках российского федерализма.

Annotation: In the article detect the historical evolution of political extremism in the North Caucasus, implicit in the origins of Russian federalism.

Ключевые слова: федерализм, политический экстремизм, терроризм, национальная безопасность.

Keywords: federalism, political extremism, terrorism and national security.

Проблемы реализации федеративных отношений стоят не только перед Российской Федерацией в целом, но и перед каждым из ее субъектов. Одним из регионов, где процессы федерализации и государственного строительства имеют свою сложную специфику, является Северный Кавказ. Именно здесь, где концентрируется около трети национально-государственных образований Российской Федерации, был создан прецедент фактического выхода одного из субъектов федерации из правового поля государства, и все это сопровождалось возрастанием экономических трудностей, активных миграционных процессов, демографического давления и национальной неприязни. На Северном Кавказе все споры, противоречия и конфликты, характерные для России в целом, проявляются в наиболее острой форме.

Северный Кавказ представляет собой наиболее полиэтничный регион России со сложным этноконфессиональным составом населения и различными по типу субъектами Российской Федерации. Как известно, в Северо-Кавказский Федеральный округ входит шесть национальных республик и один край. Здесь во всей своей сложности проявились и проблемы обеспечения безопасности во всех её формах и проявлениях.

В настоящее время особое значение приобретает анализ влияния на состояние безопасности Северного Кавказа социально - и этнополитических процессов. Этнополитические проблемы региона получили значительный общественный резонанс. Он связан с важнейшими аспектами укрепления российской модели федерации и в целом российской государственности, с реконструкцией и ресоциализацией народов Северного Кавказа в новую демократическую политическую систему, с обеспечением безопасности личности, этносоциумов, общества и государства.

Состояние и динамика развития современной внутривнутриполитической обстановки в Северо-Кавказском регионе, отличающейся крайней нестабильностью, непосредственно влияет на состояние национальной безопасности Российской Федерации. Нынешняя действительность свидетельствует о том, что одну из реальных угроз для России представляют внутренние конфликты в республиках Северного Кавказа, ситуация в которых характеризуется не только тяжелым экономическим и социально-политическим положением, но и активностью религиозно-политического и национального факторов. Весьма сложными по форме и по существу остаются федеративные отношения, которые в своём нынешнем виде существенно подрывают устойчивость российского федерализма [1].

По мере развития институтов демократии и гражданского общества, по мере появления всё более развитых систем снятия противоречий за счёт избирательных процедур и цивилизованной конкуренции – политические задачи не только в России, но и во многих зарубежных странах стали решаться с помощью методов, не связанных с насилием. Но осталась достаточно обширная зона, где пока что невозможно исключить рецидивы насильственных действий.

По мнению советника председателя Национального антитеррористического комитета А.С. Пржездомского «историческая эволюция идеологии и практики политического экстремизма идёт по двум направлениям» [2].

Во-первых, терроризм превращается из инструмента достижения политических целей в орудие, с помощью которого мощные группы влияния пытаются реализовать свои планы. В эти группы зачастую объединяются уже не по идеологическим мотивам, а по криминальным интересам, а также ради достижения вполне конкретных экономических предпочтений для «своих», выделяемых по национальному или конфессиональному признаку. Очень часто кровавые акты устрашения общества инициированы силами, преследующими далеко идущие глобальные цели – при этом их непосредственными исполнителями декларируются нарочито примитивные лозунги. Яркие примеры подобных проявлений видны в ходе контртеррористической борьбы на Северном Кавказе.

Второй аспект эволюции терроризма – он стал чрезвычайно жестоким, часто неперсонифицированным. Современный терроризм ориентирован на подавление воли уже не государственных органов, но широких гражданских кругов, масс людей. Это используется для создания условий реализации интересов определённых групп. Разумеется, бесчеловечные действия не вписываются ни в какие каноны политической борьбы. Даже самым агрессивным радикалам XIX – начала XX века и не снилось, что путём массовых

убийств мирных и политически никак не ангажированных людей можно пытаться достичь каких-либо социальных или иных результатов.

Произошло объединение, сведение к одному знаменателю нескольких потоков мотиваций. С одной стороны, терроризм подпитывается за счёт чистого криминала. Люди, которые вошли в конфликт с властью из-за своих противоправных, уголовных деяний, составляют заметную часть членов бандформирований. Но в эти группы вливается и значительная часть молодёжи, прежде не совершавшей преступлений. Среди молодых участников бандподполья есть неработавшие, маргинализированные элементы – но есть и учащиеся, студенты, образованные, читающие книги ребята. Они оказываются в числе террористов не из-за своей темноты, а в силу внутренней мотивации, в силу своих убеждений. Им кажется, что, сопротивляясь власти с оружием в руках, они восстанавливают справедливость в самом широком смысле этого слова.

Конечно, действует и религиозный фактор. В исламе, как и в любой другой религии, есть радикальные направления, которые стремятся установить очень жёсткие правила жизни и поведения. Молодым людям, которым никто не дал других ориентиров, кажется, что в этом – истина. А когда у них в руках оказывается автомат, и когда в ходе боестолкновений погибают их товарищи, родственники – вооружённая борьба с «неверными», «отступниками» и «лицемерами» приобретает ещё и характер личной мести. Здесь смыкается циничный, примитивный криминал с теми, кто, как им кажется, борется за справедливость. Таким образом, современный терроризм – это многофакторное, многокомпонентное явление.

Террористические проявления на территории Российской Федерации – в частности, на Северном Кавказе – имеют, как и любые сложные общественные явления не одну причину. Чтобы преодолеть эту болезнь, надо попытаться разобраться во всём хитросплетении её истоков, а также условий и механизмов созревания.

Гражданскому национализму, как позитивной категории, противостоит идеология этнического национализма от имени той или иной этнической общности, которая может составлять большинство или меньшинство населения, но которая определяет своих членов, а не всех сограждан, нацией и на этом основании требует «собственной» государственности или привилегированного статуса. Различия между двумя типами национализма существенны: этнический национализм основан на идеологии исключения и отрицания многообразия, а гражданский национализм основан на идеологии солидарности и признания многообразного единства. Особый вызов государству и гражданской нации представляет радикальный национализм от имени меньшинств, которые желают выйти из общего государства путем вооруженной сецессии. Этнический национализм большинства также несет в себе риски, ибо он может объявить государство исключительной собственностью одной группы и тем самым породить противников государства среди меньшинств.

Появились практически моноэтничные квази-государства. На протяжении полутора-десяти лет имеет место с разной интенсивностью исход государствообразующего этноса – русского народа – с территорий уже давно ставших для него исконными. Эти государстворазрушительные процессы происходили под эгидой борьбы национальных

меньшинств за свои права и свободы, что порой выглядело даже не как политическое лукавство и лицемерие, а как откровенное изгнание русских, с целью формирования моноэтнической или консолидированной этносреды.

Моноэтнические квази-государства способствовали экспорту этнической организованной и неорганизованной преступности, которая, растворяясь в миграционных потоках, оседала в наиболее благоприятных для себя местах. Там начинали разгораться преступные войны и передел собственности. Чтобы понять, почему моноэтничность квази-государств спровоцировала выброс наиболее активного криминального элемента за ее пределы, нужно немного углубиться в историю Северного Кавказа и посмотреть на историко-психологический портрет представителя горских этносов. Это откровенно маскулинный тип кавказца – сильного физически, волевого, смелого, храброго, имеющего свои представления о чести, доблести, далеко не всегда совпадающими с предписаниями закона или государственной морали. Это образ воина. Не надо скидывать со счетов, что на протяжении нескольких веков, далеко не самым последним на Северном Кавказе был разбойный промысел и работорговля. Разбой был образом жизни. Чем успешнее разбойник, тем более уважаем он среди соплеменников. Убить, привести пленников и рабов, украсть и угнать скот и т.д. – формировало тип мужчины уважающего силу и подчиняющегося только более сильному.

Даже в наше время, на пороге третьего тысячелетия в самом центре Грозного, в районе так называемой площади «Трех богатырей», несколько лет, вплоть до осени 1999 года, исправно работал крупнейший на Северном Кавказе невольничий рынок, где за сходную цену можно было купить раба на любой вкус. Даже дети знали: самый выгодный товар – это «нечеченец». «Свобода – это, конечно, хорошо, - утверждали работорговцы. – Но ею сыт не будешь» [3].

Считалось позором заниматься разбоем среди «своих». Это опасность осуждения местным сообществом (старейшинами), кровная месть, потеря авторитета и т.д. Концентрация мужского населения и его гомогенность в моноэтнических республиках, отчасти безработица и бедность провоцирует даже достаточно законопослушных мужчин активного возраста добывать средства к существованию преступным путем, но за пределами своих республик.

Надо признать, что существует ряд моментов, которые придали терроризму динамику, сделали его привлекательным для определённой части общества – как это ни парадоксально и страшно звучит. Нужно вернуться на два – два с половиной десятилетия назад. В конце 1980-х годов в тогдашнем Советском Союзе начались быстро нараставшие процессы деградации системы управления, идеологии, воспитания. На месте разрушенной системы, на месте отменённых общественных «правил игры» возникали новые социальные явления и образования... Однако, перемены не создали базовых основ для развития человека и экономики. Можно сказать, что в каждой из сфер общественной и хозяйственной жизни нарастали приметы упадка. На Северном Кавказе в 90-е годы XX века были уничтожены все общественные институты, в результате чего народ предоставлен сам себе. Люди разобщены по национальному, имущественному, религиозному признакам [5].

Рассматривая народонаселение Северного Кавказа в контексте данного вопроса, можно выделить три основные группы. Во-первых, это номенклатурная элита, сформировавшая свой идеологический и хозяйственно-правовой профиль в ходе распределения бюджетных средств. Во-вторых, выделяется бизнес-элита, образовавшаяся во многом из номенклатуры, но дистанцировавшаяся от нее и обретающая иной хозяйственный профиль. Идеология национальных бизнес-элит в республиках Северного Кавказа – это синкретическое смещение патернализма (генезис капитала), национализма (республика как налоговый плацдарм для общероссийского льготного оперирования) и либерализма (открытость, прозрачность границ и т.д.). Эта группа – существенное препятствие для террористических проявлений на территории Северного Кавказа. Третьей, важной нишей, для развития этнического национализма представляется образованная среда, состоящая из людей экономически неадаптированных в той хозяйственно-экономической конфигурации, которую выстроили для себя успешные северокавказские правящие слои.

Особая роль в налаживании межнационального единства принадлежит диаспорам и национально-культурным автономиям. Эти национальные образования, конечно же, имеют двойственную социальную природу. Они призваны объединять, сохранять, приумножать, также способствуют компактному расселению, а значит, невольно создают условия для определенной этнической замкнутости, самоизоляции этноса и, в конечном счете, появлению чувства самодостаточности и социального комфорта для мигрантов. С другой стороны – это единственные неформальные структуры самообъединения этносов и относительная возможность управления достаточно большим контингентом представителей одного этноса.

Всплеск террористической активности в новейшей истории России следует отнести к началу 90-х годов XX века, практически с момента начала первой войны в Чечне. Вполне логично, что многие из произошедших на территории страны террористических актов имеют так называемый «кавказский след». Вместе с тем, возникает опасность использования тактики террора и его идеологических методов другими радикальными политическими и националистическими движениями. Период экономической нестабильности, спровоцированный мировым финансовым кризисом, вместе с вышеперечисленными угрозами, [4] является одним из главных факторов усиления межнациональной и межконфессиональной напряженности как в целом в России, так в частности и на Северном Кавказе и создает благоприятную почву для дестабилизации политической жизни.

Все государства мира считают себя национальными государствами, и России нет смысла быть исключением из их числа. Повсюду среди народа той или иной страны утверждается представление о нации независимо от расового, этнического и религиозного состава населения. Нация – это не просто продукт этнокультурной унификации и «длительного исторического формирования», а тем более это не кровно-биологическая субстанция, а результат целенаправленных усилий политической и интеллектуальной элиты по утверждению среди населения представлений о народе как о нации, ее ценностях, символах, устремлениях. Такие представления существуют в странах даже с более разобщенным населением, чем в России. В России же существует реальная общность

россиян на основе исторических и социальных ценностей, патриотизма, культуры и языка, но на Северном Кавказе усилия некоторой части этнических элит в силу определенных причин направлены на отрицание этого единства, формирование межнациональной розни, насаждение русофобии. Это и приводит отчасти к тем социально-политическим и межнациональным напряженностям, которые мы активно пытаемся нейтрализовать.

Тема терроризма в последние два десятилетия стала объектом повышенного внимания как со стороны представителей политических элит и общественности, так и со стороны представителей науки. Терроризм все больше угрожает безопасности большинства стран, влечет за собой огромные политические, экономические и человеческие потери. К сожалению, Россия стала страной, подвергшейся массированной террористической атаке, выраженной в осуществлении практики террора (проведение террористических актов), а также в активном насаждении идеологии насилия как средства достижения политических целей и возможности пополнения рядов террористических организаций из числа радикально настроенной части общества. Терроризм, в том числе и политически мотивированный, стал в нашей стране повседневной реальностью, которая регулярно и жестоко напоминает о себе.

Литература

1. Васильев Ю.В. Клещарь Е.А. Современная внутривнутриполитическая обстановка в Северо-Кавказском регионе: состояние и динамика развития. // Конфликтология. № 2, 2011. С. 55 – 67.
2. Пржездомский А.С. В эпицентре противостояния идеологии смерти. / <http://nak.fsb.ru>
3. Трошев Г.Н. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. М.: ВАГРИУС, 2001. С. 152.
4. Гоморин Е.А. Некоторые исторические аспекты возникновения террора в России. // Вестник национального антитеррористического комитета. №2, 2010. С. 97.
5. Дзуцев Х.В. Ваххабизм в республиках Северного Кавказа Российской Федерации: реалии и последствия // Социологические исследования. № 8, 2011. С. 107-114.

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ
TECHNOLOGICAL SCIENCE

УДК 648.322

АВТОБАЛАНСИРОВАЧНОЕ УСТРОЙСТВО ЖИДКОСТНОГО ТИПА ДЛЯ
СТИРАЛЬНЫХ МАШИН С ЦЕНТРОБЕЖНЫМ ОТЖИМОМ
AVTOBALANSIROVACHNOE LIQUID-TYPE DEVICE FOR WASHING MACHINES
WITH A CENTRIFUGAL SPINNING

Желтушкин Л.С., «Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса» аспирант кафедры машин и оборудования бытового и жилищно-коммунального назначения

Zheltushkin L.S., «The South-Russia State University of Economics and Service», post – graduate student of the department Machinery and equipment for household and housing and communal services

e-mail: stud.lenid@rambler.ru

Алехин С.Н., Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса, кандидат технических наук, профессор кафедры машин и оборудования бытового и жилищно-коммунального назначения

Alekhin S.N., The South-Russia State University of Economics and Service, professor of "Machinery and equipment for household and housing and communal services"

e-mail: alex_cn@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается конструкция стиральной машины с жидкостным АБУ пассивного действия, которая обеспечивает эффективное снижение виброактивности машин при центробежном отжиме.

The article deals with the design of the washing machine with liquid autobalancing device of passive action that provides effective reduction of machines vibration in centrifugal spin.

Ключевые слова: стиральная машина, вибрация, автобалансирующее устройство.

Key words: washing machine, vibration, autobalancing device.

Стиральные машины выполняют важную функцию по механизации тяжелого ручного труда, связанного со стиркой и отжимом текстильных изделий в домашнем хозяйстве и сфере коммунальных услуг. Наиболее совершенными и распространенными стиральными машинами являются машины барабанного типа, совмещающие процессы стирки и отжима белья в одном барабане [1]. Однако, машины данного типа являются наиболее виброактивными изделиями бытовой и коммунальной техники.

Значительные динамические нагрузки, возникающие в конструктивных элементах стиральных машин при отжиме, приводят к снижению их надежности и долговечности, росту энергопотребления, ухудшению условий при обслуживании и эксплуатации машин. Для снижения значительных вибраций, возникающих при отжиме в стиральных машинах барабанного типа с системой виброизоляции, используют дополнительно противовесы, устанавливаемые на баке машины. Однако, это приводит к значительному увеличению массы машины и росту динамических нагрузок, возникающих в подшипниковой опоре барабана.

Устранение недостатков, возникающих при использовании системы виброизоляции в стиральных машинах, обеспечивается применением автобалансирующих устройств (АБУ). Авторами данной статьи было разработано оригинальное конструктивное решение АБУ, позволяющего эффективно снижать колебания стиральных машин при отжиме.

Предлагаемая стиральная машина состоит из корпуса, в котором упруго подвешен моечный узел, состоящий из коаксиально расположенных стирального бака и барабана 1 (Рис.1). Боковая поверхность барабана имеет продольные изгибы, образующими таким образом гребни 10 (Рис.2), обращенные своей выпуклой частью внутрь барабана 1, и зоны перфорации боковой поверхности, расположенные между гребнями 10.

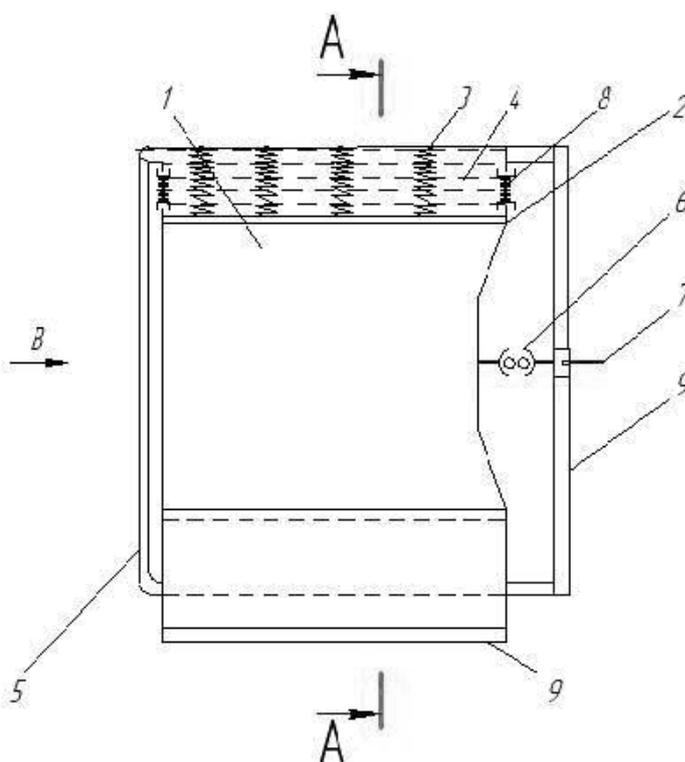

Рисунок 1 – Барабан стиральной машины с АБУ в продольном разрезе:

- 1 – барабан, 2 – задняя стенка барабана, 3 – упругие элементы, 4 – рабочая жидкость, 5 – полое металлическое кольцо, 6 – шарнир, 7 – вал, 8 – эластичные герметичные элементы, 9 – крестовина

Задняя стенка барабана 2 соединена посредством шарнира 6 с крестовиной 9, установленной на валу 7 с возможностью вращения вокруг горизонтальной оси. Барабан 1 соединен с помощью упругих элементов 3 с металлическими жесткими пластинами 11 (Рис.2), расположенными с наружной стороны вдоль вогнутых поверхностей гребней 10 и образующими жесткий каркас путем неподвижного соединения металлических жестких пластин 11 с одной стороны с направляющими крестовины 9, а с другой стороны с полым металлическим кольцом 5 (Рис 3), расположенным вдоль передней стенки барабана 1.

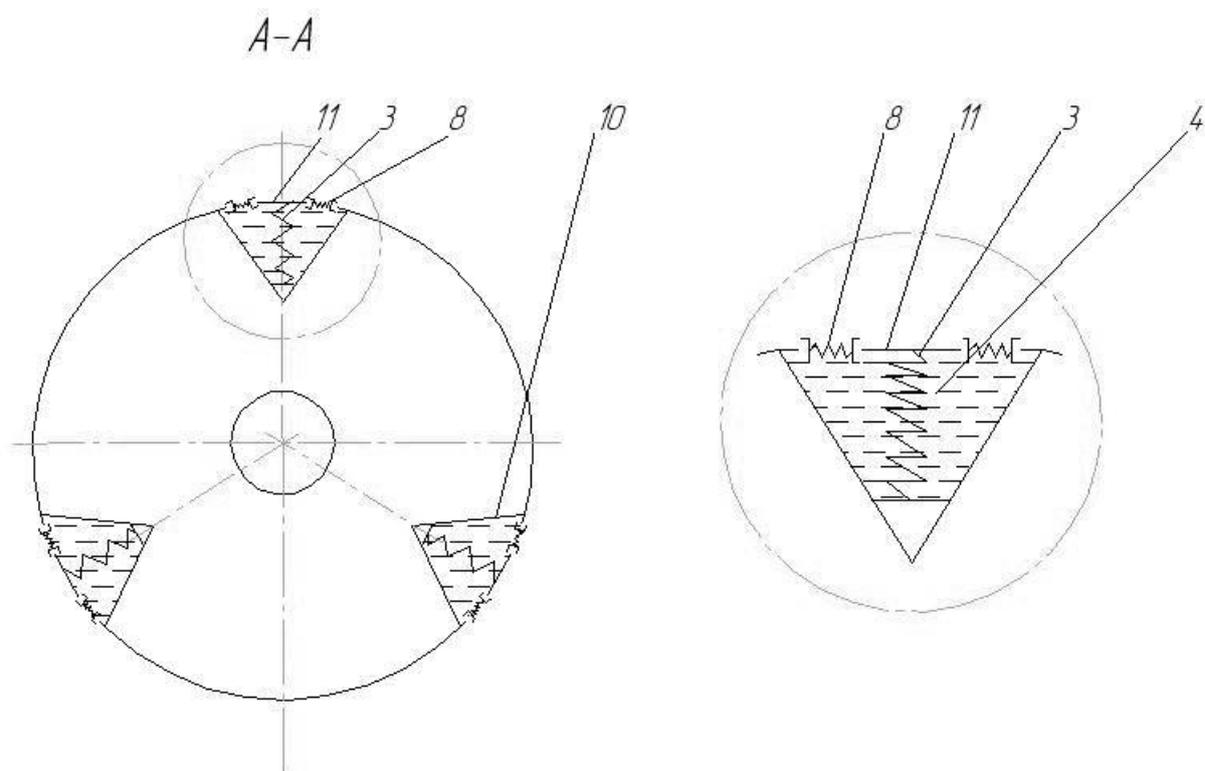

Рисунок 2 – Барабан стиральной машины с АБУ в поперечном сечении:

3 – упругие элементы, 4 – рабочая жидкость, 8 –эластичные герметичные элементы, 10 – гребень, 11 – металлические жесткие пластины

Образованные таким образом полости между вогнутой поверхностью гребней 10 и металлическими жесткими пластинами 11 ограничены эластичным герметичным элементом 8, которые заполнены рабочей жидкостью 4 и соединены между собой через полое металлическое кольцо 5, образуя таким образом единую замкнутую герметичную систему.

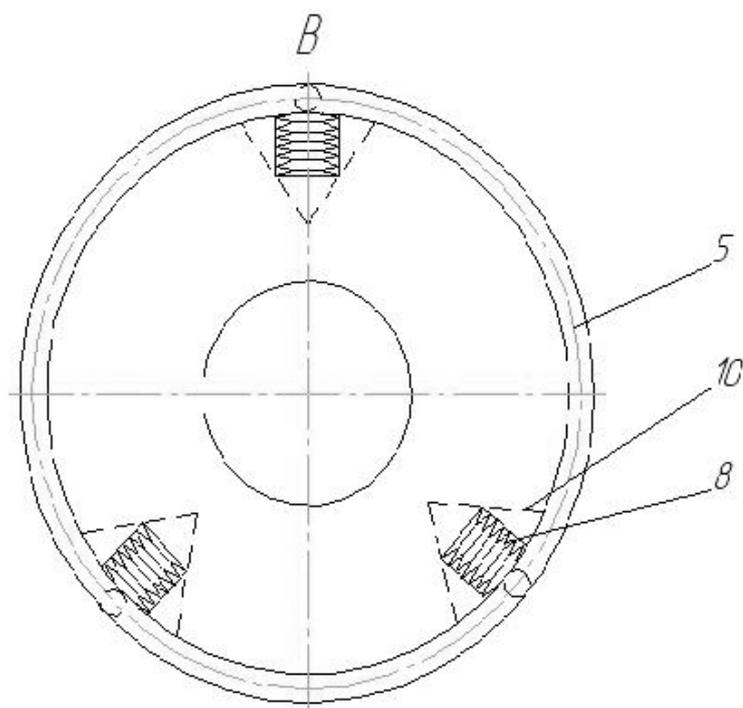

Рисунок 3 – Барабана стиральной машины с АБУ вид спереди:

3 – упругие элементы, 4 – рабочая жидкость, 8 – эластичные герметичные элементы, 10 – гребень, 11 – металлические жесткие пластины

Принцип работы стиральной машины с АБУ заключается в следующем. В барабан 1 закладываются текстильные изделия, подлежащие обработке. После включения машины происходит подача моющего раствора в бак. Через отверстия перфорации моющий раствор поступает внутрь барабана 1 к обрабатываемым изделиям и смачивает их. Барабан 1 приводится во вращение двигателем через вал 7 и шарнир 6. После окончания процесса стирки производится центробежный отжим изделий путем увеличения частоты вращения барабана 1 до величины, способствующей интенсивному удалению влаги из изделий. При этом, в период разгона барабана 1 происходит распределение изделий по его обечайке. Так как практически всегда распределение изделий осуществляется неравномерно, то это приводит к образованию неуравновешенной массы, являющейся источником возникновения значительных центробежных сил, направленных со стороны неуравновешенной части изделий на обечайку барабана 1. Это приводит к смещению барабана 1 в поперечной плоскости, сжатию упругих элементов 3 в полости, в направлении которой действуют центробежные силы, и вытеснением части рабочей жидкости 4 из этой полости через полое металлическое кольцо 5 в те полости, которые увеличиваются в объеме за счет смещения барабана 1. В результате этого большая часть рабочей жидкости 4 сосредотачивается в полостях, находящихся противоположно участку расположения неуравновешенных масс

изделий в барабане 1, тем самым уравнивая их. Вследствие этого барабан 1 практически не испытывает динамических нагрузок при отжиме.

Таким образом, предлагаемая конструкция стиральной машины с жидкостным АБУ пассивного действия обеспечивает эффективное снижение виброактивности машины при отжиме, имеет более простое конструктивное решение в сравнении с известными конструкциями [2], отличается технологичностью при сборке и меньшими габаритными размерами.

Литература

1. Ремонт и обслуживание бытовых машин и приборов / С.П. Петросов, [др.] – М.: Издательской центр «Академия», 2003.– 320 с. С.113-125.
2. АС СССР 1581795 АС 1581795. СССР, МПК⁵ D 06 F 37/00 Машина для стирки и отжима белья / Малыхин В.И., Алехин С.Н.; заявитель и патентообладатель Московский технологический институт; № 4442163, заявл. 15.06.1988, Бюл. № 28. – 12 с.

УДК 519.863

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЧАСОВ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ
В УЧЕБНЫХ ПЛАНАХ С УЧЕТОМ ФГОС.
INDEPENDENT WORK HOURS DISTRIBUTION IN THE CURRICULUM
CONSIDERING FSES**

Мальцев И. М., Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса, кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры математики, Информационно-методический центр анализа ФГБУ "ИМЦА", директор

e-mail: plany@rambler.ru

Михайлов К. А., Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математики, Информационно-методический центр анализа ФГУ "ИМЦА", инженер-программист 3 категории

e-mail: kostya_bah@mail.ru

Михайлова Н. А., Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса, программист Информационно-методический центр анализа ФГУ "ИМЦА", инженер-программист 3 категории

e-mail: natalymich@mail.ru

Maltcev I.M., Southern Russian state university of economy and service, docent of the department of mathematics, candidate of physical and mathematical sciences, docent Federal state budgetary institution "Information and methodical center of the analysis", director

Mihailov K.A., Southern Russian state university of economy and service, docent of the department of mathematics, candidate of physical and mathematical sciences Federal state budgetary institution "Information and methodical center of the analysis", programming engineer of 3 categories

Mihailova N.A., Southern Russian state university of economy and service, Programmer, Federal state budgetary institution "Information and methodical center of the analysis", programming engineer of 3 categories

Аннотация: В статье рассматривается задача автоматического распределения часов самостоятельной работы студента в учебных планах с выполнением требований федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования.

Annotation: In article the problem of independent working hours allocation in curriculum in accordance with federal state educational standard of higher vocational education is considered.

Ключевые слова: учебный план, распределение часов самостоятельной работы, федеральный государственный образовательный стандарт.

Key words: curriculum, distribution of hours of independent working hours, federal state educational standard.

Одной из основных задач развития информационного общества в Российской Федерации является повышения качества образования на основе развития и использования информационных и телекоммуникационных технологий в образовательном процессе вуза [1].

В соответствии с изменениями в законодательстве в области образования российская высшая школа переходит на новую систему высшего профессионального образования. Для этого разработаны и утверждены новые федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования (ФГОС ВПО).

В основе всего учебного процесса лежит рабочий учебный план. В нем практически полностью описывается учебный процесс студента. Учебный план – документ, определяющий состав учебных дисциплин, изучаемых в учебном заведении, их распределение по годам обучения, недельное и годовое количество времени, отводимое на предмет. Так же он дает основную информацию, необходимую для подготовки и составления расписания.

Одним из подходов к проектированию рабочих учебных планов является перераспределение часов самостоятельной работы студента по курсам (семестрам). В настоящей работе представлен алгоритм, позволяющий организовать автоматическое распределение данных часов так, чтобы выполнялись основные требования ФГОС ВПО. Рассмотрим описание математической модели данной задачи.

Пусть в рабочем учебном плане имеется множество дисциплин M и множество семестров N . Обозначим через x_{ij} – количество часов самостоятельной работы i -ой дисциплины в j -ом семестре, который принадлежит k -ому курсу ($k \in K$, где K – множество курсов). Тогда матрица $X = \{x_{ij} \mid i \in M, j \in N\}$ полностью определяет распределение часов самостоятельной работы.

Множество M можно разбить на два подмножества $M = M_1 \cup M_2$, где M_1 – множество (совокупность) односеместровых дисциплин, а M_2 – множество (совокупность) неодносеместровых дисциплин. Пусть далее N_i – это множество номеров семестров, в которых преподается i -ая дисциплина. Очевидно, что $\bigcup_{i \in M} N_i = N$.

Введем следующие обозначения:

$N_0 = \mathbb{N} \cup \{0\}$ множество всех неотрицательных целых чисел,

m_1 — количество элементов во множестве M_1 ,

m_2 — количество элементов во множестве M_2 ,

n — количество элементов во множестве N ,

t_j — количество недель теоретического обучения в j -ом семестре,

S_i — объем часов самостоятельной работы i -ой дисциплины,

A_i — объем часов аудиторной работы i -ой дисциплины,

a_{ij} — объем часов аудиторной работы i -ой дисциплины в j -ом семестре.

Предположим, что пользователем для каждой дисциплины уже заданы общий объем часов и указаны аудиторские часы по видам занятий. Тогда для односеместровых дисциплин объем часов самостоятельной работы определяется как разница между общим объемом часов и суммарной аудиторной нагрузкой. Следовательно, решение рассматриваемой задачи сводится к нахождению x_{ij} для каждого i из M_2 .

Определим множество G допустимых решений. Для каждой дисциплины должны выполняться равенства

$$\sum_{j \in N_i} x_{ij} = S_i \text{ для всех } i \in M_2. \quad (1)$$

Учитывая требование ФГОС ВПО (см., например, [2]), которое состоит в том, что недельная нагрузка студента не должна превышать 54 часа, получим

$$\sum_{i \in M_2: j \in N_i} x_{ij} \leq B_j \text{ для любых } j \in N, \quad (2)$$

где $B_j = 54 \cdot t_j - \sum_{i \in M} a_{ij} - \sum_{i \in M_1} x_{ij}$.

С другой стороны, трудоемкость учебного года должна составлять 60 зачетных единиц (согласно требованию ФГОС ВПО). Тогда получаем еще одно условие

$$\sum_{\substack{i \in M_2: j \in N_i, \\ j=2^*k-1}} x_{ij} + \sum_{\substack{i \in M_2: j \in N_i, \\ j=2^*k}} x_{ij} = C_k \text{ для любых } k \in K, \quad (3)$$

где $C_k = 60 \cdot 36 - \sum_{i \in M, j=2^*k-1} a_{ij} - \sum_{i \in M_1, j=2^*k-1} x_{ij} - \sum_{i \in M, j=2^*k} a_{ij} - \sum_{i \in M_1, j=2^*k} x_{ij}$.

Учитывая не отрицательность переменных x_{ij} , получим еще одно ограничение

$$x_{ij} \geq 0, x_{ij} \in \mathbb{N} \cup \{0\} \quad \forall i \in M_2, j \in N. \quad (4)$$

Таким образом, G представляет собой множество всех матриц $X = \|x_{ij}\|$, элементы которых удовлетворяют (1), (2), (3) и (4). При этом будем считать, что множество G

допустимых решений совместно, то есть распределение часов самостоятельной работы возможно.

Для завершения построения математической модели рассматриваемой задачи необходимо формализовать критерий оптимальности:

$$f(x) = \sum_{i \in M_2} \sum_{j \in N_i} \left| \frac{x_{ij}}{S_i} - \frac{a_{ij}}{A_i} \right| \rightarrow \min. \quad (5)$$

Итак, задача автоматического распределения часов самостоятельной работы – это задача математического программирования с целевой функцией (5) и множеством допустимых решений G .

Вид ограничений и требование целочисленности, а также формулировка задачи позволяют рассматривать задачу автоматического распределения часов самостоятельной работы как задачу транспортного типа. Данная задача может быть отнесена к задачам управления запасами [3], [4]. Однако отсутствие стоимости «транспортировки» часов и нелинейный вид целевой функции не позволяют решить рассматриваемую задачу известными методами (например, методом потенциалов). Поэтому для решения поставленной задачи предлагается специально разработанный метод, суть которого состоит в следующем.

Для рассматриваемой задачи построить начальное (опорное) решение методами задач транспортного типа (например, методом северо-западного угла) не всегда возможно. Следовательно, возникает необходимость привлечения иного математического аппарата. А именно, учитывая требование (4), система (6)

$$\left\{ \begin{array}{l} \sum_{j \in N_i} x_{ij} = S_i, \\ \sum_{i \in M_2: j \in N_i} x_{ij} \leq B_j, \\ \sum_{\substack{i \in M_2: j \in N_i, \\ j=2^*k-1}} x_{ij} + \sum_{\substack{i \in M_2: j \in N_i, \\ j=2^*k}} x_{ij} = C_k \end{array} \right. \quad (6)$$

сводится к равносильной системе неравенств, которая решается известными методами векторной алгебры (см., например [5], [6]). Таким образом, полученное решение системы (6) с учетом требования (4) является опорным решением рассматриваемой задачи.

После того, как найдено начальное решение, применяется алгоритм, позволяющий найти оптимальное решение задачи распределения часов самостоятельной работы: метод направленного перебора, разработанный для данной задачи и основанный на некоторых шагах метода потенциалов [7]. Данный алгоритм позволяет быстро находить наиболее оптимальное решение рассматриваемой задачи распределения часов самостоятельной работы в области допустимых решений. В процессе вычисления достаточно хранить лишь предыдущее решение.

Описание алгоритма поиска оптимального решения задачи распределения часов самостоятельной работы:

- Шаг 1. Формируем распределительную таблицу по данным учебного плана, для которого выполняется распределение часов самостоятельной работы:
- определяем семестры изучения каждой дисциплины;
 - переносим в ячейки таблицы аудиторские часы по каждой дисциплине в соответствующем семестре;
 - в правый столбец записываем общий объем часов самостоятельной работы по каждой дисциплине;
 - вычисляем количество «свободных» часов в каждом семестре и записываем в последние клетки таблицы.
- Шаг 2. Находим начальное допустимое решение X , для него вычисляем значение целевой функции $f = f(X)$. Получаем начальную распределительную таблицу.
- Шаг 3. Находим очередное допустимое решение. Для этого в распределительной таблице выбираем первую клетку (1,1): $i := 1, j := 1$.
- Шаг 4. Проверяем, является ли выбранная клетка (i, j) запрещенной или нет (то есть изучается ли i -ая дисциплина в j -ом семестре). Если она запрещенная, переходим к шагу 9.
- Шаг 5. Строим цикл, содержащий выбранную клетку (циклом в распределительной таблице называется ломаная линия, вершины которой расположены в занятых клетках таблицы, а звенья вдоль строк и столбцов, причем в каждой вершине цикла встречается ровно два звена, одно из которых находится в строке, а другое в столбце [8]). Начиная с выбранной клетки, нумеруем все вершины цикла и помечаем нечетные вершины знаком минус, а четные – знаком плюс.
- Шаг 6. Разумно считать, что объем часов самостоятельной работы должен быть больше нуля, а по возможности составлять не менее 10% от объема аудиторской нагрузки. Поэтому для клеток со знаком минус проверяем условие $x_{ij} > \min\{1; 0.1 \cdot A_i\}$, где A_i – объем аудиторских часов. Если условие не выполняется, переходим к шагу 10.
- Шаг 7. Вычитаем 1 из клеток со знаком минус и прибавляем к клеткам со знаком плюс. Получаем новое допустимое решение X_1 .
- Шаг 8. Вычисляем значение целевой функции $f_1 = f(X_1)$.
- Шаг 9. Сравниваем f и f_1 . Если $f_1 < f$, тогда $X := X_1$ и возвращаемся к шагу 7.
- Шаг 10. Если в распределительной таблице еще не все клетки просмотрены, то есть $i \leq m_2$ и $j < n$, переходим к следующей клетке (шаг 12), иначе – к шагу 13.

- Шаг 11. Если $j < n$, тогда $j := j + 1$. Иначе, если $i < m_2$, тогда $i := i + 1$, $j := 1$ и переходим к шагу 4. В противном случае возвращаемся к шагу 3.
- Шаг 12. Проверяем условие $|f - f_1| < \varepsilon$, где ε — некоторая заданная величина отклонения. Если условие не выполняется, переходим к шагу 3.
- Шаг 13. X — искомое оптимальное решение. Распределение часов самостоятельной работы выполнено.

Описанный выше алгоритм успешно реализован в электронных макетах рабочих учебных планов интегрированного пакета PLANU [9], [10]. На многочисленных семинарах, проводимых на базе Южно-Российского государственного университета экономики и сервиса и в других ВУЗах (в том числе МГУ им. Ломоносова, МГТУ им. Баумана, ЮФУ и др.), данный метод показал высокую эффективность при проектировании учебных планов по любым направлениям и специальностям.

Литература

1. “Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации”. Утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 07.02.2008. №Пр-212.
2. Электронный каталог государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (ФГОС ВПО). Режим доступа: http://www.edu.ru/db/portal/spe/archiv_new.htm свободный – Загл. с экрана.
3. Бахтин, А. Е. Дискретные задачи производственно-транспортного типа. / А. Е. Бахтин, А. А. Колоколов, З. В. Коробкова. – Новосибирск: Наука, 1978. – 160 с.
4. Хемди А. Таха. Введение в исследование операций, 7-е издание. Пер. с англ./ Хемди А. Таха – М.: Изд. дом «Вильямс», 2005. – 912 с.
5. Зоркальцев, В. И. Системы линейных неравенств. Учебное пособие./ И. В. Зоркальцев, М. А. Киселев. – Иркутск: ИГУ, 2007. – 99 с.
6. Черников, С. Н. Линейные неравенства. / С. Н. Черников. – М.: Наука, 1968. – 400 с.
7. Вентцель, Е. С. Исследование операций. / Е. С. Вентцель. – М.: Советское радио, 1972. – 552 с.
8. Грешилов, А. А. Прикладные задачи математического программирования: Учебное пособие. – 2-е изд. / А. А. Грешилов. – М.: Логос, 2006. -288 с.
9. Мальцев И.М. Развернутое руководство по использованию программного комплекса PLANU. [Электронный ресурс] / Лаборатория ММИС. – Режим доступа: <http://www.mmis.ru/Portals/0/Plany.pdf>, свободный– Загл. с экрана.
10. Как распределить часы самостоятельной работы по семестрам (2007). [Электронный ресурс] / Лаборатория ММИС. – Режим доступа: <http://www.mmis.ru/Portals/0/DOC/RCSRE.doc>, свободный– Загл. с экрана.

УДК 65.01

КРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СРЕДСТВАМИ КОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ CRISIS MANAGEMENT WITH COGNITIVE MODELING

Колесников А.П., Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса, аспирант кафедры информационных систем и радиотехники.

Kolesnikov A.P., Shakhty, South Russia State University of Economics and Service, graduate student of the department « Information systems and Radio engineering».

e-mail: kolesnikoff86@gmail.com

Аннотация: Рассмотрено применение когнитивного подхода в кризисном управлении предприятием.

Annotation: The application of a cognitive approach to the crisis management of the enterprise is considered.

Ключевые слова: кризис, когнитивное моделирование, когнитивная карта.

Key words: crisis, cognitive modeling, cognitive map.

В настоящее время своевременное получение достоверной информации, ее быстрый анализ и выразительное представление результатов стали важнейшими предпосылками успешного управления. Это особенно актуально в условиях кризиса, причем кризис понимается в широком смысле как некое «состояние, при котором существующие средства достижения целей становятся неадекватными, в результате чего возникают непредсказуемые ситуации и проблемы» [1]. В таких ситуациях от скорости реакции на кризисное событие и от слаженности действий зависит, будет ли найден выход из сложившейся ситуации, либо компания будет разрушена при первой же опасности.

Актуальность темы обусловлена тем, что вне зависимости от экономической ситуации, отрасли и масштабов деятельности, времени присутствия на рынке, опыта и профессионализма менеджеров и многих других индивидуальных факторов с кризисами сталкиваются абсолютно все организации. В условиях нестабильной российской экономики важность изучения вопросов антикризисной управленческой стратегии приобретает существенную значимость. Например, по данным Росстат доля убыточных предприятий в России на начало 2012 года составила 34%. Таким образом, актуальность изучения проблем антикризисного управления достаточно высока, в особенности для отечественных предприятий.

Удобным и оперативным способом кризисного управления является анализ и моделирование таких ситуаций, используя когнитивный подход, и дальнейшее планирование развития. Это позволяет комплексно решать такие задачи как [2]:

- мониторинг внутренних и внешних ситуационных факторов, определяющих текущее состояние организации;
- оценка реальных и потенциальных перспектив, выработка и обоснование возможных направлений развития в зависимости от внутренних и внешних условий и прогноз при долгосрочном прогнозировании и стратегическом планировании;
- определение возможных механизмов восстановления деятельности фирмы и планирование ее непрерывного функционирования.

Когнитивный подход к анализу и моделированию сложной проблемной ситуации позволяет дать описание внутренней структуры исследуемой ситуации и различных процессов, протекающих в ней, а также их взаимодействие и взаимозависимости с внешним миром, выявить влияния внешней среды и происходящих в ней изменений на управление ситуацией [2]. Данный подход также позволяет выявить угрозы и возможности их снижения. На основе полученных знаний осуществляется принятие обоснованных решений, управление происходящими процессами в ситуации и минимизация возможности проявления неблагоприятных событий.

Весь процесс моделирования и прогнозирования можно разделить на несколько этапов, показанных на рисунке 1.

Рисунок 1 – Этапы кризисного управления

На первом этапе осуществляется анализ имеющейся информации с целью установления причинно-следственных взаимосвязей между основными показателями (понятиями, параметрами, факторами) ситуации.

В процедуре извлечения знаний участвуют аналитик – специалист в области инженерии знаний и эксперт, от которого требуется получить знания.

Получение знаний осуществляется с помощью любых существующих методов извлечения знаний, которые можно разделить на пассивные и активные [3,4]. Пассивные методы заключаются в том, что главная роль в извлечении знаний отдается эксперту, а аналитик отвечает за процесс сохранения и систематизации полученных результатов. В активных методах извлечения знаний аналитик составляет сценарии сеансов извлечения знаний и в большей степени управляет всем процессом, нежели эксперт. Эти методы наиболее распространены в сфере инженерии знаний.

Результатом первого этапа является некоторый набор внешних и внутренних показателей ситуации и информация о связях между ними. От того насколько точно выявлены факторы и определены связи между ними, зависит правильность протекания последующих этапов.

На втором этапе на основе полученной информации осуществляется построение когнитивной модели ситуации. Когнитивная модель представляет собой знаковый оргграф, где узлами являются показатели, а связи между узлами определяют взаимосвязь между показателями. При построении когнитивной матрицы определяется, какой из факторов является причиной, а какой следствием. При установлении влияния определяется усиливающее или ослабляющее действие окажет фактор-причины на фактор-следствие. Чаще когнитивная карта представляется в виде взвешенного графа, в котором ребрам сопоставляются веса в той или иной шкале, что позволяет определить не только, какое воздействие окажет один фактор на другой, но и насколько изменится значение фактора-следствия.

Выделяется несколько методов построения когнитивных карт [5]:

1. Самый быстрый способ: когнитивную карту строит лицо, принимающее решение (ЛПР) на основе только своих знаний и представлений. Эффективность зависит от квалификации ЛПР.
 2. Построение когнитивных карт на основе изучения документов. Этот метод достаточно удобен, однако изучение документов экспертами - процесс довольно трудоемкий.
 3. Построение когнитивных карт на основе опросов группы экспертов, имеющих возможность оценивать причинные связи. Данный метод позволяет объединять индивидуальные мнения, а также основывается на большем диапазоне оценок, чем можно извлечь из изучаемых документов.
 4. Построение когнитивных карт, основанное на открытых выборочных опросах. Его достоинством является возможность вести активный диалог с источниками информации.
- Далее проводится проверка истинности когнитивной модели. Данную проверку возможно осуществить путем имитации ситуации, которая возникла ранее, для которой известны

предпосылки и известны последствия [6]. В качестве еще одного метода проверки предлагается экспертный подход к верификации карт, моделей ситуаций и результатов имитационного моделирования [7]. Данный подход предполагает снижение роли рисков из-за человеческого фактора при моделировании ситуаций на основе формальных когнитивных карт.

В случае если построенная когнитивная модель не проходит проверку, то либо неверно были расставлены веса дуг, либо ошибка была допущена на первом этапе в процессе выявления факторов. Т.о. если корректировка весов дуг не дает положительного результата, то необходимо вернуться к начальному этапу и пересмотреть выявленные факторы.

От степени истинности построенной когнитивной модели зависит, насколько успешным окажется кризисное управление. Некорректная модель способна привести к негативным последствиям и еще больше усугубить положение организации.

На третьем этапе происходит отслеживание изменений показателей. Значения показателей могут браться из различных источников: вводиться вручную, из документов, из баз данных или Интернет. В случае с Интернет возможно использование системы агентов, которые бы отслеживали в реальном времени изменения показателей, используя различные аналитические Интернет-ресурсы, и сообщали бы об этом системе, использующей модель.

На заключительном этапе производится анализ сложившейся ситуации и поиск оптимального решения по выходу из ситуации, изменение показателей, которые компенсируют негативное влияние, выравнивая или улучшив ситуацию.

Для качественного управления и организации непрерывного ведения бизнеса необходимо постоянно следить за изменением показателей, поэтому третий и четвертый этапы должны выполняться непрерывно.

Если обеспечить связь модели с системой прогнозирования, то возможно заблаговременно узнавать о возможном изменении ситуации, а следовательно и спрогнозировать последствия данного изменения, что позволит успеть минимизировать возможные риски, выработав оптимальную стратегию.

Т.о. результатом описанных этапов является выработка стратегии целенаправленного развития организации на основе когнитивной модели, где внутренние факторы взаимодействуют с моделью внешней среды. Цель такого моделирования – определить совокупность движущих сил во внешней ситуации и выявить, что будет способствовать, а что препятствовать целенаправленному развитию организации.

Следовательно, применение когнитивного анализа и моделирования способствует стратегическому управлению развитием организаций в нестабильной внешней среде. Оно позволяет в сложных и неопределенных ситуациях быстро, комплексно и системно охарактеризовать и обосновать сложившуюся ситуацию и на качественном уровне предложить пути решения проблемы в этой ситуации с учетом факторов внешней среды.

Литература

1. Глоссарий.ru: Целевое управление [Электронный ресурс] // Служба тематических толковых словарей. – Режим доступа: http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?R1dWlriup!sgwqlyotj – Загл. с экрана.
2. Макаренко, Д.И. Интегрированный информационно-аналитический комплекс для ситуационного анализа социально-экономического развития региона: доклад на Конференции «Законодательство, информатизация и современные технологии» / Д.И. Макаренко, С.В. Качаев. – Ханты-Мансийск, 24-25 мая 2000 г.
3. Гаврилова, Т. А. Активные индивидуальные методы извлечения знаний и данных // Enterprise Partner. – 2001. – № 21 (38).
4. Гаврилова, Т. А. Извлечение знаний: «пассивные» методы // Enterprise Partner. – 2001. – № 11 (28).
5. Трахтенгерц, Э.А. Компьютерная поддержка принятия решений: Научно-практическое издание. Серия «Информатизация России на пороге XXI века» / Э.А. Трахтенгерц. – М.: СИНТЕГ, 1998
6. Максимов, В.И. Когнитивный анализ и моделирование сложных ситуаций / В.И. Максимов, Е.К. Корноушенко, С.В. Качаев // Сборник «Современные технологии управления для администраций городов и регионов. Сборник докладов». Фонд «Проблемы управления». – Москва, 1998
7. Абрамова, Н.А. Экспертная верификация при использовании формальных когнитивных карт. Подходы и практика // Управление большими системами. – 2010. – № 30.1. – С. 371–410.

УДК 648.322

**УСТРОЙСТВО СНИЖЕНИЯ ВИБРАЦИИ ПРИ ОТЖИМЕ В СТИРАЛЬНЫХ
МАШИНАХ БАРАБАННОГО ТИПА**

**DEVICE FOR REDUCING VIBRATION WHEN SQUEEZING IN DRUM TYPE
WASHING MACHINE**

Алехин С.Н. г. Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса, кандидат технических наук, профессор кафедры машин и оборудование бытового и жилищно-коммунального назначения

Alekhin S.N., «The South-Russia State University of Economics and Service», professor of "Machinery and equipment for household and housing and communal services"

e-mail: alex_cn@mail.ru

Кузнецов А.Е., Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса, аспирант кафедры машин и оборудования бытового и жилищно-коммунального назначения

Kuznetsov A.E., Shakhty, Rostov region post – graduate student of the department "Machinery and equipment for household and housing and communal services"

«The South-Russia State University of Economics and Service»

e-mail: kuznetsov_ae@ro.ru

Алехин А.С, Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса», аспирант кафедры машин и оборудования бытового и жилищно-коммунального назначения

Alekhin A.S, . Shakhty, Rostov region post – graduate student of the department "Machinery and equipment for household and housing and communal services" «The South-Russia State University of Economics and Service»

e-mail: alex_cn@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается конструкция стиральной машины позволяющая более эффективно снижать колебания стиральной машины при отжиме

Abstract: This article discusses the design of the washing machine allowing more effectively reduce vibration washing machine during the spin cycle.

Ключевые слова: стиральная машина, вибрация, режим отжима.

Keywords: washing machine, vibration, spin cycle.

Стиральные машины давно стали неотъемлемой частью не только в домашнем хозяйстве, но и в сфере коммунальных услуг. Самыми распространенными и совершенными стиральными машинами являются машины барабанного типа, позволяющие выполнять

функцию стирки и отжима белья в одном барабане. Однако, машины данного типа являются наиболее виброактивными изделиями бытовой и коммунальной техники.

В современных стиральных машинах для устранения этой проблемы применяют различные конструктивные решения, однако они не всегда позволяют эффективно бороться с вибрациями машин.

Авторами данной статьи было разработано конструктивное решение, позволяющее более эффективно снижать колебания стиральной машины при отжиме.

Предлагаемая стиральная машина (Рис 1) состоит из корпуса и бака, в котором на опорах с возможностью вращения, размещен барабан; системы подвески, состоящей из упругих элементов и гасителей колебаний (демпферов), устройства определения частоты вращения барабана при отжиме, устройства для выполнения логических и вычислительных операций. Машина дополнительно снабжена винтовой плоской пружиной, заключенной в корпус винтовой плоской пружины, жестко соединенный с валом стирального барабана кольцевым тормозным устройством, рабочая поверхность которого сопрягается с цилиндрической поверхностью корпуса винтовой плоской пружины. Для управления тормозным устройством машина имеет управляемый электромагнитный привод. Промежуточный вал закреплен одним концом к опоре плоской винтовой пружины, а другим – с приводом вращения барабана. Неподвижный соленоид соединен с подвижным подпружиненным якорем, при этом подвижный подпружиненный якорь сопрягается с промежуточным валом через шлицевое соединение, а торцевая часть подвижного якоря, обращенная к корпусу винтовой плоской пружины, имеет фланцевые выступы, сопрягаемые с прорезями, выполненными на боковой поверхности корпуса винтовой плоской пружины, обращенной к подвижному якорю, при этом промежуточный вал снабжен опорой качения.

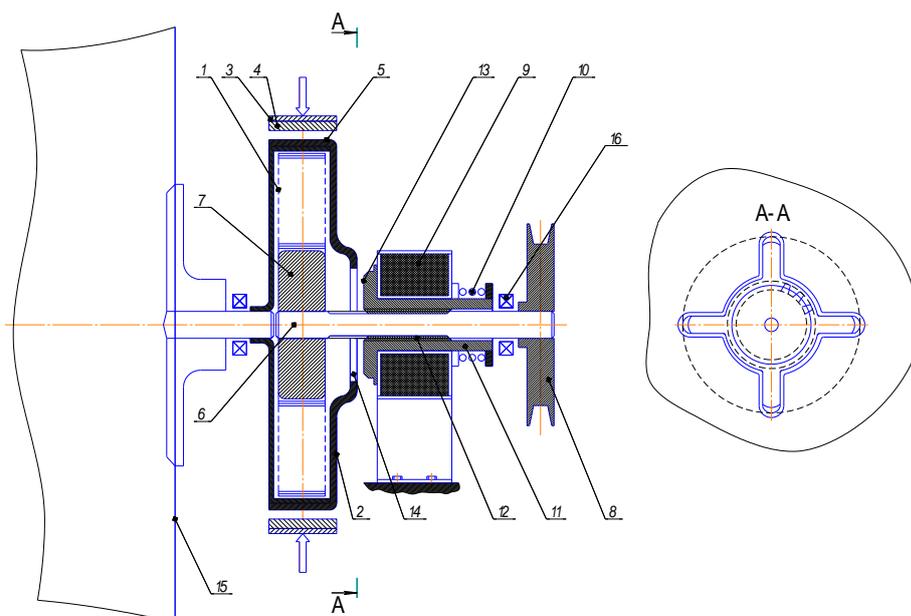

Рисунок 1. Схема устройства снижения вибрации стиральной машины

Принцип работы стиральной машины с таким конструктивным решением заключается в следующем.

Перед пуском привода в режим отжима, включается управляемый электромагнитный привод тормозного устройства 3. Рабочая поверхность 4 которого при этом прижимается к цилиндрической поверхности 5 корпуса винтовой плоской пружины 2, тем самым фиксируется корпус винтовой плоской пружины 2 от вращения. Промежуточный вал 6 вращаясь, закручивает винтовую плоскую пружину 1. Через расчетное время закручивания винтовой плоской пружины вырабатывается сигнал на включение соленоида 9, при этом якорь 11 соленоида фланцем 13 заводится в боковые прорези 14 корпуса винтовой плоской пружины 2 и ввиду наличия шлицевого соединения 12 с промежуточным валом 6, замыкая винтовую плоскую пружину 1 в корпусе 2 в закрученном состоянии. После замыкания пружины 1 тормозное устройство 3 обесточивается и корпус пружины 2 свободно вращается со скоростью промежуточного вала 6, при этом вращающий момент передается от привода 8 к вращаемому барабану 15 через промежуточный вал 6, и корпус плоской винтовой пружины 1.

Далее выполняется увеличение частоты вращения барабана до момента, когда его частота вращения Ω_1 приблизится к частоте начала резонанса ω_1 .

При условии $\Omega_1=(0,7\dots 1)\omega_1$, вырабатывается сигнал на отключение неподвижного соленоида 9, якорь 11 которого при этом под действием винтовой плоской пружины 10 сместится, вдоль промежуточного вала 6 выводя фланцевые выступы 13 из прорезей 14 в боковой поверхности корпуса. При этом промежуточный вал 6 будет продолжать вращаться, а винтовая плоская пружина 1 раскручиваясь создаст дополнительное ускорение частоты вращения барабана. Увеличение ускорения разгона барабана в соответствии с теорией колебаний [1] приводит к снижению резонансных колебаний.

После завершения отжима частота вращения уменьшается до верхнего предела зоны резонанса, и с приближением к моменту начала резонанса $\Omega_3=4/3\omega_2$ включается тормозное устройство 3, увеличивая ускорение снижения частоты вращения барабана, что также позволяет снижать резонансные колебания системы.

По окончании отжима все детали устройства переходят в исходное состояние.

Таким образом, предлагаемое конструктивное решение стиральной машины барабанного типа обеспечивает эффективное снижение виброактивности стиральной машины при отжиме, имеет простое конструктивное исполнение, в сравнении с известными конструкциями [2], [3] и отличается малыми габаритными размерами.

Литература

1. Вибрация в технике: Справочник. В 6-ти т. / Ред. Совет: В.Н. Челомей (пред.). – М.: Машиностроение, 1978 – Т. 1. Колебания линейных систем / Под ред. В.В. Болотина. 1978. 352 с., ил.

2. RU № 2367735, С1, Кл. D06F 37/20, Способ преодоления резонанса в стиральной машине барабанного типа / Алехин Сергей Николаевич, Алехин Алексей Сергеевич, Махов Дмитрий Петрович. Опубликовано 20.09.2009.
3. RU № 2394954, С1, Кл. D06F 33/02, *Стиральная* машина барабанного типа / Сарада Кийоси, Фудзии Хироюки, Номура Хиройоси, Иноуе Хироюки, Тераи Кендзи. Опубликовано 27.04.2009

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ
PEDAGOGIGS AND PSYCHOLOGY

УДК 159.9.075

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ВАЖНОГО
ЖИЗНЕННОГО СОБЫТИЯ

AN EMPIRICAL STUDY OF THE PSYCHOLOGICAL STRUCTURE OF IMPORTANT
LIFE EVENTS

*Зуев Д.А., Волгоградский государственный университет, ассистент кафедры
психологии*

Zuev D.A., Volgograd state university, assistant of department of psychology

e-mail: denisalex@list.ru

Аннотация: В работе описывается методология эвристического феноменологического исследования в социальной психологии и описаны результаты конкретного проведенного исследования структуры важного жизненного события, в рамках концепции субъективных репрезентаций. На основе эмпирических данных сформулировано функциональное определение важного жизненного события и описана его психологическая структура.

Annotation: In work the methodology of heuristic phenomenological research in social psychology is described and results of the concrete carried-out research of structure of, within the concept of subjective representation are described. On the basis of empirical data functional definition of an important life event is formulated and its psychological structure is described.

Ключевые слова: важные жизненные события, методология психологического исследования, феноменология, эвристика, субъективные репрезентации.

Key words: an important life event, the methodology of psychological research, phenomenology, heuristic, the subjective representations.

Тема взаимосвязи человека и ситуации всегда остается актуальной в социально-психологических исследованиях, поскольку и человек включая ментальные структуры и психологические характеристики, и сама ситуация подвержены постоянным изменениям. Л. Росс и Р. Нисбетт выделили три фундаментальных принципа социальной психологии в изучении взаимосвязи человека и ситуации, следование которым помогает исследователям предсказывать поведение человека. Принцип ситуационизма, разрабатываемый К. Левиным и его последователями, предполагает, что на поведение человека влияет непосредственная социальная ситуация. Принцип субъективной интерпретации, названный Л. Россом и Р. Нисбетом английским словом «construal», утверждает о том, что воздействие любой

“объективно” стимулирующей ситуации зависит от личностного и субъективного значения, придаваемого ей человеком [3]. Третий принцип – представление о напряженных системах, следует понимать таким образом, что человек и ситуация являются сложными системами, находящимися в постоянном напряжении, готовыми к изменениям. Соответственно для понимания взаимосвязи человека и ситуации, требуется учитывать множество одновременно сосуществующих факторов (К. Левин).

Такой исследовательский взгляд требует выделения единиц анализа, включенных в систему «человек-ситуация». На наш взгляд одной из таких единиц должна выступать категория жизненного события. В соответствии с пониманием события в различных науках, оно всегда объективно исчисляемо, то есть всегда можно говорить о месте и времени происхождения события, даже если событие предполагаемое, которое только произойдет, мы все же прогнозируем где и когда оно случится, опираясь на некие условия (Ж. Делез, М. Хайдеггер, В. Лефевр и др.). Другая, более важная для психологии характеристика события – субъектность. Это значит, что событием субъект называет конкретную точку во времени, на которую направлено его сознание и деятельность (А.Ф. Филиппов, К.Дж. Фицпатрик, Ю.М. Резник, Е.А. Смирнов, Ф.Е. Василюк и др.). Кроме того, такое выделение точек жизненного пространства человеком, указывает на то, что событие это всегда продукт рефлексии.

Обращаясь к психологическим теориям изучения системы «человек-ситуация», в поле зрения попадают понятия критической, экстремальной, кризисной и других ситуаций, которые часто объединяются в категорию «трудной жизненной ситуации». Некоторые авторы отмечают, что ситуация представляет собой череду событий, одно из которых может быть ключевым в развитии ситуации, например стихийное бедствие, катастрофа, потеря работы и др. (А.А. Бодалев, А. Первин, Д. Магнуссон, Дж. Форгас и др.). Однако многие исследователи не проводят различий между понятиями ситуация и событие. Хотя на наш взгляд такая разница очевидна и, в первую очередь, это связано с тем, что некоторые события определяются человеком как важные и выступают психологической опорой развития жизненной ситуации.

Придерживаясь такой позиции, Л.Ф. Бурлачук и Е.Ю. Коржова отмечают, что объяснять поведение следует в рамках ситуационно-поведенческих связей на основе психологических процессов, а не сугубо в рамках ситуационных или психологических факторов [1]. Данная точка зрения предполагает, что поведение человека подвергается изменениям в зависимости от типов событий и индивидуальных особенностей в совокупности.

Таким образом, актуальность исследования понятия важного жизненного события, заключается в его изучении как частного случая развития жизненной ситуации. Учитывая тот факт, что одни и те же события, происходящие в жизни людей, воспринимаются ими по-разному, следует полагать, что можно выделить психологическую составляющую рефлексии событий, которые становятся для человека важными. Исходя из этого, целью данной работы является эмпирическое изучение структуры важного жизненного события.

На первом этапе исследования нами было проведено теоретическое исследование категории важного жизненного события. В итоге проведенной работы нами были выделены четыре его структурных компонента:

- **эмоциональный** компонент представляет собой аффективную сторону переживания важного жизненного события и представлен всем спектром эмоциональных реакций человека (З. Фрейд, К. Фитцпатрик, Ф.Е. Василюк, Р. Эрард, Е.П. Ильин, К. Изард и др.);
- **когнитивный** компонент понимается как осмысление важных жизненных событий на уровне наблюдения (восприятия), познания (смыслового конструирования) и творчества (переконструирования субъективной реальности) (В.П. Зинченко, Дж. Кантор, Дж. Мандлер, М. Минский, Р. Солсо, Э. Берн и др.);
- **поведенческий** компонент характеризуется активностью личности относительно важных жизненных событий, проявляемую через реактивность и деятельность, в целях адаптации к окружающему миру и его созидательного конструирования (Б. Скиннер, Р. Шнайтер, П.К. Анохин, А. Катанья, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев и др.);
- **экзистенциальный** компонент представляет собой взаимодействие внешней и внутренней реальности, то есть переживание важных жизненных событий в рамках ценностного, мотивационно-потребностного и смыслового отношения к ним (В. Франкл, К. Роджерс, А. Маслоу, Д.А. Леонтьев и др.).

Кроме того, опираясь на общее философское понимание события, следует выделить еще две важные его характеристики. Первая – рефлексия, то есть событие всегда отрефлектировано, или если говорить о будущих событиях, то выдуманно или запланировано, в общем, оно всегда субъективно явно представлено сознанию (М. Хайдеггер, Э. Гуссерль, П. Рикер, Р. Арон, А. Бергсон и др.). Рефлексия, как характеристика события тесно связана со второй его важной характеристикой – пространственно-временной локализацией события. На психологическом уровне, пространство и время событий в жизни конкретного человека, определяют его отношение к прошлому, настоящему и будущему на жизненном пути в целом (К.А. Абульханова-Славская, Ф. Зимбардо, Дж. Бойд, А.А. Кроник, Г. Вудроу).

На основе описанных выводов теоретического изучения важного жизненного события, нами было дано его функциональное определение, то есть это отрефлектированное, имеющее место в жизни человека событие, оставляющее эмоциональный след, обогащающее его опыт, определяющее активность дальнейшей жизнедеятельности и наделенное экзистенциальным смыслом.

Поскольку приведенные выводы сделаны на основе теоретического изучения, перед нами возник вопрос, как важное жизненное событие представлено в сознании человека, то есть в рамках гипотезы, мы предположили, что рефлексивная структура важного жизненного события, у разных людей может отличаться. Для подтверждения гипотезы нами было спланировано качественное эмпирическое исследование. Для анализа данных был выбран эвристический подход феноменологического исследования. Выбор данного подхода обусловлен тем, что эвристический вариант психологического исследования, предполагает

наиболее короткий путь «нахождения», или «открытия» субъективных смыслов. Как отмечает О. Кисс, «целью эвристического исследования должно быть описание паттернов мышления и способов возникновения субъективного знания» [7]. И. Лакатос описывал эвристическое исследование по аналогии с математической логикой, то есть разработкой неких формул и оперирование ими с целью поиска «неизвестных» переменных.

В целом в психологии, эвристическое исследование представляет собой набор правил, позволяющий изучать субъективные смыслы человека, точнее то, как люди выносят суждения, решают задачи и личные проблемы, как правило, еще не знакомые для человека, или в условиях отсутствия полной информации о явлении или событии [6].

Эмпирические данные, которые подвергаются эвристическому анализу, как отмечают Д. Канеман и Ш. Фредерик, представляют собой подмену объективно существующего явления или события личностным смыслом [6], то есть собственно следует говорить именно об имплицитных теориях относительно этого явления или события.

Кроме того, как предлагал У. Мустакас [8], эвристическое исследование имеет следующие характеристики:

1. Эвристическое исследование направлено на открытие смыслов и сущности важных аспектов индивидуального опыта человека.

2. Эвристическое исследование обнаруживает и раскрывает опыт индивида в его полноте и подходит к нему непредвзято.

3. Познание индивидуального опыта совершается спонтанно, без привязки к ограничивающим свободу самовыражения формальным гипотезам.

4. Свобода в исследовательском процессе – неременное условие эвристического направления. Свобода подразумевает высокую степень гибкости.

5. В эвристическом исследовании эстетические и художественные аспекты сочетаются с вниманием к когнитивным структурам. [8]

«Конечной целью является исследование данных посредством их творческого комбинирования, отбора и сортировки, внимания к незначительным на первый взгляд деталям, к многослойности смыслов. Это исследование ради синтеза, достигаемого пониманием того, что скрыто в самой сущности исследуемого феномена» [8].

На уровне программы эвристического исследования, А.Ю. Черновым выделено три его компонента: систематизация, деконструкция, реконструкция. *Систематизация* состоит в тщательном описании уже существующего понимания смысла исследуемого феномена. Такое описание может быть ограничено рамками психологии или иметь междисциплинарный характер. В любом случае оно необходимо, так как только детальное погружение в содержание изучаемого предмета обеспечивает необходимый уровень рефлексии исследователя. Систематизация, как компонент программы качественного эвристического исследования, имеет функцию запуска и поддержки рефлексивных процессов самого исследователя [4].

Деконструкции как компоненту исследовательской программы отводится критическая функция. Е. Гурко отмечает, что деконструкция переносит акцент в описании и анализе

феномена на процесс производства смыслов [2]. А.Ю. Чернов говорит о том, что деконструкция в эвристическом психологическом исследовании предполагает следование некоторым принципам:

1. Деконструкция не может рассматриваться как метод; ее суть – осмысление происхождения и использования понятий и смыслов.
2. Деконструкция не является критикой, симптомом нигилизма.
3. Деконструкция не сводится к лингвистико-грамматической или семантической модели.
4. Исследование предполагает диалог между «старыми» и «новыми» смыслами.
5. Исследователь и изучаемый феномен выступают как единая система, своеобразный «интертекст» [4].

Последний компонент эвристического исследования – *реконструкция*, функция которой заключается в представлении исследуемого феномена в той мере полноты, которая может быть доступна исследователю в ходе его работы. Целью реконструкции является построение модели исследуемого переживания или опыта. Таким образом, результатом эвристического исследования должно стать построение итоговых моделей, которыми могут быть: «модель структуры», «модель функций» и «типологическая модель» [4].

Ход и результаты исследования. В соответствии с описанной программой эвристического исследования, ее первый этап – систематизация, описан как теоретическое исследование рефлексивной структуры важного жизненного события в первой части данной работы. Далее нами была проведена работа по сбору данных. Перед респондентами ставилась задача – дать собственное определение важного жизненного события, как они его понимают. В общей сложности было собрано 64 определения.

Методологически, анализ полученных определений, представляет собой реализацию второго этапа эвристического исследования, то есть «раскрытие» смыслов, которые респонденты вкладывали в определение важного жизненного события. Такое «раскрытие», на наш взгляд является возможным, через сравнение имплицитных определений с разработанным нами теоретически.

В первую очередь, на наш взгляд интересно отметить то, что 61 респондент связали важное жизненное событие со словами «изменение», «перемена», «видоизменение», «по-другому», «переворачивает». Например, одно из определений выглядит следующим образом: «Это событие, после которого в жизни человека что-то кардинально меняется, его образ жизни в основном!» Упоминание этих слов подтверждает то, что важное жизненное событие всегда отрефлексировано, то есть представлено сознанию жизненным явлением, над которым человек глубоко задумывается. В определениях других респондентов, ключевыми выражениями были: «...создает эмоциональное потрясение», «ступень к определенному этапу в жизни» и «...переходит из одного статуса в другой», что, кстати, не исключает рефлексивной составляющей важного жизненного события, а скорее в большей степени ее подтверждает. Эти определения представлены ниже.

«Важное жизненное событие – это событие, которое создает эмоциональное потрясение и особенно влияет на дальнейшую жизнь, в том числе с изменением личных качеств».

«Важное жизненное событие – ступень к определенному этапу в жизни человека».

«Важное жизненное событие, это то, что происходит с человеком когда, скажем так, он переходит из одного статуса в другой. Важное жизненное событие предвещает этот переход!»

Как видно из приведенных примеров, большинство респондентов, связали важное жизненное событие с некой этапностью, то есть оно выступает, в некотором смысле как «check-point», или «точка отсчета», после которой собственно и происходят ожидаемые или неожиданные изменения. Однако сами изменения, определяются респондентами по-разному, точнее затрагивают различные психологические сферы, среди которых выделяются изменения в: ценностях, установках, взглядах, образе жизни, статусе, личных качествах, жизненном пути, ходе существования, будущем, то есть изменения во временном контексте. Такие различия определений дают нам возможность говорить об имплицитных различиях рефлексивной структуры важного жизненного события респондентов. К таким определениям относятся например: «важное жизненное событие – событие видоизменившее ценности и установки человека», «важное жизненное событие – событие, которое позитивным или негативным образом выделяется на фоне обычной жизнедеятельности человека, меняет его ценности, мировоззрение, вызывает какие-либо эмоции, является значимым для него. Важные события индивидуальны для каждого человека».

Выделение различий индивидуальных психологических характеристик предполагает обращение к третьему компоненту эвристического исследования, к реконструкции. Иначе говоря, от нас требуется составить модель имплицитной структуры важного жизненного события. Для этого были сопоставлены выделенные нами ранее его структурные компоненты, с описанным пониманием важного жизненного события респондентами, другими словами, его рефлексия в субъективной и временной структуре. Используя наше функциональное определение, мы сравнивали с ним высказывания респондентов, относя их к тому или иному структурному компоненту. Следует обратить внимание, что временное измерение важного жизненного события мы учитывали только в случае точного упоминание времени в определении, без неких косвенных отсылок.

Наиболее интересными из полученных определений нами выделены три из них, анализ которых представлен ниже.

1. «Важное событие в жизни – думаю, что это событие, которое полностью переворачивает твою жизнь, то есть все может встать "вверх тормашками", ты даже и не думаешь, что оно может резко повернуть твою жизнь, но так и происходит». В данном определении респондента, нами выделены два компонента – эмоциональный, который характеризуется фразой «все может встать "вверх тормашками", ты даже и не думаешь», и экзистенциальный – «полностью переворачивает твою жизнь». Когнитивный компонент нами здесь не обнаружен, поскольку он предполагает элемент планирования, но в этом

определении мы находим его антитезис – «не думаешь, что оно может резко повернуть твою жизнь, но так и происходит». Также здесь не обнаружено проявление некой активности, которая определяется нами в поведенческом компоненте. Отсылки ко времени происхождения события также нет, поэтому временного измерения нами не отмечено.

2. «Важное жизненное событие – событие, вызвавшее эмоциональный (в моем случае – творческий) подъем (вдохновение)». Интерес, который вызвало у нас данное определение, заключается в том, что с одной стороны здесь явно указывается на эмоциональный компонент, то есть непосредственное переживание эмоций, относительно важного события. Однако уточнение «творческий», в большей степени относится к когнитивному, на уровне творческого познания окружающего мира и экзистенциальному, как построение экзистенциального смысла бытия, компонентам. В то же время само по себе понимание творчества, предполагает некую деятельную активность субъекта, что указывает на поведенческий компонент. Таким образом, в данном определении нами были выделены все четыре компонента структуры важного жизненного события. Относительно временной структуры, в данном определении опять же ничего не сказано и соответственно нами не включено во временную структуру. Однако слово «вызвавшее», на уровне проекции, в большей степени относится к прошлому, то есть можно предположить, что у данного респондента было некое важное жизненное событие, которое можно охарактеризовать в том понимании, как мы его описали.

3. «Важное жизненное событие – это то событие, которое, так или иначе, оставляет отпечаток на всей будущей жизни человека в целом (либо в психологическом, либо в физическом плане, либо в их совокупности)». В данном определении нас заинтересовала фраза «оставляет отпечаток» и в первую очередь «всплывает» ассоциация – «эмоциональный отпечаток», что указывает на эмоциональный компонент. В то же время, отпечаток можно понимать как некий стереотип, или установку, что следует охарактеризовать когнитивной составляющей понимания важного жизненного события. Во временной структуре, нами отмечено будущее время, поскольку дается уточнение «на всей будущей жизни», то есть человек, определяя важное жизненное событие, ориентирует его в будущее, где собственно и определяется субъективная «важность».

Хотя качественное исследование не позволяет выделять репрезентативных типологий личности, из приведенных примеров мы можем сделать вывод, что типологические различия в структуре рефлексии важных жизненных событий существуют. Для разных типов личности, в рамках конкретных событий, иерархия этой структуры различна. Данное утверждение является гипотетическим, для дальнейших исследований важного жизненного события, как самостоятельного феномена.

В результате проведенной работы, нами была разработана структура рефлексии важного жизненного события (Рис. 1).

Рис.1. Структура важного жизненного события.

Помимо описанной структуры, мы смогли отметить тот факт, что в основе практически всех определений лежит экзистенциальный компонент. Но даже при условии того, что хотя упоминание экзистенциального компонента и преобладает над остальными, для данного этапа исследования нам было важно узнать, действительно ли все они присутствуют в имплицитной структуре рефлексии важного жизненного события, что собственно подтвердилось. Относительно временной структуры, анализ показал, что упоминание всех трех временных измерения практически не различается, что подтверждает наше предположение о том, что важными жизненными событиями могут быть события и прошлого, и настоящего, и будущего.

Подводя итоги всей проведенной работы, мы имеем возможность отметить – в собственной жизни люди определяют важные жизненные события в первую очередь в экзистенциальном контексте, что явно согласуется с психологической теорией и психотерапевтическим подходом В. Франкла и его ученика А. Лэнгле. Также, на наш взгляд интересным оказалось то, что поведенческий компонент присутствует в определениях респондентов реже других. Мы это связываем с тем, что поведение, деятельность и в целом активность человека являются результатом работы когнитивной и эмоциональной сферы, на основе экзистенциальных смыслов, что во многом разработано в теориях А.Н. Леонтьева, Б. Скиннера, А. Бандуры и других.

В то же время, данная работа не позволяет нам однозначно говорить о психологических детерминантах представленной модели структуры рефлексии важного жизненного события, что является темой дальнейших исследований, с использованием более расширенных, статистически выверенных исследовательских методов.

Литература

1. *Бурлачук, Л.Ф.* Психология жизненных ситуаций : Учебное пособие / Бурлачук, Л.Ф., Е.Ю. Коржова. – М.: Российское педагогическое агентство, 1998. – 263 с.
2. *Гурко, Е.* Тексты деконструкции. Деррида Ж. *Differance* / Е. Гурко. – Томск: Издательство «Водолей», 1999. – 160 с.
3. *Росс, Л.* Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии / Росс, Л., Нисбетт Р., / Пер. с англ. В. В. Румынского под ред. Е. Н. Емельянова, В. С. Магуна. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 429 с.
4. *Чернов А.Ю.*, Качественный подход в психологическом исследовании / А.Ю. Чернов. – Волгоград: ВолГУ, 2008 – 340 с.
5. *Kahneman, D.* (2002). Representativeness Revisited: Attribute Substitution in Intuitive Judgment // *Heuristics and Biases: The Psychology of Intuitive Judgment* / Т. Gilovich, D. Griffin, D. Kahneman. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002 – P. 49–81.
6. *Tversky, A., Kahneman, D.* Judgment under uncertainty: Heuristics and biases // *Science*. – 1974. Т. 185. – № 4157. – С. 1124-1131.
7. *Kiss, O.* «Heuristic, Methodology or Logic of Discovery? Lakatos on Patterns of Thinking» // *Perspectives on Science*. – 2006. – vol.14, – № 3, – P. 302-317.
8. *Moustakas, W.F.* Heuristic research // *J.F.T. Bugental Challengers of Humanistic Psychology*. – New York: McGraw Hill. – 1967. – P. 38-52.

УДК 159.9.072

**РОЛЬ СВОЙСТВ СУБЪЕКТА В ФОРМИРОВАНИИ И СТАНОВЛЕНИИ СТРУКТУР
ИНТЕГРАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНОЙ
МОТИВАЦИЕЙ ВЫБОРА ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**
**ROLE OF PROPERTIES OF THE SUBJECT IN FORMATION AND FORMATION OF
STRUCTURES OF INTEGRATED IDENTITY OF STUDENTS WITH VARIOUS
MOTIVATION OF THE CHOICE OF HIGHER EDUCATION**

Коблева А. Л., ГОУ ВПО «Ставропольский государственный педагогический институт», кандидат психологических наук, доцент кафедры андрагогики.

Kobleva A. L., Stavropol state teacher training college, associate professor androgogic, candidate of psychological sciences

e-mail: ankobleva@yandex.ru

Аннотация: В российской психологической науке четко обозначилось оригинальное и перспективное научное направление по разработке теории интегральной индивидуальности и ее педагогическим аспектам.

Annotation: In the Russian psychological science the original and perspective scientific direction on development of the theory of integrated identity and its pedagogical aspects was accurately designated.

Ключевые слова: интегральная индивидуальность, мотивация, мотивация выбора профессионального образования, структура интегральной индивидуальности, акмеология, педагогика, педагогические условия, профессиональное самосознание.

Key words: integrated identity, motivation, motivation of a choice of professional education, structure of integrated identity, akmeology, pedagogics, pedagogical conditions, professional consciousness

Интегральная индивидуальность оказалась в фокусе интеграции наук о человеке и базисным основанием в постановке и решении проблем современного человекознания (Б. Г. Ананьев, А. В. Брушлинский, В. С. Мерлин, В. Ф. Ломов, С. Л. Рубинштейн).

Учение об интегральной индивидуальности берет начало в исследованиях С. Л. Рубинштейна. Он отмечал, что человеческая индивидуальность может быть рассмотрена как воедино связанная совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия. При этом С. Л. Рубинштейн понимал индивидуальность как многоярусное образование и утверждал, что «протекание психических процессов происходит на разных уровнях». Он предложил рассматривать индивидуальность человека в логических построениях ее разноуровневых свойств.

Другая предпосылка возникновения учения об интегральной индивидуальности фигурирует в трудах Б.Г. Ананьева. Применяя «язык» математической статистики, он пришел к выводу о необходимости подойти к человеческой индивидуальности со стороны целостности, внутренней замкнутости ее основных свойств.

В трудах Б.Ф. Ломова психологические свойства не сводятся ни к социальным, ни к биологическим и не находятся между ними. Психологические свойства как бы проникают и в те и в другие. Принадлежность человека ко многим системам так или иначе проявляется в его психологических качествах. (Б.Ф.Ломов, 1975, 1984).

Соотношение биологически детерминированных и социально обусловленных свойств и процессов – наиболее распространенный принцип иерархизации подсистем в науках о человеке.

Опираясь на теорию систем, В.С. Мерлин изображал интегральную индивидуальность как большую саморегулируемую и самоорганизующуюся систему, состоящую из разнопорядковых подсистем действительности. «Интегральная индивидуальность – это особый, выражающий индивидуальное своеобразие характер связи между всеми свойствами человека» (1996, с.20).

Используя «мета-язык» математики, В.М. Русалов убедительно показывает существование разноразной (избирательно-стохастической) зависимости индивидуально-психологических свойств темперамента от общих свойств нервной системы, с одной стороны, и индивидуально-психологических личностных образований от психодинамических параметров индивидуальности, – с другой [5].

Иной взгляд на эту проблему мы встречаем у А.В. Брушлинского. Следуя его логике, любая личность может быть объектом подлинного воспитания лишь постольку, поскольку она вместе с тем является субъектом этого воспитания, все более становящегося самовоспитанием [1].

Таким образом, сторонников указанных подходов к исследованию целостной индивидуальности объединяет мысль о том, что только системные исследования индивидуальности являются оптимальной стратегией интеграции данных о соотносимости разнообразных особенностей человека.

Если у истоков интегрального исследования индивидуальности в отечественной психологической науке стояли С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, В.С. Мерлин, А.В. Брушлинский, то в настоящее время этот подход успешно разрабатывается в трудах В.М. Русалова, В.В. Белоуса, Т.Ф. Базылевич, А.И. Щebetенко.

К познанию индивидуальности сложилось два неравнозначных подхода: редуccionистский и интегративный. Несмотря на одинаковую необходимость редуccionизма и интегратизма в решении задач исследовательского характера, оба принципа имеют разный теоретический смысл. «Редуccionизм «снизу» или «сверху», – пишет В.В. Белоус, – утверждает аддитивную стратегию исследования индивидуальности..., не идущей дальше описательного анализа сложноорганизованных объектов действительности» (В.В. Белоус, 1996). И далее «...интегратизм как научное направление постулирует изучение

человека во взаимовлиянии и взаимообогащении его составляющих компонентов» (там же). Именно этот принцип взят за основу в нашей научно-исследовательской работе. Такой принцип исследования интегральной индивидуальности опирается на соотношение объективного и субъективного и проливает свет на проблему влияния свойств субъекта деятельности на особенности становления структур интегральной индивидуальности человека в образовательной среде [6].

В настоящее время проблема психологии субъекта стала рассматриваться «общей для многих общественных, гуманитарных, отчасти биологических и технических наук (А.В. Брушлинский, 1998, с. 559). В работах К.А. Абульхановой-Славской активность внутреннего реализуется в исследованиях стратегии жизни (К.А. Абульханова-Славская, 1991). Л.А. Венгер установил несоответствие между теоретической деятельностью младших школьников и возрастными особенностями их интеллекта (теоретическая деятельность не приводит к появлению у малышей понятийного мышления и любая теоретическая задача решается на основе наглядных образцов, выполняющих функцию символа).

«Для развития личности, формирования ее субъективной позиции является необходимым создание условий, при которых человек сможет проявить в полной мере и удовлетворить свои потребности и интересы» [2]. «Проблема человека в окружающем мире всегда являлась ведущей, а в настоящее время она играет решающую роль в понимании современного мира, в связи с глубокими преобразованиями, затрагивающими все сферы и стороны человеческого бытия» [3].

Внутреннюю (субъективную) детерминацию в теории систем рассматривают основным условием сохранения целостности сложноорганизованных объектов действительности. Именно субъективная детерминация становится объяснением того, почему интегральная индивидуальность, реализуясь в действительности, не утрачивает своей функциональной инвариантности и не разрушается. Некоторый ответ на этот вопрос мы обнаруживаем в научных трудах Пермской и Пятигорской психологических школах.

К настоящему времени в Пермской психологической школе среди многочисленных и разнообразных свойств субъекта обстоятельно освещены индивидуальный стиль деятельности и общения, социально-нравственные аттитюды, высокозначимые личные или общественные мотивы обучения, педагогическое мастерство учителя. Проблема индивидуального стиля деятельности и общения как универсального опосредующего фактора развития много-многозначных связей интегральной индивидуальности успешно разрабатывается М.Р.Щукиным (1995), Б.А.Вяткиным и его учениками (2000), А.И.Щебетенко и его учениками (2001).

В Пятигорской психологической школе под руководством В.В.Белоуса интегральная индивидуальность человека также рассматривается в зависимости от свойств субъекта деятельности и общения (Ф.М.Шидакова, 1991; Т.В.Копань, 1996; С.Акур, 1999; Нгуен Кхак Тхан, 2003).

Так на принципах интегратизма и на студенческой выборке пересмотрены классические психологические типы экстравертов и интровертов; предпринята попытка

описать развитие структур интегральной индивидуальности студентов в зависимости от адаптированности к требованиям высшей школы [6].

В рамках сказанного становится ясно, какую актуальность приобретает выяснение влияния свойств субъекта на особенности становления структур интегральной индивидуальности студентов в образовательном пространстве. Однако до сих пор проблема становления интегральной индивидуальности студентов с различной мотивацией выбора высшего профессионального образования не ставилась и не решалась.

В предлагаемом труде сделан шаг к обоснованию структур интегральной индивидуальности студентов с высокой и низкой мотивацией выбора высшего профессионального образования на основе раскрытия взаимосвязи свойств нейродинамического, психодинамического, личностного и социально-психологического уровней.

В качестве рабочей гипотезы исследования выдвигается следующее положение: взаимосвязь разноуровневых свойств интегральной индивидуальности студентов 4-го курса варьирует в зависимости от особенностей субъекта деятельности, в частности от степени выраженности мотивации выбора высшего профессионального образования.

Цель и гипотеза исследования определили его задачи:

1. Раскрыть современное состояние учения об интегральной индивидуальности; рассмотреть важнейшие направления ее исследования; выяснить роль субъекта деятельности в становлении структур интегральной индивидуальности.
2. Выделить две группы студентов, различающихся мотивацией выбора высшего профессионального образования.
3. Отобрать методики по диагностике четырех уровней (нейродинамического, психодинамического, личностного и социально-психологического) интегральной индивидуальности и реализовать исследовательскую программу.
4. Описать структуры интегральной индивидуальности студентов с высокой и низкой мотивацией выбора высшего профессионального образования средствами поэлементного и системного анализов.
5. Сравнить структуры интегральной индивидуальности студентов с различной мотивацией выбора высшего профессионального образования и выявить в них общее и отличное.

Экспериментальное исследование проводилось среди студентов 4-х курсов Пятигорского государственного лингвистического университета.

У испытуемых с высокой и низкой мотивацией выбора высшего профессионального образования изучалась структура интегральной индивидуальности, что составило содержание второго этапа исследования. У высокомотивированных и низкомотивированных студентов диагностировались показатели 4-х уровней интегральной индивидуальности: нейродинамический уровень (опросник Я. Стреляу); психодинамический уровень (методика

ОСТ В.М. Русалова); личностный уровень (опросник Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной и А.М. Эткинды); социально-психологический уровень (опросник К. Томаса).

Статистическое сравнение структур интегральной индивидуальности студентов высокомотивированной и низкомотивированной учебных групп по отдельным показателям нейродинамического, психодинамического, личностного и социально-психологического уровней осуществлялось по t-критерию Стьюдента. Статистически значимые различия по отдельным показателям свойств четырех уровней интегральной индивидуальности между учебными группами с высокой и низкой мотивацией выбора высшего профессионального образования составляют всего 8%. Причем, эти различия касаются психодинамического и личностного уровня интегральной индивидуальности и отсутствуют на нейродинамическом и социально-психологическом уровнях.

Это говорит о том, что в структурах интегральной индивидуальности студентов обеих групп наблюдается высокая общность (92%). Более того, характеристика структур интегральной индивидуальности по критерию совпадающего диагноза и по t-критерию Стьюдента значительно расходится и является противоречивой.

Дальнейшая статистическая обработка полученных результатов осуществлялась с помощью дискриминантного анализа (линейная дискриминантная функция по О.М. Калинину).

С помощью линейного дискриминатора мы произвели сравнение структур интегральной индивидуальности высокомотивированных и низкомотивированных студентов по интегральным показателям-дискриминаторам нейродинамического, психодинамического, личностного и социально-психологического уровней порознь, по интегральному показателю-дискриминатору низших и высших уровней в отдельности и всех четырех уровней в целом.

Статистический анализ структур интегральной индивидуальности студентов с высокой и низкой мотивацией выбора высшего профессионального образования по интегральному показателю-дискриминатору отдельных уровней обнаружил значимые различия на четырех исследуемых уровнях интегральной индивидуальности в целом ($p < 0,001$).

Следовательно, поэлементная и системная характеристики интегральной индивидуальности студентов с различной мотивацией выбора высшего профессионального образования не совпадают.

В учебных группах по мотивации выбора высшего профессионального образования проявляются неперекрещивающиеся структуры интегральной индивидуальности студентов 20-22 лет. Конкретные и обобщенные особенности каждой интегральной индивидуальности студентов с высокой и низкой мотивацией выбора высшего профессионального образования могут быть выведены из результатов корреляционного и факторного анализов [4].

Взяв за основу матрицы интеркорреляций для каждой группы, мы провели факторный анализ по методу Терстоуна для каждой группы студентов в отдельности: высокомотивированная учебная группа и низкомотивированная учебная группа.

В факторе 1 наблюдается четкая взаимосвязь нейродинамики, темперамента и свойств личностного уровня. Причем, если судить по средней величине насыщенности низшего или высшего уровней значимыми факторными весами, то цементирующую роль в этом факторе играет личностный уровень интегральной индивидуальности. В связи с имеющимся материалом мы вправе фактор 1 обозначить «личностным» и считать его важнейшим организатором структур интегральной индивидуальности студентов высокомотивированной учебной группы.

Факторы 2 и 3, также будучи частичными по содержанию, представляют собой либо перевес низших уровней над высшими (фактор 2), либо, наоборот, перевес высших уровней над низшими (фактор 3) по критерию средней величины насыщенности уровней значимыми факторными весами. По этой причине фактор 2 можно определить как «психодинамический», а фактор 3 – «социально-психологический».

Наконец, фактор 4 также частичный и в нем просвечивается определенный вклад высших уровней в сравнении с низшими. Судя по средней величине насыщенности уровней значимыми факторными весами, фактор 4 следует считать «социально-психологическим».

В исследовании удалось выявить, что структура интегральной индивидуальности студентов с высокой мотивацией выбора высшего профессионального образования определяется ведущей ролью высших уровней вообще, личностного и социально-психологического – в частности. Низший уровень приспособляется к направляющей деятельности высших уровней интегральной индивидуальности.

При определении характера межфакторных связей свойств интегральной индивидуальности выявлено, что у высокомотивированных студентов 18 ортогональных связей и 3 облических. Таким образом, межфакторные связи свойств интегральной индивидуальности высокомотивированной учебной группы носят ортогональный (зависимый) и облический (независимый) характер.

Установлено, что в структуре интегральной индивидуальности студентов с высокой мотивацией выбора высшего профессионального образования наблюдается перевес высших уровней над низшими и обнаруживается синтез ортогональных и облических зависимостей.

Факторный анализ структур интегральной индивидуальности у студентов с низкой мотивацией выбора высшего профессионального образования также обнаружил четыре значимых фактора, из них в трех факторах преобладают низшие уровни интегральной индивидуальности.

Фактор 1 наполнен (частично) участвующими уровнями интегральной индивидуальности: психодинамическим и личностным. В итоге мы имеем шесть показателей низшего и столько же показателей высшего уровней. Если это выразить в средних значениях насыщенности низшего и высшего уровней порознь значимыми факторными весами, то обнаружим определенное превалирование высшего над низшим. Это послужило основанием обозначить фактор 1 «личностным».

Фактор 2 представлен взаимосвязью нейродинамики, темперамента, личности и свойств социально-психологического уровня. В этой целостной организации разноуровневых

свойств интегральной индивидуальности студентов выделяются низшие образования и особенно – психодинамический уровень.

В факторе 3 прослеживается взаимосвязь по линии «организм – социально-психологическая детерминанта». В этом факторе наблюдается определенное преимущество низшего над высшим по средним значениям насыщенности уровней значимыми факторными весами. Поэтому есть все основания считать фактор 3 «нейродинамическим».

Фактор 4 является частичным и идентичным фактору 3 по средней степени насыщенности уровней значимыми факторными весами: низший уровень составляет 1,0, высший – 0,8. По этой причине фактор 4 является также «нейродинамическим».

Опираясь на вышеизложенные данные, мы обнаружили, что в проявлении структур интегральной индивидуальности низкомотивированной учебной группы ведущая роль отводится низшим (нейродинамическому и психодинамическому) уровням.

Перейдем к анализу межфакторных связей структур интегральной индивидуальности студентов с низкой мотивацией достижения высшего профессионального образования. В низкомотивированной группе респондентов выявлены ортогональные и облические межфакторные связи. Так ортогональными являются 18 показателей. К облическим структурам интегральной индивидуальности относятся 5 показателей. А это значит, что характер отношений между извлеченными факторными структурами интегральной индивидуальности в значительной степени подчиняются законам ортогональной (жесткой и однозначной) и в меньшей степени – облической зависимости.

Таким образом, структура интегральной индивидуальности студентов низкомотивированной учебной группы строится с позиции свойств низшего уровня. Судя по четырем извлеченным факторам, особенно ощутимой в конструировании интегральной индивидуальности выглядит роль организма (нейродинамический уровень) и ортогональных зависимостей.

Изучение интегральной индивидуальности студентов с высокой и низкой мотивацией выбора высшего образования показало, что организатором структуры интегральной индивидуальности студентов высокомотивированной учебной группы выступают высшие уровни, низкомотивированной учебной группы – низшие уровни. Во всех случаях наблюдается перевес ортогональных зависимостей над облическими, хотя и в разной степени [7].

Полученный фактический материал, его обработка и анализ позволяют сделать следующие общие выводы:

1. Статистический анализ структур интегральной индивидуальности студентов с высокой и низкой мотивацией выбора высшего профессионального образования выдал два достоверных различия: на психодинамическом и личностном уровнях. В остальных случаях наблюдается высокая общность в структурах интегральной индивидуальности студентов обеих групп по отдельным свойствам (92%). Межгрупповые статистически значимые различия составляют 8%.

2. Характеристика структур интегральной индивидуальности по критерию пропорциональности / непропорциональности, совпадающего / несовпадающего диагноза и по t-критерию Стьюдента в определенной степени расходится и тем самым является противоречивой. Это мы относим к неизбежным издержкам поэлементного анализа структур интегральной индивидуальности.

3. Сравнение продукции дискриминантного анализа позволяет констатировать статистически обоснованное наличие двух непересекающихся структур интегральной индивидуальности студентов с различной мотивацией выбора высшего профессионального образования. В группе с высокой мотивацией выбора высшего профессионального образования доминируют высшие, а в группе с низкой мотивацией выбора высшего профессионального образования – низшие уровни интегральной индивидуальности студентов. По уровням интегральной индивидуальности в целом также отчетливо прослеживается оптимальная согласованность свойств в группе с высокой мотивацией выбора высшего профессионального образования по сравнению с группой с низкой мотивацией выбора высшего профессионального образования. Полагаем, что данные показатели связаны с социально-психологическими условиями, определяющими формирование мотивации выбора профессии [8].

4. Факторный анализ структур интегральной индивидуальности студентов с высокой и низкой мотивацией выбора высшего профессионального образования определил, что организатором структуры интегральной индивидуальности студентов высокомотивированной группы являются высшие уровни, низкомотивированной группы – низшие уровни. Независимо от уровня мотивации выбора высшего профессионального образования в структуре интегральной индивидуальности студентов преобладают ортогональные зависимости, хотя и в разной степени.

5. Любая структура интегральной индивидуальности чувствительна к изменениям не только внешней среды, но и свойств субъекта деятельности, отражает их, не теряя при этом своей целостности.

Кроме того, кардинально изменяется подход к познанию студенческого возраста. До сих пор характеристика этого возраста строилась на поэлементной основе. Детально и обстоятельно изучались порознь анатомо-физиологические, индивидные, личностные и социально-психологические особенности студентов в образовательной среде. Это образец аддитивной стратегии анализа психологии студентов. Между тем педагог нуждается не столько в знании отдельных сторон возраста, хотя это важно и необходимо, сколько в знании их взаимодействия и взаимовлияния. Тогда интегральная характеристика возраста становится управляемой и, следовательно, оптимально развиваемой. Это уже образец неаддитивной стратегии исследования возраста вообще и студентов 20-22 лет в частности.

Литература

1. *Боязитова, И. В.* Проблемы интегративной психологии развития / И. В. Боязитова // Монография. - Москва - Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2004.
2. *Гончаров, В. Н.* Информатизация образования общества: фундаментальный аспект исследования информатики // Фундаментальные исследования. - 2012. - № 3-0. - С. 21-24.
3. *Колосова, О. Ю.* Антропологическое измерение глобальных проблем современности // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2009. - №1. – С. 126-131.
4. *Коблева, А. Л.* Взаимное влияние мотивации и стимуляции на становление структур интегральной индивидуальности у студентов гуманитарного вуза // Вестник ПГЛУ. - 2001. - №4.
5. Психология интегральной индивидуальности В. С. Мерлина и современность // Коллективная монография / Под ред. В. В. Белоуса, И. В. Боязитовой, А. И. Щебетенко - Москва – Пятигорск: Издательство РАО-ПГЛУ, 2008.
6. Системное познание индивидуальности человека // Коллективная монография / Под ред. В. В. Белоуса, И. В. Боязитовой. - Пятигорск, 2009, 2011.
7. *Коблева, А. Л.* Характеристика структур интегральной индивидуальности студентов с различной мотивацией выбора высшего профессионального образования: автореф. дис. ... канд. псих. наук: 19.00.07 / Анжела Лионтьевна Коблева. - Ставрополь, 2005. - 22 с.
8. *Лобейко, Ю. А.* Социально-педагогический мониторинг в аграрном вузе как способ оптимизации управления / В. А. Ивашова, В. Е. Таранова // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2006. - №12. – С. 56 – 58.

УДК 377

**РОЛЬ АКМЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА И РЕФЛЕКСИВНОЙ ПЕДАГОГИКИ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАНОВЛЕНИИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ**
**AKMEOLOGICHESKY'S ROLE OF THE APPROACH AND REFLECTIVE PEDAGOGICS
IN PROFESSIONAL FORMATION OF FUTURE TEACHER**

*Лобейко Ю. А., ФГБОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
доктор педагогических наук, профессор, декан факультета последипломного образования*

*Lobeyko Yu. A., Stavropol, Teacher training college of the North Caucasian federal
university, dean of faculty of postdegree education, doctor of pedagogical sciences, professor*

e-mail: lobeiko@inbox.ru

*Аннотация: В условиях непрерывных преобразований, происходящих в современной
системе образования и нестабильности социально-экономического развития России, весьма
серьезное значение придается повышению качества профессионального образования.*

*Annotation: In the conditions of the continuous transformations occurring in a modern
education system and instability of social and economic development of Russia, very serious value
is given to improvement of quality of professional education.*

*Ключевые слова: акмеология, педагогика, педагогические условия, профессиональное
самосознание.*

Key words: akmeology, pedagogics, pedagogical conditions, professional consciousness

В настоящий момент система профессионального образования представляет собой особенно острую и актуальную теоретическую и практическую проблему, от решения которой во многом зависит успешность развития нашего общества, государства в целом. Данное обстоятельство и обусловило необходимость изучения вопроса о роли акмеологического подхода и рефлексивной педагогики в профессиональном становлении личности будущего учителя. Как отмечается в работах современных ученых, сегодня являются важнейшими такие требования к личности будущего учителя, специалиста в области образования как креативность, профессиональная мобильность, способность к постоянному профессиональному саморазвитию и самосовершенствованию (А. А. Деркач, И. В. Калиш, Н. Ю. Синягина, Е. Г. Чирковская). Следовательно, профессиональное образование должно быть направлено на создание условий для обеспечения личностно-профессионального роста будущих специалистов, развития их способности самостоятельно решать жизненные и профессиональные проблемы.

Для педагогики высшей школы особое значение приобретает исследование процесса становления профессионализма студентов. Это проблема широко и многосторонне

рассматривалась в трудах отечественных психологов и педагогов (Н. В. Кузьмина, Ю. Н. Кулюткин, А. К. Маркова, В. А. Слостенин, Т. С. Сухобская).

Формирование профессионализма есть процесс освоения специфической сферы общественного опыта. Вместе с тем, он отличается от простого усвоения знаний, умений и способов действий. Речь должна идти о таком освоении, в результате которого происходит формирование специфических профессиональных мотивов, их преобразование, соподчинение, а значит, складывание профессионального самосознания. Этот процесс всегда является эмоциональным, субъективно творческим. Он осуществляется только в реальной жизнедеятельности человека, в которой происходит осознание собственной социальной позиции и социальной роли.

Формирование профессионализма как личностной ценности выпускника педагогического института наиболее продуктивно, на наш взгляд, в рамках акмеологического подхода к педагогическому образованию.

Акмеологический подход становится особенно актуальным в связи с обострением проблемы качества подготовки студентов вуза, возрастанием роли субъектности обучающихся. Человек в акмеологии рассматривается как субъект жизнедеятельности, способный к саморазвитию и творчеству, к самоорганизации своей жизни и профессиональной деятельности.

Именно поэтому осознание студентом педагогического института своей социальной позиции и социальной роли можно рассматривать первым этапом на пути становления профессионализма. Подобный самоанализ позволяет обучающемуся выделить будущие профессиональные обязанности и мысленно представить последовательность действий, которые он должен выполнить, предвосхитить отношения, в которые он будет вступать, внутренне оформить стиль поведения, который он должен освоить. В ходе этого анализа обновляются мотивы, видоизменяются взгляды, пересматриваются ценности.

Осознание социальной позиции и социальной роли - это один из факторов формирования убеждений, задающих, в свою очередь, направленность педагогической деятельности.

Таким образом, формирование профессионализма неразрывно связано с развитием профессиональной рефлексии, включающей осмысление студентом своих возможностей, поиск путей профессионального роста, поиск смысла самореализации в творчестве.

С акмеологических позиций сущность формирования профессионализма заключена во внутриличностном процессе - в становлении убеждений и профессиональном самосознании как внутренних регуляторов профессионального поведения и деятельности.

Важным условием, способствующим становлению профессионализма будущего педагога, является образовательная среда вуза, ее ориентация на личностные приоритеты подготовки специалиста.

Превращение профессионализма в личностную ценность студента со всей очевидностью требует разработки нового педагогического сопровождения субъектного развития обучающихся в образовательной среде вуза.

На сегодняшний день в педагогических исследованиях акмеологической направленности рефлексия исследуется в контексте роста учителя на пути к его профессиональному «акме». Так, О. С. Анисимов выделил такие уровни профессионально-педагогической деятельности:

- 1) становление деятельности;
- 2) успешное выполнение фиксированной нормы;
- 3) выполнение нормы с адекватной рефлексией;
- 4) рефлексивное сопровождение действия с фиксацией проблемы и коррекцией нормы (перепроектирование способов педагогических действий);
- 5) соучастие в рефлексивной постановке или рефлексивном снятии проблем;
- 6) полная рефлексивная самоорганизация. Как видим при данном подходе возможность перехода педагога на следующий, более высокий уровень профессионально-педагогической деятельности, связан с развитием педагогической рефлексии.

Большой интерес также представляет исследование Ю. Кулюткина о подходах к критериям сформированности педагогической рефлексии. При этом выделяется деятельностный подход. По мере развития рефлексивных механизмов у индивида формируется особый когнитивный опыт, предполагающий совокупность текущих интеллектуальных процессов, а также интегративных процессов. Таковыми, в частности, являются метакогнитивные умения, а именно: умение оценить, что я как ученик знаю, но «чего я еще не знаю» поставить перед собой учебную задачу; составить план ее решения; организовать поисковые действия; критически оценить полученный результат; осмыслить собственные действия (правильные и неудачные) по выработке решения. Не менее важным является диалоговый подход. По мере включения в разнообразные формы групповых решений человек осваивает культуру совместной деятельности: работу «в команде»; умение ставить вопросы и отвечать на вопросы товарищей; способность быть терпимым к разным точкам зрения; находить точки соприкосновения между участниками диалога; быть открытым как в выражении своего мнения, так и в обсуждении смысла высказываний других участников дискуссии. Наконец, личностный подход то есть рефлексия, объектом которой становится целостная личность, направлена на познание собственного «Я». Она позволяет человеку осознать: необходимость поиска личного смысла жизни; систему своих ценностных ориентации, установок и нравственных норм; свои интеллектуальные силы и возможности; необходимость поиска своего места в жизни - такое, которое бы дало возможность человеку осуществить самореализацию (самоактуализацию, самоуважение) [4]. Иными словами, осуществить возможность выбора, детерминированного, например, мотивацией к профессиональной деятельности.

Многочисленные работы посвящены исследованию мотивации выбора высшего профессионального образования. Авторы называют разные мотивы поступления в вуз, что во многом зависит от ракурса изучения этого вопроса, а также от произошедших за последние годы социально – экономических и политических изменений в нашей стране. Потеря престижных ценностей и ориентиров в жизни, сложное положение системы образования и

армии привели к новым мотивам поступления в вуз. Это отчетливо видно из данных, полученных С.В. Бобровицкой (1997), М.В. Вовчик – Блакитной (1983), А.Н. Печниковым и Г.А. Мухиной (1996), Ф.М. Рахматуллиной (1981) и др.. Так выявлено, что ведущими учебными мотивами у студентов являются мотивы «профессиональные» и «личного престижа», менее значимы «прагматические» (получить диплом о высшем образовании) и «познавательные» мотивы [2].

Следует отметить, что последнее десятилетие характеризуется явным интересом к проблеме рефлексии в педагогической деятельности, В докладе ЮНЕСКО «Образование: сокрытое сокровище» подчеркивается, что образование обеспечивает возможность каждому «понять другого во всем его своеобразии», но для этого следует начать с того, чтобы «научиться понимать себя, предпринимать внутренние усилия, основанные на знаниях, размышлениях, опыте и самокритике» [5]. Это актуализирует проблему формирования рефлексивной среды в педагогических учебных заведениях.

Педагогическая рефлексия связана с особенностями содержания педагогической деятельности, с опытом собственной работы (педагогическим опытом) и направлена как на собственную деятельность и деятельность коллег, так и на деятельность учащихся.

Ключевыми характеристиками педагогической рефлексии, по мнению Ю.Н. Кулюткина [5], являются отношения к собственной деятельности:

- осознание собственного педагогического опыта;
- выработка критериев успешности собственной педагогической деятельности;
- анализ изменений, происходящих в современном образовании.

По нашему мнению, указанные характеристики педагогической рефлексии могут являться характеристиками рефлексивной среды вуза, ориентированной на формирование рефлексивных умений будущих учителей, помогающих им «пережить» осознаваемые достоинства и недостатки собственной личности, адекватно самоопределяться в обстоятельствах и сообразно отношению к ним программировать свои изменения.

Для будущего учителя особую актуальность приобретает развитие рефлексии как стержневого профессионального и личностного качества, способного не только в период получения образования, но и в течение всей последующей жизни поддерживать его активность и будировать его целеустремленность к личностному росту, достижению высокого уровня профессиональной компетентности.

Анализируя стратегические задачи обновления современной школы, петербургские ученые выделяют пять групп задач, которые отражают базовую компетентность современного учителя [3]:

- видеть ребенка (ученика) в образовательном процессе;
- строить образовательный процесс, ориентированный на достижение учащимися целей конкретной ступени образования;
- устанавливать взаимодействия с другими субъектами образовательного процесса, партнерами школы;
- создавать и использовать в педагогических целях образовательную среду

(пространство школы);

- проектировать и осуществлять профессиональное самообразование.

Следовательно, образовательный процесс в педагогическом вузе должен быть направлен на содействие будущему учителю в овладении способами решения пяти групп задач, посредством создания рефлексивной среды вуза. В рефлексивной среде вуза должны создаваться условия, способствующие осмыслению будущим учителем собственного педагогического опыта рефлексии, дающие возможность пересмотреть его основания, перепроектировать способы педагогических действий. Опыт рефлексии накапливается в процессе повторяющихся действий, соотнесения знаний о себе и своих возможностях, предполагаемых возможных изменениях в окружающей действительности и самом себе. Наличие рефлексивной среды вуза предполагает формирование умений у будущих учителей обнаруживать проблемные ситуации в своей профессионально-педагогической деятельности в период педагогической практики, возникающие при несовпадении целей и результатов педагогического процесса, анализировать их причины и осуществлять поиск вариантов их решения.

Создание рефлексивной среды обучения педагогического вуза предполагает использование рефлексии в различных формах:

- ведение педагогического дневника;
- работа над учительским «Портфолио»;
- написание эссе на темы «Мое педагогическое кредо», «Я современный учитель»;
- рефлексивный анализ уроков.

Применение аутентичного оценивания в образовательном процессе требует новых педагогических подходов со стороны преподавателя. Преподаватель занимает иную позицию, он не только контролирует и оценивает, как при традиционных формах, но и организует, консультирует, помогает обучающемуся, оказывает содействие в становлении профессиональной компетентности будущего учителя. При этом можно выделить новые позиции преподавателя, которые заключаются в сопровождении и поддержке рефлексивной деятельности студента. Это прежде всего: педагог-консультант, консультирование которого сосредоточено на решении конкретной проблемы; педагог-модератор, деятельность которого направлена на раскрытие потенциальных возможностей обучающегося и его способностей; педагог-тьютор, деятельность которого направлена на оказание помощи студентам в осуществлении обратной связи в процессе выполнения заданий. Деятельность педагога-консультанта и педагога-тьютора направлена на работу с субъектным опытом обучающегося [3].

Важно отметить, что меняется и характер образовательной деятельности студента. Теперь студент не только выполняет те или иные задания преподавателя, но и особенно значимо, самостоятельно собирает материал, анализирует, оценивает и представляет свои работы. Таким образом, при аутентичном оценивании по-иному распределяются роли, чем при традиционном оценивании.

Внутренним механизмом аутентичного оценивания является рефлексия собственной

образовательной деятельности, образовательных результатов и личностных достижений. Преимущество такого подхода к обучению студентов связано с возможностью формировать не только традиционно исполнительские качества, а что является более ценным – возможность развития их активности, самостоятельности и творчества. Таким образом, результатом при системном использовании аутентичных видов оценивания в образовательном процессе является компетентность в сфере саморегуляции и самоорганизации, адекватная самооценка.

В качестве базовых компонентов рефлексивной среды можно выделить: рефлексивную позицию будущих учителей, как основу их профессионально-педагогической деятельности; систему содействия и педагогической поддержки всех студентов; обеспечение атмосферы сотрудничества.

Таким образом, рефлексивная среда вуза является комплексной характеристикой, в которой отражены: высокий уровень педагогической рефлексии будущего учителя, его способность к осознанию педагогического опыта, самоанализу и саморегуляции педагогической деятельности. Рефлексивная среда вуза в целом - важный фактор профессионального становления будущего учителя, условие раскрытия его личностного потенциала.

«Нельзя не согласиться с В. З. Вульфовой и В. Н. Харькиным в том, что «профессиональная рефлексия содержит единство человеческого (способности к самоизучению, анализу причинно-следственных связей, сомнениям, реализации ценностных критериев, работе над собой) и профессионального, то есть применения этой способности к сложным условиям и обстоятельствам профессионального бытия».

Можно с уверенностью сказать, что в данном случае рефлексия выступает как технология самодиагностики успешности и эффективности педагогических действий преподавателя, как средство гибкого реагирования на то или иное педагогическое явление, жизненную ситуацию.

Можно ли научиться рефлексировать? Если мы рефлексии рассматриваем как педагогическую технологию, то можно попытаться определить условия и этапы «научения» рефлексии.

Основные условия овладения технологией рефлексии:

- желание педагога работать с высокой самоотдачей;
- любовь к педагогической деятельности;
- умение «подключать» свой внутренний голос;
- психологическая готовность к самоанализу и анализу своих действий;
- наличие ответственности за результаты педагогической деятельности;
- стремление к профессионализму;
- определенная развитость внутреннего мира (чуткость, тонкость натуры, совестливость);
- знание и понимание смысла вербальной и невербальной информации, получаемой извне.

Таким образом, одним из приоритетных направлений современной педагогической деятельности становится формирование рефлексивных умений для подготовки конкурентоспособной личности выпускника, готовой к непрерывному самообразованию.

Проблема формирования мотивов самообразования и рефлексивной деятельности личности будущего специалиста представляется актуальной в связи с новой концепцией общего образования. Как отмечает В. М. Филиппов: «Новые стандарты школьного образования призваны обеспечить личностную ориентацию содержания, его направленность на деятельность и формирование ключевых компетенций, усиление воспитательного потенциала и социально-гуманитарного развития учащихся» [3]. В Федеральной программе развития российского образования четко сформулирована задача: «Надо готовить специалистов, умеющих работать с процессами образования и развития, владеющих способами оформления собственных оригинальных методик и технологий, умеющих рефлексировать собственную педагогическую деятельность, умеющих работать с участниками образовательного процесса любого возраста и любого социально-психологического статуса».

Таким образом, понятие рефлексивная компетентность можно сформулировать следующим образом; это способность (готовность) управлять деятельностью, направленной на самосовершенствование и саморазвитие своей деятельности и деятельности других.

Однако любая деятельность, самообразовательная и рефлексивная, невозможна без творчества, так как творчество пронизывает все виды деятельности, обеспечивая ее новое, более высокое качество.

В педагогике и психологии термин «творчество» рассматривается в контексте понятия «творческая деятельность», поскольку любая деятельность может включать в себя элементы творчества (Н. М. Гнатко, А. Г. Ковалев, Б. Д. Парыгин, В. А. Просецкий, П. А. Рудик). В результате этого творчество понимается как «производное интеллекта, преломленного через мотивационную структуру, которая либо тормозит, либо стимулирует его проявление» [6].

П. К. Энгельмейер в работе «Теория творчества» в составе творческого процесса выделяет: желания, основанные на интуиции и порождающие замысел; знания и рассуждения, на основе которых вырабатывается схема или план выполнения творческого действия; умения, на основе которых конструктивно выполняется творческий замысел.

Таким образом, в контексте нашего исследования можно сформулировать понятие творческая компетентность: это способность (готовность) к изменению и преобразованию себя средствами творческой деятельности, направленной на повышение и интенсификацию эффективности процессов «самости», среди которых системообразующими являются самопознание, творческое самоопределение, самоуправление, творческая самореализация и самосовершенствование личности. «Для развития личности, формирования ее субъективной позиции является необходимым создание условий, при которых человек сможет проявить в полной мере и удовлетворить свои потребности и интересы» [1]. «Проблема человека в окружающем мире всегда являлась ведущей, а в настоящее время она играет решающую

роль в понимании современного мира, в связи с глубокими преобразованиями, затрагивающими все сферы и стороны человеческого бытия» [7].

Исходя из выше изложенного, можно определить, что творческая самообразовательно-рефлексивная компетентность - это высшая интегральная способность (готовность) мобилизовать организованные в систему знания, умения и личностные качества личности, направленные на повышение и интенсификацию эффективности процессов «самости»: самопознание, самоопределение, самоуправление, самореализация и самосовершенствование, саморазвитие.

Педагог, умеющий занять позицию «над» своей профессией, «над» самим собой, способный к проявлению творческой активности, инициативы и самостоятельности готов к инновационной деятельности в школе.

Литература

1. *Гончаров, В. Н.* Информатизация образования общества: фундаментальный аспект исследования информатики // Фундаментальные исследования. - 2012. - № 3-0. - С. 21-24.
2. *Коблева, А. Л.* Взаимное влияние мотивации и стимуляции на становление структур интегральной индивидуальности у студентов гуманитарного вуза // Вестник ПГЛУ. - 2001. - №4.
3. Компетентностный подход в педагогическом образовании: Коллективная биография / Под. ред. В. А. Козырева, Н. Ф. Радионовой. - СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. - 392 с.
4. *Кулюткин, Ю. Н.* Образовательные технологии и педагогическая рефлексия / Ю. Н. Кулюткин, И. В. Муштавинская – СПб.: ГУПМ, 2003. - 48 с.
5. Образование: сокрытое сокровище [Электронный ресурс] / Основные положения Доклада Международной комиссии по образованию для XXI века. – М.: Издательство ЮНЕСКО, 1996. - Режим доступа: [http://ww\v. ifap.ru](http://ww.v.ifap.ru).
6. *Слободчиков, В. И.* Антропология образования / В. И. Слободчиков // Антропологический, деятельностный и культурологический подходы // Новые ценности образования. - 2005. - № 5 (24). - С. 13-16.
7. *Колосова, О. Ю.* Антропологическое измерение глобальных проблем современности // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2009. - №1. – С. 126-131.

УДК 378.147

**МЕТОД ПРОЕКТОВ КАК ФОРМА ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К
ЭРГОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**PROJECT-BASED LEARNING AS A FORM OF TRAINING FOR FUTURE TEACHERS
TO WORK ERGONOMICALLY**

Рябова Е.В., Астраханский государственный университет, инженер научно-образовательного центра

Ryabova E.V., Astrakhan State University, Engineer Scientific Educational Center

e-mail: elena5080@yandex.ru

Аннотация: В статье раскрывается проблема подготовки студентов педвуза к эргономической деятельности посредством метода проектов. Рассмотрен эргономический аспект деятельности будущего педагога начального образования.

Annotation: In the article the problem of training of students of pedagogical high school to work through an ergonomic method of projects. Considered ergonomic aspect of the future teachers of primary education.

Ключевые слова: метод проектов, педагог, эргономическая деятельность, начальная школа, студенты.

Key words: Project-based learning, teacher, ergonomic activities, Elementary School, students.

В настоящее время в образовательной сфере усилился интерес к применению проектного обучения в высших учебных заведениях. Это связано с тем, что проектная деятельность является привлекательной для студентов, но ее образовательная эффективность зависит от правильного понимания сущности проектного обучения и грамотного использования его возможностей в педагогической практике.

Метод проектов не является новым в педагогической теории и практике, но в последнее время этому методу уделяется особое внимание, так как в его основе заложено развитие познавательных и творческих навыков обучающихся, умений самостоятельно получать знания и ориентироваться в информационном пространстве, развитие нестандартного мышления.

Проведенный нами теоретический анализ научной литературы показал, что многие исследователи (И.Д. Чечель, Т.Д. Новикова, Е.С. Полат, И.Е. Брусникина, Т.А. Воронина и др.) в попытке дать определение «метода проектов» сошлись в своих формулировках. Приведем определение Е.С. Полат: «Метод проектов предполагает определенную совокупность учебно-познавательных приемов и действий обучаемых, которые позволяют

решить ту или иную проблему в результате самостоятельных познавательных действий и предполагающих презентацию этих результатов в виде конкретного продукта деятельности» [1].

Существующая в вузах проектная модель обучения, представляет собой неклассическую схему, предполагающую практико-ориентированное, проектное образование, прикрепление студентов к кафедральным проектам, выстраивание индивидуальных траекторий. Кроме лекций и курсов в этой модели принципиальное место занимают такие организационные формы, как мастерские, лаборатории, проектные разработки. При организации таких форм становится возможным осуществлять работу по написанию и осуществлению дипломных проектов. В результате, студент включается уже непосредственно в профессиональную деятельность и имеет возможность взаимодействовать с коллегами. Очень важно, что авторы (Д. Ахметова, Л. Гурье, Д. Жак, Н.Ю. Пахомова и др.), исследующие проблемы организации проектирования в вузе, начинают говорить об изменении организации образования, содержания педагогической деятельности.

С этой точки зрения особый интерес представляет опыт обучения проектированию студентов в условиях начальной школы. Младший школьный возраст, является этапом существенных изменений в психическом, физиологическом развитии личности ребенка. В данный период для развития младшего школьника важно создать условия, обеспечивающие реализацию его потенциальных возможностей с учетом возрастных и индивидуальных особенностей. Для достижения этой цели в образовательном процессе современной школы необходимо педагогу использовать в своей профессиональной деятельности знания педагогической эргономики, что позволит качественно организовать процесс обучения младших школьников. В соответствии с научными положениями эргономики, при организации образовательного процесса необходимо в обязательном порядке соблюдать требования и нормы, обеспечивающие решение триединой задачи: сохранение здоровья, повышение качества образовательного процесса и создание условий для всестороннего развития личности [2]. Отсюда следует, что подготовку к эргономической деятельности будущих педагогов начального образования, следует осуществлять еще процессе обучения в вузе. Одной из форм данной подготовки мы предлагаем метод проектов.

Таким образом, на базе Астраханского государственного университета осуществлялась подготовка студентов специальности «Педагогика и методика начального образования» к эргономической деятельности в начальной школе. Процесс выполнения учебного проекта состоял из последовательно осуществляемых этапов: пропедевтического, исследовательского, проектного, экспериментального, итогового.

На пропедевтическом этапе определялась проблема в образовательном процессе начальной школы, решение которой возможно с помощью создания эргономических условий обучения младших школьников. Проблема определялась в рамках кабинета начального класса общеобразовательных школ г. Астрахани на базе которого, созданы условия, имеются необходимые ресурсы для осуществления эргономической, педагогической, экспериментальной деятельности, и есть возможности привлечения будущих педагогов

начального образования к её осуществлению. Разрабатываемая в проекте проблема отражала перспективное направление развития психолого-педагогической, педагогико-эргономической и социальной сферы с учетом возможности ее решения посредством создания эргономических условий обучения младших школьников и формулировалась для студента руководителем проектной деятельности. В связи с масштабом решаемой проблемы, были созданы группы студентов. Затем совместно с руководителем проектной деятельности индивидуально для каждого студента формулировалась тема учебного проекта, цели, задачи, объект и предмет исследования, а также разрабатывался план будущей практической деятельности студента. В ходе исследования были выполнены следующие проекты: «Здоровьесберегающие технологии в начальной школе», «Использование методов педагогической эргономики в совместной деятельности с учениками», «Эргодизайн классной комнаты», «ПЭУ – залог здоровья и развития младших школьников», «Формирование эргономических компетенций у обучающихся и их родителей на уроках ЗОЖ», «Эргономичный игрушки» и т.д.

На исследовательском этапе осуществлялось исследование студентами опыта или процесса эргономической и педагогической деятельности. Если студент (группа студентов) проводил исследование уже имеющегося педагогико-эргономического опыта учреждения, то он выполнял систематизацию, анализ документации по соответствующей деятельности, изучал мнение персонала о существующих условиях обучения младших школьников, исследовал эффективность уже внедренных условий, собирал информацию об эргономических условиях обучения младших школьников в данной сфере деятельности. Если студент (группа студентов) непосредственно осуществлял эргономическую деятельность (в классе), то он занимался теоретическим обоснованием выбора необходимых условий, разработкой методического сопровождения эргономического процесса обучения младших школьников, непосредственно участвовал в разработке, экспериментальной проверке, внедрении, доработке эргономических условий, оказывал консультационную помощь, участвовал в оценке, распространении результатов педагогико-эргономической деятельности.

Данный этап выполнения учебного проекта предполагал:

- ознакомление студентов с образовательной деятельностью учебного класса в целом;
- исследование студентами традиционного решения проблемы;
- исследование решения проблемы, которой посвящена эргономическая деятельность;
- исследование и выявление проблем содержательных, процессуальных, технических аспектов организации эргономических условий обучения младших школьников;
- исследование и оценка реальной или прогнозируемой эффективности создания эргономических условий обучения младших школьников, выявление дополнительных перспектив, связанных с данными условиями.

Собранный на данном этапе материал систематизировался, обобщался, анализировался, формулировались выводы, давалась оценка результатов проделанной

работы, выявлялась целесообразность освоения и выбора, исследованных условий обучения младших школьников в процессе профессиональной подготовки студентов.

На проектном этапе студенты создавали проект трех основных групп эргономических условий (ЭУ) учебной среды начальной школы, которые необходимы в процессе профессиональной подготовки. Под педагогико-эргономическими (эргономическими) условиями обучения младших школьников, нами понимается совокупность взаимосвязанных факторов, необходимых для организации образовательного процесса, обеспечивающего качественное обучение младших школьников с учетом комплекса, санитарно-гигиенического, эргономико-антропологических, психолого-педагогических особенностей их развития.

Обратимся к краткой характеристике трех основных групп эргономических условий.

- Санитарно-гигиенические условия составляют требования СанПиН к: освещенности; газовому и тепловому составу воздушной среды; влажности; температуре; давлению, запыленности; вентилируемости; токсичности; шуму (звуку) и т.д.

- К эргономико-антропологическим условиям относятся материально-технические (оснащение образовательных учреждений необходимым оборудованием; использование эргономичной мебели, рациональное размещение и хранение материально-технического и учебно-методического оборудования; технико-эстетические (оформление интерьеров с учетом основных требований эргодизайна, рациональное оборудование рабочих мест с учетом возрастных особенностей младших школьников).

- Психолого-педагогические условия включают опору на педагогико-эргономические принципы и закономерности; отбор содержания образования с учетом эргономических требований; использование лично-ориентированного подхода в процессе обучения младших школьников с учетом эргономических требований и правил; наличие соответствующих средств обучения; использование здоровьесберегающих технологий в обучении младших школьников; организация режима учебных занятий, (физиологически и психологически обоснованное расписание занятий и нагрузок); включение родителей и коллег в процесс организации педагогико-эргономических условий в начальной школе.

В связи с этим, практиканты должны учитывать эргономические и педагогические подходы, принципы, методы, технологии, средства, формы обучения. На данном этапе студенты самостоятельно определяли целесообразность выбора и применения тех или иных ЭУ. Результатом проектного этапа выступал проект комплекса (три группы) ЭУ учебной среды начальной школы, разработанный до уровня использования на практике.

Экспериментальный этап выполнения проекта был предназначен для того, что практически реализовать разработанный план комплекса ЭУ в учебной среде начальной школы. Это необходимо для формирования и развития умений осуществления педагогико-эргономической деятельности.

На итоговом этапе производилось оформление студенческих проектов и защита полученных результатов, которая преследовала следующие цели:

- определение уровня освоения студентами содержания учебного спецкурса «Педагогико-эргономические условия в образовательном процессе начальной школы»;
- выявление уровня теоретико-методологической и прикладной готовности студента к организации ЭУ обучения младших школьников;
- определение уровня готовности к эргономической деятельности в целом;
- обращение внимания студентов на плюсы и минусы проекта для учета в дальнейшей эргономической, профессионально-педагогической деятельности.

Защита учебного проекта осуществлялась на заключительном этапе прохождения обучения курса «Педагогико-эргономические условия в образовательном процессе начальной школы» и являлась обязательным условием аттестации обучения. А также включала экспертную оценку готовности будущих педагогов к эргономической деятельности и анализ уровня усвоения знаний при изучении спецкурса. Кроме того, была проведена обработка результатов педагогического эксперимента методами математической статистики; эти результаты подробно описаны далее.

Оценка готовности участников экспериментальной группы к эргономической деятельности в начальной школе выполнялась экспертами (преподавателями вуза – 8 человек, учителями школ – 12 человек) при анализе решения студентами (118 человек) эргономических, психолого-педагогических, антропологических, гигиенических задач, выполнения учебного проекта. Также на этом этапе экспертами оценивался уровень выполнения учебных проектов, выполненных по результатам производственной практики. Оценка экспертами осуществлялась по таблице №1. Экспертам предлагалось выразить свое мнение в пятибалльной дискретной шкале:

5 – очень высокая степень выраженности признака, проявляется в различных видах деятельности;

4 – высокая степень выраженности признака, но проявляется он еще не во всех видах деятельности;

3 – оцениваемый и противоположный признак, выражены не рельефно и в целом уравнивают друг друга;

2 – заметно более выраженный и чаще проявляющийся признак, противоположный оцениваемому;

1 – противоположный оцениваемому признак четко выражен и проявляется в различных видах деятельности.

Так как, каждый эксперт оценивал строго индивидуально, то меру согласованности каждого мы измерили с помощью применения коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Таблица 1

Результаты экспертного опроса

№ п/п	Показатели	Преподаватели	Ранг	Учителя	Ранг	d
1	2	3	4	5	6	7
1.	понимание проблемы создания эргономических условий обучения младших школьников;	8	14.5	12	14.5	0
2.	готовность к постановке целей в эргономической деятельности	7	8.5	10	8	0.5
3.	умение достигать поставленных целей	7	8.5	9	3	5.5
4.	знание о эргономических условиях обучения младших школьников	8	14.5	11	12	2.5
5.	знание о способах организации эргономических условий обучения младших школьников	7	8.5	10	8	0.5
6.	знать, как анализировать собственную эргономическую деятельность	7	8.5	12	14.5	-6
7.	умение решать педагогические и эргономические задачи, определяя требования к результатам их решения	7	8.5	10	8	0.5
8.	умение выбирать эргономические условия обучения младших школьников	7	8.5	9	3	5.5
9.	умение организовывать на практике эргономические условия обучения младших школьников	6	2.5	9	3	-0.5
10.	умение оценивать качество собственной эргономической деятельности и условий	8	14.5	12	14.5	0
11.	готовность оценивать уровень своих достижений в эргономической деятельности	6	2.5	10	8	-5.5
12.	готовность к адекватной самооценки и самоанализу своей деятельности	6	2.5	8	1	1.5
13.	способность к саморегуляции	6	2.5	10	8	-5.5
14.	соблюдение требований эргодизайна	7	8.5	10	8	0.5
15.	анализ собственного выбора условий и требований при организации благоприятной и комфортной атмосферы в классе	7	8.5	10	8	0.5
16.	успешное выполнение проекта	8	14.5	12	14.5	0

Сумма $d^2 = 167$

Коэффициент ранговой корреляции Спирмена находится по следующей формуле:

$$S = 1 - \frac{6 \sum d^2}{n^3 - n}$$

где, S - коэффициент корреляции рангов (он может колебаться в диапазоне от +1 до -1);

d - разность рангов сравниваемых объектов;

d²- квадрат разности рангов сравниваемых объектов

n - количество сравниваемых объектов (n= 16)

Подставим полученные результаты в предложенную формулу:

$$S = 1 - \frac{6 \times 16}{1^3 - 1} = 1 - \frac{100}{408} = 0,7$$

Критические значения для n = 16

n	p	
	0.05	0.01
16	0.5	0.64

Это довольно высокий уровень согласованности мнений экспертов. При S = - 1 – полная противоположность мнений экспертов, при S = + 1 – их полное совпадение. Соответственно, если S= 0,75, то корреляция между экспертами статистически значима.

По нашему мнению, степень точности экспертных оценок зависит от уровня квалификации экспертов, их количества и количества объектов ранжирования. Было важно, чтобы эксперты обладали наблюдательностью, жизненным опытом, практикой работы с людьми, чтобы их мнение не было деформировано конфликтными отношениями с оцениваемыми личностями или отношениями внеслужебной зависимости.

Экспертный опрос показал, что большинство студентов справилось с проектами, показали хорошие результаты своей практической работы. Результаты проекта были оформлены студентами в виде докладов, с которыми они выступили на занятиях, а впоследствии и на внутривузовских и межвузовских научных конференциях.

Литература

1. Полат, Е. С. Метод проектов на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. – 2000. – № 2, 3. – С. 37-45.
2. Рябова, Е. В. Роль и место педагогико-эргономических условий в обучении младших школьников // Школьное образование: проблемы и перспективы от А до Я. Выпуск 1.: сборник научно-практических и методических статей, приуроченный к Международному Дню Учителя (5 октября 2012г.), при поддержке электронного ресурса <http://filin2012.okis.ru/> под ред. М. В. Веденькиной, Р. Н. Досаевой. – Астрахань. – Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2012. – С. 88-107.

УДК 37.013

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ**
**THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGY FOR THE FORMATION OF THE
PROFESSIONAL MOBILITY OF GRADUATES**

*Груздева М.Л., Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина, доктор педагогических наук, профессор кафедры математики и
информатики*

*Свинухова М. Ю., аспирант Нижегородского государственного педагогического
университета им. Козьмы Минина*

*Gruzdeva M.L. doctor of pedagogical sciences, professor, chair of mathematics and
computer science of the Nizhny Novgorod State Pedagogical University. Kozma Minin*

*Svinuhova M.U. PhD student of the Nizhny Novgorod State Pedagogical University. Kozma
Minin*

e-mail: gru@1234.yandex.ru

*Аннотация: Рассмотрено понятие «профессиональная мобильность специалиста» и
показаны возможности использования информационных технологий для формирования
этого качества личности.*

*Annotation: The concept of "professional mobility specialist" and the possibility of using
information technology to create this quality of personality*

Ключевые слова: профессиональная мобильность, информационные технологии.

Keywords: professional mobility, information technology.

Понятие «профессиональная мобильность» достаточно ёмкое и неоднозначное, имеющее сложную структуру. В психологическом словаре оно определяется как способность и готовность личности достаточно быстро и успешно овладевать новой техникой и технологией, приобретать недостающие знания и умения, обеспечивающие эффективность новой профессиональной деятельности.

Активное рассмотрение указанной проблемы в профессиональной педагогике началось в 70-е годы. Профессиональную мобильность в то время определяли преимущественно как готовность и способность рабочего к быстрой смене выполняемых производственных заданий, рабочих мест и специальностей в рамках одной профессии или

отрасли, способность быстро осваивать новые специальности или изменения в них, возникшие под влиянием технических преобразований.

В своих трудах Д.В. Чернилевский предложил трактовку профессиональной мобильности, в которой представил ее как многогранное понятие, объединяющее в себе различные отрасли человеческого знания и очень обобщенные умения и навыки.

Возникает закономерный вопрос, что же лежит в основе этого многогранного понятия? М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович отмечают, что основой профессиональной мобильности, прежде всего, является высокий уровень обобщенных профессиональных знаний, владение системой обобщенных профессиональных приемов и умение эффективно их применять для выполнения каких либо заданий в области своей профессии. По мнению зарубежных исследователей (Д. Мартенс, А. Шелтон) в основу формирования профессиональной мобильности и конкурентоспособности будущих специалистов должны быть положены «ключевые квалификации», которые имеют широкий радиус действия, выходят за пределы одной группы профессий, профессионально и психологически подготавливают специалиста к смене и освоению новых специальностей и профессий, обеспечивают готовность к инновациям в профессиональной деятельности [4].

Российские ученые значительно обогатили концепцию ключевых квалификаций, дополнив её понятием ключевых компетенций. Э.Ф. Зеер в своих работах обосновал профессионально обусловленные структуры деятельности и личности специалиста, определил структуру ключевых квалификаций, отражающих общепрофессиональный характер деятельности и личности специалиста, необходимых для адаптации и продуктивной деятельности в различных профессиональных сообществах [2]. По мнению ряда ученых (З.А. Решетова, А.М. Столяренко и др.) основой профессиональной мобильности в современный период развития общества является развитое творческое мышление будущих специалистов.

Творчество становится неизменным атрибутом жизни и деятельности каждого человека, т.е. способности, знания и навыки, заложенные в человеке приобретают важное значение, определяющее место современного специалиста в развитии страны, общества. Соответственно изменяются требования к качеству образования, среда, в которой должна вестись профессиональная подготовка, должна быть изоморфна среде, в которой будет реализовываться творческий потенциал специалиста. Таким образом, происходит смена модели образования, основанной на трансляции знаний, на модель образования, «ориентированную на трансляцию принципов работы в условиях ученого незнания» [3], что в наибольшей степени связано со становлением личности современного специалиста. Современный человек живет и действует в среде с высокой степенью «турбулентности», что определяет уровень непредсказуемости направления перемен [1]. Соответственно, в таких условиях специалист, эффективно действующий, должен обладать рядом качеств, которые выступают на первый план: креативность мышления и быстрота принятия решений, способность к частой обучаемости и умение приспосабливаться к новым обстоятельствам, устойчивость к фрустрациям внешней и внутренней среды организации, умение отслеживать и правильно оценивать состояние окружающего пространства. Высокая степень

адаптивности при деятельности в «турбулентной среде» характеризует мобильного специалиста, т.е. специалиста способного решать разнообразные задачи без психологического ущерба для себя [1].

Таким образом, при подготовке специалиста, когда складываются стереотипы учебно– профессиональной и профессиональной деятельности осуществляется активный поиск возможностей развития, формирование системы ценностных ориентаций, моделирование своего будущего, формирование образа будущей профессии. Именно на этом этапе очень важно сформировать у человека внутреннее осознание многовариантности возможностей развития, умение соотносить личные ценностные ориентации с общечеловеческими, умение воспринимать мир в движении, приспосабливаться к стремительно меняющимся условиям, т. е. необходимо формирование профессиональной мобильности специалиста [4].

Наличие профессиональной мобильности предусматривает готовность специалиста к быстрой смене выполняемых профессиональных заданий, рабочих мест и даже специальностей в рамках одной профессии; способность быстро осваивать новые специальности или изменения в них, возникшие под влиянием научно-технологических преобразований. Но в то же время понятие «профессиональной мобильности специалиста» определяется не только его способностью менять свою профессию, место и род деятельности, но и умением принимать самостоятельные и нестандартные решения, направленные на повышение уровня своего профессионализма, а так же способностью быстро осваивать новую образовательную, профессиональную, социальную и национальную среду.

Особым результатом образования, выражающимся в готовности к мобилизации внутренних и внешних ресурсов для эффективной деятельности в ситуации неопределенности, является компетенция. Это базовое понятие компетентности специалиста, т. е. уровня образованности и/или опытности, достойного для успешного выполнения той или иной социальной или профессиональной функции.

В настоящее время компетентностный подход в образовании занимает центральное место в новых федеральных государственных стандартах. Данный подход охватывает наряду со знаниями и навыками, такие категории как способности, готовность к познанию, социальные навыки. Таким образом, через развитие определенных компетенций можно представить целостную картину становления профессиональной мобильности специалиста.

Во ФГОС нового поколения четко определены общие и профессиональные компетенции, которые должны быть освоены выпускниками профессиональных учебных заведений. Среди них мы выделили те, которые формируются с помощью использования на занятиях такого средства обучения как информационные и коммуникационные технологии:

- а) осуществлять поиск и использование информации, необходимой для эффективного выполнения профессиональных задач, профессионального и личностного развития, с использованием современных информационно-коммуникационных технологий;
- б) владеть информационной культурой, анализировать и оценивать информацию с использованием информационно-коммуникационных технологий;

- в) использовать информационно-коммуникационные технологии в профессиональной деятельности;
- г) ориентироваться в условиях частой смены автоматизированных систем в профессиональной деятельности и т. п.

Использование информационных технологий в процессе обучения должно включать в себя не только применение преподавателями компьютерной и мультимедийной техники для изложения материала обучающимся и проведения тестового контроля знаний, а основной акцент необходимо делать на самостоятельную работу студентов в различных прикладных программах. Следовательно, для освоения компетенций и формирования профессиональной мобильности обучающимся необходимо решать различные профессиональные задачи в нескольких информационных средах.

Например, бухгалтер должен владеть навыками ведения бухгалтерского учета и формирования отчетности как в стандартных приложениях MS Office, так и в автоматизированной системе учета «1С: Предприятие». Освоение специализированных бухгалтерских программ направлено на формирование таких профессиональных компетенций как:

- оформлять, проверять правильность составления, обеспечивать хранение организационно-распорядительных, товаросопроводительных и иных необходимых документов с использованием автоматизированных систем;
- осуществлять автоматизированный учет всех разделов бухгалтерского учета;
- осуществлять автоматизированное формирование бухгалтерской отчетности и финансовый анализ деятельности предприятия.

Навыки начисления заработной платы чаще всего отрабатываются студентами в MS Excel с использованием абсолютной и относительной адресации, связанных таблиц, расчетов промежуточных итогов в таблицах, а также подбора параметров и организации обратного расчета. Однако, в современных рыночных условиях более необходимы навыки работы в автоматизированной системе «1С: Бухгалтерия 8», которая расширяет возможности и ускоряет процесс начисления заработной платы. Но данная конфигурация не позволяет вести учет по сдельной форме оплаты труда. Поэтому встает необходимость освоения еще и конфигурации «1С: Зарплата и управление персоналом 8».

Таким образом, в процессе обучения студентами решаются профессиональные задачи в нескольких информационных средах: MS Excel и автоматизированной системе учета «1С: Предприятие», а именно в конфигурациях «1С: Бухгалтерия» и «1С: Зарплата и управление персоналом».

Между тем очевидно, что в связи с постоянным развитием информационных технологий в сфере конкретной профессиональной деятельности необходимо постоянное обновление профессионально-ориентированных программных продуктов, изучаемых на занятиях в вузе, что позволит формировать у выпускников такое качество, как профессиональная мобильность.

Литература

1. Горюнова, Л. В. Составляющие профессиональной мобильности современного специалиста // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2007. – № 1. – С. 63–69.
2. Зеер, Э.Ф. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход./ Э.Ф. Зеер, А.М. Павлова, Э.Э. Сыманюк. – М.: МПСИ, 2005.
3. Кочеткова А. Формирование человеческого капитала (системно-концептуальный подход) // Alma mater Вестник высшей школы. – 2004. – №11. – С.17-21.
4. Груздева, М.Л. Повышение профессиональной мобильности студентов информационных специальностей в условиях информационного образовательного пространства: монография/ М.Л. Груздева, В.Н. Дюнина. – Н.Новгород: НГПУ, 2012. – 112 с.

УДК 378.147

**ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РАМКАХ
ЧАСТНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАРТНЕРСТВА**

**INNOVATIVE DEVELOPMENT
PROFESSIONAL PEDAGOGICAL EDUCATION
IN THE CONDITIONS OF PRIVATE AND STATE PARTNERSHIP**

*Прохорова М. П., Нижегородский государственный педагогический университет,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики
профессионального образования*

*Prokhorova M.P., Nizhny Novgorod State Pedagogical Universit. Ph.D., assistant professor,
associate professor of the theory and methodology of professional education*

e-mail: m.prohorova@pochta.vgipu.ru

Аннотация: В статье обоснована необходимость развития профессионально-педагогического образования с использованием механизмов частно-государственного партнерства.

Annotation: In article need of development of professional pedagogical education with use of mechanisms of the private and state partnership is proved.

Ключевые слова: профессионально-педагогическое образование, инновационное развитие; частно-государственное партнерство.

Keywords: professional pedagogical education, innovative development; private and state partnership.

Инновационное развитие экономики страны в условиях глобальной конкуренции требует обеспечения текущих и перспективных потребностей экономики и социальной сферы профессиональными кадрами необходимой квалификации, создания условий для развития непрерывного профессионального образования.

Достижение этой цели состоит в устранении диспропорции между спросом и предложением на рынке труда, выраженной, прежде всего, в острой нехватке инженерно-технических кадров и рабочих самых разных профессий, а также несоответствием качества профессиональной подготовки выпускников требованиям современного производства. Профессионально-педагогическое образование, обеспечивающее педагогами профессионального обучения системы начального и среднего профессионального образования, которые в свою очередь, формируют кадровый резерв высокотехнологичного производства, в настоящее время сталкивается с рядом проблем, что значительно препятствует модернизации российской экономики.

Так, согласно официальным данным Росстата, общее число учреждений начального профессионального образования уменьшилось с 4328 в 1990 г. до 2356 в 2010 г., а численность учащихся в этих образовательных учреждениях на 10 тыс. чел. населения сократилась со 126 в 1990 г. до 70 в 2010 г. При этом общее число учреждений высшего профессионального образования увеличилось с 514 в 1990 г. до 1115 в 2011 г., а численность студентов вузов на 10 тыс. чел. населения – со 190 в 1990 г. до 493 в 2011 г. [3].

По оценкам исследователей, ежегодная текучесть кадров в системе начального профессионального образования составляет 15 тыс. специалистов в год. Среди преподавателей только 27 % имеют профессионально-педагогическое образование (22,5 – высшее и 4,5 % среднее профессионально-педагогическое образование). Среди старших мастеров и мастеров производственного обучения специальное образование имеют лишь 24,1 % (с высшим профессионально-педагогическим образованием 7,9 %, со средним – 16,2 %). При этом 13,4 % старших мастеров и мастеров производственного обучения имеют только общее среднее образование, а каждый шестой из них имеет рабочий разряд ниже того, который присваивается выпускникам начального профессионального образования [5].

Кадровый потенциал образовательных учреждений начального и среднего профессионального образования пополняется специалистами с различным уровнем профессионального образования. В основном это лица, обладающие квалификацией «инженер», «инженер-технолог»; «учитель технологии и предпринимательства», «техник-технолог» и др.

Согласно исследованию, проведенному Нижегородским институтом развития образования, в качестве главных препятствий построения современных моделей начального и среднего профессионального образования выступают: разрыв ранее сложившихся связей учебных заведений с работодателями (41,2%), недостаточный уровень профессиональных компетенций специалистов учреждений начального и среднего профессионального образования (26,5%), устаревшие модели управления учебным процессом (11,8%), рассогласованность требований к качеству и содержанию образования (11,8%), отсутствие современной методической базы начального и среднего профессионального образования (8,8 %) [2].

При этом возрастает потребность рынка труда в квалифицированных рабочих и служащих, способных к освоению новой техники и технологии, к совершенствованию организации труда и использованию информационных технологий в производственном процессе. Это свидетельствует, с одной стороны, о повышении важности профессионально-педагогического образования как фактора регионального социально-экономического развития, с другой – о возрастании роли сотрудничества и кооперации между всеми элементами региональной социально-производственной инфраструктуры и системами начального, среднего и профессионально-педагогического образования. Противоречие между потребностью в профессионально-педагогических кадрах для нужд начального и среднего профессионального образования и способностью существующей системы

профессионально-педагогического образования в полной мере обеспечить эту потребность кадрами, готовыми к эффективной профессионально-педагогической и производственно-технологической деятельности в условиях современного производства, может быть решено развитием частно-государственного партнерства.

Несмотря на острую необходимость объединения финансовых и организационных ресурсов государства и субъектов частного сектора для развития системы профессионального образования, особенно в условиях существующего дефицита финансирования сферы профессионального образования, существующая ситуация характеризуется низкой активностью. Анализ используемых в профессиональном образовании механизмов партнерства показал, что наиболее распространенными механизмами взаимодействия являются участие работодателей и профессиональных общественных организаций в разработке образовательных программ и оценке их качества (в НПО – 63 %, в СПО – 22%), привлечение частных инвестиций для реализации инвестиционных проектов в области строительства и модернизации недвижимого имущества учреждений (в НПО – 13 %, в СПО – 7 %), реализация экспериментальных работ, ориентированных на нужды промышленного производства (13 % в НПО) [4]. На наш взгляд, одним из препятствий развития партнерства в сфере профессионального образования выступает неподготовленность профессионально-педагогических кадров к кооперации и взаимовыгодному сотрудничеству с предприятиями и организациями. Возникает необходимость исследования возможностей частно-государственного партнерства в инновационном развитии профессионально-педагогического образования и проектирования систем подготовки педагогов профессионального образования к эффективной образовательной, проектно-методической и инженерно-технологической, а также инновационной деятельности в условиях частно-государственного партнерства.

Частно-государственное партнерство в системе профессионального образования – система долгосрочных отношений между государством (представляющими его субъектами) и субъектами частного сектора экономики по реализации проектов в сфере профессионального образования на основе объединения ресурсов и распределения доходов и неимущественных выгод, расходов и рисков [4]. Частно-государственное партнерство для учреждений профессионального образования начинается с традиционных форм сотрудничества и кооперации развивается в следующей логике:

1. Сотрудничество с предприятиями по организации баз практик учащихся, целевая подготовка специалистов по запросу предприятия-работодателя.

2. Расширение направлений частно-государственного партнерства в сфере:

- управления имуществом и инвестиционной деятельностью (механизмы - сдача в аренду имущества для аутсорсинга неосновных видов деятельности, соинвестирование инвестиционных и партнерских проектов, направленных на развитие материально-технической базы и т.д.);

- управления содержательным компонентом образования (создание образовательных структур профессиональной подготовки и переподготовки кадров, реализация совместных

образовательных проектов, создание корпоративных образовательных программ, издательские проекты);

- научно-исследовательской и научно-практической деятельности (совместные исследовательские проекты без создания отдельного структурного подразделения, создание специальных институциональных структур (центров, лабораторий и т.д.).

3. Развитие частно-государственного партнерства в виде структуры кластерного типа. Кластер выступает особой формой долгосрочного партнерства различных предприятий и организаций, характеризующейся сформированностью общей стратегии для всех участников кластера, высокой степенью интеграции участников кластера, стабильным синергетическим эффектом от сотрудничества и кооперации для всех его участников, направленностью на социально-экономическое развитие региона.

Образовательный кластер выступает подсистемой регионального кластера, обеспечивающей многоуровневую целевую подготовку, повышение квалификации и переподготовку кадров под решение конкретной региональной проблемы [1].

Частно-государственное партнерство в подобном варианте на практике получает воплощение в создании разнообразных научно-образовательно-производственных структур, которые в большей или меньшей степени отражают объективную тенденцию к интеграции науки, образования, производства и бизнеса по региональному принципу в современных условиях. Организационные формы партнерства в рамках образовательных кластеров широки: центры трансфера технологий, инновационно-технологические центры, технопарки, бизнес-инкубаторы, центры коллективного пользования оборудованием, технико-внедренческие и научно-производственные зоны и др.

Формирование образовательных кластеров в настоящее время выступает основной стратегией развития крупных технических и классических университетов, которые способны эффективно аккумулировать научно-исследовательский, образовательный, ресурсный и кадровый потенциал, развивать сетевое взаимодействие, формировать гибкие проектные и предпринимательские структуры. Эта стратегия полностью соответствует государственной политике в сфере образования по консолидации ресурсов, оптимизации сети учреждений профессионального образования, повышению конкурентоспособности образовательных услуг. Исследование практики частно-государственного партнерства и опыта формирования в системе профессионального образования структур кластерного типа позволяет сделать выводы о насущной необходимости разработки механизмов частно-государственного партнерства для инновационного развития профессионально-педагогического образования.

Профессионально-педагогическое образование представляет особый интегративный вид профессионального образования, цель которого - подготовка преподавателей технических и специальных дисциплин, мастеров производственного обучения для профессиональных учебных заведений.

Инновационное развитие профессионально-педагогического образования предполагает такое совершенствование компонентов, структур, организации процесса профессионально-педагогической подготовки, которое обеспечивает формирование

компетентного специалиста, готового к инновационной образовательной деятельности и инновационной инженерно-технической, производственно-технологической и организационно-экономической деятельности в условиях производственной или экономической организации. Специфика профессионально-педагогической деятельности определяет возможности её инновационного развития посредством частно-государственного партнерства в образовательном пространстве региона по ряду причин.

Во-первых, развитое частно-государственное партнерство обеспечивает тесное долговременное сотрудничество учреждений профессионально-педагогического образования с предприятиями-работодателями. Это выступает основой:

- формирования содержания профессионально-педагогической подготовки, предусматривающей оптимальное сочетание психолого- педагогического, отраслевого и производственно-технологического компонента, позволяющей в дальнейшем осуществлять унифицированную политехническую подготовку и специализированную «эксплуатационную» подготовку рабочих;

- обновления методик и технологий профессионального и производственного обучения в соответствии со спецификой современных производств;

- как следствие, повышения качества подготовки выпускников вуза за счет реализации практикоориентированной подготовки, развития целевой подготовки студентов, увеличения уровня трудоустройства выпускников по специальности.

Во-вторых, в условиях частно-государственного партнерства формируются условия для осуществления инновационной образовательной деятельности, которая лежит в основе опережающей профессиональной подготовки рабочих для высокотехнологичных производств и специалистов для инновационных предприятий. Инновационная образовательная деятельность подразумевает участие студентов к проведению конкретных исследований и разработкам по инициативе предприятия-работодателя, в разработке научно-методического и технологического сопровождения инновационных процессов на производстве, которое в дальнейшем будет положено в основу образовательных методик и технологий производственного обучения.

В-третьих, переориентация систем профессиональной подготовки рабочих и специалистов с отраслевого принципа на региональный, учитывающий специфику рынка труда региона и его производственную и социальную инфраструктуру, возможно только с активным участием предприятий-работодателей. Это выступает основой более полного удовлетворения запросов регионального рынка труда за счет оптимизации профессионально-квалификационной структуры подготовленных кадров.

Таким образом, инновационное развитие профессионально-педагогического образования тесно взаимосвязано с развитием частно-государственного партнерства, способного осуществить объединение интеллектуальных, финансовых, материально-технических, кадровых ресурсов для повышения качества профессиональной подготовки рабочих и специалистов. Пути и способы развития профессионально-педагогического

образования, ориентированного на региональную специфику, посредством механизмов частно-государственного партнерства, требуют дальнейшего исследования.

Литература

1. Дворецкий, С.И. Инновационно-ориентированная подготовка инженерных, научных и научно-педагогических кадров: монография / С.И. Дворецкий, Е.И. Муратова, И.В. Фёдоров. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2009. – 308 с.
2. Перспективы развития начального и среднего образования [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <http://www.niro.nnov.ru/index.php?id=73.html>.- Загл. с экрана.
3. Российский статистический ежегодник - 2011: Стат. сборник [Электронный ресурс]. // Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/np-obr1.htm
4. Учебное пособие по вопросам развития частно-государственного партнерства в сфере высшего профессионального образования [Электронный ресурс]. – М., 2010 // Режим доступа: http://partner-fin.ru/u/Uchebnoe_posobie_NPO-SPO.pdf
5. Эрганова, Н. Е. Теория и практика подготовки педагога профессионального обучения в системе профессионального образования [Электронный ресурс] // Сообщение для обсуждения на заседании Бюро отделения профессионального образования РАО 28 января 2009 г. – Режим доступа: <http://www.rao.ru/index.php?id=73.html>.- Загл. с экрана.

УДК 378

МЕТОДИКА ОТБОРА СОДЕРЖАНИЯ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА
METHOD OF SELECTION OF EDUCATIONAL MATERIAL

Ваганова О.И. Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина, к.п.н., доцент кафедры теории и методики профессионального образования

Vaganova O.I. assistant professor of the theory and methodology of professional education of Nizhny Novgorod state pedagogical university

Аннотация: В статье рассмотрена методика отбора содержания учебного материала, представлена совокупность методов, позволяющая повысить объективность отбора наиболее значимого содержания обучения.

Abstract: this article describes the method of selection of educational material, presented a set of methods, allowing to increase the objectivity of the selection of the most significant learning content.

Ключевые слова: анализ содержания учебного материала, методы отбора содержания обучения

Keywords: analysis of the content of the material, methods for selection of training content

Всеми признаваемая, декларируемая необходимость в приоритетности развития, прежде всего познавательных способностей личности, мышления, воображения, т.е. всего того, что обеспечит самостоятельность в поставке и разрешении вновь возникающих проблемных ситуаций – требует уменьшения объема репродуктивного обучения. Следовательно, ориентирует на существенное сокращение, оптимизацию объема запоминаемого содержания. Для решения этой очень не простой задачи необходимо рассмотрение рациональных методов отбора содержания обучения, результаты реализации которых могут существенно повысить убедительность экспертного выбора. К ним относятся метод структурно-логических схем содержания [5], метод графов, включая их более строгое представление и использование с обязательным выделением профессионально признанных фундаментально значимых элементов (базовые эмпирические факты, определения, аксиомы, принципы, законы, разумеется, удовлетворяющие дидактическому принципу доступности) [3], метод структурно-логических матриц содержания (как результат матричного представления графов) [2] и метод технологических матриц [1], метод ценностного, анкетного определения значимости элементов содержания, метод частотного анализа элементного содержания в тестах, использованных на общероссийском уровне [4], тезаурусный подход: «информационно-поисковый» и «логико-критериальный» [6].

Структурно-логические схемы строятся следующим образом. Учебные элементы, обозначенные прямоугольником с названием или аналитическим выражением, соединяются стрелками. При этом стрелки ставятся только в том случае, если в анализируемом материале явно представлена связь между элементами.

Матрица логических связей (МЛС) одной конкретной учебной дисциплины (собственная МЛС) строится следующим образом. Учебный материал данной дисциплины разбивается на темы. Каждой теме присваивается порядковый номер. Отсчет ведется от начала дисциплины по порядку следования тем во времени. Номера тем присваиваются строчкам и столбцам матрицы A . Далее на пересечении строчки и столбца ставится единица ($A_{ij} = 1$), если тема столбца не может быть усвоена без соответствующего усвоения темы строки, и ставится нуль ($A_{jk} = 0$), если такая связь между темой строки и столбца отсутствует.

Представим теперь метод графов. Анализ содержания информации дидактических материалов требует моделирования с помощью графов на двух уровнях. Модель первого уровня должна помогать увидеть, насколько содержание учебной дисциплины соответствует логике развертывания той науки, представителем которой является данная учебная дисциплина (все ли, что характеризует данную науку, отражено в научной информации; достаточно ли количество учебных элементов и связей, характеризующих объекты и явления, отобрано; достаточной ли кажется глубина научного проникновения в суть объектов и явлений в их помощь). Такой моделью может быть граф, построенный по дедуктивному принципу, в котором вершинами являются учебные элементы, а ребрами – связи между ними.

Смысл построения модели второго уровня заключается в показе некоторой наиболее целесообразной логической последовательности рассмотрения и усвоения понятий и суждений, описывающих учебные элементы, их связи и отношения, которую удобно представить с помощью матриц смежности вершин, поскольку эта логика есть в сущности отображения функционально-логической структуры содержания элемента.

Близок к рассмотренным выше методам, представленный Майоровым А.Н. метод технологических матриц. Технологическая матрица (содержательная решетка, сетка, организационно-деятельностная матрица, тестовая решетка, таблица содержания) представляет собой достаточно универсальный инструмент отбора содержания и различных областей достижений учащихся для построения тестов учебных достижений.

Определив цели составления тестов, уточнив подходы и выбрав уровень использования, разработчик определяет необходимые этапы создания тестового инструментария. После этого составляется модель педагогического тестирования, представленная в виде технологической матрицы. Технологическая матрица задает содержание, которое будет отобрано для проверки, и важность того или иного элемента содержания. Она может содержать уровни достижений, которые будут проверены, их соотношение, соответствие стандарту и некоторые другие компоненты. Фиксируется

требование широты теста, полного учета всех разделов предмета, который находит выражение в матрице.

Метод использования логико-категориальных тезаурусов для представления базы знаний. Логико-категориальный тезаурус представляет собой «способ представления знаний, отражающий не только деление терминополья на отдельные области (что характерно для информационно-поискового тезауруса), но и наличие законов и правил вывода одних понятий из других (т.е. логическую и функциональную связь отдельных областей терминополья)». Основанием для использования тезаурусов в педагогической практике является аналогия между учебным процессом и совокупностью семантических процессов, происходящих в некоторой языковой среде. Эта языковая среда образована множеством элементарных понятий (законов, теорий, методов, проблем, научных фактов) и связей между ними (конкретизация, интерпретация, формализация, моделирование, аналогия, синтез, анализ, абстракция, индукция, дедукция, синхронизация и т.п.), а также совокупностью вложенных друг в друга структур: элементарные понятия, элементарные структуры из элементарных понятий и т.д.

Основными компонентами ценностного подхода являются: содержательное и временное согласование всех изучаемых курсов, курсового проектирования, всех видов производственных практик и дипломного проектирования в системе подготовки специалиста. Ценность учебной информации определяется, с одной стороны, внутрипредметной значимостью разделов и тем изучаемого курса (внутренние связи), с другой — целями обучения по данной дисциплине, т. е. межпредметной и практической значимостью (внешние связи). Необходимо учитывать также трудность усвоения каждой темы и ее значение в умственном развитии обучаемого. При оценке значимости учебной информации автор исходит из комплекса четырех признаков (параметров), определяющих факторы значимости:

- внутрипредметная значимость (в изучении данного курса);
- межпредметная значимость (в изучении общетехнических и специальных дисциплин);
- практическая значимость (в практической деятельности специалиста определенного профиля);
- трудность усвоения каждой темы курса.

Опрос существенного количества экспертов – профессионалов и самих обучаемых о значимости учебных элементов содержания обучения – метод в какой-то мере заимствованный из социологии предусматривает:

1. устное или письменное обращение исследователя к определенной совокупности людей (респондентов) с вопросами, содержание которых представляет изучаемую проблему на уровне эмпирических индикаторов;
2. регистрацию и статистическую обработку полученных ответов, их теоретическую интерпретацию.

Довольно специфическим методом сбора социологической информации является метод экспертной оценки, который, в отличие от предыдущего, не имеет массового характера. К этому методу социологи обращаются в случае, когда очень тяжело или невозможно определить объект – носитель проблемы.

Метод проведения экспертизы с обратной связью (метод Дельфы) предусматривает проведение нескольких туров опроса и анонимное анкетирование. После каждого тура экспертные оценки обрабатываются, и результаты обработки сообщаются экспертам. Метод без обратной связи предусматривает один тур опроса при получении удовлетворительных результатов.

Каждый метод имеет ряд достоинств и недостатков и при выборе определенного метода необходимо хорошо взвесить все положительные и отрицательные стороны метода.

Результаты реализации рациональных способов (методов) отбора содержания обучения: метод структурно-логических схем содержания, метод графов, включая их более строгое представление и использование с обязательным выделением профессионально признанных фундаментально значимых элементов (базовые эмпирические факты, определения, аксиомы, принципы, законы, разумеется, удовлетворяющие дидактическому принципу доступности), метод структурно-логических матриц содержания (как результат матричного представления графов) и метод технологических матриц, метод ценностного, анкетного определения значимости элементов содержания, метод частотного анализа элементного содержания в тестах, использованных на общероссийском уровне, тезаурусный подход: «информационно-поисковый» и «логико-критериальный» могут существенно повысить убедительность экспертного выбора.

Литература

1. *Майоров А.Н.* Отбор содержания образования для тестирования. Технологическая матрица // Школьные технологии, 1998.-№ 4.-С.25–29.
2. *Мансуров А.Н., Мансуров Н.А.* О матричном методе отбора и структурировании научной информации // Педагогика .- 1992.- № 11-12.- С.20-22.
3. *Моргунов И.Б.* Применение графов в разработке учебных планов и планирование учебного процесса // Советская педагогика.- 1966.- № 3.
4. *Соколов В.М., Воробьев В.М., Морозов А.Д.* Метод отбора содержания аттестационных тестов по физике и их компьютерная реализация // Проблема оценки качества подготовки специалистов на базе компьютерных технологий / М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1993.- С. 102-111.
5. *Сохор А.М.* Логическая структура учебного материала. Вопросы дидактического анализа. / М.: Педагогика, 1974. -192 с.
6. *Турбович Л.Т.* Информационно-семантическая модель обучения /Л.: ЛГУ, 1970.- 177с.

УДК 378.126

**МОДЕЛИРОВАНИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВУЗЕ
SYSTEM ADMINISTRATION OF EDUCATIONAL PROCESS AT HIGHER
EDUCATIONAL INSTITUTION**

Васькина А.В., директор Профессионально-педагогического института Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина (Мининский университет), кандидат педагогических наук, доцент

*Vaskina A.V., candidate of pedagogical science, associate professor, chair of professional and pedagogical technologies State Pedagogical University of Nizhny Novgorod.
e-mail: svetlyshka12@mail.ru*

Аннотация: В данной статье обозначены проблемы воспитания молодежи в ВУЗе. Предлагается модель системного управления воспитательной деятельностью в вузе.

Abstract: The article touches upon the problem of youth education at a higher educational institution. The model of system administration of educational activity at a higher educational institution is described.

Ключевые слова: воспитательная деятельность, воспитательный процесс, системное управление, моделирование.

Key words: educational activity, educational process, system administration, modeling

В условиях кризиса современного общества и образования очень остро встают вопросы управления молодежной политикой. В системе воспитания подрастающего поколения отсутствует целостный системный подход. В результате чего, молодые люди не получают должного развития необходимых личностных качеств, следовательно, выходят в самостоятельную жизнь, не будучи готовыми к ней. Недостаточность воспитания проявляется в пассивности, иждивенческой позиции, стремлении к беззастенчивому потреблению жизненных благ, неадекватном уровне притязаний и самооценки, низкой коммуникативной культуре, равнодушии, скептицизме, неспособности к серьёзным нравственным усилиям и т.д. При этом именно молодёжь наиболее остро реагирует как на внешние социальные, так и на внутренние личностные проблемы. Отсюда вспышки агрессии, алкоголизм, наркомания, всплески сектантства, психические расстройства, самоубийства и т.д. Масштабы нравственного кризиса в целом таковы, что по ряду показателей, характеризующих его проявления, общество вплотную приблизилось к грани, за которой могут последовать необратимые процессы нравственной и физической деградации, фактического вырождения российского народа.

Во все времена ведущими центрами воспитания и образования, науки являлись образовательные учреждения, в первую очередь высшие учебные заведения. Состояние

нынешней системы воспитания в вузах зачастую характеризуется формальной организацией воспитательной деятельности, низкой степенью сформированности единого образовательного пространства, неподготовленностью педагогических кадров, отсутствием адекватных и эффективных методов и средств воспитания. Многие преподаватели рассматривают воспитание как второстепенную деятельность, психологически и профессионально не способны осуществлять воспитательную работу со студентами, проявляют пассивность, неумение влиять на сознание и чувства обучаемых. Требуется совершенствования нормативная база процесса воспитания в системе образования, материальная база его реализации, система взаимодействия учреждений образования с другими социальными институтами в целях духовно-нравственного воспитания.

Чтобы ситуация в вузах изменилась необходимо переходить на более эффективные формы управления воспитательной деятельностью. Одним из ведущих методологических ориентиров может стать системный подход к управлению. Как отмечает министр образования Нижегородской области С.В. Наумов [2] – «Системный подход к управлению обеспечивает мысленный охват всех явлений, как единого целого, их объективную оценку, развитие всей системы с учётом внутренних переменных (цель, структура организации, персонал, техника, технология), предвидение положительных и отрицательных последствий принимаемых управленческих решений». Системный подход является наиболее приемлемым и отвечающим современным требованиям воспитания и образования, так как высшее учебное заведение, являясь образовательной организацией, соответствует основным свойствам системы: целенаправленности, сложности (множество структурных подразделений и сложность их взаимосвязи), делимости (образовательная, научно-исследовательская, учебно-методическая, хозяйственная деятельности), целостности (направленность действий структурных подразделений подчинена единым целям), многообразию элементов и различию их природы (различные виды деятельности имеют свою функциональную специфичность и автономность), структурности (взаимозависимость и взаимосвязь между подразделениями согласно иерархическим уровням) [3].

Используя за основу системный подход управления, мы рассматриваем воспитательную деятельность в вузе, как систему, представляющую собой совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которые образуют определённую целостность, единство. Воспитательная деятельность в вузе должна соответствовать новым целям и задачам в сфере образования и воспитания, способствовать личностному и социальному развитию студентов вуза и региона, выполнять социальные заказы студентов, родителей.

Большая роль в организации развивающего пространства в ВУЗе принадлежит педагогам-учёным, педагогам-организаторам, педагогам-кураторам и другим категориям работников сферы образования. Необходимо, чтобы все заинтересованные работники конструировали и внедряли новые и эффективные технологии, методики, системы обучения и воспитания, ориентированные на развитие у учащихся познавательной активности, самостоятельного критического мышления, умения аргументировать свои выводы,

формирования у них готовности к жизни в современных социально-экономических условиях. При этом основным организатором воспитательной деятельности в вузе должен стать руководитель, главной задачей которого является - перевести членов коллектива в зону повышенной мотивации, когда у сотрудников формируется новая логика, гибкость, панорамность мышления, креативность, способность воспринимать и творчески воплощать новые идеи в социально значимой деятельности; направленность на поиск оптимального соотношения и взаимодействия инновации и нормы (традиции), направленность на решение актуальных и сложных задач обучения, воспитания и развития учащихся. Используя научный потенциал высших учебных заведений, необходимо переходить на новые формы управления, когда меняется структура педагогического коллектива, идёт активный поиск новых моделей воспитательной деятельности, реализуется дифференцированный подход к образованию и т.д. [1].

В связи с этим предлагается модель системного управления воспитательной деятельностью в вузе, где за основу берутся цели, в которых отражаются социально-культурные запросы и ожидания общества, региона относительно воспитания подрастающего поколения (схема 1).

Прогнозируемый результат данной деятельности - это повышение качества воспитательного процесса; профессионально-личностные достижения субъектов воспитания, личностное развитие и саморазвитие; удовлетворение образовательных запросов личности, общества, государства. Теоретическим основанием модели являются функции, закономерности и принципы системного управления. Важной составляющей модели являются модули: законодательно-правовой, воспитательный, социальный, информационный, экономический, технологический, управленческий.

Системное управление воспитательной деятельностью в вузе сложный, динамичный, целенаправленный, социально-педагогический процесс, вызванный необходимостью осуществления государственной молодежной политики, потребностями обновления воспитательно-образовательных процессов в вузе. Успешность реализации модели системного управления воспитательной деятельностью зависит от грамотной организации аналитико-прогностического, целевого, проектировочного, организационно-внедренческого, оценочного и рефлексивного пространства. Наибольшую эффективность от использования системного подхода в управлении воспитательной деятельностью вуза можно получить лишь при условии органической связи теории и практики, обеспечивающей генерирование новых социально-педагогических, психологических, проективных, социально-культурных идей как актуальных смыслов и ценностей реального существующего и идеального (мысленно конструируемого и идеализируемого).

СХЕМА Отдельным файлом

Литература

1. Кларин М.В. Инновационные модели обучения в зарубежных педагогических поисках.-М.: Арена, 1994.
2. Наумов С.В. Концептуальные основы системного управления инновационным развитием регионального образования // Нижегородское педагогическое обозрение.-2007.- №1
3. Беляков С.А., Куклин В.Ж. Системные аспекты образовательной политики и управления образованием // Университетское управление: практика и анализ. – 2006. - № 3

УДК 378.147

ОСОБЕННОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ УЧЕБНОЙ ПЛАТФОРМЫ MOODLE FEATURES AND POSSIBILITIES OF THE EDUCATIONAL MOODLE PLATFORM

Винник В.К., Нижегородский коммерческий институт, старший преподаватель

Vinnik V.K., Nizhny Novgorod Commercial Institute, senior lecturer

e-mail: lera.vinnik@yandex.ru

Аннотация: В статье дается краткий обзор особенностей электронного образования, а так же основные критерии предъявляемые учебными заведениями к электронным учебным ресурсам. Показано, что для условий высшей школы система MOODLE является одной из наиболее эффективных платформ. В статье кратко описывается дистанционная образовательная среда MOODLE.

Annotation. The article provides a brief overview of the features of e-learning, as well as the main criteria are academic institutions to electronic learning resources. It is shown that the conditions for higher school system MOODLE is one of the most effective platforms, among many in the market of electronic resources. The paper briefly describes the distance learning environment MOODLE.

Ключевые слова: дистанционное обучение, электронное обучение, LMS Moodle, критерии выбора электронных ресурсов, преимущества Moodle, дистанционный курс.

Key terms: Distance learning, e-learning, LMS Moodle, the selection criteria of electronic resources, the advantages of Moodle, distant course.

Появление и активное распространение электронных учебных платформ является адекватным откликом систем образования многих стран на происходящие в мире процессы интеграции, движение к информационному обществу.

В последнее время получил широкое распространение термин E-learning, означающий процесс обучения в электронной форме через сеть Интернет или дистанционное обучение.

Чаще всего под дистанционным обучением понимается совокупность информационных и педагогических технологий целенаправленно организованного процесса синхронного и асинхронного интерактивного взаимодействия обучающихся и обучающихся между собой и со средствами обучения, инвариантного к их расположению в пространстве и согласованного во времени. В связи с этим необходимо четко выделить существенные свойства, характеризующие именно дистанционное обучение, его дидактические принципы и методики обучения.

К дистанционному образованию можно отнести любой образовательный процесс, в котором все преподаватели (или большинство) работают с удалёнными от них в

пространстве и/или во времени учащимися (учащимся) посредством систем коммуникаций, все (или большинство) из которых представляют собой электронную или иную искусственную среду. Отсюда и название «электронного обучения». Применение дистанционного обучения эффективно при организации самостоятельной работы слушателей курсов.

Таким образом, интеграция электронного обучения и традиционных форм обучения увеличивают эффективность организации целенаправленной познавательной деятельности обучаемых, как самостоятельной, так и в рамках взаимодействия «студент — преподаватель».

Программное обеспечение для E-learning, представлено как простыми статическими HTML страницами, так и сложными системами управления обучением (LMS) и учебным контентом (LCMS), использующимся в корпоративных компьютерных сетях.

Успешное внедрение электронного обучения основывается на правильном выборе программного обеспечения, соответствующего конкретным требованиям, целям и задачам, предъявляемыми к нему организацией.

К основным критериям выбора средств организации электронного обучения можно отнести следующие [1]:

- **Функциональность.** Обозначает наличие в системе набора функций различного уровня, таких как форумы, чаты, анализ активности обучаемых, управление курсами и обучаемыми, а также другие;
- **Надежность.** Этот параметр характеризует удобство администрирования и простоту обновления контента на базе существующих шаблонов. Удобство управление и защита от внешних воздействий существенно влияют на отношение пользователей к системе и эффективности ее использования;
- **Стабильность.** Означает степень устойчивости работы системы по отношению к различным режимам работы и степени активности пользователей;
- **Стоимость.** Складывается из стоимости самой системы, а также из затрат на ее внедрение, разработку курсов и сопровождение, наличие или отсутствие ограничений по количеству лицензий на слушателей;
- **Наличие средств разработки контента.** Встроенный редактор учебного контента не только облегчает разработку курсов, но и позволяет интегрировать в едином представлении образовательные материалы различного назначения;
- **Поддержка SCORM.** Стандарт SCORM является международной основой обмена электронными курсами и отсутствие в системе его поддержки снижает мобильность и не позволяет создавать переносимые курсы;
- **Система проверки знаний.** Позволяет в режиме онлайн оценить знания учеников. Обычно такая система включает в себя тесты, задания и контроль активности обучаемых на форумах;
- **Удобство использования.** При выборе новой системы необходимо обеспечить удобство ее использования. Это важный параметр, поскольку

потенциальные ученики никогда не станут использовать технологию, которая кажется громоздкой или создает трудности при навигации. Технология обучения должна быть интуитивно понятной. В учебном курсе должно быть просто найти меню помощи, должно быть легко переходить от одного раздела к другому и общаться с инструктором.

- Модульность. В современных системах ЭО курс может представлять собой набор микромодулей или блоков учебного материала, которые могут быть использованы в других курсах.

- Обеспечение доступа. Обучаемые не должны иметь препятствий для доступа к учебной программе, связанных их расположением во времени и пространстве, а также с возможными факторами, ограничивающими возможности обучаемых (ограниченные функции организма, ослабленное зрение). Также использование технологий «завтрашнего дня», которые поддерживаются ограниченным кругом программного обеспечения, существенно снижает круг потенциальных пользователей.

- 100% мультимедийность. Возможность использования в качестве контента не только текстовых, гипертекстовых и графических файлов, но и аудио, видео, gif- и flash-анимации, 3D-графики различных файловых форматов.

- Масштабируемость и расширяемость. Возможность расширения как круга слушателей обучаемых по СДО, так и добавления программ и курсов обучения и образования.

- Перспективы развития платформы. СДО должна быть развивающейся средой, должны выходить новые, улучшенные версии системы с поддержкой новых технологий, стандартов и средств.

- Кросс-платформенность СДО. В идеале система дистанционного обучения не должна быть привязана к какой-либо операционной системе или среде, как на серверном уровне, так и на уровне клиентских машин. Пользователи должны использовать стандартные средства без загрузки дополнительных модулей, программ и т.д.

- Качество технической поддержки. Возможность поддержки работоспособности, стабильности СДО, устранения ошибок и уязвимостей как с привлечением специалистов компании разработчика СДО, так и специалистами собственной службы поддержки организации.

- Наличие (отсутствие) русской локализации продукта. Локализованная версия продукта более дружественная как для администрирования, разработки курсов, так и для конечных потребителей образовательных услуг.

В традиционном учебном процессе существует практика распространения учебных пособий в электронном виде - от линейных текстовых файлов в формате MS Word до структурированных гипертекстов в формате HTML, которые (при всех преимуществах

последнего варианта) не обеспечивают самостоятельную когнитивную деятельность обучающегося.

Во всем многообразии средств организации электронного обучения можно выделить следующие группы:

- авторские программные продукты (Authoring Packages),
- системы управления контентом (Content Management Systems - CMS),
- системы управления обучением (Learning Management Systems - LMS),
- системы управления учебным контентом (Learning Content Management Systems - LCMS)

Электронное обучение, как и любой учебный процесс, помимо содержательной части обязательно включает организационный компонент. Элементы управления процессом прохождения курсов присутствуют в развитых электронных библиотеках, но для реализации большой системы e-Learning этой функциональности будет недостаточно. Понадобится автоматизация таких задач, как предоставление учебного контента нужным людям в нужное время, контроль использования учебных ресурсов, администрирование отдельных студентов и групп, организация взаимодействия с преподавателем, отчетность и т.д.

Эти функции реализуют системы управления обучением LMS (в русскоязычной терминологии используется аббревиатура СДО — «система дистанционного обучения»), которые представляют собой платформу для развертывания e-Learning, но в ряде случаев могут использоваться и для администрирования традиционного учебного процесса.

Система LMS, в идеале, должна предоставлять каждому слушателю курсов персональные возможности для наиболее эффективного изучения материала, а менеджеру учебного процесса — необходимые инструменты для формирования учебных программ, контроля их прохождения, составления отчетов о результативности обучения, организации коммуникаций между студентами и преподавателями. Обучаемый получает от LMS возможности доступа к учебному порталу, который является отправной точкой для доставки всего учебного контента, выбора подходящих учебных треков на основе предварительного и промежуточных тестирований, использования дополнительных материалов с помощью специальных ссылок.

Административные функции LMS охватывают несколько базовых областей. Управление включает в себя задачи регистрации и контроля доступа пользователей к системе и к учебному контенту, организацию слушателей в группы для предоставления им общих курсов и составления отчетности, управление аудиторными и преподавательскими ресурсами.

Повышение дидактической эффективности электронных ресурсов для поддержки традиционных форм обучения обеспечивает интеграция трех компонент [2]:

- ▲ предоставление структурированного учебного текста и поясняющих его мультимедиа- иллюстраций;
- ▲ предъявление тренирующих упражнений с оказанием оперативной помощи в виде подсказок;

▲ организация промежуточного и итогового контроля уровня усвоения учебного материала.

Moodle - то система управления курсами (CMS), также известная как система управления обучением (LMS) или виртуальная обучающая среда (VLE). Это бесплатное веб-приложение, предоставляющее возможность преподавателям создавать эффективные сайты для онлайн-обучения. Этот программный продукт используется более чем в 100 странах мира университетами, школами, компаниями и независимыми преподавателями. По своим возможностям Moodle соответствует критериям предъявляемыми учебными заведениями и обеспечивает интеграцию трёх основных компонентов, необходимых для эффективной работы электронного ресурса. Moodle способен конкурировать с известными коммерческими системами управления учебным процессом, в то же время выгодно отличается от них тем, что распространяется бесплатно.

Система выделяется как простотой и удобством использования, так и своими возможностями. Очень важно, что система не статична, вокруг Moodle уже создано и в настоящий момент успешно развивается международное сообщество профессиональных IT-специалистов и преподавателей, занимающихся внедрением электронных технологий в процесс обучения. Это сообщество является неисчерпаемым источником новых идей и подходов, как в педагогическом, так и в техническом плане. Также важным фактором в пользу выбора системы управления обучением Moodle явилось то, что данная среда изначально проектировалась для организации деятельностного обучения, в основе которого лежит взаимодействие всех участников учебного процесса.

В настоящее время в рамках данной системы созданы и постоянно развиваются курсы подготовки к ЕГЭ, предпрофильного и профильного обучения, курсов повышения квалификации.

Эффективность внедрения электронных технологий требует постоянного анализа большого количества информации об опыте как наших, так и зарубежных коллег с целью создания методических рекомендаций и требований для преподавателей [3].

На основе мирового опыта использование дистанционных технологий в обучении наиболее предпочтительно применять:

- ▲ для студентов заочной формы обучения;
- ▲ для курсов повышения квалификации;
- ▲ для системы переподготовки кадров;
- ▲ для студентов филиалов и представительств.

Применение электронных учебных материалов для очной формы целесообразно использовать преимущественно в качестве: вспомогательного учебного материала, систем самоконтроля, тестирования, виртуальных лабораторных работ, электронной библиотеки, электронного справочника. Использование электронных учебных материалов возможно на следующих аудиторных формах обучения: лекциях, семинарах, практических занятиях, лабораторных работах, экзаменах, зачетах. Наибольшие возможности применения

электронных учебных материалов проявляются при самостоятельной работе обучаемых: над учебными пособиями, электронными учебниками, книгами; тестировании при самоконтроле.

Полноценное использование системы управления обучением Moodle позволяет обеспечить:

- ▲ многовариантность представления информации;
- ▲ интерактивность обучения;
- ▲ многократное повторение изучаемого материала;
- ▲ структурирование контента и его модульность;
- ▲ создание постоянно активной справочной системы;
- ▲ самоконтроль учебных действий;
- ▲ выстраивание индивидуальных образовательных траекторий;
- ▲ конфиденциальность обучения;
- ▲ соответствие принципам успешного обучения.

Приоритетными принципами организации дистанционного обучения являются опора на самостоятельное обучение; принцип ориентации на жизненный (бытовой, социальный, профессиональный) опыт обучающегося. Самостоятельная работа по овладению различными видами деятельности, формированию необходимых навыков и умений является спецификой данной области получения знаний.

Таким образом, анализ основных этапов внедрения электронных технологий в образовательный процесс показывает, что эти технологии являются достаточно эффективным средством повышения качества образования, но только при условии системного подхода к их внедрению и постоянного их совершенствования с учетом оценки результатов. Система учебной среды Moodle, позволяет организовать самостоятельную работу обучаемых главной целью которой является становление профессионально-компетентного, всесторонне развитого и конкурентоспособного работника.

Литература

1. Готская И.Б., Жучков В.М. Кораблев А.В., Аналитическая записка «Выбор системы дистанционного обучения» РГПУ им. А.И.Герцена [Электронный ресурс] URL: <http://edu.of.ru/attach/17/18088.doc>
2. М.В. Костикова, И.В. Скрипина Использование системы Moodle при дистанционной организации самостоятельной работы студентов [Текст] //Проблемы и перспективы развития IT индустрии: материалы 1-й Международной научнопрактической конференции [«Проблемы и перспективы развития IT-индустрии»], Харьков, 18 – 19 ноября 2009 г.
3. Андреев А.В., Андреева С.В, Доценко И.Б. Практика электронного обучения с использованием Moodle [Текст] / А.В. Андреев, С.В. Андреева, И.Б. Доценко. – Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2008. – 146 с.

УДК 159.9

**ТЕМПОРАЛЬНОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ФОРМА
ИНДИВИДУАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ**
**THE TEMPORAL LEGAL CONSCIOUSNESS ASA FORM
OF INDIVIDUAL CONSCIOUSNESS**

Волков Александр Александрович, ФГБОУ ВПО «Институт образовательных технологий» РАО РФ, доктор психологических наук, главный научный сотрудник.

Volkov Alexandr Alexandrovich, FGBOU VPO "Institute of Educational Technology" RAO RF, PhD in Psychology, Chief Scientific Officer

Волков Сергей Александрович, ФГБОУ ВПО «Северо-Кавказский Федеральный университет», аспирант кафедры теории государства и права.

Volkov Sergey Alexandrovich, FGBOU VPO "NKFU" Postgraduate at Chair of State and Law.

Волкова Вера Михайловна, ФГБОУ ВПО «Северо-Кавказский Федеральный университет», доцент, кандидат юридических наук.

Volkova Vera Mikhailovna, FGBOU VPO "NKFU" Associate Professor, Candidate of Jurisprudence.

e-mail: skgi_institut@mail.ru

Аннотация. В статье выявляется специфика фактора времени в развитии правосознания, которое рассматривается во взаимосвязи социального и личного времени.

Summary. The article reveals the specifics of the time factor in development of legal consciousness which is seen in the relationship of social and personal time.

Ключевые слова: темпоральность, темпоральный анализ, ценность права, правосознание, формирование правосознания, законопорядок, холизм, правопорядок, личность, личностный смысл, теория смысла и смыслообразования, теория социального научения.

Keywords: temporality, temporal analysis, value of law, legal consciousness, development of legal consciousness, law and order, holism, rule of law, personality, personal meaning, theory of meaning and sense formation, social learning theory.

Темпоральность (англ. *временные особенности*) - временная сущность явлений, порожденная динамикой их особенного движения, в отличие от тех временных характеристик, которые определяются отношением движения данного явления к историческим, астрономическим, биологическим, физическим и другим временным координатам, взаимосвязь моментов времени. Идея анализа взаимодействующих социальных

явлений через сопоставление их темпоральности легла в основу методологии темпорального анализа[1].

Фактор времени в развитии личности и ее правосознания, в развитии общества и общественного правосознания проявляется во взаимосвязи социального и личного времени, т.е. во взаимодействии особенностей становления, длительности и последовательности человеческой деятельности и конкретной социально-временной (исторической) перспективы[2]. При этом ключевой сферой взаимодействия социального и личного времени и одним из основных факторов формирования отношения ко времени является **ценностная наполненность времени**, которая определяется **целями и смыслом человеческой деятельности**. На фоне положительной тенденции расширения и конкретизации области применения ценностей права наблюдаются процессы, разрушающие их незыблемость. К таким процессам относятся устойчивое воспроизводство неправовых практик, обострение противоречий между формальными нормами и обычным правом, укорененным в национальной правовой культуре. Данная проблема актуализирует потребность в выявлении критериев оценки преобразований в праве, в поиске теоретических оснований прогнозирования и разработки адекватных форм правовой практики [3]. Очевидно, что доверие к закону может быть сформировано не через улучшение самих законов и не через установление новой моды или, тем более, «диктатуры закона». История не раз доказывала, что непосредственной зависимости уровня правосознания граждан от юридически зафиксированных в государстве норм не существует. Правосознание имеет одним из своих источников представление о том, что соблюдать законы выгодно, но куда более важным является убеждение, что правовые нормы представляют собой безусловную ценность и нравственный императив. Первостепенное значение в формировании правосознания имеет нравственный (и религиозный) мотив. Это говорит о необходимости, в первую очередь, повышения уровня правовой культуры, прививания уважения к социальным нормам и ценностям[4]. Но формирование правосознания отдельного гражданина не определяется интеллектуальными успехами его соотечественников-правоведов и философов.

Механизм темпоральной детерминации правосознания основан и на том, что феномены права и правосознания сами по себе уже изначально темпорально нагружены: право по своей сущности консервативно, направлено на стабилизацию существующих общественных отношений, а правосознание — как «второе измерение права» — в качестве одной из главнейших своих задач имеет функцию критики норм позитивного права с точки зрения идеала справедливости и идеала общего блага, которые являются целями общественного развития. Т.е. функция правосознания заключается в оценке правовых норм с позиций образа будущего[5]. Э.Ю.Соловьев отмечает, что «правосознание — это не просто отражение в индивидуальном сознании смысла и характера уже действующих в обществе законов. У правосознания активный темперамент, и всего адекватнее оно обнаруживает себя именно тогда, когда критикует и корректирует действующие законы в духе идеальной справедливости. ...Правосознание — это ориентация на идеал правового государства,

которая имеет этически безусловный характер и уже в данный момент определяет практическое поведение человека как гражданина»[6].

Суть ценностно-временной (темпоральной) детерминации развития правосознания в направлении его адекватности временному значению правовых норм заключается в воздействии ценностно-временных установок общественного сознания и социально-временных особенностей деятельности на способ восприятия и осмысления права[7].

А.В.Павлов в своем диссертационном исследовании осуществил попытку «определить временную ориентированность закона, используя антропологическую основу отношений собственности как исходную предпосылку законодательного регулирования, - и норм права, обратившись к темпоральной направленности правосознания как исходной инстанции правосозидания»[8]. Проведя темпоральный анализ дал определение: «Законопорядок» как способ соотнесения права с социально-политическим идеалом «общего блага», связан с мощной тенденцией социально-философского холизма, трактующего цель социально-исторического развития в духе преобладания интересов целого («социального организма») над частными. Холизм в социальном целеполагании — непреходящий спутник юридикто-натуралистической парадигмы: идеал «общего блага» подчинен не временному и изменчивому представлению о правосудии, а вечному, неизменному закону «космоса», «божественного плана творения» или «естественной природы человека»[9]. Законопорядок - способ реализации догматически установленного «общего блага», предполагающий сопряжение сферы права и силы, права и принуждения. Его суть заключается в воспитании легальности (в кантианском смысле), которая может пониматься - в соответствии с исторически сложившимися моделями законопорядка - как легальность консерватизма, либерализма и социализма[10]. «Правопорядок» как темпоральный способ социального целеполагания, противостоит тенденции тотального планирования будущего и настоящего; основываясь на схеме «естественного права с меняющимся содержанием», он вносит элемент релятивизации, постоянного трансцензуса ценности справедливости. Рассуждения о правопорядке могут быть предложены исключительно в «апофатическом» ключе. Правопорядок, в полном соответствии с принципом умеренного социального релятивизма, предложенного парадигмой «возрожденного естественного права», не дан как вечный, неизменный идеал порядка, который можно надеяться когда-нибудь воплотить в совершенном общественном строе. Правопорядок - это условие возможности любых не противоречащих смыслу строгого права образов «общественного идеала». «Условие возможности» - кантианский термин; он означает, что правопорядок не гарантирует достижения какого-то конечного совершенства (говорится ли о нем в риторике либерализма, социализма или консерватизма), но без него невозможно само приближение, сам путь в сторону того или иного «общего блага». «Правопорядок» - это принцип социальной методологии, лежащий в основе идеи «открытого общества»[11]. При рассмотрении интуитивных механизмов правосознания, на наш взгляд, следует обратиться к различным подходам проблемы смысла[12] человеческого поведения и деятельности.

Формируя правосознание в правовом обучении, мы создаем цели поведения. Именно наличие цели придает поведению смысл и делает его целостным, ориентированным на правовые ценности: «Мы наблюдаем за поведением крысы, кошки или человека и отмечаем такие его особенности, как чему - то направленному, осуществляющемуся с помощью таких-то средств, для которого характерна определенная структура отношений между целью и объектами, используемыми в качестве средств для ее достижения»[13].

Многие положения Э.Ч. Толмэна были развиты в теориях социального научения, что очень важно для правового поведения и деятельности человека. Концепции Дж. Роттера и А. Бэндуры во многом проясняют проблему смысла человеческого поведения и деятельности. Поведение и мотивация в данных теориях представляются, прежде всего, целенаправленными и когнитивно обусловленными, а, следовательно, осмысленными.

Что указывает на возможность формирования элементов правосознания в процессе обучения человека. Будучи поведенческими по своей сущности данные подходы, тем не менее, переносят акценты исследования со стимулов внешней среды на внутренние, когнитивные детерминанты.

Социально-когнитивная теория А. Бэндуры придерживается взгляда на человека как на активное существо, использующее когнитивные процессы, чтобы представлять события, предвосхищать будущее, выбирать направленные действия и взаимодействовать с другими людьми[14]. Люди находятся под влиянием окружающей среды, но они, в то же время, сами выбирают способы действия.

Можно говорить о свободе выбора поведения, как позитивного, так и негативного в основе которого ведущей ценностью может выступать правомерная или неправомерная модель поведения, обусловленная правосознанием.

Правовое регулирование базируется на соотношении прав и обязанностей личности и общества. Права и обязанности выступают как формы и способы реализации того минимума потребностей личности и общества, которые обеспечивают существование социальной жизни[15]. Личность включается в систему правового регулирования в качестве активного субъекта, обладающего совокупностью побуждений, интересов и целей, которые во многом определяют характер и направленность ее поступков[16]. Наряду с саморегуляцией, в качестве важнейшего внутреннего фактора, А. Бэндура выделяет и самоэффективность, которая функционирует при воздействии трех необходимых условий: самонаблюдение, процесс вынесения суждений и активная реакция на себя. Все эти процессы осуществляются благодаря имеющимся внешним образцам для сравнения и внутренним личным стандартам. Кроме того, данные процессы детерминированы ценностью, которую сам человек придает своей деятельности и реакциями самооценки, приобретающими статус критерия поощрения и наказания в зависимости от реальных последствий [17].

Все эти элементы мы находим в содержании правосознания: правовая интуиция, правовые ценности, правовые чувства.

Проблема ожидания реализуется в правосознании через понятие правовая установка, как готовность человека ожидать, предвосхищать потребное будущее.

Теоретический синтез данных концепций позволяет уточнить термин «динамика» относительно правосознания личности на основе: 1) феномена трансформации (человека трансформирующегося и, следовательно, полиморфного, мультивокального); 2) транзитности (человека транзитного, переходного, путника); 3) темпоральности (человека временного); 4) феномена заботы – заботы о бытии (Я и Другого) и времени – в плане как хранения бытия, так и становления бытия личности, воли к длению, континуальной темпоральности. Предлагается принять за основополагающее понятие деятельностно-смыслового подхода понятие работы личности, которая и конкретизируется как внутренняя работа, работа сознания, смысловая работа, мотивационная работа, темпоральная работа [18].

Несмотря на разброс мнений, относительно феномена смысла, практически все исследователи этой проблемы определяют смысл через отношение, которое строится не на определенной связи между реальностью и действительностью, а, прежде всего на сложной системе связей, которые обуславливают взаимодействие как субъективных отношений к действительности, так и обратное отношение.

В данном контексте проблема изучения смысла личности оказывается вплетенной в изучение феномена правосознания. Системный подход к изучению личности, предложенный отечественными исследователями, позволяет более целостно изучить феномен правосознания.

Литература

1. Словарь. Современная западная философия. Ред. В.Н.Садовский. М. Изд. полит. литер. 1991, с. 298.
2. Подробнее об этом см.: Донченко А.П. Фактор времени в нравственном становлении личности. Л.,1988. 121 с.
3. Пантыкина М.И. Феноменология правовой жизни: методология и социально философский аспект исследования. Автореф. дис. канд.философ.наук. Екатеринбург.2010.С.12.
4. Правосознание//Большая актуальная политическая энциклопедия/ Под общ. ред. А. Белякова и О. Матвейчева. М.: Эксмо, 2009.
5. Смазнова, О. Ф. Темпоральность правовых норм : Автореф. ... канд. филос. наук : 09.00.11 Великий Новгород, 2003.С. 3.
6. Соловьев Э.Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция: Философский альманах. / Сост. В.И.Мудрагей, В.И.Усанов. М., 1990. С. 233-234.
7. Смазнова, О. Ф. Темпоральность правовых норм : Автореф. ... канд. филос. наук : 09.00.11 Великий Новгород, 2003.С. 3.
8. Там же. С.7.
9. Там же. С.9.
10. Там же.С.10.

11. Там же. С. 10.
12. Там же. С. 10.
13. Толмэн Э. Поведение как молярный феномен /История психологии (10-е–30-е гг. Период открытого кризиса). – 2-е изд. /Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – С. 107–123.
14. Первин Л., Джон О. Психология личности: теория и исследования /Пер. с англ. М.С. Жамкочьян; под ред. В.С. Магуна. – М.: Аспект Пресс, 2000.
15. Васильев В.Л. Юридическая психология. М.С. 129.
16. Васильев В.Л. Там же. С. 129
17. Серый А.В. Структурно-содержательные характеристики личностных смыслов// <http://spf.kemsu.ru/portal/psy2004/1.1.htm>.
18. Магомед-Эминов, М.Ш. Трансформация личности / М.Ш. Магомед-Эминов. – М.: Психологическая ассоциация, 1998. – 496 с.

УДК 378.126

**ПРОЕКТИРОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ФГОС СПО
DESIGN OF PROFESSIONAL EDUCATION AND PEDAGOGICAL IN THE
IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL STANDARD SECONDARY PROFESSIONAL
EDUCATION**

*Грибова Л.Н., ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет)», к.п.н., доцент,
Gribova L.N., Ph.D., Associate Professor, State Pedagogical University of Nizhny Novgorod.*

e-mail: svetlyshka12@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается модернизация среднего профессионального образования, которая характеризуется обновлением содержания подготовки специалистов, в соответствии с требованиями ФГОС

Abstract: This article deals with the modernization of secondary professional education, which is characterized by updating the content of training, in accordance with the requirements of the GEF

Ключевые слова: среднее профессиональное образования, проектирование, федеральный государственный стандарт

Keywords: secondary professional education, engineering, federal government standard

Современный этап модернизации среднего профессионального образования характеризуется обновлением содержания подготовки специалистов, приведением его в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов третьего поколения.

Сравнительная характеристика Государственных образовательных стандартов второго и третьего поколения показала, что изменилась структура стандарта: Федеральный, региональный и компонент образовательного учреждения исчезли, появились обязательные и вариативные части, появился новый профессиональный цикл, включающий общепрофессиональные дисциплины и профессиональные модули, соответствующие основным видам профессиональной деятельности. Из производственной практики выделился отдельный раздел – учебная практика. Принципиальным отличием стало то, что новое поколение федеральных государственных образовательных стандартов среднего профессионального образования (далее – СПО) основано на идеологии формирования содержания образования «от результата», а их системообразующим компонентом становятся характеристики профессиональной деятельности выпускников.

Принципы построения стандартов нового поколения:

- ориентации на результаты обучения (общие и профессиональные компетенции);
- единства задач формирования общих и профессиональных компетенций;
- функциональности;
- социального партнерства;
- модульности.

Изучение ФГОС СПО нового поколения позволило выделить ряд общих особенностей:

- стандарт нового поколения, описывает деятельностные результаты образования.

Профессиональная программа, которая разрабатывается в образовательном учреждении, направлена на формирование содержания образования по специальности;

- построение образовательного стандарта нового поколения на основе модульно-компетентного подхода позволяет при формировании основной профессиональной образовательной программы по специальности предусмотреть оперативное обновление конкретных профессиональных модулей;

- стандарт нового поколения дает возможность образовательному учреждению при формировании ОПОП оптимально сочетать теоретические и практические составляющие обучения, указывает число часов на изучение цикла дисциплин, что позволяет разработчикам ОПОП самим определять количество часов на изучение конкретных дисциплин и профессиональных модулей;

- стандарт третьего поколения вводит производственную практику в качестве составной части профессионального цикла. Требования к содержанию рабочих программ практики, ее целям, задачам, формам отчетности образовательное учреждение разрабатывает самостоятельно с участием работодателей;

- ФГОС позволяет конкретные формы и процедуры текущего контроля знаний, промежуточной аттестации по каждой дисциплине и профессиональному модулю разрабатывать образовательным учреждениям самостоятельно. Образовательное учреждение также самостоятельно определяет вид государственной (итоговой) аттестации выпускников.

Таким образом, федеральный государственный образовательный стандарт СПО расширяет свободы образовательного учреждения при формировании основной профессиональной образовательной программы ОПОП и значительно повышает уровень ответственности при ее реализации.

В настоящее время, в условиях внедрения ФГОС, актуализируется задача перехода от действующих профессиональных образовательных программ, реализующих требования 2 поколения ФГОС СПО, к новому поколению основных профессиональных образовательных программ (ОПОП), реализующих требования стандартов СПО третьего поколения.

С этой целью на факультете среднего профессионального образования Нижегородского государственного педагогического университета (далее – ФСПО НГПУ)

была разработана «Программа перехода на федеральные государственные образовательные стандарты в системе среднего профессионального образования» (далее - Программа).

Цель Программы: создание образовательного пространства, обеспечивающего качественный переход на ФГОС СПО в соответствии с законодательством РФ, позволяющий максимально приблизить квалификацию выпускников системы профессионального образования к требованиям современного рынка труда.

Задачи Программы:

- формирование профессионально компетентного преподавателя, обеспечивающего соответствие качества профессиональной подготовки требованиям рынка труда;
- модернизация нормативно-правовой базы в соответствии с изменениями в законодательстве об образовании;
- проектирование нового поколения основных профессиональных образовательных программ, реализующих требования ФГОС СПО;
- совершенствование материально-технической базы в соответствии с требованиями ФГОС;
- развитие и совершенствование системы сотрудничества с социальными партнерами и работодателями.

Направления реализации Программы:

- организация информационно-аналитического сопровождения перехода на ФГОС СПО;
- повышение квалификации, переподготовка руководящего звена и профессорско-преподавательского состава вуза по вопросам перехода на ФГОС в системе СПО;
- организация проектирования нового поколения ОПОП, реализующих требования ФГОС СПО.

Реализация целей и задач Программы осуществлялась поэтапно.

Общая характеристика каждого этапа включает: продолжительность этапа; цель и основное содержание этапа; основные задачи, решаемые организаторами на данном этапе; основные результаты, ожидаемые по завершению работ данного этапа; представление результатов по данному этапу.

На первых этапах формировалась и утверждалась команда управления Программой и проектного коллектива по специальности 051001 «Профессиональное обучение (по отраслям)». Разрабатывались ОПОП по всем специализациям данной специальности, реализующие требования ФГОС СПО, в составе: рабочий учебный план с определением видов и форм промежуточной аттестации студентов, календарный учебный график, распределение объема времени, отведенного на вариативную часть циклов ОПОП, определение порядка, объема производственной практики, распределения видов практики по курсам и семестрам и др.

Ведущим принципом проектирования нового поколения ОПОП СПО стал принцип преемственности, - согласно которому ОПОП нового поколения не разрабатывается «с

нуля», а действующая ОПОП «перенастраивается» в соответствии с новым компетентностным форматом ФГОС СПО.

В ходе данной «перенастройки» происходит системная модернизация целевых, содержательных и технологических характеристик ОПОП, а также механизмов обеспечения ее качества.

Целевые характеристики:

- в требованиях ФГОС СПО впервые заданы требования не к обязательному минимуму содержания образования (дидактические единицы), а к результатам освоения ОПОП СПО, выраженных в форме компетенций;

- впервые в ФГОС СПО как государственных требования зафиксированы не только профессиональные, но и общекультурные качества выпускников;

- рабочие программы учебных дисциплин (модулей), практик достраиваются в части ожидаемых результатов образования, переосмысливаются с точки зрения методов достижения и оценки запланированных результатов образования.

Содержательные характеристики:

- усиливается взаимосвязь между всеми программными документами ОПОП СПО;

- появляются системообразующие компоненты (разделы) в структуре ОПОП СПО, а также модернизируются ее традиционные компоненты (в части ожидаемых результатов образования и способов их достижения и оценки);

- используется принцип модульной организации при проектировании ОПОП СПО;

- появляются междисциплинарные модули, направленные на формирование отдельных компетенций, освоение видов профессиональной деятельности (наряду с действующими «внутри дисциплинарными» модулями).

Технологические характеристики:

- устанавливается связь между ожидаемыми результатами образования, методами их формирования и оценивания (образовательных и оценочных технологий);

- усиливается значимость образовательных технологий, их адекватность и эффективность в обеспечении достижения ожидаемых результатов образования (не зависимо от мастерства педагога);

- усиливается направленность на диагностику достижений студентов и выпускников, которые они обязаны продемонстрировать;

- разрабатываются контрольно-измерительные материалы (включая междисциплинарные) для профессиональных и общих компетенций.

Механизмы обеспечения качества:

- ОПОП СПО разрабатывается и утверждается средним учебным заведением самостоятельно;

- ОПОП СПО проектируются в условиях устойчивого и эффективного социального диалога средней профессиональной школы и сферы труда;

- расширяются академические свободы образовательного учреждения при разработке ОПОП СПО, что проявляется в «отборе» содержания образования и образовательных технологий;

- возрастает ответственность преподавателей и студентов за эффективность образовательного процесса и собственной деятельности.

Проектирование основной профессиональной образовательной программы по специальности «Профессиональное обучение» (по отраслям) имеет свои особенности:

- дополнение «по отраслям» обеспечивает адресность подготовки кадров по специальности «Профессиональное обучение». В настоящее время в рамках специальности «Профессиональное обучение» (по отраслям) можно лицензировать любую специальность СПО, если в данной специальности имеется модуль по рабочей профессии;

- нормативными документами при разработке ОПОП по данной специальности выступают Федеральные государственные образовательные стандарты по специальности, по специализации, по рабочей профессии;

- основная профессиональная образовательная программа по данной специальности содержит виды профессиональной деятельности выпускника по нескольким квалификациям: педагогической, технической и рабочей. Это обязывает составить такой учебный график, чтобы изучение каждого профессионального модуля включало в себя прохождение того или иного вида практики. Данные условия определили логику организации учебного процесса по курсам:

- освоение рабочей профессии (производственное обучение);
- освоение профессиональной деятельности техника;
- освоение профессионально-педагогической деятельности.

В результате реализации первых этапов Программы перехода на ФГОС СПО на факультете среднего профессионального образования НГПУ разработаны ОПОП нового поколения по специализациям «Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта», «Строительство и эксплуатация зданий и сооружений», «Программирование в компьютерных системах», «Страховое дело» в рамках специальности 051001.52 «Профессиональное обучение» (по отраслям), а также компетентностно-ориентированные рабочие программы учебных дисциплин и модулей.

Новый этап реализации Программы предполагает проектирование комплексных оценочных средств для контроля качества подготовки выпускников при реализации основных профессиональных образовательных программ среднего профессионального образования, основанных на компетентностном подходе.

УДК 371.3

**ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО МАРШРУТА СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА
THE FEATURES OF DESIGNING AND REALIZATION OF STUDENT'S INDIVIDUAL
EDUCATIONAL ROUTE IN PEDAGOGICAL INSTITUTE**

*Колдина М.И., Нижегородский государственный педагогический университет им
К.Минина, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры теории и
методики профессионального образования.*

*Koldina M.I., Nizhny Novgorod state pedagogical university to them K.Minina, candidate of
pedagogical sciences, senior teacher of chair of the theory and technique of professional education.*

e-mail: ritius@mail.ru

*Аннотация: Рассмотрены особенности проектирования и реализации
индивидуального образовательного маршрута.*

*Annotation: Features of design and realization of an individual educational route are
considered.*

Ключевые слова: индивидуальный образовательный маршрут, тьютор, гуманизация.

Key words: individual educational route, tutor, humanization.

Сегодня обществу нужен педагог-профессионал, который будет являться не только носителем научных знаний и способов их передачи, а непосредственно будет активным субъектом профессионально-педагогической деятельности. Он должен обладать профессионально-значимыми качествами, заинтересован и ориентирован на развитие личности учащихся, их способностей, умеющий решать образовательные задачи и способный проектировать как свою деятельность, так и совместную деятельность с учащимися, готовый к сотрудничеству и сотворчеству. Ощущается потребность в новых технологиях подготовки будущих педагогов.

Гуманизация высшего образования подразумевает установление доверительных взаимоотношений между участниками педагогического процесса, учет индивидуальных возможностей и интересов каждого студента при организации их учебной деятельности. Педагогический вуз должен способствовать профессионально-личностному развитию учителя, и одной из основных задач должна быть задача создания условий для формирования у студентов интереса к самообразованию и саморазвитию, выработки потребности в самоанализе. Это и будет способствовать становлению индивидуальности будущего учителя, развитию способности видеть и признавать творческий потенциал в каждом человеке.

Реализация идей гуманизации педагогического образования позволит изменить отношение участников образовательного процесса к учебной деятельности и друг к другу. В настоящее время современные технологии обучения студентов в вузе предполагают поворот к личности, принятие ее личных целей, интересов и запросов. Гуманистически ориентированное образование основывается на отношениях сотворчества и сотрудничества, взаимопонимания и искренности между преподавателем и студентом. Отличительной особенностью подготовки учителя в педвузе является то, что его будущая профессиональная деятельность будет ориентирована на личность ребенка, ее изучение и развитие. А значит, особое внимание во время обучения и овладения профессией необходимо уделить формированию педагогической направленности и мотивации. Учебный процесс в педвузе должен быть построен таким образом, чтобы будущий учитель воспринимал себя личностью, умел адекватно оценить свои возможности и достоинства, имел возможность проявить себя и научился видеть личность в каждом из окружающих людей.

Один из возможных путей осуществления индивидуализации образовательного процесса в вузе с целью формирования индивидуальности будущего учителя мы видим во включении студентов совместно с преподавателями в проектирование и реализацию индивидуальных образовательных маршрутов по освоению учебных дисциплин.

Мы определяем индивидуальный образовательный маршрут как вариативную структуру учебной деятельности студента, отражающую его личностные особенности, проектируемую и контролируруемую в рамках отдельной учебной дисциплины совместно с преподавателем на основе комплексной психолого-педагогической диагностики. Говоря о вариативной структуре учебной деятельности студента, мы не подразумеваем изменение содержания учебных курсов. Мы имеем ввиду выбор оптимальных форм, средств, методов и темпов обучения, применение тех способов учения, которые в наибольшей степени соответствуют индивидуальным особенностям студентов. Это поможет студентам быстрее адаптироваться в новых условиях, кроме того, учет индивидуальных особенностей каждого будет способствовать формированию индивидуального стиля деятельности, личностной заинтересованности в изучении учебных курсов, поскольку студенты будут иметь возможность сами участвовать в проектировании индивидуальных образовательных маршрутов.

В процессе проектирования индивидуальных образовательных маршрутов происходит целенаправленное обучение студентов приемам и формам самостоятельной работы, преподаватель помогает каждому студенту обнаружить у себя возможные способы приобретения знаний. Студент приобретает умение проектировать свою учебную деятельность, правильно распределять свое время, продуктивно работать с учебным материалом, отслеживать результаты своей работы.

В связи с проблемой изменения характера отношений между участниками образовательного процесса в новых условиях возник качественно новый вид деятельности преподавателя - тьюторство. При этом преподаватель - тьютор занимает позицию консультанта и помогает студентам в организации своей деятельности, в подборе

конкретных учебников, средств, приемов и методов работы, а также способствует развитию у них способности к самоанализу и самооценке. Перед преподавателем - тьютором стоит задача организовать обучение студентов по индивидуальным образовательным маршрутам в соответствии с основными принципами и подходами ориентации на личность обучающихся, на их мнения. Важно собрать информацию об их ожиданиях и предпочтениях по поводу преподавания того или иного учебного предмета, познакомиться с его содержанием, формами работы на семинарских занятиях, возможными заданиями для самостоятельной работы.

На наш взгляд, при такой технологии обучения студентов с учетом их индивидуальных особенностей, каждый обучающийся сможет продвигаться по индивидуальным образовательным маршрутам во всех образовательных областях. А в процессе его профессионально-педагогической подготовки каждый студент будет иметь возможность определять индивидуальный смысл изучения учебных предметов, применять способы учения, которые наиболее соответствуют его индивидуальным и личностным особенностям и способностям, иметь право выбора индивидуального темпа и оптимальных форм и методов обучения, а также осуществлять оценку своей деятельности.

Совместное проектирование учебного процесса, в котором участвуют преподаватель - тьютор и студент, представляет собой творческий процесс участников этой деятельности, при котором создаются развивающие ситуации; происходит организация такой образовательной среды, в которой студенты смогут полнее раскрыть свои возможности и свой внутренний мир, быть свободными в выборе форм и содержания действий, достичь успеха и чувствовать себя комфортно. Постоянные занятия проектированием своей деятельности позволяют будущим учителям обрести уверенность и ощущение личной свободы, а также научат их творчеству, критически мыслить и принимать самостоятельные решения, осознавая при этом личную ответственность. Проектируя свою деятельность, каждый учащийся может увидеть результаты своих усилий, осознать свою значимость. Преподаватель при этом помогает, направляет, советует, то есть технология проектирования должна быть, прежде всего, ориентирована на совместную деятельность участников образовательного процесса, на постоянный диалог.

Под проектированием индивидуального образовательного маршрута мы понимаем совместную деятельность преподавателя и студента, в которой определяется будущий процесс и результат целенаправленного профессионально-личностного развития учащихся при решении тех или иных образовательных задач в рамках отдельной учебной дисциплины с учетом данных комплексной психолого-педагогической диагностики.

Технология проектирования индивидуальных образовательных маршрутов представляет собой последовательность действий совместной работы преподавателя и студента по проектированию индивидуального образовательного маршрута в рамках отдельной учебной дисциплины с учетом его индивидуальных особенностей.

В нашем исследовании присутствуют два процесса проектирования. На первом уровне проектируются индивидуальные образовательные маршруты каждого студента в процессе его взаимодействия с преподавателем. Продуктом проектирования является

«Индивидуальная технологическая карта» каждого студента. На втором уровне преподаватель проектирует весь процесс обучения в рамках конкретной учебной дисциплины с учетом индивидуальных образовательных маршрутов учащихся. Продуктом проектирования является технология образовательного процесса, ориентированного на индивидуальные образовательные маршруты студентов.

Преподаватель - тьютор и студенты включаются в процесс проектирования и реализации индивидуальных образовательных маршрутов путем последовательного прохождения основных этапов.

На целевом этапе преподавателем и студентами с помощью методик комплексной психолого-педагогической диагностики изучаются индивидуальные особенности обучаемых, составляется «Индивидуальный профиль личности каждого студента». Преподаватель изучает программу учебной дисциплины и анализирует ее содержание, выделяет основные модули, основные понятия по темам. Анализируя «Индивидуальный профиль личности» каждого студента, выявляет основные проблемы и трудности. Составляется «Путеводитель изучения учебной дисциплины», осуществляется группировка студентов по одному или нескольким признакам (по выявленным проблемам), разрабатываются модели деятельности учащихся на каждом занятии с учетом индивидуальных особенностей. Составляются «Индивидуальные карты самодвижения по темам», система заданий, рабочих руководств и оборудования, необходимых для изучения учебной дисциплины.

На мотивационном этапе преподаватель знакомит студентов с учебной дисциплиной (разделом) и предъявляет проспект всего курса по темам («Путеводитель изучения учебной дисциплины»); выясняет мнение студентов о предпочитаемых формах работы на занятиях; выясняет, что студенты уже знают в рамках изучаемой учебной дисциплины. Студенты, знакомясь с учебным курсом, пишут свои пожелания по организации его изучения; распределяют темы (ранжируют) по степени важности для них как для будущих учителей, объясняя свой выбор.

На проектировочном этапе преподаватель дает рекомендации студентам с учетом их «Индивидуального профиля личности» по изучению тем учебного курса на аудиторных занятиях и самостоятельно; помогает в заполнении «Индивидуальных карт самодвижения» по темам учебного курса (в которых отражается работа студентов и фиксируются результаты, которые учитываются при сдаче отчетности); помогает в составлении «Индивидуальной карты саморазвития» по результатам комплексной психолого-педагогической диагностики; дает рекомендации по развитию индивидуальных сфер личности. Студент дорабатывает с учетом данных рекомендаций и своих предпочтений индивидуальные карты самодвижения по темам; консультируется с преподавателем; продумывает и планирует работу по разрешению выявленных трудностей и проблем в личностном развитии. Результатом совместной работы преподавателя и учащегося является «Индивидуальная технологическая карта» каждого студента, в которой отражается спроектированный индивидуальный образовательный маршрут по изучению учебной дисциплины. Она включает в себя: «Индивидуальные карты самодвижения по темам»,

«График индивидуального образовательного маршрута студента изучения учебной дисциплины», «Индивидуальную карту саморазвития».

На технологическом этапе преподаватель организует и осуществляет аудиторную и самостоятельную работу с каждым студентом в соответствии с «Индивидуальной технологической картой»; проводит индивидуальные консультации в случае возникновения затруднений и проблем. Студент также выполняет самостоятельную проработку тем учебной дисциплины, работает по развитию у себя индивидуальных сфер личности.

На результативном этапе преподаватель подводит итоги всей работы студента по изучению учебной дисциплины и по развитию индивидуальных сфер личности. Студент демонстрирует достижения и высказывает впечатления от изучения курса (что было трудно, что получалось), пожелания на будущее себе и преподавателю. Сопоставляются показатели индивидуального образовательного маршрута спроектированного вначале изучения учебной дисциплины с фактическими показателями, полученными в течение совместной работы и в итоге.

При этом преподаватель начинает работу со студентами в качестве организатора и руководителя. На протяжении реализации индивидуальных образовательных маршрутов студентов преподаватель выступает в качестве консультанта и помощника учащихся. Он помогает студентам в организации своей деятельности, в подборе конкретных учебников, средств, приемов и методов работы, а также способствует развитию у них способности к самоанализу и самооценке.

Заканчивая изучать учебную дисциплину, студент вырабатывает свой индивидуальный стиль работы и способен самостоятельно управлять, регулировать и корректировать свой индивидуальный образовательный маршрут, поэтому преподаватель уже выступает в роли «наблюдателя». Студент приобретает умение проектировать свою учебную деятельность, правильно распределять свое время, продуктивно работать с учебным материалом, отслеживать результаты своей работы.

Следовательно, при проектировании и реализации индивидуальных образовательных маршрутов студентов происходит целенаправленное обучение их приемам и формам самостоятельной работы, а преподаватель - тьютор помогает каждому студенту обнаружить у себя возможные способы приобретения знаний.

УДК 378

**ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ВАЖНЫЕ КАЧЕСТВА ЛИЧНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА
В ОБЛАСТИ ЖКХ
PROFESSIONALLY IMPORTANT QUALITIES OF THE PERSON OF SPECIALIST IN
THE AREA OF LIVING-AND-COMMUNAL SERVICE**

Крылышкова Л.Ю., Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, старший преподаватель кафедры строительства и сварочных технологий

Кутепова Л.И., Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, кандидат педагогических наук, доцент кафедры строительства и сварочных технологий.

Krylyshkova L.U., Nizhny Novgorod state pedagogical university, senior teacher of the department of building and welding techniques.

*Kutepova L.I. Nizhny Novgorod state pedagogical university, docent of the department of building and welding techniques, candidate of pedagogy
e-mail: n444oc@rambler.ru*

Аннотация: Статья рассматривает профессионально-важные качества личности специалистов в области ЖКХ, лежащие в основе их профессиональной подготовки.

Annotation: The article is considering the professionally important qualities of the specialists in the area of living-and-communal service underlying their training.

Ключевые слова: ЖКХ, требования, профессиональная деятельность, личностные качества, профессиональные качества специалиста ЖКХ.

Key words: of living-and-communal service, professional activities, personal qualities, professionally important qualities of the specialists in the area of living-and-communal service .

В век прогресса науки, техники и производства возросли требования к уровню и качеству профессиональной подготовки будущих специалистов в области ЖКХ (жилищно-коммунального хозяйства). Изменения, происходящие в отрасли ЖКХ, и перспективы её развития определяют новые требования к личности специалиста для этой отрасли. Им должны быть присущи высокий уровень квалификации, общая и профессиональная культура, высокая профессиональная активность, готовность к нестандартным профессиональным ситуациям, высокий уровень ответственности, свободное владение профессией и ориентация на профессиональное самосовершенствование, высокий уровень гуманитарных, естественно-научных и профессиональных знаний и умений [3].

Анализ профессиональной деятельности специалиста ЖКХ позволил выявить

факторы, определяющие требования к личности и деятельности специалиста ЖКХ:

- широкая номенклатура объектов ЖКХ;
- характер условий труда;
- специфичность социально-экономических отношений между потребителем и исполнителем жилищно-коммунальных услуг;
- информатизация и автоматизация жилищно-коммунального комплекса;
- необходимость быстро реагировать на экстремальную ситуацию и систематизировать знания, медлительность и трудность выбора способов и средств принятия правильных решений;
- характер непрерывности обслуживания объектов ЖКХ и взаимосвязь с этапами проектирования, возведения и эксплуатации этих объектов;
- появление новых объектов обслуживания, новых технологий, средств труда и материалов, используемых предприятиями ЖКХ;
- изменение нормативной и законодательно-правовой основы функционирования отрасли.

Расширение способов хозяйствования, форм управления жилищным фондом, анализ функциональных обязанностей специалистов ЖКХ определили следующие требования к личности и деятельности специалиста ЖКХ:

- осознание специалистом своих образовательных потребностей и требований, предъявляемых к нему обществом;
- осознание целей, достижение которых приведёт к выполнению профессиональных задач;
- профессиональная компетентность (сочетание теоретических знаний и практического опыта специалиста ЖКХ, его способность осуществлять все виды профессиональной деятельности);
- способность к творчеству в решении профессиональных задач (умение ориентироваться в нестандартных ситуациях, анализировать проблемы, разрабатывать план действий и др.);
- устойчивое позитивное отношение к своей профессиональной деятельности, стремление к непрерывному развитию;
- овладение методами анализа профессиональной деятельности.

Актуализируются такие свойства личности обучающихся, как способность к ориентации в новых социально-экономических условиях, социально-профессиональная активность, повышение чувства субъективности, свобода выбора и в связи с этим вариативность поведения, опора на свои собственные силы, профессиональная самостоятельность, правовая и нравственная ответственность за свои поступки и результаты деятельности, мобильность, быстрая реакция на различные социальные изменения.

Возрастает «удельный вес» профессиональных характеристик, таких как мастерство, профессиональная зрелость, профессионализм. Уровень развития, профессиональное мировоззрение, профессионально трудовых умений, уровень овладения профессиональной

этикой, степенью сформированности индивидуального стиля деятельности, возрастная значимость профессиональной направленности личности, его интересов, склонностей, намерений, притязаний [1, 2].

В процессе исследования нами было установлено, что специалист в области ЖКХ должен обладать комплексом личностных профессионально-значимых качеств.

Совокупность личностных качеств специалиста ЖКХ морально-нравственные (честность, обязательность, добросовестность, порядочность, надёжность, требовательность и принципиальность, умение держать слово, морально-психологическая устойчивость и др.), коммуникативные (уважение и внимание к окружающим, готовность помочь, доступность, эмпатия, отзывчивость и др.) качества.

Профессиональные качества личности специалиста ЖКХ определяет набор исполнительных, исследовательских, проектировочных способностей: ответственность за порученное дело, дисциплинированность, инициативность, психологическая готовность к выполнению профессиональных задач, умение строить взаимоотношения в коллективе, способность быстро адаптироваться к новым условиям, стремление к развитию общекультурных и профессиональных компетенций, непрерывное профессиональное развитие, нацеленное на достижение высоких результатов в профессиональной деятельности.

Специалист по сервису в области ЖКХ должен уметь осуществлять следующие виды деятельности:

а) сервисная:

- анализ заказа на жилищно-коммунальные услуги, проведение экспертно-диагностических мероприятий;
- исследование возможностей и оптимальных методов оказания жилищно-коммунальных услуг;
- разработка проекта и технологии оказания жилищно-коммунальных услуг;
- установление и обеспечение требуемого уровня качества услуг;
- согласование, оформление и доведение жилищно-коммунальных услуг до потребителя.

б) производственно-технологическая:

- анализ возможностей и особенностей процесса оказания жилищно-коммунальных услуг;
- разработка и обоснование наиболее оптимального варианта проекта оказания услуг;
- выбор средств и методов для осуществления проекта оказания услуг;
- организация технологического процесса исполнения жилищно-коммунальных услуг;
- организация и осуществление технического регулирования процесса исполнения жилищно-коммунальных услуг.

в) организационная:

- анализ выполнения производственно-технологических процессов оказания услуг;
- организация эффективной работы жилищно-коммунальной организации;
- координация технологических процессов;

- организация и осуществление контроля качества оказываемых услуг;
- обеспечение экономического обоснования организационных решений и выбора технологических процессов оказания жилищно-коммунальных услуг.

Таким образом, профессиональная деятельность специалиста в области ЖКХ носит интегративный, многогранный и творческий характер. Характер и содержание профессиональной деятельности специалиста в области ЖКХ требует глубоких профессиональных знаний, высокого профессионального мастерства, овладения умениями управления технологическими процессами, связанными с сохранением работоспособности и надёжности объектов ЖКХ.

Литература

1. *Зайцева, Е.* Решение вопросов повышения квалификации и обучения специалистов в сфере ЖКХ // Коммунальный комплекс России. – 2011. – № 7-8 (85-86). – С.32-34.
2. *Ларионова, О.* Новые подходы, востребованные профессии, участие отраслевых предприятий // Коммунальный комплекс России. – 2009. – № 9 (51). – С.8-11.
3. *Рыбальченко, М.* Кадровое обеспечение ЖКХ // Коммунальный комплекс России. – 2009. – № 9 (51). – С.11-14.

УДК 796.323

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ СПОРТИВНЫХ МЕНЕДЖЕРОВ
PROFESSIONAL MOBILITY OF THE SPORT MANAGERS

Кутепов М.М., Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой физкультуры и спорта

Kutepov M.M., the candidate of pedagogical sciences, chairman of department of gymnastics and sport of Nizhniy-Novgorod state pedagogical university.

e-mail: svetlyshka12@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о соотношении понятий профессиональная компетентность и профессиональная мобильность, а также раскрывается содержание понятия «профессиональная мобильность спортивного менеджера».

Annotation: In the article is examined a question about the relationship of concepts professional competence and professional mobility, and also is revealed the content of concept “professional mobility of sport manager”.

Ключевые слова: Профессиональная мобильность специалиста, профессиональная компетентность специалиста, профессиональная мобильность спортивного менеджера.

Keywords: Professional mobility of specialist, the professional competence of specialist, the professional mobility of sport manager.

В последние годы в научно-педагогических работах все чаще встречается термин мобильность, который был введен в научный оборот социологами для обозначения явлений, характеризующих перемещения, передвижения социальных групп и отдельных людей внутри социальной структуры общества (социальная мобильность). По мере изучения этих явлений с позиции разных социально-экономических наук (социологии, экономики, демографии и др.) представления о мобильности в обществе дифференцируются и в настоящее время всесторонне изучаются процессы вертикальной и горизонтальной, групповой и индивидуальной мобильности, особо выделяются трудовая, профессиональная, культурная и другие виды мобильности.

Если с позиции социально-экономических наук, исследующих процессы мобильности, изучаются прежде всего характер протекания этих процессов, условия и факторы, которые оказывают на них влияние и т.д., то в педагогике в центре внимания оказываются проблемы формирования индивидуальной мобильности человека, а с этой точки зрения значимой становится сущностная характеристика мобильности как личностного качества, его структура. Только на этой основе можно целенаправить образовательный процесс во всей совокупности его составляющих на формирование данного

качества личности обучающегося. С этой точки зрения перед профессиональным образованием в первую очередь стоит задача подготовки *профессионально мобильных* специалистов, психологически и инструментально готовых как к «горизонтальным», так и к «вертикальным» перемещениям в рамках социально-профессиональной структуры общества.

Проблемы формирования профессиональной мобильности рассматриваются исследователями в рамках применения компетентностного подхода, прежде всего потому, что актуализация и профессиональной компетентности, и профессиональной мобильности как специфических характеристик специалиста обусловлена, по существу, одним социальным контекстом, т.е. одними и теми же социальными процессами. Но при этом приобретает научную значимость вопрос о соотношении понятий *профессиональная компетентность* и *профессиональная мобильность*.

На сегодняшний день в научно-педагогической литературе уже наметилось несколько различных точек зрения по этому вопросу. Согласно одним представлениям профессиональная мобильность включается в профессиональную компетентность как одна из ее составляющих (И.А. Зимняя, Э.Ф. Зеер, А.А. Майер и др.).

Другие исследователи рассматривают профессиональную компетентность и профессиональную мобильность как две относительно самостоятельные, но взаимообусловленные характеристики специалиста (Б.М. Игошев, Л.А. Амирова и др.).

По мнению зарубежных исследователей (Д. Мартенс, А. Шелтон) в основу формирования профессиональной мобильности и конкурентоспособности будущих специалистов должны быть положены «ключевые квалификации», которые имеют широкий радиус действия, выходят за пределы одной группы профессий, профессионально и психологически подготавливают специалиста к смене и освоению новых специальностей и профессий, обеспечивают готовность к инновациям в профессиональной деятельности.

В практическом аспекте данная теоретическая проблема приобретает следующий смысл: если образовательный процесс ориентирован на формирование профессиональной компетентности, обеспечивает ли это автоматически и формирование профессиональной мобильности либо для этого необходимы специальные педагогические условия и средства?

Важной особенностью профессиональной компетентности является то, что она предполагает мотивационную, ценностную и личностно-психологическую направленность человека как специалиста на определенную профессиональную деятельность. Иначе говоря, профессионально компетентный человек компетентен в конкретной, пусть даже достаточно широкой, сфере профессиональной деятельности. Другой вопрос, что в случае перехода в другую профессиональную сферу такой специалист, как правило, очень быстро может стать профессионально компетентным и в новой профессиональной области, поскольку он уже владеет механизмами внутренней организации, необходимыми для этого.

Тем не менее, характерная для профессиональной компетентности направленность на конкретную профессиональную деятельность в определенном смысле противоречит сущности профессиональной мобильности, которая, напротив, предполагает готовность специалиста к смене сферы профессиональной деятельности. И очевидно, что эта готовность

тоже должна опираться на фундамент определенных личностно-профессиональных качеств и свойств. Далеко не любой человек может быть в современном обществе профессионально мобильным, оставаясь при этом профессионалом, которого ценят окружающие, а также целостной личностью, не подверженной разного рода «коррозиям» и саморазрушению. Всем известно, что для очень многих людей необходимость менять место работы, а тем более профессию, становится тяжелым психологическим испытанием. Нередки и случаи, когда неплохой практик, поднимаясь по карьерной лестнице, становится плохим управленцем.

Исследуя работы ученых в области профессиональной компетентности и профессиональной мобильности, нами определено, что *профессиональная мобильность специалиста* это способность и готовность личности достаточно быстро и успешно овладевать новой техникой и технологией, приобретать недостающие знания и умения, обеспечивающие:

- профессиональный рост специалиста, связанный с повышением в должности;
- смену профиля, отрасли промышленности;
- освоение новой техники и технологии при сохранении прежнего места работы;
- результативную творческую деятельность;
- самостоятельное принятие решения в производственных ситуациях;
- правильную оценку своей профессиональной деятельности в системе выполнения трудовых обязанностей совместно с другими людьми, взаимодействия с ними в процессе регулирования своей и их деятельности.

На основании анализа и обобщения научной литературы, а также опроса специалистов различного уровня, нами определены основные виды деятельности спортивного менеджера:

- информационное обеспечение спортивной команды;
- работа со страховыми компаниями⁴
- хозяйственное обеспечение: приобретение формы и инвентаря;
- ведение личной документации игроков;
- ведение финансовой документации;
- управление проведением соревнований;
- обеспечение необходимых для команды условий и др.

Методы управления в спортивном менеджменте зависят от многих факторов, а именно:

- цели и задачи спортивной организации;
- особенности объекта управления (потенциальный или реальный контингент игроков, экономические ресурсы, персонал спортивной организации и т.п.);
- особенности субъекта управления (профессиональный опыт менеджера, общественный статус спортивного клуба, федерации и т.п.);
- особенности конкретной управленческой ситуации;
- возможности и специфика имеющегося в распоряжении спортивного менеджера арсенала методов управления и др.

Эти факторы находятся в постоянном изменении так же, как и весь арсенал методов управления. Поэтому эффективное применение методов управления требует от спортивного менеджера искусства, постоянного творческого поиска, пристального внимания к изменениям внутренних и внешних условий деятельности спортивной организации.

Сегодня от спортивных менеджеров любого уровня требуются как личностно-профессиональные качества, которые мы относим к профессиональной компетентности (наличие общей подготовки в области менеджмента, владение навыками администрирования, умение самостоятельно и своевременно принимать обоснованные решения, целеустремленность и др.), так и качества, которые мы относим к его профессиональной мобильности (знание особенностей организации и проведения спортивных соревнований различного уровня, владение способами и приемами организации спортивных соревнований, опыт работы по проведению спортивных соревнований различного уровня и др.).

Мы считаем, что **профессиональная мобильность спортивного менеджера** – это **способность и готовность к быстрой смене выполняемых функций в рамках своей специальности на основе приобретенных знаний и умений использования различных организационных технологий, способность быстрого и качественного освоения новых для субъекта деятельности организационных технологий и внедрения их в его профессиональную деятельность.**

Под *горизонтальной мобильностью спортивного менеджера* следует понимать его готовность к переходу от использования одной технологии организации соревнований к другой таким образом, что специалист остается на том же уровне в плане профессиональной деятельности.

Под *вертикальной мобильностью спортивного менеджера* следует понимать его готовность к переходу от использования одной организационной технологии к другой таким образом, чтобы произошел переход данного субъекта деятельности из одного профессионального уровня на другой профессиональный уровень.

Литература

1. Алиев, Э.Г. Проблемы совершенствования организации соревнований профессиональных мини-футбольных клубов /Э.Г. Алиев, А.А. Демин, Ю.В. Тихомиров // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2011. – № 12 (82). – С. 15-18.
2. Дюнина, В.Н. Формирование профессиональной мобильности студентов информационных специальностей в техникуме автореф. дис. ... канд. пед. наук / В.Н. Дюнина. – Н.Новгород., 2009. – 25 с.
3. Середа, А.Ю. Проблемы формирования ключевых компетентностей у спортивных менеджеров в современных условиях /А.Ю. Середа // Научные исследования и разработки в спорте: Вестник аспирантуры и докторантуры Вып. 17 / Нац. ун-т физ. культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург. – СПб., 2008. – С. 99 –101.
4. Кутепов, М.М. Становление и развитие студенческого баскетбола: монография / М.М. Кутепов. – Н.Новгород., 2010. – 139 с.

УДК 378

**ЛИЧНОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ
ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ПЕДАГОГА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ
LICHNOSTNO-SEMANTIC DETERMINANTS OF DEVELOPMENT OF
PROFESSIONALISM OF THE TEACHER OF VOCATIONAL TRAINING**

Лапшова А.В., Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики профессионального образования,

Lapshova A.V., The Nizhniy Novgorod state pedagogical university of K.Minina, The senior lecturer of chair of the Theory and vocational training technique, the candidate of pedagogical sciences, the senior lecturer

e-mail: any19.10@mail.ru

Аннотация: Рассмотрена типология смысловой структуры личности педагога профессионального обучения и выделены ее уровни, способствующие развитию профессионализма педагога.

Annotation: The typology of semantic structure of the person of the teacher of vocational training is considered and its levels promoting development of professionalism of the teacher are allocated.

Ключевые слова: смысловая структура личности, критерии профессионализма, личность педагога.

Key words: semantic structure of the person, criteria of professionalism, the person of the teacher.

В современных представлениях ценность развития и саморазвития ребенка, получающего образование, неотделима от ценности развития и саморазвития педагога. Появилась тенденция к переосмыслению категории «педагог-профессионал». Представления о критериях профессионализма педагога профессионального обучения и его аспектах также претерпевают изменения.

В настоящее время разрабатываются такие аспекты профессионализма, как операционально-технический, коммуникативный, профессионально-определенная «Я-концепция», профессиональное сознание, профессиональная рефлексия, профессиональная компетентность, профессиональная педагогическая позиция [4].

Профессионализм педагога традиционно связывался с развитием его личности [5,6]; несмотря на то, что личность в этом случае не рассматривалась как непосредственная детерминанта профессионализма, существующие представления являются предпосылкой для

ее введения. Вместе с тем, в педагогической психологии еще слабо разработаны представления о личности педагога, затрагивающие ее смысловую сферу. Тем не менее, именно с ней связана возможность укоренения педагога в пространстве «общечеловеческих» ценностей, одной из которых и является ценность развития. Укорененность в «общечеловеческих» ценностях - это то специфическое, что должно выделять профессионала-педагога из ряда профессионалов во многих иных отраслях деятельности, в том числе и тех, которые связаны с обучением. В непсихологических терминах, в образно-художественном виде последнее ярко представлено в творчестве таких великих педагогов, как Я. Корчак, В.А. Сухомлинский, К.Д. Ушинский и др.

В современном педагогическом инновационном движении «общечеловеческие» ценности также становятся основными ценностями образования [3]. В настоящее время вполне возможно существование следующего парадокса: педагог, обладающий определенными знаниями и опытом, достигающий результатов по успеваемости учеников и внешне демонстрирующий показатели эффективности труда, может одновременно попирает достоинство ребенка, препятствовать развитию его личности, но тем не менее, быть признанным как профессионал.

Поэтому рассмотрение личностно-смысловых детерминант профессионализма педагога профессионального обучения, ранее не производившееся, а также построение системы взглядов, удерживающих целостность представлений о педагоге как субъекте педагогической деятельности и субъекте образовательного процесса, участвующего в культуре, укоренного в «общечеловеческих» ценностях, являются крайне актуальными.

«Смысловые структуры личности педагога как детерминанты развития профессионализма» - посвящена анализу новых представлений об образовании, формулированию критериев профессионализма в современном его понимании, обоснованию выбора смысловых структур личности в качестве детерминант профессионализма, построению теоретической модели смысловых структур личности педагога и анализу каждого смыслового уровня с точки зрения обеспечения развития профессионализма.

Обращение к категории «смысловые структуры личности» в связи с профессионализмом педагога профессионального обучения связано со сменой парадигмы образования, возникновением его новых ценностей и появлением множественных расхождений в образовательных категориях, ранее совпадавших. Так, в оформляющемся различении категорий «педагогическая деятельность» и «образовательный процесс» определяющим моментом является то, что содержание и целевые ориентиры образования и педагогической деятельности, ранее полностью совпадавшие, теперь расходятся, в связи с этим педагог-профессионал является не только субъектом педагогической деятельности, но и образовательного процесса, он реализует в профессиональной деятельности цели и ценности не самой деятельности, а образования другого. Поэтому в становлении профессиональной деятельности педагога первым вопросом является вопрос об общих целях и смыслах развития человека, получающего образование и только вторым - о целях конкретной педагогической деятельности. При этом процесс развития в образовании понимается не

только как развитие по сущности природы и социума, но и по сущности человека [2] - как саморазвитие, вектор которого ориентирован на высшую ступень - универсализацию [2].

Превращение педагогической деятельности в средство образовательного процесса путем создания приоритета целей и ценностей развития человека, получающего образование над конкретными целями педагогической деятельности, организация внутренних моментов деятельности, направленных на содействие развитию другого может происходить только при участии личности педагога, так как соподчиненность, иерархические отношения деятельностей, «сшивание» отдельных деятельностей между собой лежат в основе личности [1].

Личность проявляет и формирует себя через деятельность, но она не сливается полностью и безраздельно с субъектом деятельности, а составляет особое, прямо не сводимое к деятельности и прямо не выводимое из деятельности образование, существенной характеристикой которого является ценностно-смысловое отношение к происходящему [3]. Таким образом, именно личность педагога-профессионала может обеспечить общий принцип регуляции, соотнося в каждом конкретном случае конкретные средства и цели педагогической деятельности с тем, насколько они способствуют развитию человека, получающего образование.

Смысловые структуры позволяют оценивать и регулировать любую деятельность человека не только со стороны успешности достижения тех или иных целей, но и со стороны ее нравственной оценки, то есть со стороны того, насколько она реализует «общечеловеческие» ценности, насколько правомерны отношения между мотивами и целями, целями и средствами их достижения [6]. Для этого в каждом конкретном случае происходит отсеивание неадекватных средств, поиск новых способов, изменение и смещение целей или прекращение самой деятельности, несмотря на ее успешный ход.

Именно личностно-смысловым структурам принадлежит функция принятия определенной ценности как личностно значимой, а не только «назывной», декларируемой [5]. Поэтому способность принять ценность развития получающего образование как личностно значимую не формируется через обучение, через знание о важности развития, а только через собственный выход на определенный уровень личностного развития.

Тип смысловой структуры личности педагога детерминирует развитие профессионализма. В зависимости от сочетания тех или иных доминирующих уровней нами выделены пять основных типов смысловых структур: «развивающая» (Р), «развивающе-воспроизводящая» (Р-В), «воспроизводящая» (В), «воспроизводяще-деструктивная» (В-Д), «деструктивная» (Д). Типы Р и Р-В позволяют педагогу развивать профессионализм, тип В не обеспечивает профессионализм в современной его интерпретации, а типы В-Д и Д его блокируют.

В результате соотносительного анализа линейных диаграмм, экспертных оценок и психологических характеристик была предложена типология смысловой структуры личности педагога.

Тип смысловой структуры – «развивающая» (Р). Доминирует гуманистический уровень (один или в сочетании с духовным). Смысл определяется здесь как Собеседник и Лицо, поэтому педагог может видеть в учащемся целостное, уникальное, сущностное бытие человека. Он способен согласовать ценность развития получающего образование с конкретными целями и средствами педагогической деятельности, принять «общечеловеческие» ценности как лично значимые, осуществить нравственную регуляцию деятельности. Способен работать в развивающих или лично-ориентированных технологиях, продуцирует новые идеи, разрабатывает новые технологии, методики. Осуществляет сотворчество личной культуры и личности получающего образование.

Педагог реально может осуществить в профессиональной деятельности ценность развития человека, получающего образование. Тип Р гарантирует развитие профессионализма.

Тип структуры – «развивающе-воспроизводящая» (Р-В). Сочетание гуманистического и группоцентрического уровней. Смысл определяется как Учащийся или Собеседник. У педагога снижены возможности: принятия ценности развития как лично значимой, создания приоритета ценности развития получающего образование над конкретными целями педагогической деятельности, нравственной регуляции деятельности. Он не всегда может относиться к ученику как к личности и другому. Однако, если прибегнут к помощи волевой регуляции, то Смысл как Собеседник становится «дополнительным смыслом действия» [4], что способствует тому, что педагог будет иметь реальную возможность осуществления ценности развития человека, получающего образование. Педагог с такой структурой способен к творчеству как производству нового в сниженной по сравнению с «развивающей» структурой степени он может вносить методические модификации в организацию образовательного процесса, у него особая чувствительность к инновациям. «Развивающе-воспроизводящая» структура гарантирует развитие профессионализма, но в сниженной по сравнению с «развивающей» структурой степени.

Тип структуры – «воспроизводящая» (В). Доминирует группоцентрический уровень. Смысл определяется здесь как Ученик и Учащийся. Педагог ориентирован на воспроизводство ЗУНов или «учит учиться». Он может реализовать в профессиональной деятельности конкретные цели и средства педагогической деятельности, но не ценность развития получающего образование, так как не способен принять их как лично значимые, видеть в ученике целостное, уникальное, сущностное бытие человека. Успешно решает типовые педагогические задачи, использует готовые технологии, точно следует образцам и требованиям. Не способен к педагогическому творчеству, к нравственной регуляции педагогической деятельности, к принятию «общечеловеческих» ценностей. Тип В не обеспечивает развитие профессионализма в современном его понимании.

Тип структуры – «воспроизводяще-деструктивная» (В-Д). Сочетание группоцентрического уровня с доминирующими эгоцентрическим и (или) предличностным. Смысл определяется как Ученик, Двойник, объект. Педагог ориентирован на

воспроизводство ЗУНов, но одновременно он разрушает личность ученика. Тип В-Д блокирует развитие профессионализма.

Тип структуры «деструктивная» (Д) - доминирующие эгоцентрический и (или) предличностный уровни. Педагог не способен к педагогической деятельности по нормам, разрушает личность ученика. Тип Д блокирует развитие профессионализма.

Частота, с которой обозначенные выше типы структур встречаются в выборке, приведена в таблице 1.

Таблица 1 - Типы смысловых структур личности педагога профессионального обучения

Тип смысловой структуры	Ведущий уровень или сочетание доминирующих уровней	Обеспечивает развитие профессионализма / нет в соответствии с критерием	Частота
«Развивающая» Р	Гуманистический или гуманистический и духовный	Да, обеспечивает	7,58%
«Развивающе-воспроизводящая» Р-В	Гуманистический и группоцентрический	Да, обеспечивает в сниженной степени	8,06%
«Воспроизводящая» В	Группоцентрический	Нет, не обеспечивает развитие профессионализма в современной его интерпретации	46%
«Воспроизводяще-деструктивная» В-Д	Группоцентрический и эгоцентрический или предличностный	Нет, блокирует профессионализм	32,7%
«Деструктивная» Д	Эгоцентрический и предличностный	Нет, блокирует профессионализм	5,69%

Литература

1. Волвенко, И.В. Формирование профессионально-педагогической компетентности студентов инженерного профиля: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Ирина Владимировна Волвенко. – Волгоград, 2006. – 187 с.: Библ.: 175-187.
2. Кларин, М.В. Инновации в мировой педагогике / М.В. Кларин. – Рига, 1995. – 203 с.
3. Никитина, Н.Н. Основы профессионально-педагогической деятельности: учебник / Н.Н. Никитина, О.М. Железнякова, М.А. Петухов – М: Мастерство, 2002. – 288с.
4. Прохорова М.П. Подготовка педагогов профессионального обучения к инновационной деятельности в вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Мария Петровна Прохорова. – Н.Новгород, 2008. – 29 с.
5. Синенко, В.Я. Профессионализм учителя // Педагогика. – 1999. - №5. – С. 45-51.
6. Слободчиков, В.И. Профессиональное развитие педагога как научная проблема // Инновации в образовании. – 2003. - №5 – С. 5-11.

УДК 159

**РОЛЬ И ФОРМИРОВАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ В
ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ**
**ROLE AND FORMATION PEDAGOGICAL PROJECTS IN PROFESSIONAL
EDUCATION**

Маркова С.М., Нижегородский государственный педагогического университета им. Козьмы Минина, д.п.н., профессор, зав. кафедрой теории и методике профессионального образования.

Markova S. M. professor, head of the department of theory and methods of professional education of the Nizhny Novgorod State Pedagogical University

e-mail: svetlyshka12@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены роль и формирование педагогических проектов в образовании, представлена структура педагогических проектов (социальные, научно-исследовательские, образовательные), рассмотрены требования к педагогическим проектам, выражая единство научной, социальной, педагогической составляющих образовательной деятельности.

Abstract: The article describes the role and formation of pedagogical projects in education, the structure of educational projects (social, scientific, educational), examined the requirements for educational projects, expressing the unity of the scientific, social and educational components of the educational activity.

Ключевые слова: педагогический проект, профессиональное образование, перспектива развития образования, единое образовательное пространство

Keywords: pedagogical project, professional education, the prospect of the development of education, common education space

Необходимость педагогического проектирования на современной этапе развития страны обусловлена созданием единого образовательного пространства. Динамизм современной цивилизации, демократические преобразования в обществе, изменившиеся социально-экономические условия, совершенствование образования предполагают качественные изменения в решении задач непрерывного профессионального образования. Такое образование должно представлять собой упорядоченную образовательную сферу, построенную на педагогических проектах, прогнозах развития, новых теориях и закономерных связях этапов, стадий, уровней в структуре непрерывного процесса образования.

В условиях многоуровневого непрерывного профессионального образования диапазон целей и содержания педагогических проектов значительно расширяется. К традиционному содержанию педагогических проектов относятся проектирование целевого, содержательного,

процессуального компонентов педагогической, познавательной и производственной деятельности. В условиях многоуровневого непрерывного профессионального образования добавляются прогностические, профессионально-технические, инновационные, дидактико-технологические, мотивационные, организаторско-управленческие, критериально-оценочные, контрольно-коррекционные процессы, а также конкретные виды и системы профессионального образования.

Таким образом, структура педагогических проектов приобретает новую логику:

- *социальные проекты*: описание проекта, цель, подходы к решению задач проекта, инновационные аспекты, полученные и ожидаемые результаты, оценка требуемых инвестиций, уровень исполнения проекта, требования к исполнителям;
- *научно-исследовательские*: название проекта, сроки исполнения, краткая справка, аннотация; актуальность проекта, цели и задачи; ожидаемые результаты; механизм выполнения проекта; объем финансирования, описание проекта; результаты, выводы;
- *образовательные проекты*: социально-экономические условия, цели и задачи; содержание и образовательный процесс; управление, финансы, правовое, научно-методическое обеспечение, повышение квалификации педагогических кадров.

Приведенные позиции дают в комплексе целостную картину разработки системных педагогических проектов, выражая единство научной, социально-экономической, педагогической составляющих образовательной деятельности. Педагогические проекты должны включать в себя ведущие идеи, категории, источники развития, теорию (характеристику объекта изучения), методы его преобразования и практики (задачи и реализация), а также отдельные инновационные процессы. Рассматриваемые системные профессионально-педагогические проекты адекватны изменениям социума, требованиям экономики, интересам личности и, с учетом приведенных теоретических положений, возможны при условии введения обновленной концепции педагогического проектирования, основные направления которой определяются на основе анализа существующих состояний, противоречий, прогностических исследований развития профессионального образования.

Данные педагогического проекта ориентированы на перспективы развития профессионального образования, на подготовку специалистов будущего, на опережающие мотивации, способности к профессионально-технологической деятельности на уровне интегрированных групп профессий. В педагогических проектах разработано содержание на основе принципов системности, интегративности, модульности.

Все педагогические проекты имеют необходимые научные обоснования, именно этим объясняется тот факт, что проектируемые объекты работают на перспективу. С помощью проектов решаются различные проблемы, связанные с разработкой новых концепций, интенсивных образовательных систем, технологий обучения, интегрированных групп профессий, систем качества образования и др.

Для дальнейшего успешного формирования педагогических проектов необходимо учитывать нововведения в образовании, связанные с социально-экономическими, научно-техническими, социально-педагогическими, гуманитарными, психологическими и профессиологическими факторами. Результаты исследования дают основания полагать, что педагогические проекты позволяют:

- считать приоритетным направлением в развитии профессионального образования и сферы социального и экономического переустройства общества научное обоснование и разработку педагогических проектов;
- разрабатывать дидактику профессиональной подготовки рабочих и специалистов интегративных групп профессий;
- создавать эффективные системы обучения, позволяющие обеспечивать образованность, воспитанность, профессионализм, конкурентоспособность выпускников;
- осуществлять законодательное регулирование педагогического процесса;
- целенаправленно производить изменения содержания профессионального образования и учебно-производственных трудовых процессов;
- проводить единую государственную образовательную политику, предусматривать изменения и быстро реагировать на перемены в социальной, экономической, производственной, технологической и научно-технической сферах, осуществлять управление педагогическим процессом;
- устанавливать состав, разграничение функций и полномочий инженерно-педагогических работников, определять контингент обучаемых с учетом новых социально-экономических условий, разрабатывать механизмы развития педагогического процесса, создавать условия для реализации интегративных процессов, политеоретических исследований.

Таким образом, разработка педагогических проектов в целом направлена на удовлетворение требований государственных образовательных стандартов, адаптирование к переходным социально-экономическим процессам и предстоящее обновление образовательной и социальной систем, направленных на удовлетворение прав и интересов человека, максимальную реализацию его возможностей и способностей.

Основной задачей педагогических проектов является определение способов и средств трансформации существующей системы профессионального образования для решения социальных, экономических и педагогических задач развития общества и перспектив развития личности работника.

В современных условиях, когда все сильнее устанавливается взаимосвязь между образованием, наукой и производством, системные профессионально-педагогические проекты все определеннее понимаются как комплексное исследование образовательных систем. Педагогический проект направлен на преодоление противоречий между социальной сферой и профессиональным образованием посредством интегративных групп профессий, создание открытых потребностей населения в образовании. Путем профессионально-педагогических проектов реализуются приоритеты современного профессионального образования,

ориентированные главным образом на развитие личности с учетом современного рынка труда.

Важнейшим аспектом разработки системных профессионально-педагогических проектов является обеспечение высокого качества профессиональной подготовки. На федеральном уровне разрабатываются Государственные образовательные стандарты, устанавливающие нормы, критерии содержания на всех ступенях общего и профессионального образования. Нужно также установить критерии оценки разрабатываемых педагогических проектов, качества учебных программ, планов, способов и средств обучения. В рамках парадигмы профессионального образования во многом изменяется статус педагога. Требуется качественное обновление кадрового состава, осуществление непрерывного профессионально-педагогического образования, расширение и совершенствование форм и содержания повышения квалификации, создание системы непрерывного дополнительного образования. Именно с этим связана разработка педагогических проектов, направленных на совершенствование системы подготовки педагогических кадров (педагогические проекты Н.Е. Астафьевой, И.П. Кузьмина и др.).

Таким образом, педагогические проекты занимают особое место в методолого-теоретическом и организационно-структурном исследовании образовательной системы. Системные профессионально-педагогические проекты должны отражать педагогическую интерпретацию социального заказа, учитывать расширенные, интегративные цели и современные тенденции в профессиональном образовании.

УДК 159

**ОСОБЕННОСТИ ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ КАК УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ
FEATURES OF THEORY AND METHODOLOGY OF PROFESSIONAL
EDUCATION AS AN ACADEMIC DISCIPLINE**

Полунин В.Ю. Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина, к.п.н., доцент кафедры теории и методики профессионального образования.

Polunin V.Yu. Associate Professor of Theory and Methods of Professional Education of the Nizhny Novgorod State Pedagogical University

e-mail: svetlyshka12@mail.ru

Аннотация: В статье определены требования и особенности теории и методики профессионального образования как учебной дисциплины, выявлены связи данной дисциплины с другими педагогическими науками. Выделены существенные характеристики теории и методики профессионального образования.

Abstract: The paper defines the requirements and features of the theory and methodology of professional education as an academic discipline, an association of the discipline with other pedagogical sciences. Identified the essential characteristics of the theory and methodology of vocational education.

Ключевые слова: теория и методика профессионального образования, учебная дисциплина, особенность, требование, методика обучения.

Keywords: theory and methods of professional education, academic discipline, a feature, request, the method of training.

Теория и методика профессионального образования как дисциплина формируется одновременно с ее развитием и совершенствованием системы профессионального образования. Она предполагает разработку совокупности мероприятий по повышению эффективности подготовки рабочих и специалистов на основе современных научных и производственных достижений, научного обоснования форм, методов и средств обучения.

Интерес к теории и методике профессионального образования вызван следующими обстоятельствами:

- ускоренным развитием профессиональной педагогики;
- ростом количества и качества научной информации о теории и практики профессионального образования;

- объективная потребность в разработке всех аспектов подготовки будущих рабочих в целях повышения качества обучения;
- совершенствование и развитие методов научного знания, создание новых методов, оптимально обуславливающих специфику профессиональной педагогики как науки;
- усложнение связей и отношений между данным курсом и другими педагогическими дисциплинами.

В ходе исследования были выявлены следующие требования к теории и методике профессионального образования:

- необходимость реализации методологического подхода к учебному предмету, структуре и содержанию методики профессионального обучения;
- профессиональная деятельность рабочего или специалиста должна выступать системообразующим фактором при разработке методики профессионального обучения;
- необходимость обеспечения взаимосвязи общеобразовательной и профессиональной подготовки;
- обеспечение единого понятийного аппарата в создании профессиональной подготовки;
- необходимость взаимосвязи теории и практики, репродуктивной к продуктивной деятельности учащегося;
- разработка теории и методики профессионального образования необходимо опираться на научный опыт новаторов и передовиков педагогического труда;
- теория и методика профессионального образования должна соответствовать логике учебного познания и учебно-производственного процесса;
- теории и методика профессионального образования должна строиться на основе принципов педагогического моделирования и проектирования учебно-познавательной и учебно-производственной деятельности учащегося.

Теория и методика профессионального образования имеет широкие связи с педагогическими науками. Они основаны на педагогических законах, закономерностях и принципах, взаимодействии процессов обучения, воспитания и развития, взаимосвязи общего, политехнического и профессионального образования. Благодаря методикам профессионального обучения реализуется педагогическая теория в учебно-познавательной и учебно-профессиональной деятельности, степень эффективности которой обеспечивает обратную связь от практики к теории. Тесное взаимодействие методика имеет с психологией. Методика обучения опирается на психологию, когда определяются методы формирования и систематизация знаний, умений и навыков, выявляются пути активизации познавательной и трудовой деятельности учащихся, организации их самостоятельной работы и развития творческих способностей, когда разрабатываются методы формирования и проверки знаний, умений и навыков.

В решении многих вопросов теории и методика профессионального образования связана с физиологией, особенно с проблемами изучения режимов труда и отдыха,

определения соотношений теоретических и практических занятий, повышения эффективности формирования основ профессионального мастерства, развития культуры умственной деятельности в процессе производительного труда и др.

Теории и методика профессионального образования имеет ряд отличительных особенностей от методики преподавания основ наук. К первой особенности относится тот факт, что методика профессионального обучения построена на основе интеграции нескольких, зачастую даже разных основ экономических, технических, технологических, сельскохозяйственных и других наук.

В связи с этим теории и методика профессионального образования имеет как прямые так и опосредованные через педагогику связи с перечисленными науками. Другая особенность состоит в том, что теории и методика профессионального образования выходит за рамки одного предмета и обусловлена целями подготовки учащихся к работе. Третья особенность заключается в том, что теории и методика профессионального образования основывается не только на закономерностях и принципах, логике педагогического процесса, но и на законах, закономерностях, принципах и логике производственного процесса.

Следующая особенность состоит в том, что рассматриваемые методики имеют достаточно широкие функции в обучении, так как охватывают два процесса – теоретическое и производственное обучения.

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Теория и методика профессионального образования как учебная дисциплина раскрывает сущность функционирования теоретического базиса педагогического знания и механизма осуществления процессов обучения, воспитания, развития в профшколе на основе взаимосвязи законов педагогики и законов производства.

2. Как самостоятельный феномен теории и методика профессионального образования опирается на философские, исторические, педагогические, психологические и физиологические, логические категории, развивающиеся в процессе познания и практики и формирует методические (научные) понятия, отражающие существенные свойства объекта (профессионально-техническое образования).

3. Как научная дисциплина теории и методика профессионального образования имеет широкие параметры распространения, позволяющие ей расширять свои границы и обеспечивать перенос как всеобщих свойств и функций на педагогические и дидактические категории, так и частных, но необходимых – направленных на учебно-воспитательный процесс. Таким образом, она выступает источником потребления теории и практики педагогики и дидактики.

4. Двойственные функции теории и методика профессионального образования обусловлены объективной природой объекта профессиональной педагогики, охватывающей области социализации, профессионализации и персонализации личности, отдельные системы профессиональной подготовки, познавательные процессы в теоретическом и производственном обучении, профессиональном воспитании и развитии личности.

5. Теория и методика профессионального образования охватывает более широкие области взаимодействия (в отличии от частных методик обучения в общеобразовательной школе), с одной стороны, с социальными, естественными и техническими науками, регламентирующими цели и процесс подготовки рабочих, а с другой стороны – с дисциплинами психолого-педагогического цикла.

6. Значительное влияние на совершенствование теории и методика профессионального образования оказывают тенденции развития науки, техники и производства, социальные и экономические условия функционирования общества, что существенно меняет их природу, концентрирует содержание, универсализирует формы, методы и средства обучения, генерализирует сущность собственно методического знания.

УДК 159.9

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ.**

**SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PROFESSIONAL
SELF-IDENTITY IN THE CONTEXT OF UNIVERSITY TRAINING.**

Сафукова Н.Н., Ульяновский государственный университет, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии, ведущий психолог психологической службы Ульяновской сельскохозяйственной академии.

Safukova N.N., Uljanovsk state university, major lecturer of psychology department, candidate of psychological science, leading psychologist of psychological service of Uljanovsk agricultural academy

e-mail: nikonadja@mail.ru

Аннотация: Рассмотрены показатели, учитывающиеся при составлении социально-психологической характеристики студентов.

Annotation: This article describes the criteria that should be considered when drawing up the social and psychological characteristics of students.

Ключевые слова: лидерские способности, мотивация к избеганию неудач, мотивация к успеху, карьерные ориентации.

Key words: leadership skills, motivation for avoiding failure, motivation, success, career orientation.

Экономические преобразования в России предъявляют к современной системе образования в числе прочих и требования подготовки высококвалифицированных специалистов, способных быстро приспосабливаться к новым условиям, обладающих высокой профессиональной компетентностью, конкурентоспособностью на рынке труда. В настоящее время рыночные отношения кардинально меняют характер и цели труда: возрастает его интенсивность, усиливается напряженность, от работника требуется высокий профессионализм, выносливость, ответственность. Экономическая ситуация требует от работника постоянного совершенствования в своей профессии, психологической готовности к перемене профессиональной деятельности, социальной активности.

В условиях рыночной экономики особое значение приобретают проблемы свободы выбора профессии и обеспечение конкурентоспособности работника на рынке труда [1].

Решение проблемы профессионального самоопределения личности, а именно процесс формирования личностью своего отношения к профессиональной деятельности и способ его реализации через согласование личностных и социально-профессиональных потребностей в современных образовательных системах предполагает комплексное изучение следующих

показателей, учитывающиеся при составлении социально-психологической характеристики студентов: уровень развития лидерских способностей, мотивация к избеганию неудач, мотивация к успеху, ориентация на профессиональную компетентность, ориентация на организаторскую компетентность, ориентация на автономию, ориентация на служение, ориентация на вызов, предпринимательская креативность, ориентация на стабильность места работы, ориентация на стабильность места жительства, интеграция стилей жизни, ориентация на вертикальную карьеру, ориентации на горизонтальную карьеру и т.д.

В связи с выше сказанным, в Ульяновской сельскохозяйственной академии был составлен социально-психологический портрет выпускника, на основе результатов психодиагностического тестирования и статистического анализа сравнения средних значений выборки, с участием студентов 5 курса экономического факультета, что наглядно представлено на рисунках 1 и 2.

Исследование проводилось с помощью валидных методик, а именно методики диагностики лидерских способностей личности «Лидер» (Е. Жариков, Е. Крушельницкий); методики диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач (Т. Элерс); методики диагностики личности на мотивацию к успеху (Т. Элерс); методики изучения карьерных ориентаций (Э.Г. Шейн, адаптирован А.А. Жданович) [2].

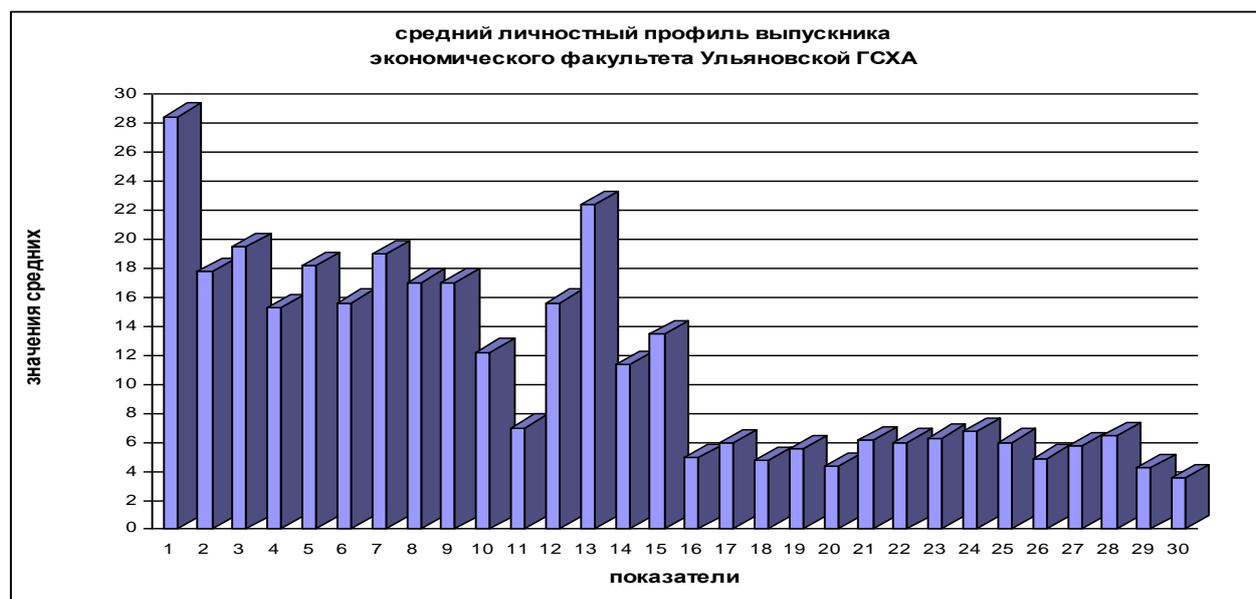

Рисунок 1 – Результаты сравнительного анализа лидерских способностей, мотивации к избеганию неудач и стремлению к успеху студентов 5 курса экономического факультета Ульяновской ГСХА.

По данным исследования выявили, что:

1) Лидерские способности = 29.

Успешность каждой ролевой позиции лидера предполагает наличие определенных умений и моделей поведения в значимых ситуациях взаимодействия.

1. уровень развития лидерских способностей;	16. общая интернальность;
2. мотивация к избеганию неудач;	17. интернальность в достижениях;
3. мотивация к успеху;	18. интернальность в области неудач;
4. ориентация на профессиональную компетентность;	19. интернальность в семейных отношениях;
5. ориентация на организаторскую компетентность;	20. интернальность в производственных отношениях;
6. ориентация на автономию;	21. интернальность в межличностных отношениях;
7. ориентация на служение;	22. интернальность в отношении здоровья;
8. ориентация на вызов;	23. ориентация на процесс;
9. предпринимательская креативность;	24. ориентация на результат;
10. ориентация на стабильность места работы;	25. ориентация на альтруизм;
11. ориентация на стабильность места жительства;	26. ориентация на эгоизм;
12. интеграция стилей жизни;	27. ориентация на труд;
13. ориентация на вертикальную карьеру;	28. ориентация на свободу;
14. ориентации на горизонтальную карьеру;	29. ориентация на власть;
15. ориентация на условия;	30. ориентация на деньги.

Полученные данные свидетельствуют о средней выраженности лидерских качеств выпускника, а следовательно, о недостаточном уровне развития таких личностных характеристик, как организованность, независимость, самостоятельность в принятии решений, настойчивость в достижении цели.

2) Мотивация к избеганию неудач = 18.

Выявлен высокий уровень мотивации к избеганию неудач.

Мотив избегания неудачи связан с повышенной тревожностью и защитным поведением. Характеризуя выпускника с высоким уровнем мотивации к избеганию неудач, следует говорить об изначальном мотивировании человека на неудачу. Такой человек чаще попадает в различные неприятности, т.к. все его мысли и все действия направлены не на достижение поставленной цели, а на способ избегания проигрыша, провала. Такие люди предпочитают малый, или, наоборот, чрезмерно большой риск, где постигшая неудача не угрожает их престижу.

Человек, мотивированный на неудачу, в случае простых и хорошо заученных навыков работает быстрее, и его результаты снижаются медленнее, чем у мотивированных на успех. Но при заданиях проблемного характера, требующих продуктивного мышления, качество работы подобных сотрудников ухудшается в условиях дефицита времени или в

стрессовой ситуации. Такие люди, отличаются слабостью нервной системы, тревожностью, обычно завышают степень опасности и возможности ее реализации.

Одной из отрицательных сторон высокой мотивации к избеганию неудач (защита) является то, что в первую очередь это препятствует мотиву к успеху – достижению цели.

3) Мотивация к успеху = 19.

Выявлен умеренно высокий уровень мотивации.

Выпускника можно охарактеризовать как человека, принадлежащего к группе людей, оптимально ориентированных на достижение успеха. Индивиды с выраженной потребностью к достижениям избирают для себя стиль поведения, который позволяет им добиваться значительных успехов. Однако, выбирая такие цели деятельности, эти люди исключают для себя поведение, чреватое крушением их устремлений.

Такие люди не боятся сложных ситуаций, не избегают трудностей, склонны к инновациям и выбору нестандартных вариантов при принятии решения. Предпочитают средние по трудности или слегка завышенные цели, которые лишь незначительно превосходят уже достигнутый результат. При заданиях проблемного характера, требующих продуктивного мышления, улучшают работу в условиях дефицита времени.

Управление такими специалистами имеет ту особенность, что побудительным стимулом для них выступает не материальное вознаграждение, а сам процесс достижения целей. Кроме того, данный тип работников усиленно нуждается в обратной связи, т.е. в непрерывной информации своей деятельности. При отсутствии таковой энтузиазм резко снижается.

Чем выше мотивация человека к успеху – достижению цели, тем ниже готовность к риску. При этом мотивация к успеху влияет и на надежду на успех: при сильной мотивации к успеху, надежды на успех обычно скромнее, чем при слабой мотивации к успеху. Людям, мотивированным на успех и имеющим большие надежды на него, свойственно избегать высокого риска. Ориентированные на успех предпочитают средний уровень риска, рискуют расчетливо.

Характерными качествами являются: способность реалистично оценить обстановку, управлять ситуацией; точность и аккуратность в деловых отношениях; деловая направленность; осознанность принятых решений; настойчивость и упорство в достижении цели и преодолении препятствий; гибкость поведения; низкий уровень тревоги; отсутствие сомнений и колебаний при принятии решений; уверенность в правильности своих действий.

Изучение карьерных ориентаций выпускников наглядно представлено на рисунке 2.

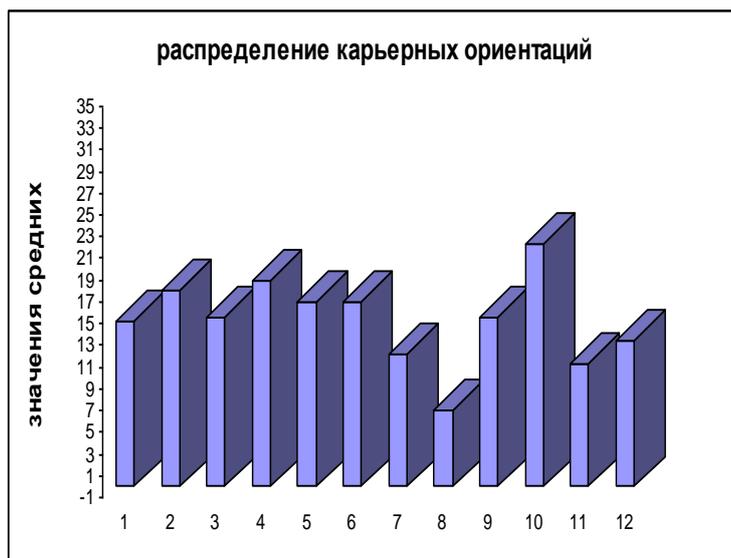

Рисунок 2. Результаты сравнительного анализа карьерных ориентаций студентов 5 курса экономического факультета Ульяновской ГСХА.

1. ориентация на профессиональную компетентность
2. ориентация на организаторскую компетентность
3. ориентация на автономию
4. ориентация на служение
5. ориентация на вызов
6. предпринимательская креативность
7. ориентация на стабильность места работы
8. ориентация на стабильность места жительства
9. интеграция стилей жизни
10. ориентация на вертикальную карьеру
11. карьеру
12. ориентации на горизонтальную карьеру

Одним из важнейших аспектов профессионального развития личности, а также ее самореализации является осознанное планирование карьеры. Внутренней стороной карьеры является то, как человек воспринимает свою карьеру, каков образ его профессиональной жизни и собственной роли в ней. Субъект деятельности рассматривается и описывается через систему его диспозиций, ценностных ориентаций, социальных установок, интересов и других социально обусловленных побуждений к деятельности. Карьерные ориентации возникают в процессе социализации, на основе и в результате научения в начальные годы развития карьеры, они устойчивы и могут оставаться стабильными длительное время.

4) **Профессиональная компетентность.**

Ориентация на повышение и развитие профессиональной компетентности находится у учащихся на среднем уровне.

Выявленный средний уровень данной карьерной ориентации связан с недостаточным наличием у студентов экономического факультета способностей и талантов в их профессиональной деятельности. Полученные данные позволяют прийти к заключению о невысоком стремлении студентов стать мастером своего дела и достичь успеха в профессиональной сфере. Одновременно такой человек не ищет признания своих талантов, что выражается в отсутствии интереса в статусе, соответствующем его мастерству. Он имеет определенную способность управлять другими в пределах своей компетентности, но управление не представляет для него особого интереса.

Среди тенденций, свойственных для субъектов со средним уровнем выраженности этой ориентацией, можно выделить невысокую академическую успеваемость, удовлетворенность работой и преданность организации.

5) Организаторская компетентность.

Карьерная ориентация "Организаторская компетентность" выражена на среднем уровне, что свидетельствует о средней выраженности стремления к должностному росту и способности к управлению различными сторонами деятельности организации.

Анализируя уровень данной ориентации у студентов, следует обозначить недостаточный уровень сформированности навыков межличностного и группового общения, эмоциональной уравновешенности, которых требует любая организаторская или управленческая деятельность.

Субъекты со средним уровнем преобладания этой карьерной ориентации отличаются недостаточно выраженной добросовестностью, описывающей их как целеустремленных, волевых, решительных и непреклонных в достижении своих целей, а также частичной экстернальностью в области неудач.

Для них не всегда характерны практическое мышление, эмоциональная устойчивость, склонность вступления в конкуренцию с другими людьми, отстаивая собственные интересы.

б) Автономия / независимость.

У выпускников установлен низкий уровень развития данной карьерной ориентации.

Первичная забота личности с такой ориентацией – следование организационным правилам, предписаниям и ограничениям. У студентов ярко выражена потребность все делать по образцу: не решать самому когда, над чем и сколько работать. Такой человек хочет подчиняться правилам организации (рабочее место, время, форменная одежда).

Если такая ориентация выражена слабо, то личность никогда не будет готова отказаться от продвижения по службе или от других возможностей ради сохранения своей независимости, и с легкостью пожертвует своим мнением и интересами во имя каких-либо благ.

Такой человек может работать в организации, которая ограничивает степень свободы, и будет спокойно принимать любые попытки ограничить его автономию.

Субъекты с низким проявлением карьерной ориентацией "автономия" характеризуются ограниченностью интересов, неспособностью принятия новых идей и нетрадиционных ценностей, слабым переживанием эмоций; в восприятии информации опираются на факты.

7) Служение или преданность делу.

Карьерная ориентация "Служение" – это ориентация на гуманистические ценности в профессиональной деятельности ("сделать мир лучше", "принести пользу обществу", "работа с людьми"). Подобная ориентация выражена на среднем уровне у студентов экономического факультета.

Человек со средним уровнем такой ориентации имеет возможность продолжать работать в определенном направлении, даже если ему придется сменить место работы. Он без особых проблем и трудностей для себя сможет работать в организации, которая враждебна его целям и ценностям, не всегда стремится в профессиональном плане реализовать главные ценности жизни.

При недостаточной выраженности карьерной ориентации "служение" можно говорить о неспособности студентов экономического факультета игнорировать некоторые свои потребности во имя профессиональных целей. Подобные сотрудники редко испытывают внутреннее напряжение или эмоциональное выгорание касательно их профессиональной деятельности.

8) Вызов.

Карьерная ориентация "Вызов" выражена средне, что демонстрирует средний уровень развития стремления к решению сложных профессиональных задач и межличностной конкуренции, предоставляющих возможность доказать собственное превосходство.

Основные ценности при карьерной ориентации данного типа также достигают лишь среднего показателя, это, прежде всего, конкуренция, победа над другими, преодоление препятствий, решение трудных задач.

Человек не ориентирован на то, чтобы бросать вызов. Процесс борьбы и победа менее важны для человека, чем конкретная область деятельности или квалификация.

Субъекты с данным уровнем сформированности этой карьерной ориентации отличаются невысокой эмоциональной устойчивостью, ограниченными интересами, лишь частичной обращенностью к новым идеям, эмоциям и нетрадиционным ценностям.

9) Предпринимательская креативность.

Показатель карьерной ориентации "Предпринимательская креативность" находится на среднем уровне сформированности, что свидетельствует о средних показателях стремления работать на себя, создавая что-то новое.

Учащийся с таким уровнем развития данной карьерной ориентацией не всегда стремится создавать что-то новое, он предпочитает избегать препятствия, чем преодолевать их, редко готов к риску.

Такие люди редко становятся самостоятельными деятелями, они предпочитают работать на других, нежели иметь свое дело, свое финансовое богатство.

10) Стабильность места работы.

Карьерная ориентация "Безопасность / стабильность места работы" - это одна из составляющих стремления к безопасности, стабильности и предсказуемости жизни. И показатели выраженности этой ориентации у выпускников достаточно низкие.

Показатель данной карьерной ориентации обусловлен отсутствием потребности в безопасности и стабильности для того, чтобы будущие жизненные события были предсказуемы.

Низкая ориентация на стабильность места работы подразумевает поиск работы в любой организации, независимо от того, обеспечивает ли она определенный срок службы, имеет ли хорошую репутацию, заботится ли о своих работниках, выглядит ли более надежной в своей отрасли.

11) Стабильность места жительства.

Уровень карьерной ориентация "Безопасность / стабильность места жительства" у выпускников низкий и демонстрирует частичное отсутствие стремления к безопасности, стабильности и предсказуемости жизни.

Человек, не ориентированный на стабильность места жительства, никогда не связывает себя с географическим регионом, "не пускает корни" в определенном месте, не стремится вкладывать сбережения в свой дом или держаться за работу, чтобы это предотвратило его "срывание с места".

12) Интеграция стилей жизни.

Карьерная ориентация "Интеграция стилей жизни" достигает у студентов среднего уровня и характеризует их как людей, частично ориентированных на сбалансированность индивидуальных потребностей, интересов семьи и профессионального продвижения.

Подобный человек не всегда ориентирован на интеграцию различных сторон образа жизни. Он предпочитает, чтобы в его жизни доминировала какая-то определенная сторона, сфера его жизни, только семья, или только карьера, или только саморазвитие. Он не обладает стремлением к тому, чтобы все это было сбалансировано. Такой человек больше ценит определенную сторону своей жизни.

Следовательно, люди с данным уровнем сформированности этой ориентации редко испытывают эмоциональное напряжение в связи с невозможностью удовлетворить потребность в оптимальном сочетании карьеры и личной жизни.

13) Ориентация на вертикальную карьеру.

Фактор, отражающий ориентацию на вертикальную карьеру, (продвижение по должностной лестнице и социальной иерархии) выражен средне.

В данный фактор 1, отражающий ориентацию на вертикальную карьеру, входят следующие шкалы:

- Предпринимательская креативность,
- Вызов,
- Организаторская компетентность.

Логика группировки шкал отражает ориентацию на вертикальную карьеру, (продвижение по должностной лестнице и социальной иерархии), основанную на личных терминальных ценностях, потребительской мотивационной тенденции.

14) Ориентация на горизонтальную карьеру.

Фактор, отражающий ориентацию на горизонтальное профессиональное продвижение (развитие себя и своих способностей на благо общества) выражен средне.

В данный фактор 2, отражающий ориентацию на горизонтальное профессиональное продвижение, входят следующие шкалы:

- Профессиональная компетентность,
- Служение,
- Стабильность места жительства.

Фактор вобрал в себя шкалы, отличительной особенностью которых является ориентация на внутренние критерии успешности профессионального продвижения (возможности для развития себя и своих способностей на благо общества). Содержательно фактор описывает вектор профессионального развития, детерминируемый стремлением к самореализации.

Таким образом, первые два фактора можно соотнести с принятым в научной литературе разделением карьерных ориентаций на вертикальное и горизонтальное профессиональное продвижение, отражающих конструкты "индивидуализм - коллективизм". Индивидуализм характеризуется независимостью Я, стремлением к достижению индивидуальных целей, личной конкуренцией, ориентацией на продвижение по социальной иерархии, а также восприятием прибылей и убытков в качестве детерминант социального поведения. В противоположность этому коллективизм описывается в терминах зависимости Я от группы, доминированием внутригрупповых целей, значимости общественных отношений, ориентации на авторитет внутри группы.

Характеризуя данные два фактора у выпускников экономического факультета, которые в равной степени достигли лишь среднего значения, можно утверждать о недостаточном стремлении учащихся достичь определенных высот или в профессиональном плане, или в карьерном росте.

Таким образом, говоря в целом о сформированности психологической компетентности выпускников, следует особо отметить невысокие показатели по всем рассмотренным параметрам, которые за редким исключением достигают значений среднего или ниже среднего уровня развития. Все это ярко демонстрирует необходимость повышения уровня психологической компетентности учащихся, многовариативность проявления которой будет способствовать самоопределению, самоорганизации, саморегуляции студентов в процессе решения как личностных проблем, так и профессиональных задач в ходе организационного взаимодействия, а также в процессе саморазвития.

Литература

1. Калаков, Н.И. Допрофессиональная компетентность как интегральная характеристика профессионального самоопределения школьников в условиях довузовской подготовки учреждений дополнительного образования: монография / Н.И. Калаков, А.В. Кузнецов, С.Б. Малых; – М. : Ульяновск: УлГУ, 2005. – 426 с.
2. Райгородский, Д.Я. Практическая психодиагностика: учеб. пособие / Д.Я. Райгородский. – С.: Бахрах-М, 2004. – 672 с.

УДК 159.9

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИРОДНОЙ
КАТАСТРОФЫ НА ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА**
STUDY THE IMPACTS OF NATURAL DISASTERS ON THE INNER WORLD

Горбушина И.А., ГБОУ ВПО «Ставропольский государственный педагогический институт», кандидат психологических наук, доцент, член-корреспондент Академии Имиджелогии

Gorbushina I. A. GBOU VPO "Stavropol State Pedagogical Institute", Ph.D., associate professor, corresponding member of the Academy of imageology.

e-mail: irinagorbushina@mail.ru

Аннотация: В данной статье представлены результаты исследования людей, переживших природную катастрофу в сравнительной характеристике с людьми не переживших данную ситуацию.

Annotation: This paper presents the results of a study of survivors of natural disaster in the comparative characteristics of the people did not survive this situation.

Ключевые слова: чрезвычайность, катастрофа, люди, пережившие наводнение, коренные жители, вынужденные переселенцы;

Key words: exigencies of a disaster, people who have experienced flooding, indigenous people, internally displaced persons.

Чрезвычайность пронизывает жизнедеятельность крупных социальных групп, отдельных регионов и целых государств.

Техногенные катастрофы, межнациональные конфликты, боевые действия, участвовавшие террористические акты и другие события имеют не только материальные, медицинские, культурные, но и социально-психологические последствия.

Опыт комплексного социологического исследования трагических социальных последствий наводнений на Ставрополье в 2002 году убедительно показал, что именно в условиях посткатастрофного развития выявляется эффективность или неэффективность таких «целевых подсистем», как обеспечение помощи: а) медицинской б) социальной в) психологической.

Проблема оказания различных видов помощи отдельным группам населения, пострадавшим в чрезвычайной ситуации, в современной науке представлена с различных позиций.

Воздействия на людей чрезвычайных ситуаций рассматривали: Р.А.Абдурахманов, Ю.А.Александровский, А.А.Боченков, М.Е.Зеленова, А.Б.Исаев, Е.О.Лазебная, А.Г.Маклаков, В.И.Медведев, А.А.Налчаджан Л.И.Спивак, Н.В.Тарабрина и др.

Исследованию психологических аспектов преодоления критических ситуаций, адаптации и дезадаптации людей в чрезвычайных условиях и ситуациях посвятили свои работы: Ю.А.Александровский, Ф.Е.Василюк, А.Н.Дорожевец, М.И.Дьяченко, В.Н.Гребняк, В.С.Ефимов, Т.Николс, К.Муздыбаев и др.

Современные отечественные подходы к проблемам оказания различных видов помощи пострадавшим в чрезвычайных ситуациях, отражены в работах: О.Ф.Алексеева, В.В.Березовца, Ф.Б.Березин, Х.В.Гаспаряна, В.С.Мухина, А.А.Орлова, В.В.Петровочева, В.Е.Попова, А.С.Спиваковской, Н.В.Якушкина и др. [1]

Управление действиями по ликвидации последствий катастрофы требует от специалистов профессиональных и организаторских способностей, а также взаимодействие между собой.

Если нарушение и слом произошли, необходима длительная реабилитационная работа - восстановление целостного и упорядоченного образа мира личности что и было предпринято специалистами разных структур в посткатастрофный период.

После трагедии прошло десять лет, и мы решили изучить степень удовлетворенности жизнью людей, переживших наводнение в сравнительной характеристике с людьми, которых не коснулась данная ситуация.

Объектом нашего исследования выступило сельское население, пережившее наводнение.

Предметом исследования: удовлетворенность жизнью людей, переживших наводнение.

В исследовании приняли участие: коренные жители и вынужденные переселенцы сел Кочубеевского, Барсуки и Надзорного.

Удовлетворенность жизнью, была изучена с помощью русской версии шкалы общей самооффективности (Р.Шварцер, М.Ерусалема и Ромек В).

Сравнение групп коренных жителей и вынужденных переселенцев, которые не были в природной катастрофе с помощью t-критерия Стьюдента показало наличие значимых различий заключающихся в том, что для коренных жителей характерны более высокие показатели по шкалам: выбор профессии $X_{ср}=3,75$, состояние здоровья $X_{ср}=2,96$, занятостью в настоящее время $X_{ср}=3,21$, проведение свободного времени $X_{ср}=2,88$, своими качествами и способностями $X_{ср}=3,40$, складыванием жизни в целом $X_{ср}=3,58$, чем в группе вынужденных переселенцев, где по шкалам: выбор профессии $X_{ср}=3,04$, состояние здоровья $X_{ср}=2,39$, занятостью в настоящее время $X_{ср}=2,27$ проведение свободного времени $X_{ср}=2,35$, своими качествами и способностями $X_{ср}=2,82$, складыванием жизни в целом $X_{ср}=2,82$. Показатель t-критерия равен 3,19 при $p \leq 0,01$ (см. таблица 1).

По шкале «материальное обеспечение» значимых различий между группами найдено не было. Можно сделать вывод, что материальное обеспечение не удовлетворяет не одну из групп.

Таблица 1 - Среднегрупповые показатели удовлетворенности жизнью у лиц, не переживших наводнение

Показатели	Коренные жители	Вынужденные переселенцы	t-value	p
	Среднее	Среднее		
Выбором профессии	3,75	3,04	2,73	0,0075**
Состоянием здоровья	2,96	2,39	2,86	0,0052***
Занятостью в настоящее время	3,21	2,27	4,37	0,0000***
Материальной обеспеченностью	1,98	1,63	1,93	0,0568
Своим свободным временем	2,88	2,35	2,19	0,0312*
Своими качествами и способностями	3,40	2,82	2,80	0,0062**
Жизнью в целом	3,58	2,82	4,14	0,0001***
Итог	21,75	17,31	3,19	0,0019**

* $p < 0,05$

** $p < 0,01$

*** $p < 0,001$

Сравнение групп коренных жителей и вынужденных переселенцев, которые пострадали от наводнения с помощью t-критерия Стьюдента показали наличие значимых различий заключающихся в том, что для коренных жителей характерны более высокие показатели по шкалам: выбор профессии $X_{ср} = 4,35$, материальное обеспечение $X_{ср} = 3,13$, проведение свободного времени $X_{ср} = 3,60$, чем в группе вынужденных переселенцев где по шкалам: выбор профессии $X_{ср} = 3,75$, материальное обеспечение $X_{ср} = 1,98$, проведение свободного времени $X_{ср} = 2,88$. Показатель t-критерия равен $-3,23$, при $p \leq 0,01$, что же касается шкалы складыванием жизни в целом показатели у вынужденных переселенцев выше, чем у коренных жителей, $X_{ср} = 4,13$, (см. таблица 2).

Таблица 2 - Среднегрупповые показатели удовлетворенности жизнью у лиц, переживших наводнение

Показатели	Коренные жители	Вынужденные переселенцы	t-value	p
	Среднее	Среднее		
Выбором профессии	3,75	4,35	-2,68	0,009**
Состоянием здоровья	2,96	3,04	-0,37	0,709
Занятостью в настоящее время	3,21	3,83	-2,90	0,005**

Материальной обеспеченностью	1,98	3,13	-6,13	0,000***
Своим свободным временем	2,88	3,60	-3,40	0,001***
Своими качествами и способностями	3,40	3,88	-2,66	0,009**
Жизнью в целом	4,13	3,58	-3,09	0,003*
Итого	21,75	25,96	-3,23	0,002*

* $p < 0,05$

** $p < 0,01$

*** $p < 0,001$

Это сравнение выявило, что у людей с социальным статусом вынужденного переселенца произошел процесс переосмысления своего прошлого, его переоценка, изменение целей и смысла жизни. Именно чрезвычайная ситуация стала для человека жизненной лишь, когда ее свершение затронуло центральные аспекты его личности.

По шкале «состояние здоровья», различий между группами найдено не было, что констатирует, своим состоянием здоровья не удовлетворена ни одна из групп.

Сравнение групп людей коренных жителей, которые были и не были в природной катастрофе с помощью t-критерия Стьюдента показало наличие значимых различий заключающихся в том, что для коренных жителей, которые не были в катастрофе характерны более высокие показатели по шкалам: выбор профессии $X_{ср}=4,35$, состояния здоровья $X_{ср}=3,16$, занятостью в настоящее время $X_{ср}=3,53$, материальной обеспеченностью $X_{ср}=2,47$, проведение своего свободного времени $X_{ср}=3,12$, своими качествами и способностями $X_{ср}=3,49$, жизнью в целом $X_{ср}=3,00$, чем у людей переживших природную катастрофу (выбор профессии $X_{ср}=3,04$, состояние здоровья $X_{ср}=2,39$, занятостью в настоящее время $X_{ср}=2,27$, материальной обеспеченностью $X_{ср}=1,63$, проведение своего свободного времени $X_{ср}=2,35$, своими качествами и способностями $X_{ср}=2,82$, жизнью в целом $X_{ср}=2,82$).

Показатель t-критерия равен -5,01 при $p \leq 0,01$ (см. таблица 3).

Таблица 3 - Среднегрупповые показатели удовлетворенности жизнью у коренных жителей

Показатели	Пережившие наводнение	Не пережившие наводнение	t-value	p
	Среднее	Среднее		
Выбором профессии	3,04	4,35	-7,10	0,000***
Состоянием здоровья	2,39	3,16	-4,67	0,000***
Занятостью в настоящее время	2,27	3,53	-7,07	0,000***
Материальной обеспеченностью	1,63	2,47	-4,69	0,000***
Своим свободным	2,35	3,12	-4,25	0,000***

временем				
Своими качествами и способностями	2,82	3,49	-3,33	0,001***
Жизнью в целом	2,82	3,00	-1,08	0,285
Итог	17,31	23,12	-5,01	0,000***

* $p < 0,05$ ** $p < 0,01$ *** $p < 0,001$

По шкале «жизнью в целом» значимого различия между группами не было найдено. Вывод, люди не удовлетворены результатами своей жизнью.

Исследуя и сравнивая группы людей вынужденных переселенцев, которые были и не были в природной катастрофе с помощью t-критерия Стьюдента показали наличие значимых различий заключающихся в том, что для переселенцев, которые были в катастрофе характерны более низкие показатели по шкалам: материальной обеспеченностью $X_{ср} = 2,47$, как проводят свое свободное время $X_{ср} = 3,12$, жизнью в целом $X_{ср} = 3,00$, чем у переселенцев не переживших природную катастрофу. Показатель t-критерия равен 2,66 при $p \leq 0,01$ (см. таблицу 4).

По шкалам: выбор профессии, состояние здоровья, занятостью в настоящее время, своими качествами и способностями значимого различия между этими группами найдено не был. Из полученных данных, можно сделать следующий вывод: категория людей с социальным статусом вынужденных переселенцев не удовлетворена сегодняшним положением их жизни.

Таблица 4 - Среднегрупповые показатели удовлетворенности жизнью вынужденных переселенцев

Показатели	Не пережившие наводнение	Пережившие наводнение	t-value	p
	Среднее	Среднее		
Выбором профессии	4,35	4,35	-0,05	0,961
Состоянием здоровья	3,04	3,16	-0,65	0,518
Занятостью в настоящее время	3,83	3,53	1,67	0,097
Материальной обеспеченностью	3,13	2,47	3,55	0,001***
Своим свободным временем	3,60	3,12	3,27	0,001***
Своими качествами и способностями	3,88	3,49	2,19	0,031
Жизнью в целом	4,13	3,00	6,91	0,000***
Итог	25,96	23,12	2,66	0,009**

* $p < 0,05$ ** $p < 0,01$ *** $p < 0,001$

Современная российская действительность характерна отсутствием развитости социальной помощи по отношению к потерпевшим природную катастрофу.

Состояние психологической помощи людям, пережившим наводнение предопределяет сложности, с которым столкнется в ближайшее десятилетие общество.

Необходимость принятия комплексных мер оказания психологической помощи не только в первые часы катастрофы, но и устранение негативных психологических последствий в дальнейшем посттравматическом состоянии.

Литература

1.Хрестоматия. Психология социальных ситуаций/Сост. и общая редакция Н.В.Гришиной. – СПб.: Питер, 2001. - 416 с.

УДК 159.99

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИИ
SOCIALLY-PSYCHOLOGICAL MANAGEMENT IN GLOBALIZATION

Новиков В.В. , ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова», доктор психологических наук, профессор, научный консультант кафедры социальной и политической психологии, вице-президент Международной академии психологических наук.

Novikov V.V., the doctor of psychological sciences, associate professor, honored worker of scenes of RF P.G.Demidov's State university of the Yaroslavl, President of MAPS.

Ободкова Е.А., ФГБОУ ДПО «Государственная академия промышленного менеджмента имени Н.П. Пастухова», кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и психологии

Obodkova E., the doctor of psychological sciences, associate professor, holder of "Sociology and Psychology" chair Pastukhov's State Academy of Industrial Management.

Email: obodok@mail.ru

Аннотация. Необходима ревизия системы управления, в том числе социально-психологической, для равномерного и эффективного распределения «плодов» глобализации.

Annotation: Scientists need to do an audit management system, including social and psychological. The audit is needed for equitable and efficient distribution of "fruits" of globalization.

Ключевые слова. Глобализация, эффекты глобализации, управление обществом, социально-психологическое управление, психологическое управление.

Keywords. Globalization, effects of globalization, management of a society, socially-psychological management, psychological management.

Глобализация - это комплексный социальный процесс, имеющий всепроникающий характер и видоизменяющий весь мир. Мы говорим о глобализации, подразумевая изменение общества, стиля жизни людей, интенсификацию всех процессов, сокращение географических дистанций [8].

В последнее время понятие «глобализация» стало центральным в экономических, политических, социологических, психологических и других сферах жизни общества, поэтому исследование социально-психологического управления в период глобализации вызвано вполне объективными причинами:

- 1) глобализация – феномен мирового масштаба;

2) глобализация общественных систем (политическая, идеологическая, социокультурная, национальная и т.д.) в этнических группах, социальных стратах, государстве и др.;

3) процессы глобализации в малых социальных общностях (семья, трудовые, научные, учебные группы и др.);

4) личностная глобализация (ценности, образ мышления и пр.).

Как показывает опыт развития культуры и особенно последний мировой кризис, мировая цивилизация имеет характер глобальной системы, состоящей из подсистем, которые находятся во взаимовлиянии на всех уровнях процесса глобализации.

Полагаем, глобализация на процесс управления обществом (группой, личностью) оказывает не однозначное влияние, как позитивное, так и отрицательное. Опишем эффекты глобализации, с нашей точки зрения, значимо сказывающиеся на процессе управления обществом (группой, личностью):

во-первых, структуризация и систематизация системы управления (упорядочивание действий различных государств, социальных групп, общностей);

во-вторых, утрата странами, включенными в процесс глобализации, своего суверенитета, традиционных функций государственного управления обществом и экономикой;

в-третьих, изменение механизмов в жизнедеятельности национальных социумов;

в-четвертых, формирование «однополярного» мира (более сильные страны задают направление глобализации);

в-пятых, главенство либеральной основы в культуре, социальной жизни;

в-шестых, монополизация информационного пространства и информационных ресурсов, глобализация криминальных отношений, использование терроризма как инструмента политики глобализации.

Важность, актуальность изучения управления, в том числе социально-психологического, и неоднозначность процесса глобализации в целом, прокомментировал лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц: «...Чтобы плоды глобализации распределялись более равномерно, необходима, прежде всего, коренная ревизия системы управления, т.е. руководящих и контролирующих структур международных экономических институтов...» [9].

Проблемы социально-психологического управления в период глобализации связаны с процессом, в ходе которого стираются границы социальных и культурных систем, происходит превращение мира в единое целое. Глобализация открывает границы не только для торговых, финансовых, политических и т.д. потоков, укрупняя транснациональные корпорации и пр., но и неизбежно диктует по-новому смотреть на процессы управления, в том числе социально-психологические, человеком, группой, обществом, изменяя способы, методы и приемы управления.

Из всех отношений, связывающих отдельные общества в единую систему, мы вычленили социально-психологические, а именно социально-психологическое управление,

для подробного раскрытия. Выбор предмета нашего анализа обусловлен тем, что социально-психологические отношения глобализации более всего влияют на все характеристики (экономические, культурные, политические, экологические и т.д.) глобализации, как феномена мирового масштаба. Социально-психологические аспекты, начиная от личностного уровня глобализации и заканчивая мировым, значимы, т.к. взаимоотношения людей, общностей и т.д. в современном мире как никогда интенсивно, плотно и проблематично. Обращение внимания на обусловленные целостностью мира социально-психологические тенденции, связанные с развитием личности, общества и т.д. заслуживают научного внимания, поскольку напрямую связаны с положением человека в современном мире.

Проблема психологического управления с давних пор привлекает внимание ученых и практиков всего мира, в том числе ученых России.

В царской России, Советском Союзе первых лет его существования, преобладали психологи гуманистического направления. В особенности много внимания они уделяли психологическому оздоровлению русского народа и научной организации труда (В.М. Бехтерев, С.А. Гиллерштейн, К.М. Керженцев, А.Ф. Шнирман, А.Н. Почтарева и другие).

Позднее, обращение к психологическим аспектам управления было связано с движением НОТ и взрывом общественного интереса к инженерной психологии. Один из современных классиков отечественной психологии Б.Ф. Ломов отмечал, что использование достижений психологии «в общественной практике становится важнейшим условием роста производительности и улучшения качества труда, повышения эффективности производства и управления, развития техники и технологии, совершенствования общественных отношений, улучшения качества идеологической работы, воспитания и образования новых людей, формирования нового человека» [2]. Подчеркивалось, что практической, конечной формой психологического исследования должен выступать процесс изменения, воздействия, оптимизации конкретной деятельности, общения, управления, функционирования организации в самом широком смысле этого понятия.

Современный этап развития психологического управления можно назвать интегративным, так как он включает ряд различных и на первый взгляд взаимно противоречивых концепций, превращающих науку управления в некое искусство, которому, тем не менее, можно и нужно учиться [10].

Отечественные экономисты, философы, юристы, социологи, психологи (А.Г. Аганбегян, В.Г. Афанасьев, Д.М. Гвишиани, А.В.Карпов, А.И. Китов, Г.Х. Попов, В.Ф. Рубахин, А.В. Филиппов и др.) внесли значительный вклад в разработку теории управления процессами функционирования общества и его народного хозяйства. Они раскрыли интегративный характер управленческой деятельности, включающий такие аспекты, как политический, экономический, организационно-технический, административно-правовой, социальный, психологический и др.

Эти аспекты представлены в различных соотношениях на всех основных уровнях управления: общество в целом, отрасль народного хозяйства, регион, объединение, предприятие, коллектив.

Аспекты управления - это, своего рода, абстракции. Большинство практических проблем управления интегративные, в реальном управлении все признаки, присущие управлению любой организации, переплетены в разных аспектах, взаимодействуют и взаимовлияют друг на друга.

Выделение аспектов управления целесообразно только в целях углубленного теоретического анализа проблем. Нами рассматривается лишь один аспект управления – психологический, который неминуемо связывается с социальным, т.к. объект управления – общество, организация, группа и т.д.

Такой интегративный подход к психологическому управлению, как объединению различных аспектов, методов, техник, подходов, положений и т.д. с целью обеспечения процесса «конструктивного» движения психологического знания, связанного с его применением на практике является новым и актуальным для современного состояния психологической российской науки.

В нашей стране было немало интересных публикаций по социально-психологическим проблемам управления. Благодаря исследованиям О.И. Зотовой, А.Л. Журавлева, Е.С. Кузьмина, В.И. Михеева, А.Л. Свенцицкого, А.В. Филиппова и некоторых других ученых сложилась оригинальная теория социального управления. В ее основу положено три методологических вывода:

- 1) социальное управление есть важнейший структурный элемент системы экономического управления;
- 2) необходимое условие социального развития и самоуправления организацией;
- 3) социальное управление есть специфическая управленческая деятельность.

Учитывая многогранность, интегративность, глобальность психологического управления, мы намерены рассматривать те его аспекты, которые в большей степени оказывают влияние на эффективность управленческой деятельности и имеют теоретико-практическое значение.

Тема социально-психологических отношений, в частности социально-психологического управления, в период глобализации – как комплексного социально-психологического феномена не достаточно изучается научным сообществом. В социалистическом обществе тема не затрагивалась вовсе по идеологическим причинам, в перестроечное и постперестроечное время тема не раскрывалась в силу незрелости научного методологического потенциала и интеллектуальных ресурсов [7].

Таким образом, тема социально-психологических отношений, в частности социально-психологического управления, в период глобализации нас привлекает по нескольким причинам:

- 1) малая разработанность в науке;
- 2) огромная социальная значимость проблемы;

3) насущная необходимость изучения социально-психологических феноменов, в частности социально-психологического управления, в срезе процесса глобализации. Необходимость построения общей теории, методологии и выстраивания технологии, конкретных практических методов, позволяющих на социально-психологическом уровне управлять процессом глобализации в обществе.

Можно со всей ответственностью утверждать, что, несмотря на огромное обилие мировой литературы по управлению, буквально каждый современный российский руководитель конкретной организации особенно в период глобализации постоянно нуждается в научно обоснованных рекомендациях и советах при выработке, принятии и реализации своих управленческих решений.

Глобальные изменения процессов в обществе предполагают получение большого количества эмпирических материалов, полагаем, что только научная основа является единственно возможной в сфере их упорядочивания. Сегодня от самой социальной психологии зависит многое, в том числе от ее мобильности. Быстрота реакции науки на изменения, на наш взгляд, является залогом успешного развития общества в целом, хотя актуальность «продуктов» социальной психологии не соответствует настоящей реальности.

Психолог К.К. Платонов писал о том, что XXI век станет рачительным заказчиком и потребителем продукции психологических служб, интегративно обеспечивающих управленческие нужды в областях экономики, политики, права и, конечно же, организации производства. На наш взгляд, период глобализации дает максимум возможностей ученым и обществу для взаимообогащения и инноваций.

Полагаем, что формулировка и решение реальных проблем управления обществом, группой, личностью, с точки зрения роли человеческого фактора и психологии людей, и своевременная переработка багажа психологической науки позволяют организовать и оптимизировать систему управления организацией в период глобализации.

В настоящее время во всем мире как авторитетная и относительно самостоятельная область существует психология управления, широко ведутся научный поиск и специальные исследования в обозначенном направлении.

На наш взгляд, сохраняется актуальной задача определения и выделения понятий, создания системы этих понятий, позволяющих планировать и выполнять конкретное прикладное психологическое исследование под реальные управленческие задания, которые в период глобализации быстро меняются, а порой имеют острый характер. Полагаем, что именно «психологическое управление», которое определилось в последнее время трудами В.В.Новикова, Ю.М. Забродина и их соратников и учеников, отвечает прикладному характеру психологических исследований в период глобализации.

По словам Ю.М. Забродина психологическое управление заключается в практическом воплощении научного знания в действиях и рекомендациях психологов, когда знания и методы, имеющиеся в фундаментальных и прикладных разделах психологии, используются для выработки реальных управленческих воздействий [1]. Б.Ф. Ломов, Г.М. Мануйлов, В.В.

Новиков и другие ученые воспринимают психологическое управление как новое научное направление в психологии управления, призванное решать практические задачи [2,3,4].

Как отмечают многие ученые, в последние годы практически во всех цивилизованных странах резко поднялся интерес исследователей разных направлений науки и практики к так называемому экономическому поведению людей. Этим сложным понятием объединяется довольно широкий спектр проявлений жизнедеятельности индивида и группы, направленный на производство материальных ценностей и их потребление в конкретных социально-экономических условиях. А ведь именно поведение человека издавна является предметом психологии.

По вполне понятным причинам, особый интерес современных психологов, российских, в частности, представляет исследование той части экономического поведения, которая связана с предпринимательством.

Рыночные отношения уже давно стали для страны основными, и Россия повернулась к капиталистической экономике, рынок стал открытым по отношению к глобальной экономической системе. Следствием чего происходят изменения взаимоотношений людей, социально-психологического климата всего российского общества и каждой его составляющей.

Открытое и весьма активное движение России, как суверенной и достаточно цивилизованной, многосторонне развитой страны, выдвинула на смену старых общественно-политических и социально-экономических управленческих аппаратов новую страту менеджеров и предпринимателей. Именно от них теперь во многом зависит развитие производства и его инфраструктуры, занятость людей и их благополучие, а, в конечном счете, и удовлетворенность самой жизнью.

В периоде глобализации предприниматели не просто стали реальностью новой постсоветской России, но все в большей степени определяют ее дальнейшую судьбу, т.к. они принимают многие принципиально важные экономические решения. Современные предприниматели менее консервативны, чем руководители государственных предприятий они используют другие способы управления, в первую очередь основанные на знаниях психологии (В.В. Марченко, В.В. Новиков, А.Л. Свенцицкий, В.А. Бодров, А.Л. Журавлев, А.Н. Лебедев и др.).

Ю.М. Забродин и В.В. Новиков отмечают недостаточность методического обоснования форм и способов применения психологических методов, отмечают необходимость доведения методического обоснования до такой формы, которая стала бы «работать» в реальной жизни, а, значит, перестала бы быть «психологической» и превратилась бы в реальные общественные, межличностные, правовые и другие отношения» [6].

Одновременно следует отметить, что значимость психологического управления возрастает вследствие глобализации, несущей за собой социально-психологические изменения личности, группы, общества.

Исходя из сказанного, необходимо проанализировать и интегрировать опыт развития психологической науки в области решения практических экономических, управленческих и др. проблем прошлых лет:

во-первых, выявить при всей сложности и кризисности современного состояния общества в условиях глобального мирового финансового кризиса, его «запрос» или несформулированную в научных понятиях потребность в разработке именно психологических проблем управления;

во-вторых, выявить возможности психологической науки, которыми она располагает на современном этапе для теоретической и для практической постановки проблемы психологического управления и ее решения.

Эта задача носит при всей ее сложности и фундаментальный и конкретный характер, и еще никем в таком качестве ни поставлена, ни, тем более, решена не была. Но ее решение невозможно только путем применения уже сложившихся психологических знаний и опыта к современным социальным способам управления. Необходимо исследование новых экономических, политических и управленческих процессов и способов в том виде, как они сформировались в настоящий момент, чтобы оптимизировать их на научной основе.

Реальная жизнь последних лет XXI века выявила ряд серьезных трудностей, возникающих при расширении рыночных отношений в обществе. Анализ этих трудностей позволяет выделить ряд факторов и механизмов как административно-правового, технико-технологического, организационно-экономического, так и социально-психологического порядка, которые могут быть учтены и использованы в России и других странах. Таким образом, вопрос о целенаправленном использовании психологических и социально-психологических механизмов в целях проектирования новых или дальнейшего совершенствования уже существующих организаций оказывается не просто чрезвычайно актуальным, но и вполне продуктивным.

Именно выявление этих факторов и механизмов и послужило основой возникновения практики психологического управления и, в частности, интегративного организационного проектирования организации труда и управления в ряде отраслей промышленности [7].

При этом важна не только практическая, но и научная проработанность обсуждаемой проблемы. Последнее становится понятным, если учесть, что любая производственная организация может быть одновременно рассмотрена как субъект совместной деятельности, как социально-психологическая группа определенного уровня развития, и как среда «самореализации» личности и т.д.

Речь идет о возможностях дальнейшего углубления теоретической разработки ряда важнейших проблем общей и социальной психологии, на основе разработки направления психологического управления в период глобализации.

Сегодня одновременно мы ставим вопрос о месте психологического управления в системе психологических наук и о соотношении с социальным управлением.

Современная психология не просто включается со своими рекомендациями в реальную систему управления. Наряду с описанием, объяснением, пониманием, все большее

значение приобретает такая функция самой психологической науки как управление, - то есть систематическое применение психологических знаний в практике выработки и осуществления реальных управляющих воздействий; возникает необходимость перехода от анализа объектов к их синтезу, - то есть проектированию структуры и функций социально-экономических объектов с учетом психологических закономерностей, механизмов и факторов их генезиса, функционирования и развития [5].

Таким образом, новое направление «психология управления» совершенно иначе, чем до сих пор, раскрывает понятие «управления» и его связь с реальным социальным управлением: последнее осуществляется на основе управленческой функции психологии, моделирующей реальный объективный способ управления на основе психологических закономерностей.

Одной из важнейших черт рыночных отношений является острейшая необходимость повышения темпов экономического роста, которое, само по себе, не происходит, даже при явном возрастании самостоятельности и ответственности производственных предприятий..., что и выдвигает эти последние в качестве самостоятельного объекта прикладных психологических исследований.

Опыт, накопленный в рамках взаимодействия психологии с общей теорией организаций и социологией организаций, базирующихся на позициях системного подхода, продемонстрировал плодотворность рассмотрения предприятия как производственной организации, что позволило поставить ряд теоретических проблем, выявить некоторые закономерности, сформулировать рекомендации.

Таким образом, глобализация, являясь основной тенденцией современного общества, превращает человечество в социальную целостность, требующую новых путей управления, том числе и психологических.

Литература

1. Забродин, Ю.М. Проблема разработки практической психологии // Ю.М. Забродин - Психологический журнал. 1980. Т.1. № 2. – С. 34-48.
2. Ломов, Б.Ф. Теория, эксперимент и практика в психологии // Б.Ф. Ломов - Психологический журнал, 1980, №1. – С. 59-71.
3. Мануйлов, Г.М. Влияние спорта на формирование личностных качеств руководителей производства // Г.М. Мануйлов, Ю.Т. Тимофеев - Теория и практика физической культуры, 1983, № 12. – С. 93-112.
4. Новиков, В.В. Социальная психология сегодня: отвечать действиями // В.В.Новиков - Психологический журнал. 1993. № 4. – С. 64-81.
5. Новиков, В.В. Социальное управление развитием производственных коллективов // В.В.Новиков - М.: ПрофиТ, 2008. – 244 с.
6. Новиков, В.В. Психологическое управление производственной организацией // В.В. Новиков, Ю.М. Забродин - М.: АСТ, 2009. – 260с.

7. Новиков, В.В. Психологическое управление в кризисных социальных сообществах // В.В. Новиков, Г.М. Мануйлов, В.В.Козлов -М.: Ресо, 2009. – 466 с.
8. Покровский, Н. Лекции на тему: «Глобализация: реальные процессы и их теоретические конструкты» // Н.Покровский - ГУ-ВШЭ, 2010. – 116 с.
9. Стиглиц, Дж. Социальное общество // “Deutschland”. - 4/2010. – Р. 32-41.
10. Gillian Butler, Freda McManus Psychology: A Very Short Introduction [Текст] / Gillian Butler, Freda McManus; - Oxford University Press, 2009. - 160 p.

УДК 378.126

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРОЕКТНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE THEORY AND PRACTICE
OF PROJECT ACTIVITIES**

Седых Е.П., к.п.н., доцент, ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет)»

Ермолаева С.В. ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет)», магистрантка,

Sedyh E.P., PhD, Associate Professor, FGBOU VPO "Nizhny Novgorod State Pedagogical University. Kozma Minin (Mininsky University)"

Ermolaeva S. V., Nizhny Novgorod, magistrantka, FGBOU VPO "Nizhny Novgorod State Pedagogical University. Kozma Minin (Mininsky University)"

e-mail: svetlyshka12@mail.ru

Аннотация: в работе раскрываются основные этапы внедрения проектного обучения, описываются основные подходы к организации проектного обучения на различных этапах развития общества и образования, дается характеристика ключевых идей проектного обучения.

Abstract: in this paper are the main stages of the introduction of project-based learning, describes the main approaches to project-based learning at various stages of social development and education, describes the key ideas in the design of training.

Ключевые слова: проект, проектное обучение, метод проектов, организация проектной деятельности учащихся.

Keywords: project, project training, project method, the organization of project activities of students.

Сущность понятия «проектная деятельность» связана с такими научными категориями как «проект», «деятельность», «творчество», имеющими разноплановый характер, как с точки зрения различных отраслей научного знания, так и с точки зрения разных уровней методологии науки.

Понятие «проектная деятельность» находит свое отражение на стыке двух основополагающих гуманитарных дисциплин – педагогической и психологической науки. Обучение проектной деятельности предполагает учет как основных закономерностей педагогического процесса так и ее психологического содержания.

Рассмотрим основные составляющие понятия творческой проектной деятельности.

Термин «проект» (*projection*) в переводе с латинского означает – бросание вперед.

Проект – это прототип, идеальный образ предполагаемого или возможного объекта, состояния, в некоторых случаях – план, замысел какого-либо действия.

В «Толковом словаре русского языка» указываются три определения слова «проект»:
1) разработанный план сооружения, какого-нибудь механизма; 2) предварительный текст какого-нибудь документа; 3) замысел, план.

По К.М. Кантору проект – это проявление творческой активности человеческого сознания, «через который в культуре осуществляется деятельностный переход от небытия к бытию». Автор придает огромное значение проекту как специфической форме сознания, конституирующей всякий трудовой процесс. [2]

Процесс создания проекта называется проектированием. Дж.К. Джонс приводит более десятка определений процесса проектирования, главное из которых «проектирование – вид деятельности, дающий начало изменениям в искусственной среде». В широком смысле проектирование – это деятельность по осуществлению изменений в окружающей среде (естественной и искусственной). Проектирование понимается и как управления стихийным развитием предметного мира.

В психологическом знании понятие проектирования в последнее время примирено значительную актуальность и новое содержание в связи с разработкой проблемы проектирования образовательных систем (Е.И. Исаев, В.И. Слободчиков, Н.Ф. Талызина, И.С. Якиманская). В этой области также акцентируется преобразующая функция проектирования по отношению к наличному уровню знания. Е.И. Исаев указывает, что «проекты выступают в роли дополнений; они направлены на то, чтобы изменить наличное положение дел. По содержанию проектирование выступает как образование уже существующих объектов в новую форму». Е.И. Исаев представляет позицию, согласно которой проектирование является движущим механизмом подлинно развивающего образования: «предметом проектирования и является создание условий шага развития системы образования в целом, перехода из одного состояния в другое».[1]

В педагогической литературе понятие «проект» изначально имело три важных признака. Это ориентация обучающихся: 1) на получение знаний в процессе осуществления деятельности; 2) на действительность, выражающуюся в решении практической задачи в условиях, близких к реальной жизни; 3) на конкретный продукт, предусматривающий применение знаний из различных областей наук с целью достижения запланированного результата.

Возникновение феномена «проект» относится к 16 веку, и связывают его с попытками итальянских архитекторов профессионализировать свою деятельность, объявив архитектуру наукой и сделав ее учебной дисциплиной. В Римской Высшей Школе Искусств, был добавлен важный элемент – «конкурс», когда лучшим студентам давались задания по изготовлению эскизов различных сооружений Первоначально для студентов не ставилось конкретной задачи непременно воплощения своих работ в жизнь, это носило название «progetti» - планы, проекты.

Значительный вклад в разработку проектного метода обучения внес один из основоположников отечественной педагогической науки П.П.Блонский. Народную школу педагог видел, прежде всего, индустриальной, ибо, как он сам говорил, в век прогресса

терпеть не мог технической неграмотности. Он писал: «В народной школе ребенок должен, прежде всего, не обучаться теоретическим знаниям, но учиться жить. Итак, школа должна быть местом жизни ребенка, должна создавать рациональную организацию этой жизни» (П.П.Блонский, 1979, с.39).

Большое внимание проектному методу обучения уделял один из создателей новой школы педагогики в России С.Т. Шацкий. Он исходил из того, что школа должна готовить учащихся к жизни, и разрешение детского вопроса не в том, чтобы дети были грамотными, а в том, чтобы они умели жить

Организация проектной деятельности детей и подростков занимала значительное место в педагогической деятельности А.С. Макаренко. Проектную деятельность воспитанников известный педагог связывал с производительным трудом, который, по его словам, должен быть одним из самых основных элементов в воспитательной работе.

Е.Г. Каганов определил проект как «всякое действие, совершаемое от всего сердца и с определенной целью», а также указал отличительные черты проектного метода (опора на детские интересы сегодняшнего дня, связь с различными сторонами хозяйственной жизни страны, самостоятельность и творчество учащихся, слияние теории и практики.)

Автор выделяет три этапа выполнения проектов: составление плана; выполнение проекта; подведение итогов работы, коллективное обсуждение, оценки и составление отчета (Каганов Е.Г., 1926).

В разработках Н.И. Игнатъева, М.В. Крупениной метод проектов трактуется как комплексно реализующий ряд педагогических принципов - самостоятельность, сотрудничество детей и взрослых, учет возрастных и индивидуальных особенностей детей, деятельностный подход, актуализация субъектной позиции ребенка в педагогическом процессе, взаимосвязь педагогического процесса с окружающей средой и др.

В трактовке М.В. Крупениной метод проектов имеет пять этапов: постановка задачи, разработка самого проекта, организация общественного мнения об осуществляемом мероприятии; непосредственно трудовая работа, учет проделанной работы («На путях к методу проектов», 1930).

Проектный метод обучения в 20-х годах 20 века широко применялся в школах крестьянской молодежи, а также в опытно - показательных учреждениях, которые подразделялись на 5 типов: опытно – показательные школы без определенного уклона, опытно – показательные школы с сельскохозяйственным уклоном, трудовые школы – коммуны, опытные станции.

В процессе внедрения проектного метода обучения в школах России в 20-х годах 20 века были допущены ошибки:

1. Сторонники метода проектов провозгласили его единственным средством преобразования школы учебы в школу жизни и труда, а не одним из элементов общей системы методов обучения. Универсализация этого метода приводила к снижению уровня научной подготовки школьников.

2. Не были подготовлены педагогические кадры, способные использовать метод проектов как средства развития, обучения и воспитания учащихся. В опытно-показательных учреждениях квалифицированные учителя с помощью проектного метода обучения формировали у школьников системные знания по основам наук. Но в массовой школе этого сделать не удалось.

Таким образом, сравнительный анализ истории становления теории и практики проектного обучения показал, что в отечественной педагогике этот метод рассматривался как средство:

- всестороннего упражнения ума и развития мышления (П.Ф. Каптерев);
 - развития творческих способностей (П.П. Блонский);
 - развития самостоятельности и подготовки школьников к самостоятельной трудовой жизни (С.Т. Шацкий);
 - подготовка воспитанников к профессиональной деятельности (А.С. Макаренко);
- Слияния теории и практики в обучении (Е.Г. Каганов, М.В. Крупенина, В.В. Игнатъев, П. Руднев, В. Разлетов, В.Н. Шульгин).

В зарубежной педагогике проекты рассматривались как цель обучения, связанная с утилитарной задачей выполнения учебно - школьного задания в реальной жизненной обстановке (В. Килпатрик).

В настоящее время идеи проектной деятельности в образовании вновь находятся в зоне внимания педагогов и исследователей.

Сегодня интенсивно ведутся поиски новых путей внедрения элементов проектной технологии в учебно-воспитательный процесс профессиональной школы. Проектное обучение признается одним из наиболее эффективных способов формирования творческого и технического мышления. При этом под проектом понимается творческая, завершенная работа, соответствующая интересам, склонностям и потребностям личности, а само проектное обучение трактуется как процесс поэтапного формирования знаний, умений и навыков проектной деятельности.

Литература

1. Исаев Е.И. Проектирование психологического образования педагога // Вопросы психологии. - 1997. - №6, - С. 48-57
2. Кантор К.М. Опыт социально-философского объяснения проектных возможностей дизайна // Вопросы философии. 1981. № 11. С. 84—96.
3. Шацкий С.Т. Избранные педагогические сочинения в 2-х томах — Москва: Педагогика, 1980. — Т. 1. — 304 с.

УДК 378.126

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ: ПРОФЕССИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД EDUCATIONAL DESIGN: PROFESSIOLOGICHESKY APPROACH

Цыплакова С.А., ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет)», преподаватель кафедры теории и методики профессионального образования

Tsyplakova S.A., post-graduate student, lecturer of the department theory and methodology of professional education of State Pedagogical University of Nizhny Novgorod.

e-mail: svetlyshka12@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается профессиологический подход к педагогическому проектированию, как один из основных методологических подходов, а также теоретические основы педагогического проектирования в условиях непрерывного многоуровневого профессионального образования.

Abstract: This article describes an approach to pedagogical professiologichesky design as one of the key methodological approaches and theoretical foundations of pedagogical design in continuous multi-level professional education.

Ключевые слова: проектная деятельность, профессиологический подход, педагогическое проектирование, профессиональное обучение.

Keywords: project activity professiologichesky approach, instructional design, training.

Разработка теоретических основ педагогического проектирования в условиях непрерывного многоуровневого профессионального образования, на основе ведущих положений философии о сущности явлений и факторов, имеющих место в общественных процессах и социальных системах, других системах познания, а также прогностических, психолого-педагогических, профессиональных, культурологических теориях является одним из направлений развития педагогического проектирования в настоящее время.

В своем исследовании мы опирались на методологические основы современной профессиональной педагогики (С.Я. Батышев, А.П. Беляева), новые концепции, теории, основанные на использовании междисциплинарной методологии и политеории.

Проанализируем профессиологический подход, как один из основных методологических подходов, обосновывающих тему нашего исследования.

Профессиологический подход позволяет рассматривать проектирование в двух ипостасях [1]:

- 1) как вид профессиональной деятельности педагога;

2) как условие, способ решения психолого-педагогических проблем построения системы педагогического процесса на основе квалификационных требований к рабочим и специалистам, технико-технологических изменений и профессионально-квалификационной характеристики интегрированных групп профессий.

С точки зрения первой ипостаси важным фактором является внедрение проектировочной деятельности в сферу образовательных систем на всех уровнях организации образовательного процесса.

Создание и внедрение целенаправленной организованной системы прогнозирования в образовательный процесс общего профессионального образования становится крайне необходимым, что обусловлено рядом объективно существующих причин. Наиболее существенной является динамика развития содержания самого процесса проектирования. Если в традиционной системе проектирование было ориентированным на разработку планов и программ осуществления педагогического процесса, то в настоящее время предпочтение отдается созданию технологии проектирования, фундаментальным методологическим основам прогнозирования. В этом направлении работают С.Я. Батышев, А.П. Беляева, И.В. Бестужев-Лада, А.М. Гендин, Б.С. Гершунский, Э.Г. Костяшкин, В.О. Кутьев, и другие.

Формирование проектировочной культуры всех субъектов образовательных систем мы рассматриваем как необходимое условие, позволяющее реально совершенствовать всю систему образования и педагогический процесс в частности, а также квалификацию педагогических кадров.

Исследование показало, что специалисты в области проектирования технических, социально-экономических систем и специалисты в области педагогического проектирования имеют разный уровень квалификации. Имеющиеся представления в этой области дают основания сделать вывод, что говорить о проектировочной культуре педагогов можно лишь в том случае, если они имеют определенное мировоззрение, определяющее их отношение к проблемам прогнозирования, необходимого уровня технической, социальной, методической, технологической подготовки. Рассмотрению данных вопросов в определенной степени посвящено наше исследование.

Второй аспект связан с «отношением» к проектированию, как к качественно новому виду деятельности с неограниченной сферой применения. Изменение образовательного процесса основывается на четком представлении функциональных возможностей прогнозирования и проектирования как средства педагогической деятельности в методологическом, теоретическом, общепедагогическом дидактическом осмыслении процесса профессиональной подготовки. Анализируя работы С.Я. Батышева, А.П. Беляевой, И.В. Бестужева-Лада, А.М. Гендина, Б.С. Гершунского можно сделать вывод, что:

- посредством проектирования обеспечивается взаимосвязь со всеми внешними факторами образовательной системы, что приводит к возникновению непосредственного включения ее в общую структуру общества;

- возможность генерировать знания различных сфер науки, находить оптимальные варианты организации образовательного процесса:

- возможность анализировать информацию в самой различной форме;
- построение моделей обучения, то есть как универсальное средство познавательно-исследовательской деятельности человека;
- способность создавать единую функционально-предметно-пространственную сферу. Такой деятельностный способ организации развивающего пространства усиливает интеллектуальные основы образовательных систем.

Данные положения являются основанием для утверждения о том, что в системе профессионального образования проектировочная деятельность должна строиться на основе теории теоретического и производственного обучения, управления профессиональным образованием, педагогической технологии.

Современная теория проектирования ведущих психологов и педагогов состоит в том, что проектирование рассматривается не только как средство подготовки к учебному занятию, но и как эффективное средство развития педагогического процесса. Проектирование должно охватывать все сферы жизнедеятельности учебного заведения. Системный характер профессиональной деятельности является основным признаком современного проектирования. Следовательно, проектирование обеспечивает формирование и развитие целостной профессиональной деятельности.

Проектирование профессионального обучения осуществляется на технологической основе. Сущность процессуального компонента составляют технологические процедуры профессионального обучения, согласованные с производственными процессами, операциями, действиями. К основным явлениям данного подхода относятся: проектирование форм и методов педагогического процесса, проектирование содержания обучения, проектирование технологического подхода к обучению.

Содержание профессионального образования определяется задачами социально-экономического развития, которые как бы создают исходную детерминацию для подготовки рабочих, определяют общее направление процесса обучения. Потребность в «мобильной», способной легко переучиваться и адаптироваться в быстро меняющихся условиях рабочей силе требует от учебных заведений готовить рабочих и специалистов сквозных профессий интегративного типа, обладающих определенным «резервом» профессиональных знаний и способностей [1].

Возникновение и развитие профессий сложного труда предполагает подготовку рабочего социально-интегративного типа, высококвалифицированного, хорошо образованного и воспитанного [2].

Проблема качества трудовых ресурсов трансформируется в проблему качества подготовки выпускников системы профессионального образования. Следует отметить, что речь идет не только о формировании определенных теоретических знаний, практических умений и профессиональных умений и навыков, а о развитии профессионально значимых и общечеловеческих качеств и свойств личности, ценностных ориентации, норм культурного поведения в процессе профессиональной деятельности, что способствует быстрой адаптации на производстве, освоению новой техники и технологии, позволяет динамично изменять

специальность, а при необходимости профессию, быть конкурентоспособным на рынке труда.

Рассмотрение вопросов проектирования форм и способов деятельности педагога и учебно-познавательной деятельности учащихся связано с технологизацией, интеграцией, гуманизацией, интенсификацией образовательного процесса.

В настоящее время в теории и практике разрабатываются теоретические и методические основы использования педагогических технологий в практике педагогического процесса, создаются авторские программы содержания образования, набор программных средств учебного направления.

Различным аспектам интенсификации процесса обучения посвящены работы Н.М. Александровой, А.В. Батаршева, С.Я. Батышева, А.П. Беляевой, В.П. Беспалко, Т.Н. Варковецкой, Ф.Х. Джураева, И.А. Ивлиевой, М.В. Кларина, И.П. Кузьмина, А.К. Маренго, В.П. Панасюк и других [1]. В контексте данной тенденции проектирование выступает как средство создания и внедрения нововведений с целью получения желаемого результата деятельности.

Проектирование как средство включено в систему педагогической деятельности и оказывает на нее существенное влияние. В этом процессе имеют место принципиальные изменения, которые произойдут в деятельности.

Включение проектирования в образовательный процесс, как в деятельности руководителя учебного заведения, так и в деятельности педагогов приводит к возникновению таких функций, как исследование, организация, коррекция, проверка данных, эксперимент, управление и др., что изменяет учебный процесс по целевому, структурно-содержательному, процессуальному, временно-пространственному, организационно-управленческому параметрам.

В педагогике никогда не прекращались поиски действенного механизма, который позволил бы снять противоречие между ростом требований к качеству подготовки выпускников профессиональных учебных заведений и определенными условиями их обучения.

Изучению проблем содержания и процесса обучения профессионального образования посвящены научные исследования С.Я. Батышева, А.П. Беляевой, Н.И. Думченко, К.Н. Катханова, И.Д. Юючкова, С.Д. Скакуна, О.Ф. Федоровой, Л.Д. Федотовой, А.Е. Шильниковой и др. [1].

А.П. Беляева является основателем методологического направления в педагогике профессионального образования. Под ее руководством разработаны методология комплексных научных исследований, системности содержания профессионального образования, моделирование профессионального обучения, интегрально-модульная система профессиональной подготовки, интенсификация учебно-воспитательного процесса, учебно-производственной деятельности учащихся, взаимосвязи общего, политехнического и профессионального образования, система дидактических принципов в профессиональном образовании и др.

Выделенные научные работы по проблемам профессионального образования в совокупности представляют научный базис нашего исследования, который дополняется такими теориями и подходами, как активизация процесса обучения (М.А. Данилов, К.Д. Ушинский), оптимизация обучения (В.В. Давыдов), программированное обучение (В.П. Беспалько, П.Я. Гальперин, Б. Скинер, Н.Ф. Талызина), проблемное обучение (В.В. Давыдов, М.А. Данилов, Л.В. Занков, М.И. Махмутов) и др.

Необходимым условием перевода дидактических систем на технологический уровень является анализ динамики решений инженерных задач средствами проектировочной деятельности.

Опираясь на рассмотренные теории, можно сделать вывод, что они в полной мере переносимы на проектирование образовательных систем. Для этого необходима разработка психолого-педагогической теории, позволяющей раскрыть весь комплекс вопросов, связанных с организацией и перспективным развитием педагогического процесса, обеспечивающих перенос технического, социального, методологического, личностно-ориентированного проектирования на реальную педагогическую деятельность.

Литература

1. Беляева А.П. Интегративно-модульная педагогическая система профессионального образования / Ин-т профтехобразования РАО. – СПб.; Радом, 1997. – 227 с.
2. Беляева А.П. Методология и теория профессиональной педагогики / Ин-т профтехобразования РАО. – СПб.; Радом, 1999. – 480 с.

УДК 378

**АТТЕСТАЦИЯ ПЕДАГОГОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**
SCHOOL TEACHERS PROFESSIONAL ATTESTATION: THEORETICAL ASPECT

*Юртаева Т.С., Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина, к.п.н., доцент кафедры теории и методики профессионального
образования.*

*Yurtaeva T.S., assistant professor of the theory and methodology of professional education
of Nizhny Novgorod state pedagogical university*

e-mail: Yurtaeva.ts@yandex.ru

Аннотация: В статье рассмотрены существенные характеристики аттестации педагогов профессиональной школы, определены основная идея новой модели аттестации, цели, функции, теоретические аспекты аттестации с позиций системного, комплексного, интегративного, лично-деятельностного, профессиологического подходов.

Abstract: this article describes the essential characteristics of the certification of teachers of vocational schools, the basic idea of the new model of certification, goals, functions, theoretical aspects of certification from the point of the system, a comprehensive, integrative, student-activity, profессиологического approaches.

Ключевые слова: аттестация, педагог профессиональной школы, теоретический аспект

Keywords: certification, teacher training schools, the theoretical aspect

Профессиональная аттестация педагогических кадров в современных условиях выступает важнейшим фактором повышения качества профессионального образования и одним из условий профессионального роста преподавателей, мастеров производственного обучения профессиональных училищ, техникумов. Социально-экономическое, культурологическое, научно-техническое развитие общества повлияло на перестройку начального и среднего профессионального образования в целом и в частности на аттестацию педагогических кадров. Что обуславливает переход аттестации на непрерывный многоуровневый характер, ориентирует аттестационный процесс не только на формирование профессиональных знаний, умений, навыков, но и на развитие профессиональных интересов, нравственных ценностей, возможностей и способностей педагогов профессиональной школы; совершенствование организационно-управленческой структуры аттестационного механизма.

Проблема аттестации педагогических кадров – давняя и постоянная, которая не получила еще должного теоретического осмысления в профессиональной педагогике.

Проблеме аттестации педагогических кадров уделяется самое серьезное внимание во всех развитых странах мира. Эта тенденция объясняется тем, что, по мнению ведущих специалистов в области педагогической науки, правильно организованная аттестация является важнейшим инструментом профессионального роста педагогов.

Установлено, что качественные преобразования в системе профессионального образования могут состояться в том случае, если система будет обеспечена компетентными педагогическими кадрами.

Идея непрерывного профессионального образования, предопределяющая постоянное творческое обновление, развитие и совершенствование личности – одна из самых прогрессивных идей реформирования аттестации.

Центральной идеей нашего подхода к аттестации является *идея развития педагога на протяжении всей его профессиональной деятельности*. В этой связи непрерывным является диагностика личности и профессионально-педагогической деятельности, всеохватывающая по полноте, индивидуализированная по времени, темпам и направленности, предопределяющая каждому педагогу возможности собственной программы развития.

Целью аттестации становится *развитие педагога* как в периоды становления профессионально-педагогической деятельности, так и в период приобретенного профессионального мастерства, статуса, когда на первый план выдвигается задача передачи имеющегося опыта.

Понимание аттестации с новых социально-педагогических позиций необходимо соединить с принципом развивающего обучения, с ориентацией образовательной деятельности не только на познание, но и на саморазвитие, самоуправление, переход к продуктивному учению и активному социальному действию.

Системообразующим фактором аттестации служит осознанная потребность педагога в постоянном саморазвитии. Этим определяется необходимость упорядочения множества образовательных структур: их взаимосвязь и взаимообусловленность, субординация по уровням, координация между ними – иными словами, преобразование совокупности всех структур в единую систему.

Сущность аттестации для системы непрерывного профессионального образования определяется как ведущая сфера социально-педагогической политики по обеспечению благоприятных условий для общего и профессионального развития преподавателей, мастеров производственного обучения.

Опираясь на исследования в области непрерывного, многоуровневого, профессионального образования, сущностью реорганизации аттестации педагогических кадров явились *непрерывность и многоуровневость как принцип и система*.

Непрерывность в аттестации выражается в поступательном развитии образовательных потребностей педагога, в создании новых образовательных структур в профессиональных

образовательных учреждениях (творческие мастерские, лаборатории), предусматривает организацию непрерывной профессионально-педагогической деятельности.

Нами сделан конструктивный вывод о необходимости преобразования аттестации и построения модели аттестации педагогических кадров адекватной требованиям общества к профессиональному образованию и развитию личности педагога.

В связи с этим перед нами возникла проблема концептуального, организационно-управленческого, содержательного, научно-методического, технологического обеспечения аттестационной деятельности в профессиональном учреждении.

Анализ педагогической теории и практики показал, что аттестация в современных условиях выступает не только как *контрольно-оценочная, но и как ценностно-ориентационная, преобразовательная, научно-познавательная, рефлексивная деятельность.*

Как ценностно-ориентационная деятельность аттестация способствует поднятию престижа педагога, удовлетворения потребности в получении общественного признания, статуса.

Преобразующее свойство аттестации обеспечивается включением механизма самосовершенствования путем регуляции и саморегуляции.

Аттестация является научно-познавательной деятельностью, так как в ее процессе люди приобретают новые знания о себе как педагоге, о самой профессии, о других людях как профессионалах.

Аттестация как рефлексивная деятельность является механизмом самопознания, самооценки, саморазвития педагога.

Нами выделены следующие аспекты аттестации, на основе которых проанализированы ее основные структурно-содержательные характеристики.

1. Генетический аспект связан с выявлением основы аттестации педагогических кадров. Причем педагогическая и управленческая направленность данного аспекта задается методологией и теорией современного профессионального образования, положениями педагогического менеджмента, ориентированного на реализацию личностно-деятельностного, управленческого, системного, комплексного, интегративного, профессиологического подходов. При этом в центр внимания ставятся процессы: саморазвитие, самоизменение, самоуправление, саморегуляция, самокоррекция, самоконтроль, определяющие непрерывное профессиональное становление педагогов.

Предлагаемая нами модель аттестации основана на *идее непрерывного образования, предопределяющей непрерывное профессиональное развитие педагога на протяжении всей творческой жизни.*

Личностно-деятельный подход как концептуальная основа непрерывного образования позволяет выявить социальную, деятельностную и творческую сущность педагога как личности, признается уникальность каждого преподавателя, мастера производственного обучения, его интеллектуальная и нравственная свобода, право на уважение, осуществляется опора на саморазвитие и творческий потенциал.

В нашей модели аттестации приоритет в аттестационной деятельности отдается преподавателю, мастеру производственного обучения, проходящему аттестацию. Он признается нами *субъектом*, активным деятелем аттестации.

Рассматривая аттестацию с позиций личностно-деятельностного подхода, нами выявлена центральная проблема – диагностика профессионально-педагогической деятельности.

При разработке личностно-деятельностного подхода мы стремились проанализировать цели и задачи аттестации - педагогических кадров, опирающиеся на современные интегративные тенденции в области экономики образования, педагогических и психологических исследований, а также производственных технологий.

Современные варианты понимания сущности аттестации значительно расширяют направления ее использования в целях:

- повышения качества профессионально-образовательного процесса;
- научной организации работы с педагогическим персоналом;
- изучения и развития профессионально-педагогической деятельности преподавателей, мастеров производственного обучения;
- обеспечения системы непрерывного повышения квалификации педагогических кадров;
- удовлетворения потребностей педагогов;
- развития-саморазвития преподавателей, мастеров производственного обучения.

В нашем исследовании мы выявили детерминанту профессионального роста педагога, когда процесс диагностики может выступать в единстве субъективных и объективных факторов. Такой детерминацией, по нашему мнению, выступает *рефлексивная деятельность как механизм саморазвития педагога*, которая требует от административно-управленческого аппарата и каждого преподавателя, мастера производственного обучения высокой методологической культуры, знаний и умений использовать психолого-педагогические закономерности, идеи личностно-деятельностного подхода для анализа собственной педагогической деятельности.

Аттестация педагогических кадров профессиональной школы, осуществляемая педагогической диагностикой с новых образовательных позиций, ориентирована не только на изучение отдельных элементов педагогической деятельности, но и на исследование закономерностей функционирования педагогической деятельности в целом и связана с теоретической формой ее представления.

В аттестации проявляются, с одной стороны, реальные процессы и явления педагогической деятельности, с другой – идеалы, нормы ее построения. С этой точки зрения обязательным фактором в аттестации является разработка критериев оценки, самооценки педагогической деятельности, сравнение имеющихся данных с нормативными.

2. *Аксиологический аспект* связывается с определением теоретической и практической значимости аттестации.

В педагогической науке и практике определены основные цели и задачи аттестации. К ним относятся: изучение и оценка работника, выявление уровня профессиональной квалификации преподавателей, мастеров производственного обучения; положительных и отрицательных сторон деятельности педагога; разработка критериев эффективности работы педагога; определение профессионально необходимого уровня знаний и умений педагога.

Как показало исследование, одна из ошибок традиционного представления об аттестации состоит в том, что (аттестация) «считала достаточным для формирования знания о предмете продемонстрировать сам этот предмет» (в нашем случае – получить данные о педагоге и отдельных сторонах его деятельности).

В современных условиях аттестация выступает одним из направлений управленческой деятельности, являющейся научной основой организации деятельности педагогического коллектива. Если рассматривать аттестацию с новых методологических позиций теории и практики, ценность ее резко возрастает.

Аттестация должна рассматриваться в двух плоскостях: с одной стороны – это аналитическая деятельность, изучающая отдельные компоненты педагогической деятельности и личностные качества педагога, с другой стороны – это интегративная деятельность, обеспечивающая целостное представление о педагогическом процессе с позиций научной, практической, социальной и экономической значимости.

3. **Экономический аспект** аттестации связан с развитием рыночных отношений в обществе, введением дифференцированной оплаты труда педагогическим и руководящим работникам.

По итогам аттестации и присвоенной квалификации определяются преподавателям и мастерам производственного обучения разряды и размер заработной платы.

Успешное прохождение аттестации дает возможность педагогу получить более высокий разряд и, соответственно, более высокую заработную плату, и, следовательно, может рассматриваться как способ социальной защиты в сложных экономических условиях и как материальный стимул развития своей профессиональной компетентности, повышения квалификации.

4. **Управленческий аспект** аттестации связан с методологией и теорией управления, педагогического менеджмента, образовательного маркетинга, определяется применением всей системы организационно-педагогических условий.

В отличие от контролирующей функции в традиционной системе образования, аттестация в системе непрерывного профессионального образования выполняет *развивающую, стратегическую, системную, исследовательскую, прогностическую, экономическую, коммуникативную функции.*

5. **Социальный аспект** аттестации базируется на ее стимулирующей роли. Аттестация обладает потенциальными возможностями удовлетворить многообразные потребности и интересы педагога как личность (общественные, материальные, моральные, коллективные и личные, профессиональные).

Аттестация может служить средством морального стимулирования и мотивации, с помощью которого достигается соответствие сотрудника предъявляемым отраслью требованиями, формируются устойчивые мотивы трудовой активности.

6. **Научно-технический аспект** аттестации связан с применением новых методов и средств, используемых в науке, на передовых предприятиях, фирмах, объединениях, а также применение современных компьютерных и педагогических технологий, обеспечивающих технизацию и интенсификацию процессов теоретического и практического обучения, производительности педагогического и ученического труда.

Существенным фактором интенсивной подготовки являются конкретные научно-технические нововведения, ускоряющие процесс формирования профессионального мастерства.

7. **Культурологический аспект** аттестации основан на конструктивной роли аттестации в управлении педагогическим персоналом.

Аттестация обеспечивает развитие общей, профессиональной, правовой, эстетической культуры, духовное удовлетворение личности, формирования ценностей, связанных с профессионально-педагогической деятельностью, образом жизни. Аттестация как составная часть культурного развития педагогов «создает возможности, условия индивидуального подхода к аттестуемому преподавателю, мастеру производственного обучения».

8. **Профессиологический аспект** аттестации связан с профессиологическим анализом деятельности аттестуемого преподавателя, мастера производственного обучения, включающим изучение его профессионально-педагогической, научно-методической, организационно-управленческой, технологической, проектировочной видов деятельности.

9. **Психолого-педагогический аспект** аттестации связан с изучением личности и профессионально-педагогической деятельности преподавателя, мастера производственного обучения, использованием методов исследования: наблюдения, педагогического эксперимента, анкетирования. Изучается состояние профессионально - образовательного процесса, осуществляется усвоение социального опыта, развитие нравственных качеств личности и взаимоотношений между субъектами аттестации.

Аттестация ориентирована на формирование гуманной системы отношений. Недооценка сущности аттестации как общения, несомненно, приводит к формализму и неперспективности аттестации. Такое представление аттестации показывает, что ее сущность и содержание тесно связаны с концептуальными положениями педагогики профессионального образования.

Проведенное исследование выявило *многомерность, полифункциональность феномена аттестации, являющегося одновременно процессом обучения педагогических кадров, фактором стимулирования к эффективной профессиональной деятельности педагогического персонала и механизмом диагностики и самодиагностики их деятельности.*

Современные условия детерминировали системный, комплексный, интегративный, личностно-деятельностный, профессиологический подходы к аттестации.

Рассмотрение объекта с позиции системного подхода позволило определить аттестацию как сложную, социально-педагогическую, развивающуюся, иерархическую, многоаспектную, многофункциональную систему, на функционирование которой оказывают влияние как внешние, так и внутренние факторы.

Данное представление аттестации позволяет естественным образом осуществлять непрерывный процесс повышения качества образования, связывать управленческую деятельность руководителей, деятельность педагогического коллектива и деятельность учащихся.

В связи с этим перед нами встает проблема дальнейшей разработки научно-методического обеспечения аттестации.

С этой целью мы считаем необходимым решение следующих проблем в области данного исследования:

- разработка концептуальных основ организации и проведения аттестации педагогических кадров;
- построение модели аттестации педагогических кадров профессиональной школы;
- разработки методики комплексной оценки профессионально-педагогической деятельности педагогов.

Таким образом, профессиональная педагогика требует создания новой научной концепции аттестации преподавателей, мастеров производственного обучения в условиях непрерывного профессионального образования, построения ее модели с учетом структурной, содержательной и функциональной обусловленности, придающей ей статус универсальности в целостной системе управления профессионально-педагогической деятельностью в соответствии с изменяющимися требованиями современного общества, науки и производства.

УДК 796.03

**ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ СЛАБОСЛЫШАЩИХ ДЕТЕЙ
И ПОДРОСТКОВ В ПРОЦЕССЕ СПОРТИВНОЙ ТРЕНИРОВКИ**

**FEATURES OF ADAPTABLE PROCESSES OF CHILDREN HARD OF HEARING AND
TEENAGERS IN THE COURSE OF SPORTS TRAINING**

*Янкевич И.Е., Астраханский государственный университет, ассистент кафедры
спортивных игр и адаптивной физической культуры*

*Yankevich I. E., Astrakhan state university, assistant to chair of sports and adaptive
physical culture*

e-mail: rigicc@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ спортивной тренировки слабослышащих подростков, способствующей повышению уровня адаптации слабослышащих подростков к спортивной деятельности, в частности при занятиях футболом

In article the analysis sports training of the teenagers hard of hearing promoting increase of level of adaptation of teenagers hard of hearing to sports activity is presented

Ключевые слова: спортивная тренировка, подростки, слабослышащие, адаптация

Keywords: sports training, teenagers, hard of hearing, adaptation

Дети с нарушениями развития - это в основном дети, у которых по причине врожденной недостаточности или приобретенного органического поражения сенсорных органов, опорно-двигательного аппарата или центральной нервной системы развитие психических функций отклоняется от нормы.

К проблеме аномального развития ребенка всегда проявляли большой интерес педагоги, врачи, психологи. Развитие медицинских и философских знаний способствовало научному пониманию процесса психического развития детей с нарушениями в состоянии здоровья. Огромное количество работ врачей, педагогов и психологов XIX и XX вв. было посвящено психологии детей с нарушениями в состоянии здоровья.

Категория этих людей чрезвычайно разнообразна: они различаются по нозологии дефекта (поражения зрения, слуха, речи, интеллекта, опорно-двигательного аппарата, центральной нервной системы и др., а также сочетанные формы); по возрасту (дети и взрослые), по степени тяжести и структуре дефекта, времени его возникновения (до, при рождении или в течение жизни), по причинам и характеру протекания заболевания, медицинскому прогнозу, наличию сопутствующих заболеваний и вторичных нарушений, состоянию сохранных функций, по социальному статусу и другим признакам.

Приоритетной задачей в образовании данной категории в образовании является задача их адаптации. Первоначально понятие «адаптация» возникло в рамках биологических наук и обозначало процесс приспособления организма к изменившимся условиям окружающей среды. Адаптация как явление часто характеризует процесс взаимодействия организмов (растений, животных, человека) с окружающей средой, хотя каждая разновидность такого взаимодействия имеет свои особенности. Адаптация выражает основные закономерности, обеспечивающие существование и развитие различных систем при определенном взаимодействии внутренних (организма) и внешних (среды) условий их существования.

Адаптация - способность организма приспосабливаться к различным условиям внешней среды. В ее основе лежат реакции организма направленные на сохранение его внутренней среды. Адаптация обеспечивает нормальное развитие, оптимальную работоспособность, максимально возможную продолжительность жизни в различных условиях окружающей среды.

С.А. Шапкин и Л.Г. Дикая выделяют три основных направления прикладных исследований феноменологии адаптации [7]. Первое направление медико-биологические и клиничко-психологическое рассматривают адаптацию в аспекте устойчивости организма к стрессогенным стимулам и воздействиям [1, 6].

Второе направление представлено физиологическими и психологическими исследованиями реакций отдельных систем организма на неблагоприятные средовые воздействия и различного рода нагрузки. В рамках этого направления адаптация изучается в аспекте индивидуального приспособления к изменяющимся условиям внешней среды.

Наиболее распространен и признан комплексный подход к изучению психических и функциональных состояний человека в процессе выполняемой деятельности. Данное направление рассматривает основные закономерности и механизмы индивидуальной адаптации [7].

Несмотря на отсутствие единого понимания категории «адаптация» и широкое разнообразие исследовательских подходов, структурный анализ адаптационных явления позволяет выделить в качестве обязательных следующие компоненты:

- 1) организм;
- 2) среду;
- 3) взаимоотношение и взаимодействия указанных двух компонентов.

Ф.Б. Березин выделяет три группы факторов, активизирующих адаптационные механизмы [2]:

- 1) резкое изменение условий среды;
- 2) существенная трансформация потребностей и целей индивидуума;
- 3) дефицит физических или психических ресурсов, обеспечивающих возможность удовлетворения значимых потребностей субъекта.

Так же подчеркивая субъективную значимость ситуации для участника адаптационного процесса, С.М. Громбах выделяет три условия отнесения реакции организма к адаптационным [3]:

1) внешние воздействия являются для организма необычными, новыми и создают несоответствие внешней среды свойствам организма в данный момент;

2) ответная перестройка организма происходит в результате более или менее длительного или многократного воздействия, оставляющего след в тех функциональных системах, которые играют главную роль в осуществлении реакции на данное воздействие;

3) возникающая в организме перестройка биологически целесообразна.

Социальная адаптация личности представляет собой единство трех социально-психологических механизмов:

- когнитивного, включающего все психические процессы, связанные с познанием;
- эмоционального, включающего различные эмоциональные состояния и моральные чувства;
- практического (поведенческого), осуществляющего связь с адаптации с социальной практикой.

В отличие от биологической адаптации, которая обозначает универсальное свойство живой материи приспосабливаться к постоянно изменяющимся условиям природной среды, адаптация человека характеризуется двумя уровнями; первый уровень - в сфере отношений «организм - природная среда» и второй уровень - в сфере отношений «личность - социальная среда». Первый уровень, хотя до некоторой степени и характеризуется биологическими закономерностями, но все же находится под влиянием социальных условий, которые не создают регуляции между природной средой и человеческим организмом, а как бы модифицируют, моделируют существенные закономерности этого взаимодействия. Вторым уровнем адаптации (высший) характеризуется отношениями личности и социальной среды и принципиально отличается от уровня биологической адаптации. Такой результат приспособления можно назвать «социальной адаптацией», ибо в данном случае мы говорим о приспособлении к социальной среде». С этих позиций социальная адаптация рассматривается как продукт взаимодействия человека с окружающей социальной средой, как результат предметной деятельности, преобразующей и внешнюю среду, и самого носителя субъекта деятельности - человека.

Под психологической адаптацией понимают «процесс установления оптимального соответствия личности и окружающей среды в ходе осуществления деятельности на уровне психических функций и их интегральной связи».

По психологическому содержанию выделяются этапы адаптации:

- ✓ *Преадаптация* (приспособление к будущим воображаемым ситуациям, становление психологической установки на адаптацию);
- ✓ *Деадаптация* (отвыкание от привычных условий жизни);
- ✓ *Реадаптация* (отвыкание от одних «новых», но уже ставших в какой – то мере привычных условий жизни к другим – «прежним»);
- ✓ *Диадаптация* (неадаптированность, неспособность приспособиться к новым условиям среды).

Своеобразие психического и физического развития слабослышащих детей и подростков обусловлено рядом причин:

- ✓ функциональным нарушением отдельных физиологических функций,
- ✓ общей соматической ослабленностью,
- ✓ отставанием в психическом развитии (иногда сопровождающимся задержкой психического развития, умственной отсталостью),
- ✓ недоразвитием или отсутствием речи.

Физиологическая адаптация заключается в перестройке физиологических функций в соответствии с требованиями среды.

Психофизиологическая адаптация представляет собой установление адекватного соответствия между психическими и физиологическими характеристиками, выражающегося в формировании определенных и относительно стабильных психофизиологических (психовегетативных, психогуморальных и психомоторных) соотношений.

Последнее в работе с глухими школьниками приобретает особую значимость, если иметь в виду то исключительное влияние речи на психическое и физическое развитие глухих детей, которое было показано в исследованиях общей и специальной психологии.

Динамический анализ адаптационного процесса позволяет выделить ряд его обязательных стадий [1, 3, 5]:

1. Этап срочной адаптации, связанный с непосредственным началом действия раздражителя. Реализуется в виде генерализованной реакции организма, когда в ответ на новое воздействие вовлекаются различные системы организма. В результате повторных воздействий стрессора срочная адаптация сменяется более совершенной долговременной адаптацией, которая сопровождается формированием, так называемого структурного следа адаптации - материальной базы повышения устойчивости организма к действию данного стрессора.

2. Этап долговременной адаптации представлен формированием новых функциональных систем, увеличивающих существующие адаптационные возможности организма

На данном этапе «перенастройка» физиологических систем в процессе адаптации осуществляется за счет напряжения регуляторных механизмов.

3. Переход на новый способ функционирования, обеспечивающий адекватное новой ситуации поведение, либо - вследствие неэффективности адаптационного процесса - срыв адаптации. Адаптационные срывы развиваются по типу невротических нарушений, представляющих собой психофизические проявления психической патологии, к обязательным признакам которых относят эмоциональные нарушения и вегетативно-соматические расстройства.

Этапность процесса адаптации позволяет решать прикладную задачу прогноза развития неблагоприятных состояний в конкретных условиях деятельности. Вследствие чего результат адаптационного процесса может быть выражен в виде последовательных,

качественно различных функциональных состояний в диапазоне от функционального оптимума до полного истощения функциональных ресурсов [4].

Одним из самых эффективных средств адаптации и реабилитации жизнедеятельности инвалидов, в том числе и с нарушениями слуха является спортивная деятельность.

С физиологической точки зрения механизмы приспособления организма к интенсивной тренировочной и соревновательной деятельности, определяющие его функциональное состояние, а, следовательно, и его социальную работоспособность, существенно отличаются в зависимости от направленности тренировочного процесса. Адаптивные изменения, происходят на всех уровнях организма, начиная с молекулярного, и касаются как морфологии, так и функции, являются адекватными специфическими требованиями процесса спортивной деятельности.

Спортивная деятельность дает возможность снять напряжение в отношениях между подростками путем спортивных состязаний. В этом случае разрешение конфликта происходит организованно в рамках установленных правил, которые заранее известны подросткам и не вызывают несогласия.

Основными средствами обеспечения адаптации подростков на наш взгляд, является спортивная деятельность, основные позиции проявляются в следующем [8]:

- спортивная деятельность создает необходимые условия для психологической и физической адаптации;
- спортивная деятельность развивает пространственно-координационные и ритмические способности;
- в процессе спортивной деятельности формируется адекватная самооценка и оценка личности подростка;
- спортивная деятельность способствует формированию умений произвольно управлять телом, регулировать речь, эмоции;
- обогащение познавательной сферы;
- развитие коммуникативной инициативы и активности;
- в процессе спортивной деятельности формируются качества личности необходимые в различных видах деятельности;
- построение двигательного режима.

Спортивная деятельность является средством достижения максимально возможного для человека с ограниченными возможностями здоровья, в частности для слабослышащих подростков, уровня подготовленности и демонстрации запланированных результатов в соревнованиях.

Физическая культура и спорт лиц с нарушениями слуха, в том числе слабослышащих подростков направлено на всестороннее развитие личности, решение оздоровительных, образовательных, воспитательных, коррекционно-компенсаторных задач, глухота или частичная потеря слуха сказываются на психофизическом состоянии организма данной категории.

Физическая культура и спорт слабослышащих подростков имеет огромное значение как важное коррекционно-воспитательное средство преодоления дефектов физического развития, формирования нравственных качеств для полноценной подготовки к жизни в обществе детей с отклонениями в психофизическом развитии. При этом решается важная задача реабилитации лиц с потерей слуха.

Литература

1. Баевский Р.М. Прогнозирование состояний на грани нормы и патологии / Р.М. Баевский. - М.: Медицина, 1979.- 298 с.
2. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека / Ф.Б. Березин. - Л.: Наука, 1988.- 270 с.
3. Громбах С.М. Психогигиена учебных занятий в школе / Психогигиена детей и подростков / Под ред. Г.Н. Сердюковской и Г. Гельцина.- М.: Медицина, 1985.- с. 92-114
4. Данилова Н.Н. Функциональные состояния: механизмы и диагностика / Н.Е. Данилова. - М.: Изд-во МГУ, 1985.- 270 с.
5. Меерсон Ф.З. Адаптация, стресс и профилактика / Ф.З. Меерсон. - М.: Наука, 1981. .- 279 с.
6. Селье Г. На уровне целого организма / Г. Селье. - М.: Наука, 1972 .- 122 с.
7. Шапкин С.А., Дикая Л.Г. Деятельность в особых условиях: компонентный анализ структуры и стратегий адаптации // Психологический журнал.- 1996.- т. 17.- №1.- С.19-35
8. Янкевич И.Е. Основные направления исследования физиологической адаптации слабослышащих подростков к футболу // Альманах современной науки и образования. // Тамбов: Грамота, 2009.- №5(24).- С. 191-192

УДК 796.011.1

**ПСИХОРЕГУЛЯЦИЯ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ЗАНЯТИЯМ
ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ**
**PSYCHOREGULATION AS THE INNOVATIVE APPROACH TO OCCUPATIONS BY
PHYSICAL CULTURE**

Бессонова Н.В., МБОУ г.Астрахани "НОШ №19", учитель физической культуры

Bessonova N. V., MBOU of Astrakhan of "BURDENS No. 19", teacher of physical culture

e-mail: nbessonova@bk.ru

Аннотация: Рассмотрено понятие психорегуляции, как инновационного подхода к занятиям физической культурой в условиях новых Федеральных государственных образовательных стандартов.

Summary: The concept of psychoregulation, as innovative approach to occupations by physical culture in the conditions of new Federal state educational standards is considered.

Ключевые слова: психорегуляция, психологизация, инновационный подход

Keywords: psychoregulation, psikhologizatsiya, innovative approach

В настоящее время, сталкиваясь с нововведениями в школьную программу, мы приходим к тому, что необходимо находить все новые и новые средства для формирования здорового образа жизни и создания благоприятной среды на занятиях физической культурой[4]. Многие считают, что в этой сфере все, что можно было достигнуть уже достигнуто, то новое что можно было ввести уже введено. Но это не так. Достаточно посмотреть на то, как развивается образовательная программа в школах, в средних специальных учебных заведениях, высших учебных заведениях. Нам твердят, что все в ваших силах, пробуйте, предлагайте, разрабатывайте, но на деле это очень трудно подвести под рамки введенных Федеральных государственных образовательных стандартов. Сталкиваясь с этой проблемой, думается, что гораздо реальнее пойти по пути, намеченному в концепции непрерывного образования детей и учащейся молодежи: в основу перестройки физкультурного движения (а следовательно, и школьной физической культуры).

В ряде исследований отечественных и зарубежных авторов поднимались вопросы о своеобразии средств сохранения здоровья, формирования эмоционального подъема и желания ребенка заниматься физической культурой и спортом [3]. Все это наводит на мысль, что к каждому уроку физической культуры надо подходить творчески, чтоб уроки были наполнены активной работой школьника: его сознания, мысли и чувства [2]. Нужно усиливать внимание непосредственно на личности каждого занимающегося, ведь в

физической культуре и спорте заключены немалые силы воздействия не только на здоровье и физическое совершенствование, но и на духовный мир, на культуру человека – его мироощущение, эмоции, моральные принципы, общение с другими людьми и природой, эстетические вкусы. Важно, чтобы формы и средства физической активности, а также условия ее реализации способствовали не только физическому совершенствованию, но и развитию психических, эстетических и нравственных качеств человеческой личности, удовлетворяя потребности школьников в общении и взаимопомощи, расширяли возможности их духовного самосовершенствования, способствовали реализации гуманистических идеалов [2].

Трудность же заключается в том, чтобы реализовать это в конкретных условиях. Иначе хорошие призывы так и останутся призывами, как это и было до сих пор. Думается, что перестройка школьной физической культуры в указанном направлении потребует большой работы по переосмыслению существующих подходов и поиску новых, более эффективных путей решения данной проблемы [2].

Одним из таких путей может стать психологизация занятий физическими упражнениями в форме применения различных средств и методов психорегуляции [1].

Психорегуляция в спорте представляется сегодня как устоявшееся научное направление в спортивной психологии. Ее основная цель – формирование особого психического состояния, способствующего наиболее полному использованию спортсменом своего потенциала, накопленного на тренировках. Эта задача достигается благодаря специальным центрально-мозговым перестройкам, создающим такую интегративную деятельность организма, которая наиболее рационально направляет возможности спортсмена на решение конкретных задач [1]. Это уже конечная цель психорегуляции, а достигать ее в процессе соревнований можно лишь при условии овладения психорегуляцией на тренировках.

Психорегуляцию мы рассматриваем в двух аспектах:

- 1) как способность спортсмена управлять своими мыслями, чувствами, действиями;
- 2) как деятельность спортсмена по использованию средств психорегуляции на тренировках и соревнованиях, способствующих оптимальному проявлению собственных физических и технических возможностей. Если исходить из четырехкомпонентной структуры спортивной деятельности, то психорегуляция входит в содержание первого компонента (предпосылки деятельности) как способность и третьего компонента (операции, действия, техника, тактика) как практические действия по использованию различных средств, приемов психорегуляции.

Применение психорегуляции в занятиях физическими упражнениями заметно повышает интерес к ним, благотворно сказывается на здоровье занимающихся и существенно увеличивает уровень их физической подготовленности; способствует развитию жизненно важных качеств и навыков (управление своим состоянием и поведением в напряженных ситуациях, поддержание высокой умственной и физической работоспособности и быстрое восстановление ее, собранность и целеустремленность в

учебном процессе и производственной деятельности); приобщает к самостоятельным занятиям физкультурой и психической саморегуляцией.

Прежде всего высокий эффект занятий с использованием психорегуляции объясняется тем, что с ее помощью более полно включаются в деятельность психика человека, его сознание и подсознание, эмоции и чувства, мышление и воля.

С помощью психорегуляции можно гораздо полнее использовать скрытые психические и физические резервы человека и добиваться не менее впечатляющих результатов, чем йоги. Имеются данные, что методом аутогенной тренировки можно значительно повысить скорость реакции (в среднем на 50%), улучшить способность к концентрации внимания (в среднем на 60%), увеличить объем зрительной памяти (в среднем на 60%) и т.д. Можно научиться засыпать в необычной обстановке и просыпаться в заданное время, управлять произвольными функциями организма, например замедлять или увеличивать частоту сердечных сокращений, повышать или понижать температуру тела, снимать болевую чувствительность и т.п.

Таким образом, можно говорить о положительном влиянии средств и методов психорегуляции на психические и физические возможности человека, что дает основание к широкому использованию ее в занятиях физическими упражнениями.

В беседах со школьниками следует постоянно подчеркивать, что, занимаясь физической культурой и спортом с применением психорегуляции, они не только повысят свои физические возможности, но и овладеют многими жизненно важными качествами. Такими, например, как умение владеть собой в экстремальных ситуациях, регулировать свое настроение, быть более собранными и целеустремленными в учебе и в повседневных делах, быстро восстанавливать свои силы после физических и умственных нагрузок, исправлять недостатки своего характера и т.п. Всего этого можно достигнуть регулярными и умелыми занятиями физическими упражнениями и психорегуляцией (своеобразной психофизической тренировкой).

Особый акцент следует делать на овладении приемами психорегуляции, необходимыми в повседневной жизни (психическая настройка на выполнение важнейших дел, вхождение в состояние релаксации с целью быстрого восстановления физической и умственной работоспособности, способы регуляции эмоционального состояния в экстремальных ситуациях).

Нужно стремиться к тому, чтобы занятия физической культурой и психорегуляцией превратились в увлекательную игру, а школьники – в страстных игроков или вдохновенных актеров. Очень важно при этом, чтобы применяемые средства и методы психорегуляции были направлены на решение конкретных задач каждого урока и органично вписывались в его структуру. При этом приемы психорегуляции нужно выполнять в процессе физических упражнений или в паузах отдыха между ними, и они должны быть непродолжительными по времени. Это могут быть различные виды психических настроек, внушение и самовнушение, элементы аутогенной, психомышечной и идеомоторной тренировок, сюжетные

представления, специальные приемы с воспроизведением различных поз, мимики, звуков и т.д.

Психорегуляция должна содействовать сосредоточению внимания учащихся, формированию у них четкого представления о плане занятия, активизации психофизических возможностей и повышению желания заниматься.

Литература

1. Горбунов Г.Д. Психопедагогика спорта. — М.: Физкультура и спорт, 2003. — 208 с.
2. Байбородова Л.В., Бутин И.М., Леонтьева Т.Н. Методика обучения физической культуре: 1-11кл.: Метод.. – М.,2004.
3. Ковалько В.И. Здоровьесберегающие технологии в начальной школе.1-4 классы. М.: «ВАКО», 2004
4. Ковалько В.И. Поурочные разработки по физкультуре. 1-4 классы: Методические рекомендации, практические материалы, поурочное планирование.-2-е изд., испр.- М.:ВАКО,2005

УДК 159.9

**ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА
В ЮРИДИЧЕСКОМ ВУЗЕ**
**PECULIARITIES OF STUDYING OF FOREIGN LANGUAGES
IN LAW INSTITUTE**

*Пуленко Г.А. , Ростовский юридический институт Российской правовой академии
Министерства юстиции Российской Федерации, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин*

*Pulenko G.A., PhD pedagogical science, the assistant professor of the Chair of
humanitarian and social-economic disciplines of The Rostov (Rostov-on-Don) legal Institute
(branch) of federal public budgetary educational institution of higher education
«The Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation»*

e-mail: lenard1008@mail.ru

Аннотация. В данной статье раскрываются особенности реализации профессионально-ориентированного и личностно-смыслового подходов при изучении иностранного языка в юридическом вузе. Показаны возможности смыслообразующих технологий изучения иностранного языка как средства обучения и воспитания будущих юристов.

Annotation. In this article peculiarities of realization of professional – reference and personal – semantic aspects in studying of foreign languages in Law institute are considered. Possibilities of semantic – making technologies of foreign language’s learning as means of studying and education of future lawyers are presented.

Ключевые слова: правовое воспитание, правовое сознание, изучение иностранного языка

Key words: law education, law consciousness, foreign language’s learning

Расширение международных связей России, усиление делового сотрудничества требует от современного специалиста владения иностранным языком как инструментом межкультурной профессиональной коммуникации.

Свободное владение иностранным языком из привилегии лингвистического специального образования становится потребностью каждого специалиста. Изучение иностранного языка позволяет поддерживать общественно и индивидуально необходимый уровень культуры, развитие и совершенствование таких важных составляющих профессиональной компетенции специалиста, как межкультурная, деловая, коммуникативная, профессионально-ориентированная и др.

Целевая установка преподавания учебной дисциплины «Иностранный язык в сфере юриспруденции» в Ростовском юридическом институте Российской правовой академии строится с учетом задач, содержания и форм деятельности бакалавра – выпускника юридического вуза:

а) нормотворческой (участие в подготовке нормативных правовых актов);

б) правоприменительной (обоснование и принятие в пределах должностных обязанностей решений, а также совершение действий, связанных с реализацией правовых норм, составление юридических документов);

в) правоохранительной (обеспечение законности, правопорядка, безопасности личности, общества и государства; охрана общественного порядка; предупреждение, пресечение, выявление, раскрытие и расследование правонарушений; защита частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности);

г) экспертно-консультационной (консультирование по вопросам права; осуществление правовой экспертизы документов);

д) педагогической (преподавание правовых дисциплин в образовательных учреждениях, кроме высших учебных заведений, осуществление правового воспитания).

Вузовский курс иностранного языка «Иностранный язык в сфере юриспруденции» носит профессионально-направленный характер. Его задачи определяются, необходимостью приобретения языковой и коммуникативной компетенции, достаточной для деятельности в системе органов юстиции, для делового контакта и профессионального общения, для развития коммуникативных и познавательных потребностей специалиста юридического профиля, его дальнейшего самообразования.

Обучение иностранному языку в юридическом институте проходит по программе, основанной на концепции интегрированного обучения. В связи с этим приоритетными темами являются темы, непосредственно касающиеся будущей профессии студентов. Коммуникативный подход предполагает вовлеченность студентов в общение через обсуждение профессионально-ориентированных текстов, которое происходит в форме диалогов, дискуссий, ролевых игр. Студенты имеют возможность выразить свою точку зрения на обсуждаемую проблему, предложить собственный способ ее решения, обозначить свое отношение к проблеме.

Профессионально-ориентированное обучение основано на учете потребностей студентов в изучении иностранного языка, диктуемого особенностями будущей профессии или специальности. Оно предполагает сочетание овладения профессионально-ориентированным иностранным языком с развитием личностных качеств обучающихся, знанием культуры страны изучаемого языка и приобретением специальных навыков, основанных на профессиональных и лингвистических знаниях. Сущность профессионально-ориентированного обучения иностранному языку заключается в его интеграции со специальными дисциплинами с целью получения

дополнительных профессиональных знаний и формирования профессионально значимых качеств личности.

Содержание профессионально-ориентированных текстов отражено в их тематике: Законодательная система. The Law System. 2. Таможенный закон. The Customs Law. 3. Государственная организация. The State Body Structure. 4. Президент Российской Федерации. The President of the Russian Federation. 5. Парламент и правительство. Федеральное собрание. The Country's Parliament and the Government. The Federal Assembly. 6. Государственная Дума. The State Duma. 7. Принудительная система. Law Enforcement System. 8. Роль полиции. Role of Police Force. 9. Прокуратура. Надзор. The Prosecutor's Office. 10. Суды и их функции. Конституция Российской Федерации. Courts and their functions. The RF Constitution.

11. Улики. Расследование. Evidence. Investigation. 12. Уровни расследования. Stages of Investigation. 13. Преступление. Crime. 14. Состав преступления. The Corpus Delicti of a Crime. 15. Уголовное право. Criminal Law. 16. Категории закона. Categories of Law. 17. Трудовое право. Земельное право. Employment Law. Land Law. 18. Семья и закон. The Law and the Family. 19. Интернационализация закона. Internationalization of Law. 20. Глобализация. The Impact of Globalization.

В настоящее время существует большое разнообразие современных методов обучения иностранному языку, лидирующее положение среди которых занимает *коммуникативный метод*, предполагающий обучение общению на основе коммуникативно-речевой ситуации, максимально приближенной к естественным условиям. Сущность коммуникативного обучения определяет формирование межкультурной компетентности в процессе изучения иностранного языка. Коммуникативность рассматривается как методологический принцип, который определяет выбор общенаучных методов познания и методические принципы обучения.

Эффективным подходом в изучении иностранного языка является обучение *на проблемной основе*. Отправной характеристикой успешности изучения иностранного языка на проблемной основе является активность как способность человека сознательно, целенаправленно преобразовывать окружающую действительность, как стремление субъекта выйти за собственные пределы, расширить сферу деятельности, действовать за границами требований ситуации и ролевых предписаний. В результате такой деятельности обучаемый приобретает опыт субъектного поведения, который может быть перенесен в другие области жизни, а также повышает уровень своего речевого развития. Создание под руководством преподавателя проблемных ситуаций и активизация самостоятельной деятельности студентов по их разрешению, в результате чего и происходит творческое овладение профессиональными знаниями, навыками, умениями, стимулирует развитие смыслов творчества.

В этой связи особо подчеркнем, что обучение иностранному языку в юридическом вузе осуществляется нами и на основе *личностно-смыслового подхода*, реализация которого требует актуализации личностных смыслов изучения иностранного

языка, усиления его функций в профессиональном общении, самоутверждении и самоопределении в жизни и профессии. Для выведения учебного процесса на личностно-смысловой уровень нужна новая система педагогических технологий, непосредственно влияющих на особенности смыслообразования и смысловыявления позиций студентов как компонентов индивидуальной смысложизненной ориентации личности.

Средством реализации личностно-смыслового подхода является *диалог*. В диалоге как технологии обучения наиболее заметно проявляются смыслообразующие возможности. Диалог между преподавателем и студентом направляется и корректируется общей логикой диалога, регулируется не только внешними побуждениями педагога и обучающегося, но и замыканием субъектного опыта обучаемых на содержании обсуждаемого вопроса, самоактуализацией различных контуров их психики. Профессионально-ориентированные тексты на английском языке не только обогащают специальные знания студентов, но выполняют функцию *личностно-смыслового ориентирования* в будущей профессии.

Эффективность профессионально-ориентированного и личностно-смыслового подходов в процессе изучения будущими юристами иностранного языка, определяется следующими педагогическими условиями:

- обогащение процесса изучения иностранного языка правовой информацией и усиление ее ценностно-смысловых аспектов;
- ориентация студентов в процессе изучения иностранного языка на повышение правовой культуры и правового сознания, личностное и профессиональное саморазвитие;
- обеспечение междисциплинарной интеграции как средства развития правового сознания студентов и качества индивидуальных достижений в овладении иностранным языком;
- использование активных форм и методов обучения (коммуникативно-ситуативные задачи, деловые игры, диалоги, дискуссии и др.);
- использование рефлексивно-оценочных способов анализа достижений студентов в области профессионально-личностного развития.

Профессиональная направленность в процессе изучения иностранного языка реализуется через создание ситуаций проявления правовых эмоций, позиций, установок, выражающих отношение к правовым явлениям (дискуссии, обсуждение ситуаций реальной жизни и т.д.).

Наше внимание направлено на стимулирование активной позиции студентов в изучении иностранного языка как средства профессионально-личностного развития. Студенты включаются в индивидуально-творческую деятельность по разработке профессионально-ориентированных ситуаций в виде диалогов, дебатов, имитационных игр и т.д. на занятиях по иностранному языку, в которых проявляются их знания, позиции, отношения, как в области права, так и в сфере языковой компетенции.

Мы исходим из положения о том, что процесс обучения иностранному языку происходит через актуализацию смысложизненных профессиональных ценностей будущих юристов. «Большой мир» юридических ценностей продуцируется через актуализацию личностных смыслов в субъективный, личностный мир личности. Это обстоятельство побуждает нас полнее использовать возможности смыслообразующих технологий изучения иностранного языка как средства воспитания будущих юристов.

Студентам предлагается определенный алгоритм актуализации личностных смыслов использования иностранного языка при обсуждении профессионально-ориентированных ситуаций: понимание условий правовой ситуации, анализ правовой задачи, умение соотнести правовую задачу с конкретными правовыми нормативами, умение вынести правильное правовое решение, логическое выстраивание цепочки аргументов (контраргументов), изложение своей правовой позиции, прогнозирование последствий выведенного правового решения.

В рамках дисциплины «Иностранный язык в сфере юриспруденции» преподаватель может предложить студентам выполнение следующих видов самостоятельной работы:

- поиск дополнительной информации по теме (например, на сайте <http://www.wikipedia.org/>), подбор, изучение, анализ рекомендуемого преподавателем грамматического материала;
- реферирование и рецензирование статей общей и специализированной направленности, прослушанного материала;
- составление комментариев (подготовка к обсуждению) к прочитанным текстам;
- сбор англоязычного неадаптированного материала и его проработка;
- подготовка к лекции – «пресс-конференции» по предложенной тематике;
- устная оценка конкретных языковых ситуаций;
- письменное изложение своего взгляда на вопросы по рассматриваемой проблематике;
- решение типовых и составление собственных тестовых лексико-грамматических заданий с одним/несколькими правильными ответами;
- разработка тематического словаря;
- выполнение контрольных домашних заданий, предусмотренных программой;
- подготовка сообщений (докладов и рефератов), в т.ч. для участия в конференциях;
- разработка и планирование ролевых игр, диалогов, индивидуальная и групповая подготовка к их проведению;
- самостоятельная проработка предоставляемого аудиоматериала;
- проведение студентами занятий на подготовленную предварительно тему с объяснениями и заданиями.

Эффективность применяемых средств и условий обучения студентов

иностранному языку обусловлена тем, что профессионально-личностная позиция будущих юристов формируется в коммуникативно-речевом взаимодействии на текстах профессиональной направленности с широким использованием диалоговых ситуаций, ситуаций, имитирующих их профессиональную деятельность.

Таким образом, обучение иностранному языку в контексте профессиональной деятельности позволяет актуализировать личностные смыслы и функции его изучения в межкультурном и межличностном общении юристов-профессионалов, а профессионально-личностное становление будущих специалистов в области права становится более продуктивным.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
PHILOLOGICAL SCIENCE

УДК 811.161.1.373.613

ИНОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВА В ЯЗЫКЕ ПРАВА И ЧИСТОТА РЕЧИ
ЮРИСТА XXI ВЕКА

FOREIGN LANGUAGE WORDS IN THE LANGUAGE OF THE LAW AND THE PURITY
OF THE SPEECH OF THE LAWYER-XXI CENTURY

Изюмская С.С., Южный федеральный университет. доцент кафедры русского языка и культуры речи, кандидат филологических наук, доцент.

Izumskaya S.S., South federal university, docent of department of Russian language and culture speech, candidate of philology, docent

e-mail: lenarnd1008@mail.ru

Аннотация: Данная статья затрагивает один из актуальных вопросов современной лингвистики – вопрос о чистоте русского языка и культуры употребления иноязычных слов юристами XXI века. В центре внимания автора – соотношение понятий «богатство и разнообразие современного русского литературного языка», «лингвистическая экология», «культура речи юриста», «языковой вкус эпохи», «мера функционирования иноязычных слов».

Annotation: This article deals with one of the topical issues of modern linguistics is a question of the purity of the Russian language and culture of foreign words lawyers of the XXI century. In the center of attention of the author - correlation of the terms «the richness and variety of the modern Russian literary language», «linguistic ecology», «culture of speech of the lawyer», «linguistic taste of the age», «a measure of the functioning of the foreign-language words».

Ключевые слова: чистота речи, русский язык, язык права, ясность речи, лингвистическая экология, иноязычные слова.

Key words: the purity of speech, the Russian language, the language of rights, clarity of speech, linguistic ecology, foreign language words.

В современном российском социуме в период становления антропоцентрической парадигмы особый статус приобретают такие понятия, как «богатство и разнообразие современного русского литературного языка», «чистота речи», «лингвистическая экология», «культура речи юриста», «этическая норма», «языковой вкус эпохи», «мера функционирования иноязычных слов» и «духовно-нравственное развитие личности юриста».

Язык - это бесценное сокровище, «великая заповедь творчества» [5], душа России, её святыня, предметное воплощение высших духовных ценностей, нерушимое духовное достояние, без которого человек (и народ) теряет свое лицо, при поругании которого народ

испытывает ущерб своего достоинства и духовной самостоятельности, оттесняется, становится нравственно уязвимым и духовно бессильным. Слова, по мнению академика Ф.Я.Шипунова, «запечатлеваются в любой точке Вселенной навсегда».

Как известно, именно русский язык - хранитель духовности, опыта прошлого, накопленного многими поколениями. Великие мыслители по этому поводу отмечали следующее: «Без трех важнейших понятий - отечество, язык и культура - трудно представить себе единство народа, живущего в цивилизованной стране [7]; «Язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает. И для того нет сомнения, чтобы российское слово не могло приведено быть в такое совершенство, каковому в других удивляемся» (М.В.Ломоносов «Краткое руководство к красноречию» [9]; «Язык - это история народа. Язык - это путь цивилизации и культуры. Поэтому-то изучение и сбережение русского языка является не праздным занятием от нечего делать, но насущной необходимостью» А.И. Куприн [9]; «Среди великолепных качеств нашего языка есть одно совершенно удивительное и малозаметное. Оно состоит в том, что по своему звучанию он настолько разнообразен, что включает в себе звучание почти всех языков мира» К.Г.Паустовский [9]; «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, - ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!» И.С.Тургенев [9]; «Наша речь – важнейшая часть не только нашего поведения, но и нашей личности, наших души, ума, нашей способности не поддаваться влияниям среды, если она «затягивает»» Д.С.Лихачев [9]; «Да будет же честь и слава нашему языку, который в самородном богатстве своём, почти без всякого чуждого примеса, течёт, как гордая, величественная река - шумит, гремит - и вдруг, если надобно, смягчается, журчит нежным ручейком и сладостно вливается в душу, образуя все меры, какие заключаются только в падении и возвышении человеческого голоса!» Карамзин Н.М. [9] и др.

Сегодня учёные, писатели, журналисты, общественные деятели бьют тревогу по поводу состояния языка сегодня. Процессы, которые происходят сейчас в русском языке, лингвисты называют «третьей варваризацией» (первая была в Петровскую эпоху, вторая - после революции 1917 года). Точнее, следовало бы говорить о тотальной жаргонизации, ибо именно жаргон правит сегодня свой мерзкий бал в речи большинства представителей всех слоев общества» [5].

Особую тревогу вызывает культура использования заимствованных слов. В резком падении культуры речи и общей культуры носителей русского языка многие ученые-лингвисты обвиняют средства массовой информации, «ставшие поистине теле-радио-ядом, настоящим из смеси иностранщины с полу - или совсем непечатным просторечием...» [6]. Так, исследователи отмечают, «чаша современного русского языка переполнена до краёв *блокбастерами, ремейками, постерами, тинейджерскими, сейлами, прайм-таймами, мультиплексами, роумингами* - словно бы Россия не рождала никогда Ломоносова, Даля, Достоевского, Толстого, Чехова и Шолохова, а одну только Эллочку-Людоедку, взявшуюся за первоначальное американское образование» [5].

Языковые процессы, отражающие агрессивность диалога, актуализируют борьбу за сохранение чистоты русского языка. Как известно «чистота речи» - это отсутствие в ней лишних слов, слов-паразитов, слов-сорняков. Нарушают чистоту и неоправданные заимствования. Сегодня, по мнению исследователей, «агрессивно впихивая (простите за столь грубый глагол, но точнее сказать просто невозможно) в нашу речь легионы иноязычных заимствований, нам, по сути, методично вбивают в подсознание мысль о том, что наш-денациональный язык не поспевает за стремительной цивилизацией. И вновь сквозь почти два столетия этому страстно противостоит А.С.Шишков: «Язык наш превосходен, богат, громок, силен, глубокомыслен. Надлежит только познать цену ему, вникнуть в состав и силу слов, и тогда удостоверимся, что него другие языки, но он их просвещать может» [5], а также великий мыслитель И.С.Тургенев «Берегите чистоту языка, как святыню. Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас» [5].

Проведенные лингвистами исследования показали, что ситуация с культурой русской речи и, что особенно важно, отношение к этой проблеме людей не могут не вызывать серьезной озабоченности. Сокращается объем чтения художественной литературы, появляется «мода» на агрессивность диалога (злоупотребление иноязычными словами, ненормативной лексикой и т.д.).

Судьба великого русского языка ещё в конце XVIII и начале XIX веков волновала многих известных мыслителей (А.Н.Радищева, Д.И.Фонвизина, Г.Р.Державина, Н.М.Карамзина, А.П.Сумарокова, А.С.Грибоедова, И.А.Крылова и др.). Великие мастера слова обращали внимание читателей на богатство, красоту русского языка, призывали беречь его чистоту, развивать и усовершенствовать «дух» языка, утверждая, что в языке, как в зеркале, отражается народ и его историческое прошлое.

Великий мыслитель М.В.Ломоносов дальновидно призывал: «Береги свойства собственного своего языка. Ибо то, что любим в стиле латинском, французском или немецком, смеху достойно иногда бывает в русском». А.Н.Радищев отмечал: «Познанием чуждого языка становимся мы гражданами той области, где он употребляется, беседуем с жившими за многие тысячи веков, усвояем их понятия; и всех народов и всех веков изобретения и мысли сочетаем и приводим в единую связь».

В.Г.Белинский полагал, что «кроме духа, постоянных правил, у языка есть ещё и прихоти, которым смешно противиться», и в результате даже избыточные слова могут укорениться «вопреки всякой разумной очевидности» [1], В.Г.Белинский выступал против излишнего, ненужного употребления иностранных слов [1]. Так, он писал, что «употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово, - значит оскорблять и здравый смысл и здравый вкус» [1]. Охота пестрить иностранными словами без достаточного основания и неумеренный пуризм - две противоположные крайности, которые, по мнению В.Г.Белинского, вредят не русскому языку, а только тем, кто одержим ими [1]. Главный хранитель чистоты русского языка - его же собственный дух, гений: «Гений языка умнее писателей и знает, что принять и что исключить» [1].

Рассматривая русский язык и культуру речи как деятельность и как продукт деятельности человека в контексте духовной культуры, исследователи требуют срочно защитить русский язык «от деструктивного влияния извне... от засилья грубо просторечной и иноязычной лексики...», в центре внимания ученых - защита прав личности на лингвистическую свободу и комфортность пользования языком» [2].

Современная языковая ситуация подтверждает мнение о том, что изменения в языке связаны с событиями в социуме, с развитием политики, экономики, техники, народа в целом. Иноязычное слово сегодня становится «модным элементом» современного диалога в СМИ (на телевидении в передачах, посвящённых экономической или политической жизни, моде, музыке, кино, спорту). Расширение культурных, деловых, торговых, научных связей, интенсификация общения с носителями иностранных языков способствует быстрой адаптации первоначально в профессиональной, а затем в иных областях различных терминов: 1) экономические и финансовые (*бартер, брокер, дилер* и др.); 2) компьютерные (*дисплей, файл, интерфейс, принтер* и др.); 3) спортивные (*виндсерфинг, скейтборд, армрестлинг, кикбоксинг* и др.).

«Судьбу» заимствованных слов в русском языке определяют как экстралингвистические, так интралингвистические факторы. К экстралингвистическим факторам закономерно отнести не только традиционно приводимые в лингвистической литературе (социально-психологические и др.), но и те, что определяют новые тенденции в жизни социума на рубеже веков. В качестве наиболее значительных причин заимствования слов (преимущественно английского происхождения) выступают:

1) новые формы деятельности социально-экономических структур (*толлинг* – «операция по взиманию пошлин», *инжиниринг* – «форма услуг на коммерческой основе в сфере науки и техники», *софтмейкер* – «торговый агент, осуществляющий сбыт закупленных у производителей товаров», *бартеризация* – «широкое применение натурального безденежного товарообмена» и др.);

2) частная инициатива (*спонсорство* – «негосударственная поддержка социально значимых явлений и процессов», *сайтхолдер* – «самостоятельный предприниматель-арендатор строительного участка», *нюсмейкер* – «сотрудник отдела хроники независимой газеты» и др.);

3) криминогенная обстановка в социуме (*киллерство* – «заказное убийство», *фрикер* – «взломщик телефонов-автоматов», *наркодилер* – «агент по нелегальной продаже наркотиков» и др.).

Довольно часто, по мнению исследователей, процесс заимствования может происходить из-за стремления к ликвидации полисемии, упрощению смысловой структуры слова, потребность уточнить или детализировать соответствующее понятие, разграничить некоторые смысловые оттенки: *отобрание* – *конфискация*, *рассказ* – *репортаж*, *деньги* – *валюта*, *оправдание* – *алиби*, *страсть* – *хобби* и др. [4].

Как известно, основным источником формирования терминов, обозначающих особые юридические понятия, было римское право. Большинство римских юридических терминов

дошло до наших дней, «став достоянием многих современных законодательных систем» [4]. В русское законодательство латинские термины пришли через посредство французского (*изоляция, мародерство, мотивы*), итальянского языков (*валюта, контрабанда*), заимствованы прямо из латинского языка: *диверсия, кодекс, колония, конфискация, претензия, рецидивист, симуляция, эксперт*. В законодательстве и юридической практике получили широкое распространение латинские термины *алиби, декрет, деликт, адвокат, кворум, контракт, юриспруденция, юстиция* и др.

Многие иноязычные слова, обладая в прошлом статусом «экзотизмов», проникают в русский язык, в связи с необходимостью обозначить какое-либо новое мелиоративное или пейоративное явление в российской действительности. Например: *коррупция (лат.), мафия (ит.), акция (фр.), бизнесмен (англ.), коммерция (лат.), наркотики (гр.), наркоман (гр.), инфляция (лат.)* и др. Криминогенная ситуация в России конца XX века способствовала проникновению большого количества неологизмов, обладающих отрицательной коннотацией, обозначающих понятия зла и насилия, акты вымогательства, шантажа (*рэкет, киднеппинг, песнеппинг*), технически «усовершенствованного» ограбления государственных и коммерческих структур, заказного убийства (*хакерство, кибергангстерство, киллерство*). К этим пейоративным неологизмам примыкают и те, что обозначают утрату нравственных устоев, упадок культуры (*рейв-культура, реберфинг* или *реберсинг* и др.).

Неологизмы (*рэкетир, пэндер*) - субъекты социально-экономической макросферы - подчеркивают тенденцию к наживе в нарушение правовых норм социума (*рэкетир*), к игнорированию этики в коммерческой деятельности, по сути к шантажу покупателя (*пэндер*). Экономичность этих неологизмов проявляется в том, что они исключают употребление адъективно-описательных конструкций типа: «преступник, занимающийся рэкетом», «шантажист, навязывающий людям ненужный им товар».

Ср.: «Российские рэкетеры давно уже третируют родственников хоккеистов, уехавших играть в НХЛ» («Комсомольская правда», 12.02.1994); «Пэндеры (от англ. pander - сводник, сутенер) - это нагловатые молодые люди в костюмах, которые ловят вас на улицах или на работе и уговаривают купить у них что-нибудь совершенно ненужное, но, по их мнению, необходимое» («Московские новости», 1997, №32).

Существует мнение, что иноязычные слова становятся широкоупотребительными из-за стремления обозначить негативные явления экзотическим и оттого более привлекательным, модным словом. Например, вместо «вымогатель» - «рэкетир». Однако слово «вымогатель» («вымогательство») не может быть полным эквивалентом «рэкетира» («рэкет»), так как последний имеет сему «профессия» и соответственно более конкретную сферу применения.

Ср.: «Профессиональный рэкет на страже порядка» («Комсомольская правда», 5.01.1996); «Больше половины предпринимателей признались социологам, что чувствуют к себе недоброжелательное отношение общества... Но больше всего их давят государство и рэкет» («Аргументы и факты», №44, 1996).

Криминогенная обстановка в социуме нашла отражение в неологизмах конца XX века «хакер», «кибергангстер», «хайджекер», «фрикер», «киднеппер», «киллер».

Наиболее часто, без дополнительных пояснений в прессе функционирует неологизм «кибергангстер» («бандит, совершающий преступление при помощи кибернетики», «взломщик электронных замков»). Указанные неологизмы подчеркивают тот факт, что преступный мир использует в криминальных целях достижения научно-технического прогресса («хакер», «кибергангстер»), культивирует «профессию» угонщика машин («хайджекер»), «изобретателя» технических приспособлений для бесплатного разговора по телефону-автомату («фрикер»). Неологизмы «киднеппер» и «киллер» не относятся к гангстерам – «интеллектуалам» (кибергангстер и др.), но еще ярче подчеркивают криминогенную обстановку в социуме.

«Киднеппер», функционируя в прессе конца XX века, обозначает преступника, похищающего людей вообще. На первый взгляд, у неологизма «киллер» есть русский синоним – «убийца». Но это все же не дублеты, потому что киллером называют обычно только наемного убийцу, того, кто хладнокровно (как работу) совершает заказное преступление. Зловещий неологизм «киллер» прочно вошел в язык, так как явление, им обозначенное, стало, к сожалению, приметой конца XX столетия.

Ср.: «А на Левине российское хакерство не кончается. И кибергангстеров российская земля уже народила вдосталь» («Московский комсомолец», 7.02.1996); «Собственно, любой из нас, кто ищет «бесплатно» таксофон (а то и стучит по нему кулаком), становится фрикером» («Литературная газета», 1996, №7); «Суд приговорил новошахтинских киднепперов к смертной казни» («Известия-Юг», 7.02.1997); «Если раньше киллеры обращали внимание прежде всего на «чистых» коммерсантов, то теперь их интересы все чаще пересекаются и с государственными чиновниками...» («Московский комсомолец», 15-22.01.1998).

Неологизм «киллер» перешел из сферы общелитературного языка в профессиональный язык правоохранительных органов, образовал производные (киллерский центр, мотокиллеры, суперкиллер, киллерство и др.). Ср.: «Подмосковных бизнесменов расстреляли мотокиллеры... Обнаружить киллеров-мотоциклистов не удалось» («Сегодня», 21.04.1995).

Группу неологизмов, отражающих криминальные акты, можно представить следующей схемой: «фрикерство» → «хакерство» → «хайджекерство» → «рэкет» → «киднеппинг».

Как видно из схемы, в ней отражена семантическая восходящая градация, в которой каждый последующий неологизм оказывается более пейоративно насыщенным и выразительным, чем предыдущий.

Ср.: «Другая проблема: «государственный» и «ведомственный» рэкет» («Молот», 5.03.1996); «Попав в неприятную ситуацию (крупные долги поджимали), ростовчанин Максим Болян решил поправить дело при помощи киднеппинга» («Комсомольская правда», 17.02.1995).

По аналогии с «киднеппингом» образован неологизм «пёснеппинг», отмеченный в прессе с ироническим подтекстом: «Мало кого удивишь звериным оскалом нашей действительности - пёснеппингом (кража собак, как метод воздействия на богатенькую хозяйку» («Комсомольская правда», 3.04.97).

Наиболее значительными неологизмами пейоративного характера являются те, что обобщают криминальные явления, упадок духовности в социуме (*киллерство, рэйв-культура, реберфинг*).

Неологизм «рэйв-культура» - дериват слова «рэйв» (техномузыка, возводимая в идеологию тусовщиками, допускающая лояльное отношение к наркотикам) - можно определить как псевдо-культуру. «Реберфинг» (от английского слова rebirth - возрождение) - явление социальной среды - знаменует собой тенденцию к духовному «возрождению» путем отречения от радостей жизни. Упражнения для дыхания, выполняемые поклонниками «реберфинга» и сопровождаемые заклетьями, можно оценить как нездоровый мистический экстаз, вызванный выполнением ритуалов, подрывающих здоровье и жизненные импульсы людей. Ср.: «Реберфинг (или реберсинг) в переводе с английского означает «возрождение». А поскольку мне очень хотелось возрождения духовного, я быстренько побежал на эти занятия» («Вечерний Ростов», 16.02.1995); «Если у бывалых фанатов был девиз «Пиво, девки, рок-н-ролл», то сегодня молодое поколение выдвинуло другой лозунг: «Рэйв, движение, наркотики»... Этот наркотик (экстази - С.И.), пришедший к нам с Запада, стал неотъемлемой частью рэйв-культуры» («Огонек», 1996, №8); «Киллерство становится престижной профессией, но руководители правоохранительных органов продолжают лишь говорить о сложности борьбы с этим явлением» («Литературная газета», 1997, №36).

Процессы криминализации общества, насилия, беззакония, отказа от норм, становятся проявлением хаоса в мире. Они «находят зеркальное отражение в языке и способах построения лексической структуры текстов, часто ироничных, скептических, саркастических» [11].

По мнению исследователей, «в современный лингвистике поставлена проблема права человека на лингвистическую экологию, по которому человек не должен оказываться во враждебной языковой среде» [2], а «политика (выборы, пропаганда), реклама(псевдо), психотерапия - вот далеко не полный перечень сфер возможного нечестного использования языка» [3].

В дореволюционной России язык закона, с использованием большого количества иноязычных слов и выражений, не переведенных с языка-источника, был трудным, непонятным. П.С.Пороховщиков по этому поводу писал: «Вы говорите перед русским судом, а не перед римлянами или западными европейцами. Щеголяйте французскими поговорками и латинскими цитатами в ваших книгах, в ученых собраниях, перед светскими женщинами, но в суде – ни единого слова на чужом языке» [10]

Таким образом, речь юриста должна обладать ясностью, понятностью и точностью, доступностью для каждого слушателя, не включать слова, нарушающие чистоту языка, избыточные термины, слова иноязычного происхождения. Появление иноязычного слова,

термина в судебной речи должно быть обоснованным, не нарушать культуру речи юриста, его «языковой вкус».

В век инноваций и компьютерных технологий необходимо

1) развивать в каждой личности языковую компетентность, любовь к богатству великого русского языка, обращаясь к опыту великих мастеров слова (М.В.Ломоносов, А.С.Пушкин, Л.Н.Толстой, И.С.Тургенев, В.Г. Белинский, А.П.Чехов, Ф.М.Достоевский, Н.В.Гоголь и др.);

2) формировать у юристов XXI века коммуникативный компонент культуры речи, основные качества речи (богатство и разнообразие речи, чистоту речи, выразительность речи, ясность, понятность, точность, правильность);

3) обращаться в процессе усовершенствования к опыту великих юристов А.Ф.Кони, Ф.Н.Плевако, В.И.Жуковского, Н.И.Холева, П.А.Александрова, К.К.Арсеньева, Н.П.Карабчевского, А.Х.Лохвицкого и др., тексты судебных речей которых являются образцами ораторского мастерства;

4) усовершенствовать этический компонент культуры речи, прививая разумное употребление иноязычных слов (т.е. не имеющих эквивалентов в русском языке, экономичных и семантически точных), не нарушающих чистоту русского языка, «языковой вкус эпохи».

Литература

1. Белинский, В. Г. Полн.собр.соч. – М., 1956. – Т. 9. – С. 170-316.
2. Беляева, И. В. Феномен речевой манипуляции. – Ростов н/Д., 2008. – С.156-157.
3. Голев, Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика - 1. Проблемы и перспективы. – Барнаул, 1999. – С. 28.
4. Ивакина, Н. Н. Профессиональная речь юриста. Учебное пособие. – М., 1997. – С. 140.
5. Ирзабеков, В. Тайна русского слова. –М.: Даниловский благовестник, 2010. – С. 3-192.
6. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи (из наблюдений над речевой практикой масс-медиа). – М., 1997. – С.87.
7. Культура русской речи: Учебник для вузов / под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н.Ширяева. – М.: Издательство НОРМА, 2003. – С. 1.
8. Лельчицкий, И. Д., Песков, И. В. Цели и задачи поликультурного образования // Образование и общество. – 2009. – №2. –С. 18.
9. Прямая речь. Мысли великих о русском языке /Составление, подготовка текста и вступительная статья Д.Н. Бакуна. – М.: Российский Фонд Культуры, 2007. – С. 98-406.
10. Сергеич, П. Искусство речи на суде. – М., 1960. – С. 68.
11. Сулименко, Н. Е. Мир хаоса и порядка в его преломлении лексической структурой текста // Текст: узоры ковра. – СПб.; Ставрополь, 1999. – Вып.4, ч. 1. – С. 16.

УДК 398.23

ОБРАЗ КРОКОДИЛА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ АНЕКДОТЕ
THE IMAGE OF THE CROCODILE IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN ANECDOTE

Полинченко Д.Ю., Кубанский государственный технологический университет, кандидат филологических наук, доцент кафедры научно-технического перевода,

Набиуллина Т.В., Кубанский государственный технологический университет, студентка 4 курса социально-гуманитарного факультета

Polinichenko D.Yu., Kuban State Technological University, candidate of philology, assistant professor of Subdepartment of Scientific and Technical Translation,

Nabiullina T.V., Krasnodar, Kuban State Technological University, 4th year student of Department of Humanities and Social Studies

e-mail: praecipuus@rambler.ru

Аннотация: Рассмотрен образ крокодила в современном русском анекдоте – в том числе в анекдотах о Крокодиле Гене и Чебурашке и анекдотах, в которых лексема употребляется в переносном смысле.

Annotation: The image of the crocodile in contemporary Russian anecdotes is considered. These include ones about Gena the Crocodile and Cheburashka and those with the allegoric meaning of the word.

Ключевые слова: анекдот, крокодил, фольклор.

Key words: anecdote, crocodile, folklore.

В последнее время анекдот как явление современной культуры привлекает к себе все большее внимание исследователей. Анекдот является единственным продуктивным жанром современного городского фольклора: он регулярно, систематически и в немалых количествах воспроизводится, откликаясь на все более или менее значимые события в стране и за ее пределами, он рождается, становится популярным, стареет и умирает [1]. Существует даже точка зрения, что анекдот – это единственно возможный в наше время вид фольклора [2]. В анекдотах действуют самые разнообразные герои, в том числе и животные. В данной работе мы обратимся к такому персонажу русских анекдотов, как крокодил.

Сама лексема «крокодил» в виде «коркодиль», транслитерирующая соответствующий греческий термин, фиксируется в русском языке с XII века [3]. Хотя обозначаемая им рептилия (лат. *Crocodylia*) не является представителем фауны, обитающей на территории России, за столетия слово уверенно вошло в русский язык и культуру, обрастая различными ассоциациями и коннотациями. Исследованию образа крокодила в русской культуре посвящено обширное исследование [3].

Крокодил как культурный герой проник и в современный анекдот. В частности, среди советских политических анекдотов известно как минимум два анекдота, в которых встречается лексема «крокодил» [3]. В данной работе мы попытались собрать по возможности полную выборку анекдотов «с крокодилом»: это не только анекдоты «про крокодила», но вообще все анекдоты, в текстах которых встречается соответствующая лексема. Источниками материала послужили Интернет-порталы anekdoty.ru, anecdots.su и домсмеха.рф.

Нами было исследовано 200 анекдотов – и хотя мы далеки от того, чтобы считать, что неизвестных нам анекдотов с нашим героем не существует, все же представляется, что эта цифра достаточна, чтобы сделать определенные выводы. В первую очередь необходимо отметить, что крокодил в русских анекдотах – это прежде всего персонаж популярных мультфильмов про Крокодила Гену и Чебурашку (таковых мы насчитали 91, что составляет 45% – т.е. почти половину). В анекдотах из этого цикла Крокодил Гена и Чебурашка почти всегда выступают в паре, пусть даже один из героев лишь упоминается. Эти анекдоты принадлежат к так называемым «детским анекдотам», которым свойственна некоторая инфантильная брутальность, жестокость, обилие пейоративной лексики [4].

Наибольшее количество анекдотов про Крокодила Гену и Чебурашку относится к парным анекдотам, в которых одна пара героев может быть заменена другой без ущерба для смысла анекдота. Как отмечает А. С. Архипова, отношения в паре Чебурашка – Крокодил Гена (как и в паре Винни-Пух – Пятачок) – это отношения «ассиметричной дружбы», где один персонаж – положительный, «руководящий» и «наставляющий», а второй занимает по отношению к нему подчиненное, зависимое положение. Объектом пародии оказываются сами отношения дружбы, которая в анекдоте превращается в соперничество [4]. Отсюда данную пару героев можно легко заменить на другую, отношения в которой аналогичны. Это не умозрительный вывод: нам встречались анекдоты с одинаковым сюжетом, но разными героями, в которых Чебурашку и Крокодила Гену с успехом заменяли Винни-Пух и Пятачок. Анекдотов, реализующих подобную схему, мы насчитали 38 – примерно 40% от числа анекдотов из всего цикла.

Прочие анекдоты цикла делятся на две примерно равные группы: в первой обыгрываются необычные физические черты Чебурашки, а во второй – качества Крокодила Гены именно как рептилии. Второй же герой выступает фоном, его роль второстепенна. Особенно это заметно в анекдотах первой группы: это фактически анекдоты про одного Чебурашку. Главным обыгрываемым качеством персонажа является его необычный размер ушей. В анекдотах второй группы акцентируются качества Крокодила Гены как собственно крокодила: это главным образом зеленый цвет его кожи и хищный образ жизни.

Может быть отмечена разница в поведении Крокодила Гены в анекдотах разных групп. В парных анекдотах главным субъектом и инициатором действия являются в равной степени оба героя. В анекдотах же выделенных выше групп активную роль играет главным образом Крокодил Гена.

Исследователями уже отмечалось, что в анекдотах Крокодил Гена груб и агрессивен [5], он может помыкать Чебурашкой, бить и всячески обижать его [4]. В целом можно сказать, что Крокодил Гена часто использует Чебурашку в своих целях: продает его, осуществляет с ним разнообразные манипуляции, а иногда даже и съедает:

На дороге стоит Чебурашка с оторванными ушами, а над ним стоит Крокодил Гена и ввинчивает ему штопор в голову, приговаривая: – Извини, Чебурашка, но детям нужны теленузики.

Чебурашка тоже может совершать подобные действия по отношению к Крокодилу Гене, но такие анекдоты единичны:

Стоит Чебурашка на базаре и кричит: – Кому нужны сумки из натуральной крокодиловой кожи?

Исследователями также отмечалась коммуникативная асимметрия ролей двух персонажей. Крокодил Гена выступает в качестве носителя информации об окружающем мире, поэтому Чебурашка постоянно задает ему вопросы. Мнение Крокодила Гены для Чебурашки очень важно. Глупые поступки совершает в основном Чебурашка, а Крокодил Гена призван представлять собою норму поведения и знания. Высказывания Крокодила Гены часто являются ответами на вопросы партнера, они всегда информативны и направлены на описание ситуации, в понимании которой заинтересован Чебурашка, или на описание объектов действительности. Именно Крокодил Гена управляет речевым процессом в анекдоте. Однако в некоторых анекдотах происходит своеобразная инверсия ролей: Чебурашка и Гена разыгрывают друг друга, и при этом один из персонажей (чаще всего Чебурашка) все-таки совершает поступок, имеющий катастрофические последствия [4].

Любопытно, что иногда в анекдотах обыгрывается тот факт, что у крокодила есть собственное человеческое имя:

Находясь в обществе малознакомых людей, крокодил Гена не терпел панибратства и требовал, чтобы к нему обращались не иначе как «уважаемый Геннадий Петрович».

Аналогичного анекдота про Чебурашку, видимо, не существует: его имя в любом его варианте никогда не отождествляются ни с одним человеческим именем.

Изредка Крокодил Гена может выступать в роли сказочного персонажа, которого в принципе можно заменить любым другим:

– После того как я начал пить, от меня ушла жена, отвернулись родители и друзья. Но я стал принимать таблетки Лайнуса Поллинга – и ко мне вернулись все: Элвис Пресли, покемоны, Крокодил Гена...

Впрочем, Чебурашка как уникальное существо еще более сказочен, чем его старший товарищ:

Врачи вынесли жестокий приговор – шизофрения. Но я до сих пор не могу поверить, что этот милый пушистый зверек – лишь плод моего больного воображения.

Из воспоминаний крокодила Гены.

Далее рассмотрим анекдоты, в качестве персонажа которых выступает собственно крокодил или крокодилы – к этой категории нами были отнесены 24 анекдота. При этом

главный семантический признак крокодила в этих анекдотах – это хищный образ жизни и питание людьми (присутствует в 16 анекдотах). Из прочих можно упомянуть использование его кожи для разнообразных изделий (3 анекдота), прочие же единичны. В этих анекдотах крокодил, как правило, играет активную роль (действие исходит от него) и активно участвует в коммуникации.

Почти в два раза больше вышеописанной по количеству анекдотов вторая выделенная нами группа: в нее вошли анекдоты, в которых крокодил/крокодилы оказываются своего рода фоном (44 анекдота). Здесь рептилия не является участником диалога: она не говорит, а просто присутствует. Здесь, как и в предыдущей группе, крокодил выступает в первую очередь хищником, питающимся людьми (14 анекдотов) или рептилией с ценной кожей (4 анекдота). В прочих анекдотах акцентируются такие его качества, как способность внушать людям страх, выступление в цирке, способность быть объектом охоты и пр.

В некоторых анекдотах крокодил присутствует как своеобразный экзотизм, и в таких случаях его можно заменить другим экзотическим животным без какой-либо потери смысла. Таковы, например, анекдоты, в которых крокодил мимоходом упоминается в качестве одного из живых экспонатов в зоопарке.

Несколько анекдотов существуют в различных вариантах, в которых крокодила может заменять другое животное. Хорошим примером этого является следующий анекдот:

Потрясающий номер в цирке: крокодил играет на пианино, а бегемот поет романсы. Бешеный успех. Директор цирка доверительно говорит автору номера:

– Ну скажите честно, ведь не может быть такого, чтоб крокодил играл на фортепиано, а бегемот пел. Скажите мне, это останется между нами, в чем секрет номера?

– Вы правы, – отвечает автор. – Конечно, такого не может быть. На самом деле, бегемот только открывает рот, а крокодил и поет, и играет.

В другом варианте анекдота бегемот и крокодил меняются ролями, но существует и третий вариант, в котором главными действующими лицами являются соответственно бегемот и жираф.

Другой пример:

Сидят два бегемота на берегу Нила, вяжут шапочки для купания. К ним подходит крокодил и спрашивает:

– Здесь какое дно, каменистое или илистое?

Первый отвечает:

– Илистое.

Крокодил прыгает и разбивает себе голову о каменистое дно.

Второй спрашивает:

– Ты зачем ему сказал, что здесь дно илистое?

Первый:

– А зачем ты мне вчера шапочку распустил?

Нам встречалось как минимум шесть вариантов этого анекдота, в которых, помимо смены деталей сюжета, в роли вяжущих шапочки сменяют друг друга крокодилы, хомячки, бурундуки или ежи, а в роли спрашивающего – бегемот, слон, уж, черепаха, обезьяна и даже стая напильников.

Крокодил также присутствует в абсурдных анекдотах. К ним можно отнести и называемые «наркоманские» анекдоты ([6]) – в эту же группу мы отнесли и анекдоты про галлюцинации разного рода. Крокодил как персонаж «наркоманских» анекдотов является наркоманам под воздействием наркотиков. Он, впрочем, может также являться в галлюцинациях, не связанных с принятием каких-либо веществ. При этом крокодил или крокодилы редко вступают в коммуникацию: в анекдоте просто описывается их присутствие. Впрочем, иногда галлюцинации и реальность смешиваются, что и составляет юмористический эффект:

К известному психиатру приходит пациент с жалобой, что каждый вечер видит у себя под кроватью крокодила.

– Это галлюцинация, – успокаивает его врач. – Вы должны все время повторять про себя: «Никакого крокодила нет, никакого крокодила нет». Через несколько дней пациент появляется вновь и утверждает, что по-прежнему видит крокодила.

– Уверяю, что это вам только кажется. Это видение, – говорит психиатр. – Вы должны без конца повторять, что никакого крокодила нет.

Пациент уходит и больше не появляется. Заинтересованный в результатах своего лечения, психиатр звонит пациенту домой. Женский голос отвечает:

– Его нет. Несколько дней назад его съел крокодил.

Необходимо также отметить следующее: в некоторых анекдотах комический эффект вызывается ситуацией полета крокодилов. Так, крокодилы летают в большей части абсурдных и «наркоманских» анекдотов (хотя в анекдотах, связанных с галлюцинациями, а не с наркотиками, этого не происходит), и лишь изредка в прочих.

Последней исследованной группой анекдотов стали анекдоты, в которых лексема «крокодил» употребляется в переносном смысле. Словари фиксируют употребление лексемы с пометой «разг.» «об очень некрасивом человеке». Это употребление представлено в 27 анекдотах. Здесь можно отметить отчетливую гендерную асимметрию: лишь 10% случаев употребления относятся к лицам мужского пола.

Как представляется, по результатам исследования можно сделать следующие выводы. Около половины всех анекдотов, в которых встречается лексема «крокодил», составляют анекдоты о Крокодиле Гене и Чебурашке (91). Примерно четверть (44) составляют анекдоты, в которых крокодил или крокодилы являются второстепенными персонажами или просто упоминаются, а около 1/8 составляют анекдоты, в которых крокодил является главным действующим лицом (24), и анекдоты, в которых лексема «крокодил» употребляется в переносном значении непривлекательного человека (27). Малочастотны абсурдные (7) и «наркоманские» (7) анекдоты о крокодилах.

Крокодил Гена в анекдотах играет роль старшего товарища в отношениях «асимметричной дружбы». Он зачастую манипулирует Чебурашкой в собственных целях. Акцентируемые в анекдотах его черты как рептилии – это зеленый цвет и хищный образ жизни.

Крокодил в анекдотах о собственно рептилиях – это прежде всего хищник, питающийся человеком; также заметна его роль как источника кожаных вещей и экспоната из зоопарка и цирка. Зеленый же цвет его кожи в данных анекдотах совершенно нерелевантен.

Крокодил иногда встречается в абсурдных и «наркоманских» анекдотах, в которых зачастую комический эффект вызывает его полет. В анекдотах, в которых лексема «крокодил» употребляется в переносном смысле – о физически непривлекательных людях, наблюдается отчетливая гендерная асимметрия.

Литература

1. Химик В. В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры // Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 17–31.
2. Каган М. С. Анекдот как феномен культуры // Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 5–16.
3. Богданов К. А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов / К. А. Богданов. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 352 с.
4. Архипова А. С. Ролевые структуры детских анекдотов // Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах. Сб. статей. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 298–338.
5. Белоусов А. Ф. Анекдотический цикл о Крокодиле Гене и Чебурашке // Проблемы поэтики языка и литературы: Материалы межвузовской научной конференции. 22–24 мая 1996 года. – Петрозаводск: Издательство КГПУ, 1996. – С. 86–89.
6. Шишков С. М. Абсурдный анекдот в культуре // Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 139–147.

УДК 802. 0-03

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНОВ ДМИТРИЯ БЫКОВА

THE GENRE ORIGINALITY OF NOVELS BY DMITRY BYKOV

Спиридонова М.Ю., Самарский государственный университет, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы

Spiridonova M.Yu., Samara State University, post - graduate student of the chair of the Russian and foreign literature

e-mail: maryaspirit@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются особенности авторской жанровой номинации в современной отечественной прозе на материале жанровых подзаголовков романов Дмитрия Быкова.

Annotation: The article is investigated the features of the author`s genre categories in contemporary Russian prose on the material of genre`s subtitles of novels by Dmitry Bykov.

Ключевые слова: жанр, авторские жанровые номинации, роман, читательское ожидание.

Key words: genre, author`s genre categories, novel, readers' expectations.

Своеобразные жанровые номинации в современной русской прозе в последние годы стали объектом изучения отечественных литературоведов. Исследователи отмечают характерную для литературы конца XX - начала XXI века активизацию жанровых процессов, приводящих к трансформации традиционных жанровых моделей. Появляется большое количество произведений, сопровождаемых авторским указанием на жанр. По мысли М.Ю. Звягиной, «активизация жанровых трансформаций связана с усилением "власти" автора над жанром, смещением доминанты в тандеме "жанр-автор" в сторону автора. Авторская воля порождает разного рода сдвиги, изменения, устоявшихся жанровых моделей, в процессе которых возникают новые жанровые или внутривидовые образования. Кроме того, жанровые трансформации вызваны к жизни игровой эстетикой современной культуры» [1].

На игровой характер культуры XX века указывают многие философы и литературоведы - Й. Хёйзинга, Г. Гессе, Х. Ортега-и- Гассет, М.М. Бахтин и др. Ориентация на игровой принцип лежит в основе постмодернистских практик. Наряду с присущей постмодернистскому тексту интертекстуальностью и интерактивностью, характерным оказывается «прием игры». Для понимания этого понятия обратимся к словарю терминов Ильина, в статье «Игровой принцип (лат. principium ludi)» говорится, что «традиция рассматривать явления духовной культуры sub specie ludi обладает более чем почтенным

авторитетом и весьма древним происхождением, зародившись, очевидно, с самим появлением человека, а если верить зоологам, то и гораздо раньше. Понимание игры как основного организующего принципа всей человеческой культуры в ее глобальности было впервые сформулировано еще в 1938 г., в классическом труде Й. Хейзинги «Homo ludens» («Человек играющий»); в постмодернизме эта идея нашла многообразное развитие. Подчеркнуто иронический, игровой модус самоопределения, характерный для постмодернистского мироощущения, отразился не только в художественной практике этого течения, но и в самой стилистике философствования на эту тему» [2].

П.К. Гречко говорит, что «в постмодернизме игра выступает в качестве мировоззренческо-методологического принципа. Всё – игра или, во всяком случае, может быть представлено игрой. Даже технология является разновидностью игры, но выигрывают в ней не истину, не справедливость, не красоту, а эффективность. Базовая, матричная форма игры – игра языковая. Социальность как таковая представляет собой выразительные переплетения языковых игр. Игра – одно из самых эффективных средств войны, которую постмодернизм объявил тотальности, диктатуре разума и другим монстрам модернизма. Одновременно она повышает чувствительность человека к различиям и укрепляет его способность терпимо относиться к несоизмеримому, несопоставимому в теории и на практике. Игра размывает абсолютные моральные ценности и высокие нравственные идеалы: теперь можно просто плыть по течению жизни, играть и изобретать» [3].

Понятие игры – одно из самых важных понятий как для современной отечественной литературы в целом, так и для постмодернистской стратегии в частности. Именно главенством игрового принципа в современной художественной практике представителей разных эстетических систем, по мысли М.Ю. Звягиной, обуславливается «многоплановость игровой поэтики и объемность игровой эстетики» [1]. В связи с чем в жанровой системе наряду с жанрами «традиционными, где авторская воля сведена к выбору из числа имеющихся жанров того, который наиболее адекватен индивидуальной творческой модели мира, существуют жанры, являющиеся результатом эстетических поисков авторов. Эти нетрадиционные жанры, как правило, возникли в процессе разного рода трансформаций» [1].

Жанровые трансформации рожают новые жанровые модификации, соотносимые с уже существующими жанрами, с четко вычленимой жанровой первоосновой. Т.Н. Маркова отмечает, что в целом «жанровые трансформации конца XX - начала XXI века осуществляются преимущественно в двух направлениях: к расширению границ, скрещиванию с другими, это путь гибридизации, или к сужению семантического поля, к редукции, путь минимизации. Существует и третий способ бытования канона – тиражирование, эксплуатация старых форм; назовем его путь беллетризации» [4].

Не зависимо от того, какой путь жанровой трансформации выбирает автор, приписывая жанровый подзаголовок, он задает определенный круг читательских ожиданий, прежде всего, относительно формы и содержания текста. Это позволяет автору активизировать читательское восприятие текста художественного произведения, вывести читательское сознание из автоматизма.

Показательна изобретательность, которую проявляют современные авторы в номинациях жанровых разновидностей романа. Иллюстрацией этого явления могут стать авторские жанровые подзаголовки романов заметного литератора современности – Дмитрия Быкова. Художественная стратегия творчества Дмитрия Быкова может быть определена как стратегия игры, выбор которой продиктован всем ходом развития современной литературной ситуации.

На самобытные жанровые подзаголовки романов Дмитрия Быкова обращали внимание литературные критики:

«Парадоксы начинаются с самого начала. "Орфография" вообще-то роман, если судить его по литературоведческим канонам. Но именно здесь читателя ждет первый игровой ход. На обложке стоит подзаголовок: "Опера в трех действиях". По-видимому, это и не подзаголовок вовсе, а просто вынесенное на обложку определение жанра (поклон Гоголю, Павичу и другим любителям нетривиальных жанровых определений)» [5].

М. Кронгауз

«И вот новый быковский плод налился ягодно, приспел, слетел в руки (счастье привалило) – "Остромов". Причем не просто там том прозы, а – "Пособие по левитации", строго поднимает указательный палец подзаголовком. Одновременно – сие острие, ноготок, окончание исторической трилогии, начатой книгами "Оправдание" (2001) и "Орфография" (2003)» [6].

М. Юдсон

Так, два романа исторической «О-трилогии» имеют оригинальные жанровые определения. Жанр романа «Орфография» обозначен как «опера в трех действиях», романа «Остромов, или Ученик чародея» - «пособие по левитации».

Рассмотрим особенности жанровой номинации романа «Орфография».

Как было отмечено выше, жанровые трансформации конца XX-начала XXI века осуществляются преимущественно в двух направлениях: по пути гибридизации и пути минимализации (по Т.Н. Марковой). Определяя жанр своего романа как «опера в трех действиях», Дмитрий Быков выбирает первый путь, о чем и свидетельствует жанровая маркировка.

Кроме того, возникновение подобного жанрового определения можно соотнести с тенденцией к экспансии музыкальных жанровых номинаций в новейшей прозе, которую современная наука связывает с кризисом жанрового мышления. Интермедийной поэтике современной отечественной прозы посвящена диссертация А.Г. Сидоровой. Исследователь отмечает, что, описывая исторические перипетии периода первых месяцев после октябрьской революции 1917 года, связанные с судьбой русской интеллигенции, реконструируя события российской истории, Дмитрий Быков языком описания своего текста избирает оперное искусство: «Опера в данном контексте понимается как модальность повествования, диктующая некоторую меру условности в воплощении характеров и переживаний, что позволяет сделать проницаемой границу между исторической реальностью и художественным вымыслом (события романа разворачиваются в утопическом времени,

вокруг вымышленного допущения – декрета большевиков о полной отмене орфографии). Тем самым утопический и оперный нарративы объявляются эквивалентными» [7].

Роман представляет собой развернутую пародию на оперный стиль развертывания событий. Каркас текста основан на точном воспроизведении жанровых канонов оперы (сквозной сюжет, контраст действия и контрдействия, специфика строения трехчастной композиции, сценические «арки», лейттематизм).

Музыкальная номинация романа имеет прямое отношение к его орфографическому сюжету. Графическая форма литературного текста адекватна оперной партитуре. По замыслу издателя и автора происходит периодическая смена шрифтов, которая организует внутреннюю ритмику текста и задает для читателя режим восприятия текста (активный / пассивный / нейтральный). Так, графически выделяются моменты, во-первых, принципиально важные по мысли автора, во-вторых, те, которые можно пропустить. Таким образом, графически зафиксирована тональность, стиль «исполнения».

Три действия оперы соотносятся с тремя этапами отмены орфографии. Суть реформирования состоит в принципе упрощения письменности, культуры письма, прагматическом упрощении культуры, исходящем из несовершенства алфавита, его избыточности, условности. Заостряет эту проблематику и псевдоним, которым именует автор главного персонажа романа, журналиста Ятя - псевдоним обесмыслился после отмены этой буквы декретом 1918-го года, в чем состоит реальный и символический конфликт романа: очередной лишний человек (буквально: экс-буква).

Эксклюзивная жанровая номинация используется Дмитрием Быковым как дополнительный способ смыслообразования, разные шрифты придают тексту особое «звучание», мелодику. В то же время переориентировки на звуковой код, заданный авторским жанровым определением, не происходит, так как его уравновешивает визуальный (орфографический) код.

Таким образом, присваивая своим текстам самобытные жанровые определения, Дмитрий Быков следует характерной для современной литературы в целом установке на жанровый эксперимент, который в свою очередь обусловлен игровым характером современной культуры. Авторская жанровая номинация задает определенный образ, который включается в образную структуру произведения, становится выражением авторской позиции. Авторское определение жанра в то же время определяет круг читательских ожиданий, заставляя выйти читательское сознание из автоматизма восприятия окружающей действительности.

Литература

1. Звягина, М.Ю. Трансформация жанров в русской прозе конца XX в.: автореф. ... дис. д-ра фил. наук: 10.01.01/ Марина Юрьевна Звягина. – Астрахань, 2001. – 44 с.
2. Ильин, И. Постмодернизм. Словарь терминов / И. Ильин. – М.: ИНИОН РАН – INTRADA, 2001. – 384 с.

3. Гречко, П.К. Концептуальные модели истории. Постмодернистская критика модернизма. Общая характеристика постмодернизма [Электронный ресурс] // Библиотека «Полка букиниста» – Режим доступа: http://society.polbu.ru/grechko_models/ch28_i.html. - Загл. с экрана.
4. Русская литература XX-XXI веков: направления и течения: Сб. науч. тр. – Вып. 11 / ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет». – Екатеринбург, 2009. – 266 с.
5. Кронгауз, М. Игра в роман и вопросы языкознания // Новый мир. – 2003. – №12. – Рец. на кн.: Быков Д. Орфография – М.: Вагриус, 2003. – 656 с.
6. Юдсон, М. Завод текста Вариации на тему романа Дмитрия Быкова «Остромов, или Ученик чародея» // «Семь искусств». – 2011. - №4(17). - Режим доступа: <http://7iskusstv.com/2011/Nomer4/Judson1.php>. - Загл. с экрана.
7. Сидорова, А.Г. Интермедиаальная поэтика современной отечественной прозы (литература, живопись, музыка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Барнаул, 2007. – 22 с.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ INFORMATION FOR AUTORS

Уважаемые авторы!

Журнал «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» приглашает к сотрудничеству преподавателей вузов, научных работников, аспирантов и соискателей. Обращаем ваше внимание на то, что к публикации в Вестнике принимаются статьи, соответствующие заявленным рубрикам и обладающие научной новизной. Решение о включении статей и других материалов в журнал принимает редакционная коллегия, которая не гарантирует публикацию всех предоставленных материалов.

Рукописи и дискеты (диски) как опубликованных, так и неопубликованных материалов не возвращаются.

Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, технических, социологических, психологических и иных данных, имен собственных, цитат и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Статьи, опубликованные или принятые в другие издания, не принимаются.

Максимальный объем статьи (статей) для одного автора или коллектива соавторов составляет 15 страниц, минимальный – 4 страницы: Публикация бесплатная. *Всем авторам будет роздан 1 экземпляр журнала.*

Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить и лицензионный договор, который можно скачать на сайте института www.skgi.ru

Электронную версию печатного издания можно будет **скачать бесплатно** на сайте института: www.skgi.ru

Научные направления журнала:

1. Экономические науки;
2. Юридические науки;
3. Философские науки;
4. Социологические науки;
5. Исторические науки;
6. Политические науки;
7. Физико-математические науки;
8. Технические науки;
9. Педагогика и психология;
10. Филологические науки.

Текст статьи, представленный автором, будет принят редакцией к рассмотрению только в случае соблюдения автором следующих условий оформления:

- **формат бумаги** – А4 (21 см х 29.7 см);

- **ориентация** книжная;
- **поля:** левое – 2,5 см, верхнее, нижнее, правое – 2 см;
- **текстовый редактор** Microsoft Word;
- **шрифт** Times New Roman;
- **размер шрифта** 14;
- **межстрочный интервал** полуторный;
- **абзацный отступ** 1,25.

Название файла содержит номер тематического направления и фамилии всех авторов: например, *Иванов*.

В левом верхнем углу первой страницы печатается **УДК (ББК)** (*шрифт* – жирный), ниже через строку **название статьи** строчными буквами без переносов (*шрифт* – жирный, *выравнивание* – по центру) на русском и английском языках, затем через строку **инициалы и фамилии авторов, город и место работы** (*выравнивание* – по центру) на русском и английском языках, через строку – **аннотация** на русском и английском языках, ниже через строку – **ключевые слова** на русском и английском языках.

Аннотация объемом не более 3 строк должна кратко излагать предмет статьи и основные содержащиеся в ней выводы, **ключевые слова** (3 до 6 слов) должны отражать проблематику публикации. *Шрифт* – курсив, *форматирование* выравниванием по ширине страницы.

Текст статьи выравнивается по ширине. При наборе текста не следует делать жесткий перенос слов со знаком переноса. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения должны быть расшифрованы при первом появлении их в тексте. **Разделы и подразделы статьи** нумеруются арабскими цифрами, выделяются полужирным шрифтом и на отдельную страницу не выносятся.

Необходимо различать в тексте **дефис (-)** (например, черно-белый, бизнес-план) и **тире (–)** (Ctrl+пробел+ «–»).

Если вы используете кавычки, они должны иметь вид так называемых «елочек» (« »). Если в тексте встречаются внутренние и внешние кавычки, то они должны различаться, например: ООО «Издательство “Макрос”».

Таблицы в тексте должны быть выполнены в редакторе Microsoft Word (не отсканированы и не в виде рисунка). Таблицы должны располагаться в пределах рабочего поля. Таблицу при переносе на следующую страницу не разрывать (не копировать шапку, не делать отступы клавишей Enter). Таблицы нумеруются сверху. **Форматирование номера таблицы и ее названия:** *шрифт* обычный, *выравнивание* – слева. **Форматирование таблицы:** *шрифт* обычный, *размер шрифта* 12 пт, *выравнивание* – по центру, *межстрочный интервал* - одинарный.

Пример:

Таблица 1 – Название таблицы

№п/п			

Рисунки размещаются в рамках рабочего поля. Допускается использование рисунков в форматах JPEG и GIF. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров и быть представлены единым элементом. Используемое в тексте сканированное изображение должно иметь разрешение не менее 300 точек на дюйм. *Положение рисунка* – в тексте. Рисунки нумеруются снизу, **подпись под рисунком** выравнивается по центру.

Пример:

Рисунок 1 – Название рисунка

Количество таблиц в документе **не более 3-х**, количество рисунков – **не более 5**.

Формулы должны быть набраны с использованием формульного редактора Microsoft Equation 3.0 или Math Type, выравниваются по центру, их номера – в круглых скобках по правому краю.

Нумерация страниц и колонтитулы не используются.

Ссылки на литературу в тексте указываются в квадратных скобках с указанием номера источника, например: Текст статьи ...текст статьи ... [1]. Текст статьи ... [2] и т.п.

Список литературы приводится в конце статьи и должен быть озаглавлен «**Литература**» (*шрифт* полужирный, *форматирование* – по центру). Используемые источники должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ 7.1-2003(форматирование выравниванием по ширине страницы).

На отдельном листе прилагаются сведения об авторах

Статьи принимаются по адресу: 355041, г. Ставрополь, ул. Лермонтова 312-А, (Северо-Кавказский гуманитарный институт) или по электронной почте skgi_institut@mail.ru

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Порядок рецензирования рукописей, представляемых для публикации в журнале «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института»

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, представляемых для публикации в журнале «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» (далее - Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, представляемых авторами для публикации в журнале «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» (далее - Журнал)
2. Каждая рукопись, представленная в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.
3. Рукопись научной статьи, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет соответствия рукописи научной статьи профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.
4. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии Журнала, имеющий наиболее близкую к теме статьи научную специализацию. Редакция имеет право привлекать внешних рецензентов, как правило, имеющих ученую степень и(или) ученое звание, а также специалистов-практиков.
5. Рецензенты уведомляются о том, что представленные для рецензирования статьи являются частной собственностью авторов и содержат сведения, не подлежащие разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.
6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензии предоставляется автору рукописи по его письменному запросу, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.
7. Рецензия в обязательном порядке должна быть предоставлена по соответствующему запросу экспертных советов в Высшую аттестационную комиссию Министерства образования и науки Российской Федерации.
8. Сроки рецензирования рукописей:
 - 8.1. Главный редактор Журнала рассматривает представленную к публикации рукопись в течение десяти дней с момента получения рукописи редакцией.
 - 8.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.
 - 8.3. В сроки, указанные в п.п. 8.1. и 8.2. Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.
 - 8.4. По согласованию редакции и рецензента, рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью включения статьи в ближайший номер Журнала.
9. Содержание рецензии.
 - 9.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:
 - 9.1.1. соответствие содержанию статьи ее названию;
 - 9.1.2. актуальность темы исследования;
 - 9.1.3. научная новизна полученных результатов;
 - 9.1.4. целесообразность публикации статьи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;
 - 9.1.5. подача материала (язык, стиль, используемые категории и обороты).
 - 9.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору и редакции по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного и методического уровней рукописи.

9.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

9.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати;

9.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати с внесением технической правки;

9.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати после устранения автором замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту;

9.3.4. рекомендовать отказать в публикации статьи в открытой печати по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню Журнала.

10. В случае принятия рецензентом решения, указанного в п.п. 9.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, статья считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

11. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в п.п. 9.3.2 - 9.3.4 Порядка, текст рецензии в обязательном порядке направляется автору рукописи.

12. В случае отрицательной оценки рукописи в целом, рецензент должен убедительно обосновать свои выводы.

13. В случае принятия рецензентом решения рекомендовать рукопись к принятию к публикации, статья принимается к публикации в Журнале с обязательным уведомлением автора.

14. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение трех лет с момента их подписания рецензентом

THE ORDER OF REVIEWING MANUSCRIPT

The order of reviewing manuscript submitted for publication in the «North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin»

1. This order of reviewing manuscript submitted for publication in the «North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin» (hereinafter – The order) determinates the order of reviewing manuscript of scientific articles submitted by authors for publication in the «North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin» (hereinafter – the Bulletin).
2. Every manuscript submitted to the Editorial staff of the Bulletin must pass a reviewing procedure.
3. Scientific article manuscript received by Editorial staff is considered by the Chief editor for the Bulletin profile adequacy, requirements for registration and then sent to a specialist reviewing.
4. Reviewing is done by the member of the Editorial staff who has the closest scientific specialization with the topic of article. Editorial staff has the right to engage external reviewers, generally with scholastic degree and (or) academic degree, as well as practitioners.
5. Reviewers are notified that the articles submitted for review are the private property of the authors and contain information that is not to be disclosed. Reviewers are not allowed to make copies of articles and pass them to third parties.
6. Reviewing is confidential for the article's authors. Reviews can be passed to the author of the manuscript upon his written request, without the signature and the names, position and job of reviewer.
7. Review must be provided upon request of advisory councils to the Higher Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of Russian Federation.
8. Terms of reviewing manuscripts:
 - 8.1. The chief editor of the Bulletin considers the submitted manuscript within ten days of receipt the manuscript.
 - 8.2. Specialist reviews the manuscript within fourteen days from the moment he gets the manuscript from the chief editor.
 - 8.3. Weekends and holidays established by the legislation of the Russian Federation are not included in the terms mentioned in p.p. 8.1 and 8.2 of the Order.
 - 8.4. According to Editorial staff and reviewer' agreement reviewing can be done in a shorter time to include the article in the next Bulletin edition.
9. The content of review.
 - 9.1. The review must include expert estimation of the manuscript for the following options:
 - 9.1.1. line content of the article to its name;
 - 9.1.2. topicality of the theme;
 - 9.1.3. scientific novelty of the results;
 - 9.1.4. suitability of publishing the article taking into account the previously issued literature on this subject;
 - 9.1.5. presentation of the material (language, style, categories and speed).
 - 9.2. The reviewer may make recommendations to the author and Editorial staff to improve the manuscript. Reviewer comments and suggestions should be objective and based on principles, pointed at improving the scientific and methodological level of the manuscript.
 - 9.3. Final part of the review must contain one of the following decisions:
 - 9.3.1. recommend accepting the manuscript for publication in the press;
 - 9.3.2. recommend accepting the manuscript for publication in the press with technical editing;
 - 9.3.3. recommend accepting the manuscript for publication in the press after removal of the author of the reviewer comment and re-review;
 - 9.3.4. recommend to refuse publishing article in the press because of its non-compliance to requirements of the scientific level of the Bulletin.

10. If the reviewer decides as it mentioned in p. 9.3.3 of the Order modified (revised) author's article must be repeatedly sent to reviewing.

В случае принятия рецензентом решения, указанного в п.п. 9.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование. If the reviewer takes the similar decision the article is excluded and is not to be considered any more.

11. In the case the reviewer takes decisions mentioned in p.p. 9.3.2. – 9.3.4 of the Order the review' text must be sent to the manuscript author.

12. In the case the manuscript gets the negative assessment in general the reviewer must convectively justify his conclusions.

13. In the case the reviewer recommends the manuscript to publication the article is to be published in the Bulletin with obligatory notification of the author.

14. The originals of the reviews are stored in the Editorial staff for three years from the moment of the reviewer signing.